

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Забайкальский государственный университет»

И. И. Разгильдеева

**Планиграфический анализ
жилищно-хозяйственных комплексов
верхнего палеолита Забайкалья**

Монография

Чита
Забайкальский государственный университет
2018

УДК 902
ББК 63.442.12(2)
ББК Т442.12(2)
Р 17

Рекомендовано к изданию Советом по научной и инновационной деятельности
Забайкальского государственного университета

Рецензенты

Е. В. Акимова, канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник, Институт археологии и этнографии
СО РАН, г. Новосибирск

М. Н. Желтова, канд. ист. наук, науч. сотрудник отдела палеолита, Институт истории
и материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

Разгильдеева, Ирина Иннокентьевна

Р 17 Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов
верхнего палеолита Забайкалья : монография / И. И. Разгильдеева ; За-
байкал. гос. ун-т. – Чита : ЗабГУ, 2018. – 208 с.
ISBN 978-5-9293-2257-0

В монографии дан краткий обзор истории развития методов планиграфического анали-
за в российской археологии в контексте исследований жилищ эпохи палеолита. Представлены
результаты анализа пространственной организации верхнепалеолитических комплексов Забай-
калья. Вводится понятие контекстуального анализа в применении к археологии древних посе-
лений. Детально рассматривается планиграфия жилищно-хозяйственных структур и в целом
культурных горизонтов многослойного памятника Студёное-2. Отдельно представлен этногра-
фический блок, характеризующий детали каркасных жилищ северных народов из собрания Рос-
сийского этнографического музея.

Работа рассчитана на специалистов в области археологии, четвертичной геологии, палео-
географии. Книга может быть полезна для научных работников, преподавателей и специалистов
в области истории и археологии, аспирантов и студентов.

УДК 902
ББК 63.442.12(2)
ББК Т442.12(2)

ISBN 978-5-9293-2257-0

© Разгильдеева И. И., 2018
© Оформление. Забайкальский государственный
университет, 2018

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Развитие методов планиграфического анализа в России	9
1.1. Зарождение методов пространственного анализа в контексте изучения палеолитических жилищ	9
1.2. Направления исследований в области применения методов планиграфического анализа	20
1.3. Проблемы реконструкции и анализ пространств обитания, цикличность в структуре культурного слоя	24
Глава 2. Исследования планиграфии жилищ и хозяйственных комплексов палеолита в Забайкалье	38
2.1. История открытия жилищ	38
2.2. Исследования жилищ Западного Забайкалья	50
2.3. Планиграфия элементов хозяйственных структур в контексте поселений	59
Глава 3. Методы, понятия, подходы	65
3.1. Методика полевых исследований палеолитических комплексов Забайкалья	65
3.2. Термины и понятия	67
3.3. Подходы и методы планиграфического анализа	69
3.4. Анализ внутренней планиграфии жилищ	72
3.5. Жилища северных народов из фондов РЭМ	74
Глава 4. История исследований и геоморфология древних поселений урочища Студёное	82
Глава 5. Планиграфический анализ и реконструкция	93
5.1. Культурные горизонты 8, 7/2, 7/1	94
5.2. Культурный горизонт 6	104
5.3. Культурный горизонт 5	113
5.4. Культурный горизонт 4/5	133
5.5. Культурный горизонт 4/4	158
5.6. Культурный горизонт 3	169
Заключение	177
Библиографический список	181
Список сокращений	207

Введение

Развитие методов планиграфического анализа тесным образом связано с историей открытия и изучения палеолитических жилищ. Именно исследования структур древних поселений потребовали разработки критериев и выявления признаков искусственно организованных площадок обитания, в границах которых происходили основные деятельностные процессы по обеспечению различных сторон жизни древних людей.

Объектом изучения первобытной археологии начинают выступать не просто комплексы вещественных свидетельств в виде каменных артефактов, коллекций антропологических, фаунистических или иных органических остатков, но и их пространственная организация. Особый характер источников определил использование методов анализа не направленных в прямом смысле на изучение собственно материальных объектов. Значимым становилось выяснение контекстов их появления. Как, когда, почему, при каких обстоятельствах тот или иной объект принял свою форму и занял соответствующее место. Какую роль в системе первобытного общества он играл. Ответы на эти вопросы можно было получить только за счёт расширения области исследований.

Уже в начале XX века обоснование идеи существования более сложной, чем представлялось ранее социальной организации древних сообществ, опиралось на археологические материалы. Этому способствовало обнаружение достоверных остатков палеолитических жилищ и открытие целых посёлков, имеющих чёткую пространственную планировку. Визуальное восприятие характеризующих их скоплений артефактов сопровождалось интуитивным внедрением методов точных наук – математического и статистического анализа.

Формирование культурно-исторического направления пробудило интерес к этноархеологическим исследованиям и способствовало развитию новых подходов, включающих реконструктивное и экспериментальное направления. Одновременно шёл процесс интеграции в археологию данных естественных наук, объективно повышающих уровень решения целого комплекса задач, касающихся вопросов первобытной истории. Своеобразным знаменателем этого всего стало зарождение и развитие планиграфического анализа, получившего своё научное оформление во второй половине XX века в российской археологии [Шовкопляс, 1956; 1977; Леонова, 1977а; 1983; 1994].

В монографии в контексте исследований жилищно-хозяйственных комплексов палеолита рассматривается история развития данного направления в России. Представленный краткий экскурс планиграфических исследований охватывает период с конца XIX века по настоящее время. В его основе лежал анализ материалов отчётов по итогам полевых исследований (архив отдела полевых исследований Института археологии РАН, Москва), диссертационных работ (фонды Института истории и материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; Российской государственной библиотеки, Москва; лаборатории палеоэкологии Забайкальского государственного университета, Чита), большого блока научных публикаций. Охватить весь спектр известных материалов в силу их обширности не представлялось возможным, поэтому основное внимание было уделено работам, по мнению автора, раскрывающим последовательность развития пространственного анализа в качестве самостоятельного научного направления, отражающим эволюцию взглядов и подходов в исследованиях планигра-

фии древних поселений и жилищ эпохи палеолита.

Следует отметить, что изучение трудов первой половины XX века показало интересную закономерность. Рождение близких по своей сути идей и научных теорий, практическое внедрение методов, направленных на анализ пространственной организации стоянок каменного века, происходило в этот период фактически параллельно и совершенно независимо в научном сообществе Сибири и европейской части России. При этом главной целью являлось усиление доказательной базы и повышение уровня информативности археологических источников.

Открытие остатков палеолитических жилищ и признание факта их существования повлекло за собой не только внедрение комплексных методов анализа, но и обозначило другие проблемы: многослойности памятников, содержания понятия культурного слоя и его компонент, дифференцирующих признаков структур открытого и закрытого типов. Усложнение получаемой в процессе раскопок информации, расширение приёмов её обработки привело в целом к изменению научных приоритетов.

Во второй половине XX века исследователи уходят от чистой типологии и классификации архитектурных элементов в область реконструкций форм производственно-хозяйственной деятельности и социокультурных построений. В это время пространство обитания начинает рассматриваться как взаимосвязанное явление, имеющее антропогенно-модифицированные (жилища, рабочие площадки, святилища, погребальные комплексы и т. д.) и естественно-природные характеристики.

Планиграфические наблюдения приобретают особое значение в ходе широкомасштабных раскопок последней четверти XX – начала XXI века в Сибири и Забайкалье, где в это время происходит открытие целой серии памятников, культурные горизонты которых содержали выразительные остатки палеолитических жилищ. Истории их исследования посвящена отдельная гла-

ва. Помимо опубликованных работ, автор обращался непосредственно к материалам научных отчётов исследователей: М. П. Аксенова, С. А. Васильева, М. М. Герасимова, И. И. Кириллова, М. В. Константинова, Г. И. Медведева, А. П. Окладникова, – выполнявших в разные годы раскопки памятников с жилыми структурами на территории Сибири и Забайкалья.

Основу методологической части составили разработки ведущих российских специалистов в области планиграфии древних поселений и других отраслях археологических знаний.

В отдельный раздел выделен блок этнографических материалов из фондов Отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока Российского этнографического музея (Санкт-Петербург). В работе использованы выдержки из полевых заметок и фототопграфии этнографов собирателей начала XX века: А. А. Макаренко, С. И. Руденко, Н. П. Сокольникова. Приводятся сведения о размерах конструктивных элементов жилищ северных народов по данным этнографических коллекций дореволюционных собраний 1905–1910 годов: Г. А. Борисова, В. Н. Васильева, В. В. Горбачевой, И. А. Карапетовой, Ф. Я. Кона, К. Д. Логиновского, А. И. Попова, Н. П. Сокольникова, П. Слепцова, – а также советского времени 1950–1980-х годов: Е. П. Орловой и Т. Ю. Сем.

Отдельная глава посвящена планиграфическому анализу палеолитических культурных горизонтов многослойного памятника Западного Забайкалья Студёное-2. Самостоятельный статус памятник получил в 1976 году, но его изучение проводилось отрядом Чикойской археологической экспедиции в 1980–2004 годах под руководством доктора исторических наук, профессора М. В. Константинова, являющегося держателем открытых листов, автором и организатором полевых исследований. В составе научного коллектива наряду с известными учёными Забайкалья А. В. Константиновым, Л. В. Екимовой (Семиной) работал и автор.

В многолетних полевых и камеральных исследованиях памятника принимали участие российские и иностранные специалисты. Геологи Д.-Д. Б. Базаров, А. Б. Иметхенов, С. М. Цейтлин, И. Н. Резанов, А. К. Тулохонов, А. Ф. Ямских, Л. Д. Базарова, В. В. Карасев, В. Б. Попов, В. А. Кривенко, Т. Гобел (Т. Goebel), М. Р. Ватерс (M. R. Waters), Й. Бувит (I. Buvit); археологи М. Н. Мещерин, К. Терри (K. Terry), И. Масами (I. Masami); палинологи В. В. Савинова, С. А. Решетова; палеонтологи Н. Д. Оводов, Ф. И. Хензыхенова, А. М. Клементьев; радиоуглеродное датирование выполняли Я. В. Кузьмин, Т. Гобел (Т. Goebel), Й. Бувит (I. Buvit).

Результатом исследований памятника стало выявление шестнадцати культурных горизонтов. Восемь из них содержали следы палеолитических стоянок-поселений с остатками жилищно-хозяйственных структур [М. В. Константинов, 1994; М. В. Константинов и др., 2003; 2011; Итоги исследования... , 2007]. Анализ конструктивных элементов жилищ был выполнен в рамках докторской диссертации А. В. Константиновым [2001]. Внутренняя планиграфия жилищ становится объектом исследования автора, анализ комплексов четырёх культурных горизонтов Студёного-2 был включён в кандидатскую диссертацию [Разгильдеева, 2002; 2003]. Отдельные разделы работы публиковались, но в полном объёме не были введены в научный оборот. В то же время, полученные в ходе полевых исследований Студёного-2 материалы, представленные в разрозненном виде в научных отчётах и предварительных публикациях, содержали уникальную информацию о системах пространственной организации стоянок-поселений эпохи палеолита. Их планиграфический анализ выявил смену поселенческих стратегий на разных этапах освоения участка территории в границах конкретного урочища и расширил наши представления об образе жизни древнего населения Забайкалья.

Введение в полный объём в научный оборот результатов планиграфического анализа комплексов Студёного-2 является

одной из задач издания. На примере этого памятника автор стремился показать уровни латентной информации материалов культурных горизонтов кратковременных стоянок-поселений и данных этнографических источников.

Считаем важным отметить, что данная работа посвящена именно планиграфическому анализу жилищно-хозяйственных структур в контексте культурных горизонтов. Все остальные аспекты исследований памятника относятся к сфере исключительных научных приоритетов авторов раскопок.

Источниковую базу для выполнения планиграфического анализа культурных горизонтов Студёного-2 составили коллекции артефактов, хранящиеся в лаборатории палеоэкологии Забайкальского государственного университета (Чита) и материалы научных отчётов по итогам полевых исследований М. В. Константинова за 1977, 1980, 1981, 1988, 1989, 1996–2004 гг. [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 8517, 8188, 8802, 13334, 14614, 19956, 23009, 22236, 25162, 25822, 27373, 33763, 31403]. Автор в качестве научного сотрудника лаборатории палеоэкологии имел счастливую возможность участвовать в раскопках всех анализируемых в работе комплексов, а также в подготовке и оформлении научных отчётов. Им выполнена значительная часть полевой графической документации, камеральная и статистическая обработка коллекций 1996–2004 годов. Заимствованные рисунки, используемые в работе в качестве иллюстраций, сопровождаются ссылками на их источник.

При описании материалов культурных горизонтов в пятой главе сознательно сохранены элементы первичных данных, включающие характеристики не только комплексов каменного инвентаря и фаунистических коллекций, но и немодифицированных камней, формирующих различного рода хозяйственные структуры. Сохранение этих, излишних на первый взгляд, сведений технического порядка, по нашему мнению, представляется важным. Стремление к подаче обобщённых характеристик зачастую приводит к утративанию конкретной информации, которая

лежит в основе выводов и реконструктивных построений и чаще всего оказывается исключённой из сферы научного обращения.

В целом, автор стремился на примере комплексов забайкальского поселения показать степень значимости планиграфического анализа с позиции контекстуаль-

ного подхода, функциональность применения его в качестве многокомпонентного фильтра, проявляющего различные срезы информации. Надеемся, что работа будет интересна и полезна коллегам археологам, специалистам других направлений и начинающим учёным.

* * *

В основе монографии лежат материалы нескольких поколений исследователей, людей, увлечённых и преданных своему делу. Их образ жизни, научный азарт, широкая эрудиция, человеческая харизма всегда привлекали и восхищали.

Выражаю глубокое уважение и искреннюю благодарность моему учителю, научному руководителю, выдающемуся исследователю древней истории Забайкалья, бессменному руководителю Чикойской археологической экспедиции д-ру ист. наук, профессору Михаилу Васильевичу Константинову и его коллегам – д-ру ист. наук Александру Васильевичу Константинову, канд. ист. наук Ларисе Викторовне Екимовой (Семиной). Именно под влиянием научных взглядов и работ этих учёных складывались мои научные интересы и исследовательский опыт.

Благодарю д-ра ист. наук, профессора Наталью Борисовну Леонову (МГУ) за научные консультации и вопросы, поиск ответов на которые заставил в своё время переступить границы научных стереотипов.

Искренняя признательность за активное и доброжелательное сотрудничество трасологам Вячеславу Евгеньевичу Щелинскому и Евгению Юрьевичу Гире (ИИМК РАН, Санкт-Петербург), палинологу Светлане Александровне Решетовой (ИПРЭК СО РАН, Чита), геологу Владимиру Борисовичу Попову (ООО «Востокгеология»), палеонтологу Алексею Михайловичу Клементьеву (Институт земной коры СО РАН, Иркутск), археологу Евгению Матвеевичу Инешину (ИрНИТУ). Глубокое уважение и светлая память палеонтологу Николаю Дмитриевичу Оводову, который, сетуя на бедность остеологических

коллекций, тем не менее, смотрел и анализировал их все.

Большое спасибо коллегам-археологам, принимавшим участие в обсуждении рабочей версии текстов. Ваши научные консультации, критические замечания, вопросы и дружеская поддержка были бесценны.

Благодарю художника Сергея Викторовича Тукмачева (Бийская детская художественная школа) за деятельное участие в проработке вариантов реконструкции древних жилищ и их графическом оформлении и Вадима Владиславовича Селина (студия «Экран», Чита) за помощь в выполнении и обработке рисунков.

Выражаю глубокую признательность участникам Тверских научных семинаров, их организатору д-ру ист. наук Игорю Николаевичу Черных, а также сотрудникам сектора палеолита Института истории и материальной культуры РАН. Именно во время заседаний семинара, обсуждения докладов на секторе палеолита пришло осознание значимости написания подобной работы.

Благодарю директора Российского этнографического музея г. Санкт-Петербурга Владимира Моисеевича Грусмана за предоставленное право публикации фотоматериалов из фондов Отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока. Огромная признательность за внимание и помощь сотрудникам этого отдела и его руководителю Наталье Николаевне Прокопьевой.

Исследования любого памятника археологии всегда являются результатом коллективных усилий, как учёных специалистов, так и беззаветных помощников – студентов-историков, школьников и их учителей, просто любителей полей и экспедиций, оказывающих постоянную

помощь в проведении раскопок. Без их поддержки и участия невозможно было проведение ежегодных широкомасштабных работ. Огромное спасибо всему составу Чикойской археологической экспедиции, вместе с которыми автор имел честь работать более тридцати лет.

И конечно, беспокойная полевая жизнь археолога – всегда суровое испытание для его близких людей. Не могу не выразить свою любовь и искреннюю, сердечную благодарность за терпение, понимание и неизменную поддержку семье и моим сыновьям, принимавшим и разделявшим страсть к путешествиям и экспедиционным полям.

Глава 1. Развитие методов планиграфического анализа в России

1.1. Зарождение методов пространственного анализа в контексте изучения палеолитических жилищ

История материальной и духовной культуры ранних этапов развития человечества является одним из основных объектов археологических исследований. Выявление сокрытой в веках и тысячелетиях информации о людях, живших в эпоху каменного века, восстановление их образа жизни и условий среды обитания относятся к числу приоритетных научных направлений, сохраняя за собой не лишённый определённой романтики ореол тайн и загадок.

Известно, что в практике исследований палеолита археологи имеют дело в первую очередь с материальными остатками деятельности людей, представленными артефактами различной степени сохранности. В то же время информативно значимыми являются не только коллекции археологических материалов и палеонтологических сборов, но само, в широком смысле этого слова, пространство обитания, некий концептуальный контекст, содержащий сведения о причинах, способах и результатах адаптивного преобразования природной среды в условиях конкретных территорий. Специфический характер данных источников закономерно требует применения особых методов анализа, направленных на получение более или менее объективной картины целостного восприятия исследуемых объектов.

К явным признакам преобразовательной деятельности относятся каменные артефакты – свидетельство искусственного изменения (модификации) форм природного сырья. К не столь явным – следы трансформирования древних поверхностей, геологических отложений, которые наиболее заметны на участках интенсивного антропогенного воздействия. Побочный резуль-

тат обеспечения условий комфортного/безопасного обитания – намеренное возведение предназначенных для жилых целей и иной хозяйственно-культурной деятельности сооружений.

Наблюдения за характером и взаимосвязями между отдельными компонентами культурного слоя заложили основы пространственного анализа в археологии. Результатом его применения стало выделение жилых и хозяйственных структур, при этом система взаимосвязей культурных проявлений отражала планиграфию памятника в целом.

В российской археологии развитие методов планиграфического анализа непосредственно связано с историей открытия и изучения палеолитических жилищ, поскольку само описание исследуемых структур и критерии их выделения опирались на пространственные взаимосвязи. Расширение работ и признание факта существования жилищ в палеолите потребовало конкретизации содержания термина «жилище» в применении к археологическим комплексам, а связанные с этим научные дискуссии способствовали внедрению широкого спектра новых методов анализа.

Понятие «жилище» может трактоваться с позиции социологии, этнографии, археологии по-разному. Однако во всех вариантах оно подразумевает элемент сконструированного или искусственно выделенного пространства с постоянно поддерживаемым микроклиматом, способствующим повседневной жизнедеятельности человека. Это «убежище для защиты от непогоды и удовлетворения общих человеческих потребностей» или «удобное для длительного обитания отделённое от внешнего мира

пространство, с относительно комфортным внутренним микроклиматом» [Праслов, 1964, с. 61; Leroi-Gouran, 1984, р. 9; Богораз, 1991, с. 103–104; Гладких, 1974; Чубур, 2005, с. 70]. При этом исследователи учитывали, что в качестве такого искусственно выделенного пространства могли выступать и выступали естественные, сформированные природой убежища – скальные навесы, гроты, пещеры или карстовые полости.

Трудности, связанные с выделением жилищ в условиях археологизированных стоянок открытого типа, повлекли за собой проблему определения закрытого пространства. Выделение участка слоя с признаками обособленной структуры стало одной из задач планиграфического анализа. К безусловным признакам жилищ при изучении культурных горизонтов стали относить «хорошо очерченные округлые или овальные в плане скопления культурных остатков, с очагами на полу» [Шовкопляс, 1964, с. 28]. При этом решающую роль имел аспект локализованного пространства в комплексе с системой обогрева, определяющий уровень последующих интерпретаций.

Изучение распределения культурных остатков в плане с целью реконструкции облика древнего поселения и динамики его заселения начинает осуществляться с помощью планиграфического анализа «путём сопоставления схем присутствия различных видов находок и структур культурного слоя с широким применением прослеживания связей по ремонту и статистико-математических методов» [Васильев и др., 2007, с. 9].

Предпосылки для развития планиграфического анализа начинают закладываться в археологии второй половины XIX века, что находит отражение в визуально-описательном характере наблюдений за пространственной организацией древних стоянок с выделением в их структуре жилищ. П. П. Ефименко по этому поводу писал: «В 1869 г. Дюкро при исследовании стоянки Солютре уже сообщал об остатках небольшого овального в плане первобытного жилища, размерами 4,5×3 м, обставленно-

го по краю плитками» [Ефименко, 1958, с. 363].

В отличие от исследователей начала XX в., особых сомнений интерпретация комплекса у современников Дюкро не вызывала, так как в это время палеолитические стоянки обычно рассматривались как места отдыха и приготовления пищи группами древних людей, где человек обитал в лёгких жилищах типа чумов из шкур. Именно так в 1880 году И. С. Поляков интерпретировал Костёнки I, а А. С. Уваров в 1881 году – Гонцы [Васильев, 2008, с. 15].

Первые примеры детальной топографической фиксации местонахождений древних предметов, факт обнаружения которых рассматривался в географической привязке и конкретных условиях территории, относятся к последней четверти XIX века. С позиции современных методов планиграфических исследований, это был весьма плодотворный опыт анализа расположения древних мест обитания.

В отчёте за 1885 год И. Т. Савенкова (1886, с. 35) [по: Астахов, 1999, с. 12] в печати появляются первые упоминания о палеолитических находках на Афонтовой Горе в Сибири. Исследователь, имея естественно-научное образование, придавал большое значение геологической документации. В 1886 году он составил археологическую карту окрестностей г. Красноярска с чертежами разрезов Афонтовой Горы, используя «довольно точные способы съёмки с изображением рельефа горизонталями». В 1886–1892 годах работая над подготовкой научных публикаций по красноярскому палеолиту, выполнил детальное картирование местонахождений фауны и палеолитических стоянок в окрестностях города, доказывая одновременность существования мамонта и палеолитического человека [Астахов, 1999, с. 12–13]¹. Интересным фактом являлось изменение И. Т. Савенковым

¹ Важно, что уже в это время И. Т. Савенков считал необходимым подсчёт числа особей каждого вида животного, а не только числа костей, и обращал внимание на необходимость учитывать видовой состав фауны при датировании стоянок [Астахов, 1999].

подхода к изучению ископаемых древностей. От систематических сборов подъёмных материалов 1880-х годов он в 1914 году (вернувшись в Красноярск после длительного отсутствия) стремится перейти к планомерным раскопкам Афонтовой Горы, полноценно осуществить которые не позволила его ранняя смерть.

Примечательной для того времени была используемая им методика работ: раскопки и система фиксации выполнялись по линиям квадратных метров и уровням снятия в 25 см с указанием при шифровке индивидуальной информации по каждому предмету. Археологические коллекции сопровождалось описанием фауны, стратиграфии и характеристики культурных горизонтов². Савенков не просто констатировал открытие местонахождений, но и интерпретировал их, опираясь на весь комплекс доступных ему данных. Восстанавливая условия палеоэкологических обстановок, он считал пункты I и III Афонтовой Горы не поселением, а местом охоты на мамонтов и оленей, и предполагал расположение стойбища в другом месте [Астахов, 1999, с. 15]. Нельзя сказать, что исследования Савенкова буквально закладывали основы планиграфических исследований, но как писал С. Н. Астахов, «если бы не его преждевременная смерть, кто знает, возможно, мы имели бы уникальный образец комплексного научного исследования» [Астахов, 1997, с. 78].

К числу первых археологических памятников в России, в процессе изучения которых в полной мере фиксировались планиграфические связи, можно отнести Томскую палеолитическую стоянку, исследованную в 1896 году Н. Ф. Кащенко. Будучи зоологом, учёный использовал при фиксации и описании археологических материалов привычные для него методы из области естественных наук. Во время раскопок Том-

ской стоянки Кащенко обратил внимание на взаимосвязь скопления раздробленных «совершенно определёнными приёмами» костей мамонта с каменными орудиями и оббитыми гальками. Выделил остатки кострищ и проследил по слою древесного угля древний рельеф поверхности. Выполненный в цвете подробный план раскопа содержал мельчайшие детали расположения костей, каменных орудий, угольков, кострищ и очажных пятен. На основе пространственных взаимосвязей артефактов Н. Ф. Кащенко доказывал состояние *in situ* культурных остатков, «умышленность» и последовательность разделки частей туши мамонта, реконструировал приёмы обработки каменного сырья, обосновывал одновременность периода жизни мамонта и коллектива древних обитателей [Кащенко, 1899; 1901; Городцов, 1923, с. 199–204]. Научный опыт Кащенко уже в то время показал перспективность использования естественно-научных методов, хотя и не получил сразу широкого распространения.

В 1914 году выходит в свет «Руководство для археологических раскопок», составленное В. А. Городцовым по поручению специальной комиссии XIV Археологического съезда (Чернигов, 1908) [Серых, 2014, с. 116–117]. В «Руководстве...» подробно описывались методы ведения полевых исследований с выделением, в числе прочего, в культурных слоях зольных пятен, костров, ям, остатков жилищ и древних стоянок. Одной из целей археологических исследований определялась «возможность лучше и полнее выяснить планировку древних вещей, их взаимное отношение и назначение» [Городцов, 1914, с. 22–23]. Для решения этих задач в 1915 году при раскопках поселения Гонцы начинает применяться расчистка участков обитания с оставлением на местах крупных костей и камней для изучения планировки [Городцов, 1926]. Интересно, что в это же время П. П. Ефименко впервые поставил вопрос о зависимости облика инвентаря от планиграфии памятника [Ефименко, 1915, с. 21–22].

² По этому поводу С. Н. Астахов писал, что в последующем эта система позволила ему (Астахову) на Афонтовой Горе III по раскопкам 1914 г. даже без сохранившихся планов «получить точную картину распределения находок по площади раскопа для каждого горизонта» [Астахов, 1997].

В 1923 году В. А. Городцов в первом томе «Археологии», в разделе «Каменный век» сформулировал направления исследований, которые в полной мере могут быть отнесены к планиграфическим: «...археология есть реальная, преимущественно систематическая наука о творениях и отношениях к окружающей природе вымерших поколений человечества. Её задача... отыскать и понять закономерность условий возникновения и изменения форм творений некогда живших поколений человечества, выяснить взаимную связь этих форм творений, указать распространение их во времени и пространстве, проследить и оценить взаимодействие человеческого духа на развитие творений» [Городцов, 1923, с. 5]. В. А. Городцов рекомендовал широко использовать в археологии новые для того времени методы анализа: типологический (видовой), сравнительный, исторический, геолого-палеонтологические основы деления, метод хронологической классификации [Там же, с. 25–28]. В разделе «Определение и чтение коллективных памятников археологии» им была предложена классификация, в которой среди «типично бытовых» отдельно выделялись стоянки, включающие остатки жилищ и очагов, и мастерские [Там же, с. 45–46]. На существование жилищ, по его мнению, указывало наличие на стоянках следов от деревянных остовов, глиняных обмазок пола, а также крупных орудий (ручных топоров, свёрл), «которыми можно было рубить и тесать строительный деревянный материал, сверлить некоторые предметы из того же материала, чтобы соединять и скреплять части между собой». При этом формы жилищ возможны были по образцу «наиболее отсталых народов, ютящихся в шалашах, землянках и на деревьях» [Там же, с. 134].

Уже начальный период становления советской археологии характеризуется стремлением исследователей (совершенно автономно и на территориях, никак не связанных друг с другом) к разностороннему пониманию изучаемых древностей, спонтанному внедрению комплексного подхода.

В 1923 году в Красноярске начинается исследования Афоновой Горы коллектив молодых учёных в составе В. И. Громова (обработка геологического и палеонтологического материала), Н. К. Ауэрбаха и Г. П. Сосновского (анализ археологических коллекций). Описывая этот период своей жизни, В. И. Громов вспоминал: «В методике раскопок (на Афонтовой Горе II), которая разрабатывалась нами совместно, впервые было принято вести раскоп культурного слоя площадками не меньше 5 метров с оставлением на них всех предметов, чтобы проследить их расположение и взаимосвязь на площади стоянки. Независимо от нас и в то же время (1923 г.), такой же метод применил и Г. А. Бонч-Осмоловский» [Громов, 1976].

Именно Г. А. Бонч-Осмоловский в 1920-х годах начинает широко привлекать в своих работах данные антропологии, геологии, палеонтологии. При полевых исследованиях использует тактику вскрытия линии квадратных метров или небольших участков с профилированием, выполняет тщательную фиксацию находок (на специальных карточках с указанием нивелировки), отмечает расположение «бытовых деталей» (скопления костей, различного рода ямок и т. д.) [Бонч-Осмоловский, 1934; 1940]. Такие приёмы раскопок позволили ему перейти от стратиграфического подхода к исследованию планиграфии сначала на примере пещерных памятников (грота Киик-Коба), а потом и поселений [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 92–94, 123–125; Васильев, 2008, с. 27–28].

В это же время Г. А. Бонч-Осмоловский, Г. П. Сосновский, Н. К. Ауэрбах одними из первых начинают применять статистические методы, дополняя их технико-типологическим анализом. Они обращают внимание не только на количественный учёт различных типов «выразительных» орудий, но в целом всей совокупности артефактов как неразрывного целого. «В результате чего получилась любопытная картина процентного отношения орудий разного типа и техники обработки» Афон-

товой Горы II [Ауэрбах, Сосновский, 1935; Ларичев, 1969, с. 163–164; Акимова, 2017]. Предпринимаются первые попытки ремонта, реконструкции приёмов древнего производства и установления хронологии памятников [Бонч-Осмоловский, 1928; 1940; Ауэрбах, 1930]. В последующем основы статистического и типологического методов анализа археологических материалов найдут отражение в работах С. Н. Замятина [1935], М. М. Герасимова [1935], М. В. Воеводского [1952].

Совершенствование в целом методов полевых исследований, закрепление новых подходов к анализу археологических материалов способствовали открытию достоверных остатков древних жилищ.

В 1926–1927 годах исследования Гагаринской стоянки привели к открытию остатков долговременного палеолитического жилища, что резко изменило общие представления об уровне культуры человека в эпоху камня и послужило толчком к целенаправленному поиску жилых сооружений и других хозяйственных комплексов на палеолитических памятниках³.

В аспирантском дневнике С. Н. Замятина за 1927 год значилось: «...Среди других результатов исследования в Гагарино заслуживает особого внимания открытие остатков сооружения из камней (по-видимому, основания шалаша или чума), впервые позволяющее составить некоторое суждение о характере жилища палеолитического человека в тех случаях, когда он не мог пользоваться пещерами и другими естественными укрытиями» [Цит. по: Бухтоярова, 2014, с. 75]. Сам Замятин особого значения своему открытию не придал, считая более важными находки скульптур из бивня мамонта. Публикуя в 1929 году краткие итоги раскопок полевого сезона 1927 года с описанием раскопок Костёнок II, III и сто-

³ Справедливости ради упомянем, что в 1924–1925 гг. в процессе раскопок Афонтовой Горы II в Красноярске было открыто, как тогда считали, первое в России долговременное палеолитическое жилище, отнесённое в то время к типу землянок [Ларичев, 1969, с. 163]. В дальнейшем его наличие не было подтверждено, но сама идея, как известно, имела полное для этого основание.

янки Бердыж, Замятин лишь в заключение упомянул среди других результатов исследований «открытие остатков сооружения из камней» в Гагарино [Замятин, 1929, с. 214].

По-видимому, первым, кто по достоинству оценил находку С. Н. Замятина, был П. П. Ефименко. В 1931, 1934 годах он опубликовал статьи на русском и французском языках, где представил разрез культурного слоя в Гагарино и план жилища, но приведённые в статьях данные имели разночтения. С. Н. Замятин, несомненно, верно «схватывал» картину, наблюдаемую в раскопе, и достаточно вдумчиво оценивал её, но относительно точности археологической фиксации при его раскопках в Гагарино было много претензий [Бухтоярова, 2014, с. 75–76]. Не случайно впоследствии закрепилось мнение, что «гагаринское жилище не являлось прямым итогом совершенствования методики раскопок наиболее значительных поселений... о нём догадались некоторое время спустя, в 1927 году, но раскопки С. Н. Замятина начали ту полосу работ, благодаря которым был найден подход к небольшим округлым жилищам» [Сергин, 1973, с. 10].

Надо сказать, что в 1920-х годах идёт активное внедрение новых подходов и методов полевых исследований. В 1929 году М. В. Рудинский при раскопках стоянки Журавки применил индивидуальную фиксацию координат и глубины залегания всех находок, а в 1933 году при полевых работах в Пушкарях использовал методику «кессонов» (участки размерами 2×2 м) с фотофиксацией каждого кессона в вертикальной проекции с помощью переносной деревянной вышки. В итоговой публикации был представлен план из 36 снимков, который наглядно показывал картину слоя [Васильев, 2008, с. 25–26]. К сожалению, этот новаторский опыт остался незамеченным со стороны русских коллег.

Фактически одновременно с раскопками Гагарино, в 1928 году начинаются исследования стоянки Мальта в Сибири. Изучением памятника занимался М. М. Герасимов,

который не только фиксировал положение находок с измерениями и зарисовками «в обычной манере» «графического способа дневниковой записи», нанося точные контуры плит, крупных костей, бивней, рогов оленя, применяя объёмный раскрас и тонирование, соответствующие каждой категории находок, но и очень тщательно проводил топографическую съёмку [Герасимов, 1931а, 1931б; Липнина, 2002, с. 20, 72]⁴.

На основе анализа скоплений артефактов М. М. Герасимов пришёл к выводу об открытии обширного посёлка и в 1932, 1934 годах выявил в Мальте развалины остатков крупного жилого сооружения – первого палеолитического жилища в Сибири. В конце 1930-х годов он составил начальную типологию жилищ Мальты, уделив при этом внимание реконструктивным моментам [Герасимов, 1941, с. 66–67]. В то же время, вероятно, в силу отсутствия костей крупных животных, обнаруженный в 1937 году комплекс в шестом слое стоянки Усть-Белой исследователь не соотнёс с остатками жилища [Герасимов, 1940].

Результаты М. М. Герасимова по раскопкам сибирской Мальты, выделение им остатков жилищных конструкций были критически восприняты со стороны коллег европейской части России. Поводом к этому послужили относительная молодость и независимость суждений исследователя, разительные отличия условий залегания материалов памятника от европейских и, вероятно, краткость отчёта по итогам работ 1929–1930 годов, представленного Герасимовым. Как в последующем указывал

⁴ В сентябре 1997 г. в Мальте проходил научный полевой семинар, посвящённый 70-летию открытия Мальты и 90-летию со дня рождения М. М. Герасимова. Во время семинара, в числе участников которого был и автор, профессором Г. И. Медведевым были продемонстрированы планы, выполненные им по опубликованным и архивным материалам с раскопок М. М. Герасимова с нанесёнными каменными артефактами и костными остатками. Медведев не просто обобщил всю доступную ему информацию, но графически с использованием цвета визуализировал картину «герасимовской» Мальты. К сожалению, значительная часть первичной документации раскопок Герасимова была утрачена в годы войны, а планы, выполненные Г. И. Медведевым, остались неопубликованными.

В. Я. Сергин, отчёт «состоял всего из двух страниц и явно не отражал результатов исследований» [Сергин, 1996, с. 148]⁵.

В 1956–1957 годах Герасимов продолжил раскопки Мальтинской стоянки. Его статья, опубликованная в журнале «Советская этнография» (1958, № 3), по существу содержит своеобразный ответ научным оппонентам. В неё практически полностью был включён текст отчёта по результатам полевых исследований, который сопровождался рисунками и фотоиллюстрациями [ИА РАН, ф. 1, р. 1, оп. 2, № 1384; ф. 1, р. 1, № 1710]. Автор статьи указывал непосредственное участие в изучении памятника С. Н. Замятнина (1932), Г. П. Сосновского (1934), В. И. Громова (1928, 1930). Герасимов отстаивал правомерность выделения жилищ, приводил детальное описание стратиграфии участков исследования, акцентировал внимание на особенностях залегания археологических материалов и характере вмещающих их геологических отложений, позволяющих «замечать малейшие нарушения первоначальной структуры». Текст статьи включал наблюдения микростратиграфического порядка: «горизонтальность поверхности обитания, повторяющей микрорельеф древней поверхности террасы»; «пол жилищ немного углублён»; «отсутствие специально углублённых очагов»; «в местах, приуроченным к жилым комплексам или кострищам, слой приобретает более или менее специфическую окраску, обусловленную либо большим скоплением золы, угля, краски, либо присутствием разрушенных костей и других органических остатков» [ИА РАН, ф. 1, р. 1, оп. 2, № 1384, л. 1–8]. Отдельного внимания заслуживает описание М. М. Герасимова планиграфии всего изученного им на тот момент участка Мальтинской стоянки. В отличие от стоянок позднего палеолита на Ангаре, Белой, Енисее и памятников Костёнковско-Борщёвско-

⁵ В то же время надо учитывать принятую на тот момент времени практику оформления отчётов. Они констатировали факт выполнения работ и характер исследований, а не отражали полученные результаты. Последние сначала представлялись к обсуждению в форме устного доклада/сообщения. Основная часть материалов вводилась в научный оборот позже – в публикациях.

го района «Мальгинская стоянка располагалась узкой полосой, не шире 50 м, по самому краю террасы». Жилища размещались вдоль её бровки, в соответствии линии контура древнего уступа. «При этом все находки были приурочены к определённым местам на стоянке: кострищам или жилым сооружениям. Ни разу не было отмечено нахождение скопления костей или какого-либо одного интересного предмета вне связи с каким-нибудь бытовым сооружением» [Там же, с. 9–10].

Следует отметить, что понимание того, что жилища первобытных людей в Сибири могли иметь различные конструкции, в том числе без использования костей представителей плейстоценовой фауны, у исследователей, безусловно, было. Наблюдения за пространственной организацией артефактов подталкивали их к подобным выводам.

В августе 1931 года С. М. Сергеевым и А. П. Марковым была открыта Бийская стоянка на Алтае с материалами верхнепалеолитического облика. В месте обнаружения культурного слоя были выявлены скопления материалов и зафиксированы остатки очага. При их описании С. М. Сергеев отметил «замечательную особенность» в распространении каменного инвентаря. «Орудия, отделанные в совершенстве, лежали на чётко ограниченном пространстве раскопа, главным образом в радиусе около 1,5 м от центра очажной линзы... возможно центра лёгкого по типу жилища» [Сергеев, 1939]. В 1935–1936 годах развёртываются раскопки многослойной стоянки Сростки в долине р. Катунь. Характеризуя материалы памятника, исследователи высказывали предположение, что «комплексы с остатками кострищ являются следами лёгких наземных переносных жилищ-шалашей». В пользу этого, по мнению Г. П. Сосновского, «свидетельствовал вынос крупных кусков за предполагаемые границы жилища». При этом отдельно выделялись рабочие площадки – «места по первичному расщеплению галек и подготовке нуклеусов» [Кунгуров, Цыро, 2006, с. 27].

В начале августа 1927 года сотрудник Института антропологии МГУ М. В. Вое-

водский обнаружил палеолитическую стоянку Тимоновка и в мае 1928 года начал её раскопки, а 21 июня 1928 года В. А. Городцов «переоткрыл» стоянку и в 1929 году продолжил изучение памятника [Чубур, 2005, с. 10]. Раскопав огромные ямы прямоугольной формы, заполненные остатками, он пришёл к выводу, что обнаружил древние жилища, напоминающие партизанские землянки и расположенные рядом с ними кладовые.

В 1935 году, подводя итоги изучению Тимоновской палеолитической стоянки, В. А. Городцов выделял в числе структурных элементов поселений кострища и углублённые конусообразные очаги, расположенные вне жилищ, жилища-землянки, кладовки, каменные мастерские и кострища. Между отдельными структурами он отмечал планиграфические связи (парность жилых помещений) на основе которых предлагал варианты реконструкции строений в виде крытых деревом землянок и лёгких сооружений типа шалашей, а при рассмотрении внутреннего обустройства жилищ указывал интерьерные моменты [Городцов, 1935]. В это же время, обращаясь к характеристике социально-экономического строя древних обитателей Тимоновской стоянки, В. А. Городцов впервые обозначил вопрос о существовании жилищно-хозяйственных комплексов. По этому поводу В. Я. Сергин писал: «Хотя жилища и ямы были им (Городцовым) определены ошибочно, сама мысль о комплексах вполне подтвердилась впоследствии» [Сергин, 1973, с. 126]⁶.

⁶ Следует отметить, что раскопки, выполняемые в 1930-х годах под руководством Городцова, сочетались с «сумятицей в данных по планиграфии поселения, культурный слой которого в основном был произвольно, непрофессионально взрезан без точной фиксации находок на плане» [Чубур, 2005, с. 11]. Исследования конца 1950-х гг. показали, это за остатки жилых сооружений Городцовым были приняты следы древней мерзлоты, но сама возможность использования естественных западин древним человеком как таковая не исключалась [Величко, 1961, с. 161–166]. Последующий «относительно реалистичный анализ планиграфии вскрытых Городцовым участков стоянки» не дал материала, подтверждающего существование палеолитических жилищ в Подесенье, тем не менее, его идея о жилищах в палеолите сыграла свою роль [Грехова, 1988; 1993; Чубур, 2005, с. 72].

С 1931 года целенаправленные и планомерные исследования объектов культурного слоя Костёнок (стоянки Полякова) начинает П. П. Ефименко. Он не был первооткрывателем Костёнок I и был не первым, кто производил на памятнике широкомаштабные раскопки, но в отличие от своих предшественников Ефименко не удовлетворяли работы на уровне «тривиальной добычи и описания находок, которые без анализа их “обстановки” теряют какой-либо интерес и значение» [Ефименко, 1958, с. 17; Гиря, 2015a]. При раскопках Костёнок был использован принцип вскрытия культурных остатков поселений широкими площадями вместо принятой практики заложения траншей, что «позволило понять поселения со всеми его многообразными связями деталей в качестве единого сложного исторического источника» [Праслов, 1981, с. 10].

В ходе раскопок П. П. Ефименко фиксировал размеры, очертания и взаиморасположение очагов, хозяйственных и жилых ям. «С точки зрения методики исследования, он расширил список видов источников», и к традиционно ранее изучавшимся прибавил «следы человеческой деятельности», которые понимались им в самом широком смысле [Гиря, 2015a, с. 61]. Следы искусственного происхождения, обнаруженные в культурном слое, П. П. Ефименко интерпретировал сообразно их форме и размерам, а также в зависимости от их «обстановки» (таким термином он именовал место и значение объекта в конкретном археологическом контексте). В результате таких всесторонних (комплексных) исследований культурных отложений костёнковской стоянки П. П. Ефименко получил не набор разрозненных артефактов и костей, а единый объект – остатки верхнепалеолитического поселения, «сложносоставной корпус» разнообразных данных о многочисленных актах древней деятельности, связанных с жизнью посёлка палеолитического времени [Там же, с. 62].

Исходя из тезиса о существовании жилищ в палеолите, Ефименко констатировал, что в отличие от изученных этнографами

народов, живших охотой и собирательством, часто вытеснявшихся на новые для них территории и ведших подвижный образ жизни, обитатели Гагаринского или Мезинского жилищ жили оседло, не перестраивая свои «дома». Он считал, что жилища Костёнок I (Александровки) были местом обитания рода, и, что особенно интересно, интерпретировал Костёнки I «в целом как бытовой комплекс» [Ефименко, 1958, с. 41], выделяя в нём собственно жилые помещения – землянки и ямы-кладовые, рабочие места, хозяйственные ямы.

Складывается впечатление о противоречивости мнения исследователя на интерпретационном уровне. Практически, говоря о «длинных наземных постройках многоочажного типа» [Там же, с. 59], он подразумевал «зимнее жилище-поселение» [Там же, с. 206]. Сомнения П. П. Ефименко долгое время не находили отражения в многочисленных работах, посвящённых проблемам выделения длинных жилищ. До конца 1990-х годов в научной литературе продолжало бытовать мнение о едином жилище Костёнок I [Patterson, 1993]. Предпринимались и попытки реконструировать «ограждения типа заслонов, без искусственного перекрытия» Костёнок IV [Desbrosse, Kozlowski, 1994; Анисюткин, Васильев, 1998]. Тем не менее, в работе З. А. Абрамовой, посвящённой искусству палеолита Восточной Европы и Сибири, на основе анализа расположения женских статуэток снова предлагалась в качестве «рабочей» гипотеза, по которой «обитаемое пространство Костёнок I не представляло собой единственное сооружение (конструкцию)» [Abramova, 1995, p. 77].

Расширение исследований и накопление информации закономерно потребовали систематизации сведений с целью выявления признаков наземных жилых конструкций в пространстве древних стоянок. Понятие хозяйственно-бытового комплекса, как «суммы взаимосвязанных между собой жилищ и различных хозяйственно-производственных и бытовых объектов, составляющих единое целое в жизни обитателей

стоянки», в научный оборот будет введено И. Г. Шовкоплясом. Он был одним из первых, кто перешёл к выделению зон на территории стоянки Мезин и связал конкретные участки непосредственно с процессами жизнедеятельности [Шовкопляс, 1956]⁷.

Исследователь выделял в составе хозяйственно-бытового комплекса жилища, места долговременной обработки камня и кости (производственные центры), места эпизодической обработки камня (точёк), крупные очаги вне жилищ, ямы-хранилища или скопления костей [Шовкопляс, 1965]. Аналогичную схему хозяйственно-бытовых комплексов приводил А. П. Рогачев, делая акцент на пространственную взаимосвязь расположения жилых и хозяйственных структур. «Жилища, сооружённые с помощью костей мамонта, всегда окружены хозяйственными объектами, прежде всего ямами, очагами, местами обработки камня и кости, расположенными в непосредственной близости» [Рогачев, 1962, с. 17]. Описывая модели планиграфической организации поселений хозяйственно-бытовых комплексов стоянок Радомысль, Аносовка II, Добраничевка, Межиричи, И. Г. Шовкопляс отмечал различия, существующие между ними в начале и конце позднего палеолита [Шовкопляс, 1977, с. 117–119].

В довоенный период проводились раскопки целой серии памятников в Сибири и европейской части России, в культурных слоях которых исследователи выделяли остатки жилищ: Афонтова Гора [см.: Астахов, 1999], Мальта и Буреть [Герасимов, 1958; Окладников, 1941], Тельманская стоянка, Мезин, Авдеево [Гвоздовер, 1950; Мо-

сквитин, 1950; Грищенко, 1951], Пушкари [Борисковский, 1940], Елисеевичи [Поликарпович, 1968] и др. Отмечаемые на интуитивном (визуальном) уровне особенности в расположении артефактов и пространственно ограниченные скопления находок связывали с существованием лёгких наземных конструкций.

Практически на ранних этапах изучения палеолитических поселений встал вопрос о многослойности памятников и их восприятию в едином культурологическом контексте. Одним из первых наличие нескольких уровней культурных остатков наблюдал в 1903 году В. В. Хвойко на Кирилловском поселении [Борисковский, 1953, с. 153–154; Сергин, 2012]. Им была описана концентрация культурных остатков в виде линз диаметром около 2 м, с золой, углями, кремнем и небольшим количеством раздробленных костей животных. При этом отмечалось отсутствие в стратиграфическом разрезе прямой связи между скоплениями. Следует отметить, что И. Г. Шовкопляс в последующем выделял на поселении два горизонта, оставшихся, по его мнению, от двух близких по времени эпизодов обитания. Однако его аргументы в пользу выделения в верхнем горизонте остатков развала жилища, как считал В. Я. Сергин, выглядели неубедительно [Шовкопляс, 1965, с. 83; Сергин, 2012, с. 126]. Особенности микростратиграфии уровней залегания культурных остатков и костей фауны фиксировали при раскопках Афонтовой Горы И. Т. Савенков (1914 г.), Н. К. Ауэрбах и Г. П. Соновский (в 1930-х гг.) [Астахов, 1999].

Обращая внимание на сложности, которые испытывали исследователи на начальных этапах изучения стоянок с мощным культурным слоем, В. Я. Сергин указывал причины возникновения многочисленных несоответствий в понимании подгоризонтов залегания материалов и культурных слоёв в Супонево, Мезине, Елисеевичах. «Неоднократное использование ограниченного пространства должно было предрасполагать к обитанию на одном топографически наиболее удобном месте. Причину, по ко-

⁷ Первые палеолитические сборы были проведены в Мезине в 1907 г. Ф. К. Волковым, однако начальные исследования были «сосредоточены на бережном сборе коллекции... Раскопки велись траншейным методом, вперевал. Очажные пятна и скопления костей наносили на план контуром, причём на разных планах имеются большие расхождения и нестыковки. По профилям отмечалась глубина залегания культурного слоя. На находках шифр не ставился. Тем не менее, произведения искусства, продемонстрированные Волковым на Международном антропологическом конгрессе в Женеве в 1912 г., сделали Мезинскую стоянку одной из известнейших в мире» [Чубур, 2005, с. 9].

торой этого не происходило, можно видеть в том, что на поверхности ещё сохранялись следы более раннего обитания. Новой группе людей приходилось осваивать другой, возможно, не столь подходящий участок». Особый интерес исследователя вызывала природа двуслойности в Юдинове: была ли она связана с краевым разделением культурного слоя или относилась к контактной краевой части остатков двух поселений [Сергин, 2012, с. 134]⁸.

В 1930-х годах в советской археологии возобладала методика вскрытия больших площадей П. П. Ефименко, который отрицал значение культурного слоя как геоархеологического объекта. П. И. Борисковский писал, что подобное увлечение привело к утрате части сведений стратиграфии стоянки в Костёнках [Борисковский, 1953, с. 182–183].

В изменении отношения к проблематике культурного слоя, особая роль принадлежит М. В. Воеводскому, который последовательно защищал важность изучения именно слоя, как основного объекта исследований. Он усовершенствовал методику вскрытия широкими площадями, подчёркивая необходимость постоянного наблюдения за разрезами и детальной фиксации микростратиграфии [Воеводский, 1948, с. 84]. По мнению исследователя, именно такого рода наблюдения давали возможность выявлять разновременность объектов на поселении и выделять горизонты обитания.

Изменение подходов к исследованию памятников в послевоенное время сопровождалось новыми открытиями. Сочетание кессонной методики и методики раскопок широкими площадями позволило К. М. Поликарповичу в 1947 году выявить на Юдиновской стоянке следы палеолитического

жилища. В описании отмечались особенности техники строительства наземной конструкции (положения крупных костей мамонта и черепов, врытых вертикально альвеолами бивней в землю) и трёх очагов. Отдавая приоритет К. М. Поликарповичу в открытии костно-земляных жилищ эпохи палеолита, А. А. Чубур писал: «ранее подобные конструкции вскрывались в Мезине и Супонево, но не были должным образом зафиксированы и верно интерпретированы» [Чубур, 2005, с. 74].

В 1955-х годах А. Н. Рогачев организовал экспедицию по изучению мест расположения стоянок Среднерусской возвышенности, в том числе включающих остатки палеолитических жилищ. В бассейне р. Десны экспедицией были обследованы стоянки Авдеево, Тимоновка, Супонево, Неготино, Елисеевичи, Юдиново, Пушкари, Мезин, Чулатово и ряд других памятников. После комплексного изучения палеолита центра Русской равнины А. Н. Рогачев окончательно утвердился в выводе о существовании локальных палеолитических культур, олицетворяющих отдельные социумы с индивидуальным обликом материальной культуры, дошедшей до нас в виде археологических источников [Рогачев, 1957; Чубур, 2005, с. 26]. При этом значительное внимание со стороны исследователя уделялось самим жилищам.

Сложность их выделения на памятниках с насыщенным культурным слоем потребовала уточнения критериев определения остатков жилых сооружений. В 1960–1970-е годы к вопросам систематизации жилищ обращались П. И. Борисковский [1956], А. Н. Рогачев [1962; 1964], В. Я. Сергин [1974], Л. М. Тарасов [1979]. Разделение проводилось по разным признакам, но основное внимание во всех работах уделялось планиметрическим характеристикам: размерам – большие и малые; общей конфигурации оснований – округлые, овальные, подчетырёхугольные; количеству очагов – одно и многоочажные; наземные и углублённые; сложные и простые.

⁸ В контексте современных комплексных археологических исследований Юдиновское верхнепалеолитическое поселение предстаёт в виде многослойного памятника, нижний слой которого соответствует периоду 15–13,5 тыс. л. н., а верхний 12,5–12,0 тыс. л. н. Структура и палеогеографические особенности расположений Юдиновской стоянки нижнего культурного слоя говорят о том, что она функционировала длительное время и имела циклический характер заселения [Хлопачев, 2015, с. 139–145].

Особенности внутренней планировки жилищ рассматривались исключительно в общих чертах. Как правило, упоминались отдельные детали: тяготение скоплений находок к очагам, местоположение последних; ориентация входов; в костяных жилищах давался анализ скоплениям крупных костей; указывалось положение отдельных «уникальных» предметов. В то же время, сам материал предоставлял богатые возможности уже на уровне визуальных наблюдений, что просто не могло пройти мимо пытливого ума.

Раскопки поселений с остатками сложносоставных многоструктурных комплексов стали своеобразным толчком к широкому внедрению методов пространственного анализа. «Наибольшее внимание с самого начала привлекли остатки длинных жилищ, до 35 м в длину, явно предназначенных для обитания большего, чем семья, коллектива» [Григорьев, 1970, с. 59].

Именно открытие остатков долговременных поселений со сложными, смешанными структурами, вызвало недоверчивое отношение как к самим интерпретациям памятников, так и к методикам проведения раскопок и фиксации материала. Начинается новый этап изучения, критической проверки и реконструкции ранее выделенных жилищ. Визуальные наблюдения сменяются планиграфическим анализом с использованием статистических методов: учитывается соотношение продуктов дебитажа и орудийного набора; выделяются участки слоя с редкими находками и скоплениями артефактов.

В 1954–1961 годах возобновлены раскопки в Мезине [Шовкопляс, 1965; Пидопличко, 1969], продолжают исследования в Юдиново, Хотылево, Авдеево. Поднимается дискуссия по существованию длинных жилищ Костёнок I, Костёнок IV,

Пушкарей I [Беляева, 1997; 2002; Хлопачев, 1997]. Закрепляется идея о том, что наличие нескольких жилищ или одного большого, состоящего из отдельных звеньев, свидетельствует о структурной сложности обитавших здесь коллективов [Тарасов, 1974, 1979; Бибиков, 1969].

Это приводит в целом к изменению подходов изучения памятников – обязательными становятся комплексные исследования и подробная фиксация всего материала, определяются задачи по совершенствованию приёмов и методов анализа [Беляева, 2002, с. 4]. Большое внимание начинает уделяться естественно-научным данным. Всем этим изменениям способствовал и ускоренный прирост кадров 1960-х годов, при этом накопление информационного фонда шло за счёт региональных научных учреждений [Васильев, 2008, с. 59].

Положительным аспектом работ 1950–1970-х по изучению памятников с остатками жилых сооружений становится «исчезновение хаоса» в восприятии типов жилищ, уточнение назначения отдельных структурных единиц хозяйственно-бытовых комплексов [Чубур, 2005, с. 69–81]. Выполнение детального планиграфического анализа позволило вычленивать разновременные жилищные структуры на поселении Молодова V [Бибиков, 1974], выделить следы кратко- и долговременных костров, предположить наличие остатков жилых конструкций на стоянке Сухая Мечетка [Александрова, 1974а; 1974б, с. 16–18]. Переосмыслить понимание целого ряда памятников с остатками хозяйственных комплексов [Иванова, 1981, 1985; Гречкина, 1984а; Беляева, 1997; Сергин, 1992, 1997]. В этот период начинает оформляться понимание пространственной организации поселений как самостоятельного объекта исследований [Леонова, 1977; 1983; 1985].

1.2. Направления исследований в области применения методов планиграфического анализа

До 1970-х годов структурный анализ пространственной организации палеолитических стоянок и поселений в основном был ориентирован на выявление остатков жилищ и связанных с ними объектов. Надо учитывать, что понимание археологических признаков жилищ эпохи палеолита в то время опиралось либо на представления исследователей, сформированные на основе предыдущего опыта раскопок памятников других археологических эпох, либо на житейский опыт. Важнейшими признаками остатков жилищ являлись замкнутость пространства распространения культурных остатков и центральное положение в нём очага или группы очагов. В свою очередь жилища становились центральными элементами в реконструируемых пространственных структурах поселений. Как отмечал К. Н. Гаврилов, плодотворность принципа определения ведущей структурообразующей роли жилищ не вызывает возражений. Однако этот принцип не ставил перед исследователем задачу сравнительного анализа внутренней структуры всех разновидностей выделяемых археологических объектов и не был направлен на выяснение их стратиграфического соотношения [Гаврилов, 2016, с. 5–7].

В последующее десятилетие исследования в археологии древних поселений выходят на новый интерпретационный уровень: значительное внимание начинают уделять определению *хозяйственной и сезонной принадлежности* исследуемых объектов. На основе статистического анализа количественного состава каменных изделий в процентном соотношении орудийного инвентаря формируется комплекс отличительных признаков охотничьих лагерей и стоянок-мастерских.

Вариативность критериев найдёт отражение в теории фаціальности – «существовании разного выражения одного и того же набора орудий». При этом одни исследователи предполагали фаціальность отдельных участков поселения, другие счи-

тали, что фацией одной и той же культуры могут быть и наборы орудий, собранные на разных стоянках [Гвоздовер, Григорьев, 1975; Леонова и др., 2014]. Причину большого различия в группах предметов видели в разных видах деятельности, осуществлявшейся не только в пределах одной стоянки, но в нескольких пунктах.

Область приложения методов планиграфического анализа стала охватывать «внешние» факторы влияния – палеорельефы и палеоландшафты территории. Связь форм окружающей среды и характера структуры горизонтов обитания (с выявленными остатками жилищ) проецировалась на планиграфию стоянок/поселений. В этой связи были предприняты попытки выявления закономерностей планиграфической организации и сезонной приуроченности стоянок. Предлагалось обоснование обусловленности организации закрытых жилых конструкций условиями окружающей среды, длительностью и сезонностью обитания человеческих коллективов. Определялись критерии мощности культурных напластований и специфика их характеристик для различных культурно-хозяйственных зон [Любин, 1970; 1981; Массон, 1974]. Рассматривались критерии оценки длительности периода заселения с учётом годовой цикличности на основе анализа фаунистических остатков, фактах наличия/отсутствия долговременных структур, ям для хранения запасов и т. д. [Рогачев, 1970; Александрова, 1974; Soffer, 1985; Сергин, 1988; Праслов, 1989]. Для обоснования последнего привлекались этноархеологические данные. В то же время определение сезонности и, в связи с этим, характера поселений (круглогодичные, кратковременные, тёплого и холодного сезонов) зачастую не учитывало наличия монофункциональных объектов с разделением по специализации на стоянки-мастерские, рейдовые охотничьи лагеря, что определяло стратегию выбора места поселения и критерии с различными уровнями значимости [Чубур, 2005, с. 57].

Памятники типа охотничьих лагерей, в наиболее «чистом» виде отражающие деятельность человека в производственно-хозяйственной области, по мнению В. П. Любина, имели множество вариантов. Среди них охотничьи стойбища сравнительно длительного (сезонного) пребывания в них и места кратковременного нахождения небольших групп охотников: временные лагеря у мест удачной охоты, убежища небольших групп охотников у мест подкармливания зверя (близ водопоев, солонцов и т. д.) [Любин, 1970].

Определение сезонности палеолитических стоянок в значительной степени строилось на анализе остатков фауны. Временный или сезонный характер поселений верхнего палеолита зависел от обеспеченности того или иного региона стадными животными, пасущимися относительно постоянно на определённой территории или имеющими сезонные перемещения [Ермолова, 1985; Сергин, 1992]. Разносезонные комплексы демонстрировали существенные различия в составе промысловой фауны, в количестве и характере самого остеологического материала, что находило отражение в планиграфической картине памятников.

Детальное изучение коллекций костных остатков, тафономической сохранности и планиграфического распределения были положены в основу реконструкции способов разделки добычи, определения направлений хозяйственного использования костных материалов. Анализ видового состава фауны, присутствия частей различных отделов скелета животных в культурных слоях указывал не только на характер промысловой деятельности. Он затрагивал сразу комплекс проблем: 1) специфические особенности забивания добычи; 2) проблемы транспортировки; 3) дифференцированный отбор продуктов использования; 4) влияние различных социальных факторов [Бибиков, 1969; Leonova, Min'kov, 1986; O'Connell и др., 1992; Миньков, 1993; Пластеева, Клементьев, 2018].

Для определения сезона добычи и способа распределения стоянок в зависимости

от времени обитания О. А. Соффер был предложен индекс разнообразия. Материалы с поселений Русской равнины показали положительную связь между присутствием жилищ и низким индексом разнообразия. Проведённые исследования позволили О. А. Софферу сделать вывод о том, что стоянки «с жилищами из костей мамонта с ямами и без ям были заселены в холодное время года; стоянки без жилищ и ям-хранилищ были заселены в тёплые месяцы; стоянки без жилищ с ямами заселялись в холодное время». При этом, по мнению исследователя, верхнепалеолитические памятники заселялись сезонно, «ни одна стоянка не была заселена круглый год, несколько лет или в течение десятка лет» [Соффер, 1993, с. 17].

Наиболее корректное на современном этапе развития науки определение сезонности и длительности обитания позволяет получить разработанный Г. А. Квелезаль метод анализа ростовых структур зубов млекопитающих [Квелезаль, 2007]. Комплексный анализ остатков фауны показывает впечатляющие результаты на памятниках с насыщенным культурным слоем. Ярким примером являются работы по Елисеевским стоянкам, направленные на реконструкцию условий обитания первобытного человека [Величко и др., 1997], или анализ фаунистического комплекса Костёнок 4 [Желтова, 2015б].

На стоянках с остеологическими коллекциями, где кости представлены только мелкими осколками, указанные методы не всегда применимы. Ведущую роль в определении типов стоянок в этом случае играет технико-типологический анализ, с выделением групп специализированных орудий. Именно на его основе было предложено выделение двух видов палеолитических стоянок: 1) кратковременных; 2) с базовыми жилищами, на которые человек постоянно возвращался и жил там более продолжительное время [Хонджон, 1995, с. 9]. Функциональная принадлежность памятников при этом подтверждается типолого-статистическими методами.

Анализ каменного инвентаря с определением зон скоплений по количеству кремня на квадратный метр дает наглядные результаты и на памятниках с насыщенным культурным слоем, при условии корректной математической обработки данных (Каменная Балка I, II) [Гвоздовер, Григорьев, 1975; Виноградова, Леонова, 1998; Леонова, 2009]. Планиграфический и геолого-стратиграфический анализ материалов раскопок 1970–1980 годов, выполненный Л. В. Греховой, позволил сделать вывод о сложной структуре культурных отложений стоянки Елисеевичи 1, которые, по сути, не являлись единым культурным слоем. Это были самостоятельные по площади и уровню залегания жилые площадки, расположенные на участке мыса. В отдельные хронологические интервалы эту территорию использовали «одна группа (основной слой) или другие группы поселенцев с различными традициями строительной техники и различными представлениями о пространстве и месте себя в этом пространстве» [Грехова, 2014, с. 209].

Ещё одним аспектом, способствующим развитию планиграфических исследований, стало окончательное оформление к концу XX века понимания культурного слоя как сложного объекта, имеющего синкретичный характер. К факторам, влияющим на специфику археологических источников, начинают относить свойства вмещающих отложений, обстоятельства и условия позиционирования культурных остатков, характер постседиментационных процессов, обеспечивающих сохранность материалов. Кроме того, регулярное возобновление на одних участках рельефа антропогенной деятельности обуславливало разделение памятников на стоянки/поселения однократного и многократного посещения. Условия формирования культурного слоя определяли различия, выраженные в своеобразных формах залегания артефактов и их концентрации [Гвоздовер, Леонова, 1977, с. 134].

В силу указанных обстоятельств особый акцент делался на «суммарности» данных о культурном слое, охватывающих почти весь период его образования. В научный

оборот вводятся понятия о составляющих культурного слоя – «вещественном компоненте» (собственно культурные остатки) и «заполнителе» (геологическом субстрате, в который заключены материальные остатки) [Александрова, 1990, с. 4–8; Леонова, 1990; Беляева, 1999].

В научных трудах предпринимаются усилия по разделению понятий «культуросодержащие отложения» (более широкое) и «культурные слои» с отдельной классификацией по дефинициям. Рассматриваются варианты распределения в объёме вмещающего слоя культурных остатков в зависимости от того, были они переотложены (остаточная и вторичная концентрация) или являлись результатом первичной концентрации (собственно культурный слой). Обращается внимание на необходимость сопоставления типа естественной седиментации с палеоэкологической обстановкой, реконструируемой по культурному материалу, на выявление специфики антропогенного влияния на распределение осадочного материала [Медведев, Несмеянов, 1988; Леонова, Несмеянов, 1991, с. 219–222].

В связи с открытием памятников, залегающих в необычных геологических контекстах, усиливается интерес археологов к процессам формирования культурных остатков, постседиментационных преобразований, степени сохранности самих комплексов. Особенно актуальными эти проблемы становятся для иркутских исследователей⁹.

⁹ В 1960-х – начале 1970-х гг. сотрудники Иркутского государственного университета под руководством М. П. Аксенова, Г. И. Медведева начинают исследования памятников в долине р. Белой. Они сопровождались открытием культурных горизонтов с сохранившимися хозяйственно-бытовыми структурами, интерпретируемыми авторами раскопок как остатки кострищ, обустроенных очагов и жилых конструкций [ИА РАН, ф. 1, р. 1, кн. 5, № 3041; ф. 1, р. 1, оп. 1, кн. 9, № 4608, 4609]. В частности, на многослойной стоянке Сосновый Бор в V к. г. в северной части раскопа был обнаружен комплекс, напоминающий остатки наземного жилища типа чума. «Расположенные по кругу крупные глыбы известняка и галька, возможно, представляли собой обкладку, придавливающую края шкур. Камни внутри внешнего круга покоились на зольнике небольшого кострища и, видимо, являлись очажными камнями. Вокруг были рассеяны отщепы, пластинки, обломки орудий...» [ИА РАН, ф. 1, р. 1, оп. 1, кн. 9, № 4608, л. 33–34].

С середины 1970-х годов они начинают активно изучать палеолитические местонахождения, абсолютное большинство которых испытало в той или иной мере процессы переотложения. Результатом стала разработка классификации различных типов культуровмещающих отложений.

В зависимости от степени переотложения культурные остатки рассматривались как первично-погребенные, перезахороненные (переотложенные на том же геоморфологическом уровне); собственно переотложенные (смещённые на другие гипсометрические отметки); экспонированные на поверхности [Медведев, Несмеянов, 1988, с. 114–115]. Также предлагалось отделять культурные горизонты (места «первичной» концентрации археологического материала) от «слоёв остаточной и вторичной концентрации артефактов».

Критически подойдя к используемому археологами при описании комплексов материалов понятию «скопление», исследователи указывали его условность ввиду отсутствия убедительного показателя – общепринятой единицы отсчёта, для определения «малых», «средних» и «больших» форм. Они писали, что в каждом конкретном планиграфическом рисунке культурных отложений характеристики скоплений индивидуальны. Предложенная классификация скоплений включала кластеры: стихийно и преднамеренно организованные, целевые ординарные и целевые архитектурные. Скопления, состоящие из элементов одного класса (отщепы, пластины, группы изделий, кости, рога), относились к типу однородных; с повышенной концентрацией находок, обеспеченных разнородностью отложений на одной площади, – к категории сложных. Особое внимание уделялось термину “*in situ*”, смысл которого применительно к археологическому материалу существенно отличался от его традиционного использования в палеонтологии и геологии [Медведев, Несмеянов, 1988, с. 113–141].

Отдельным направлением в исследованиях становится разработка методов ана-

лиза микростратиграфии. Изначально оно получило развитие при изучении палеолитических стоянок с мощным культурным слоем. Особую роль в этом направлении сыграли исследования Донской археологической экспедиции МГУ под научным руководством Н. Б. Леоновой и её коллег на памятниках каменнобалковской культуры. Индивидуальная фиксация находок и последующее проецирование их положения на микропрофили показали возможности выделения в культурном слое поверхностей обитания и реконструкции в подробностях (эпизодах) истории древних поселений [Леонова, Несмеянов, 1991; Леонова, 2009].

Наблюдения, основанные на методах микростратиграфии, с одной стороны, помогали при решении проблем определения относительной долговременности того или иного объекта [Леонова, 2009, с. 207–208]; с другой – привели к появлению в археологии новой дефиниции – «палеолитический микрорегион», под которым понималась компактная группа (в пределах 10–20 км) генетически связанных памятников, как синхронных, так и расположенных вдоль временной оси [Чубур, 2005, с. 58–59].

По мнению исследователей, решение вопросов организации жилого пространства на поселении должно было опираться на анализ стратиграфии и микростратиграфии культурных отложений в неразрывной связи с анализом распространения находок всей территории обитания. При этом основополагающая роль в определении функционального назначения различных участков поселения, их единства и одновременности отводилась соотношению «полученных данных с объектами культурного слоя (жилища, хозяйственные ямы, очаги, места раскалывания)» [Селезнев, 2011, с. 280]. В результате анализ пространственной организации палеолитических жилищ и поселений расширил область объекта археологии и одновременно инициировал переход от проблем развития материальной культуры к реконструкции процессов жизнедеятельности первобытных социумов.

1.3. Проблемы реконструкции и анализ пространств обитания, цикличность в структуре культурного слоя

На планиграфической основе получили развитие два направления реконструктивной археологии. Первое охватывало вопросы восстановления облика и строения поселений и жилищ – создавало зрительный образ [Борисковский, 1956; Шовкопляс, 1964]. Второе изучало социально-экономические характеристики древнего общества [Массон, 1974; Леонова, Несмеянов, Матюшкин, 1993; Миньков, 1993].

К результатам развития первого направления относилось широко распространённое представление о предполагаемом облике жилищ каменного века, которое в общих чертах сводилось к следующему: «палеолитические жилища в большинстве представляют округлые, реже овальные в плане сооружения, имеющие конусовидную или полусферическую форму. Это наземные или полуземляночные постройки. Строительным материалом для жилищ служили крупные кости и бивни мамонта, рога северного оленя, деревянные жерди. Покрытием являлись шкуры, ветви, трава. Диаметр жилищ по полу обычно 3–7 м, площадь редко превышает 25 м²» [Бибиков, 1969, с. 8–9]. Внутреннее устройство сооружений рассматривалось не только как форма конструктивного домостроительства, но и с точки зрения внутренней организации жилья.

Исследователи понимали, что в археологическом контексте палеолитических жилищ не представлены внешние конструктивные элементы (перекрытия) из древесно-растительных и других органических материалов. В процессе раскопок специалисты изучают лишь пол основания и косвенные свидетельства наличия наземных конструктивных элементов. При этом не всегда достаточно использования исключительно планиметрических характеристик для реконструкции облика сооружений. Проблема проявления скрытой информации определила необходимость критической проработки целого комплекса признаков с точки зрения

исторической ретроспективы. Произошёл своеобразный анализ вероятностей: использования различных строительных материалов и их доступности; специфики конструкции цокольной части; сочетания отдельных деталей перекрытий и вариантов их крепления; размещения очагов и их количества; способов сооружения и ориентировки входов; выбора места и планировки самого поселения и прочих деталей [Тарасов, 1973, с. 69]. Широкое применение для оценки сезонности поселений, форм деятельности, характеристики предполагаемых социумов находили этнографические параллели.

Ещё в начале XX века в «Истории человеческого жилища с древнейших времён до наших дней» для понимания обустройства жилищ древнего человека использовались этнографические данные по жилищам конягов, южных эскимосов, живущих на самой северной части Тихого океана на западном берегу Америки [История... , 1901, с. 184]. Отмечалось, что у этих народов бывают зимние и летние жилища, при этом «зимнее жильё делается просторным, так что в нём помещается по три-четыре семейства». Колумбийские индейцы запада Северной Америки, занимаясь одной охотой, имели постоянные жилища. Для этого они использовали несколько десятков кольев, которые втыкали в землю так, чтобы образовался круг сажени две в поперечнике, верхушки связывали вместе и такой остов покрывали буйволовыми шкурами или грубо сделанными рогожами. Вверху отверстие для выхода дыма, а сбоку – двери. Пол выстилали тонкими жердями и покрывали их тонкими шкурами [Там же, с. 195–196].

Традиции деления сезонных лагерей у народов Сибири и Дальнего Востока описаны неоднократно. Этнограф В. Р. Кабо обращал внимание на резкое деление хозяйственного года на два периода – зимний и летний. В зависимости от сезона менялся весь образ жизни – общины переселялись из зимних, коллективных жилищ в летние,

предназначенные для отдельных семей, которые могли располагаться как рядом с зимним жилищем в том же селении, так и на сравнительно большом расстоянии от него [Кабо, 1979, с. 92].

Социально-экономические построения сопровождались разработкой методов, направленных на определение численности обитателей поселений. В качестве основного индикатора стали выступать сами жилища, их общая вместимость, понятие необходимого жизненного минимума. Для определения численного состава группы древних обитателей М. И. Гладких ввёл понятие «наименьшее жилое пространство» – площадь между центрами очагов длинных жилищ равная примерно площади круга, диаметром 2–2,5 м [Гладких, 1974]. Для сравнения: по этнографическим данным, среди нганасан, живущих в чумах, на одного человека могло приходиться от 4 до 8 м² площади жилья [Хлобыстин, 1974]. По данным забайкальских памятников, эти размеры соответствовали основанию одноочажного округлого жилища [А. В. Константинов, 1992; Кузнецов, 1996б]. В то же время фотографии этнографических экспедиций начала XX века из фондов Российского этнографического музея отдела Северных народов Сибири и Дальнего Востока (Санкт-Петербург) показывают, что в отдельно взятом зимнем жилище в среднем могло проживать до 12–15 чел. разновозрастного состава.

При критическом подходе к реконструкции образа жизни древних и анализу пространственной организации их жилищ и поселений археологические материалы различных типов памятников и этнографические данные выступали взаимными верификаторами. Например, З. А. Абрамова писала, что неоценимым источником для создания модели верхнепалеолитической жилой стоянки Юдиново стала планиграфия пещерной стоянки Машицка в Польше. «Благодаря множественным антропологическим остаткам, этот уникальный замкнутый комплекс впервые дал возможность на археологических материалах изучить структуру и размеры основ-

ной верхнепалеолитической социальной группы» [Maszycka Cave... , 1995; цит. по: Абрамова, Григорьева 1997, с. 76–78]. Опираясь на комплексные наблюдения за планиграфическими, антропологическими, фаунистическими данными, полученными по материалам Машицка, исследователь делала вывод, что «размеры жилищ в стоянках на открытом воздухе на Русской равнине позволяют считать каждое сооружение предназначенным для одной нуклеарной семьи, а поселение – как место обитания локальной группы» [Абрамова, Григорьева, 1997, с. 80]. Сравнимые памятники имели различные пространственно структурирующие моменты (в одном случае естественные, обусловленные размерами пещеры, в другом – границы, искусственно созданные человеком) тем не менее, анализ стоянки Машицка являл один из примеров, когда выводы основывались на подробнейшем планиграфическом анализе внутреннего жилого пространства.

В определённой степени этнографические исследования способствовали широкому внедрению методов планиграфии в археологию палеолита. Толчком к проведению различного рода этноархеологических программ послужили работы Л. Бинфорда [1978, 1983]. Отмечая, что нельзя пользоваться точными этнографическими параллелями, он признавал, «что основные действия/функции, вероятно, были обычны на протяжении тысячелетий, потому что действия диктуются в соответствии с выполняемой работой» [по: Rerfner, Bohn, 2000, р. 187]. В качестве примера Л. Бинфорд приводил описание модели обработки кости вокруг «внешнего очага». Характеризуя пространственные характеристики, он выделял две «зоны выброса» – переднюю (за огнём) и заднюю, формирующие площадь «большого полукруга». На основе сопоставления этнографических наблюдений с археологическими материалами Л. Бинфорд интерпретировал остатки поселения Маски (Франция) и предложил свою реконструкцию знаменитого трёхочажного комплекса Пенсеван.

Не менее значительную роль в развитии планиграфического (пространственного) анализа как самостоятельного направления в археологии сыграли труды А. Леруа-Гурана и М. Брезийона, посвящённые стоянке Пенсеван во Франции [Leroi-Gourhan, Brezillon 1966; 1972; 1984], в которых широко использовался «визуальный анализ» распределения археологического материала. Выполнение отдельных планов для различных структур и групп артефактов и их соотношение, проведение ремонтажа, направленного на выявление синхронности различных объектов слоя, позволили авторам предложить детальную реконструкцию верхнепалеолитического поселения, с выделением ряда хозяйственно бытовых объектов.

Результаты по сути разноплановых работ Л. Бинфорда и А. Леруа-Гурана нашли отражение в широко известной модели жилища с номенклатурой пространственных зон: А – очаг; В1 – зона внутренней домашней активности; В2 – зона внешней домашней активности; С – спальные места; D – зона приближенной эвакуации; Е – зона рассеянной эвакуации; F – зона периферийной эвакуации; G – «чистые» пространства, с единичными находками. Выявление границ жилищ обосновывалось пространственной организацией остатков – «задержанные покрытием, они часто образуют окружность» [Leroi-Gourhan, 1984, fig. 26; Васильев и др., 2007, с. 11–12].

В 1970-х годах благодаря работам Н. Б. Леоновой (МГУ) планиграфический анализ получает статус самостоятельного научного направления. Именно Н. Б. Леонова первой среди российских археологов начинает использовать понятие планиграфии при характеристике критериев пространственной организации древних поселений [Леонова, 1977; 1980; 1994]. Основными целями микростратиграфического и планиграфического анализа становятся «изучение структуры культурных слоев и их палеоэкологических характеристик, выявление жилых и хозяйственно-бытовых объектов, выяснение их соотношения

во времени» [Леонова, Виноградова, 2014]. Для выделения специализированных зон деятельности начинают широко использовать математические методы, направленные на статистическую обработку конкретного материала.

Несмотря на то, что методы статистического анализа в практике отечественной археологии бытовали уже с начала XX века, целесообразность его применения была обоснована только в 1970-х годах Р. Валлоном. Опираясь на математический (количественный) подход к анализу размещения артефактов, он сформулировал определение планиграфического анализа как «дифференцированного распределения», которое «может быть обнаружено и определено при помощи статистических методов пространственного анализа...» [Whallon, 1973, p. 117; цит. по: Е. Леонова, 1998, с. 11].

С учётом статистических показателей Н. Б. Леонова выделила различного типа скопления артефактов, характеризующие «производственные центры», «шлейфы находок» и прочие элементы [Леонова, 1977; 1980; 1994]. Под руководством исследователя разрабатывались критерии качественного своеобразия состава скоплений в зависимости от структур поселений и специфики выполняемой на них хозяйственной деятельности. Определялись подходы к оценке периода длительности обитания с учётом соотношения нормального (случайного) распределения находок и участков специализированной хозяйственной активности [Леонова, 1993; 2006; 2009; Леонова, Виноградова, 2014]. Проводился анализ естественно-природных факторов, влияющих на характер, длительность обитания и направление хозяйственной деятельности поселений. Вводились индексы присутствия каменных изделий в скоплениях по категориям, позволяющие рассматривать специфику выполняемых работ в зонах жилых и производственных площадок.

Формализация информации содержащейся в археологических источниках легла в основу широкомасштабного использования математико-статистических методов,

которые представляли более широкую трактовку данных, позволяли точнее охарактеризовать тенденции и закономерности развития изучаемых процессов и явлений [Журбин, 2006, с. 188].

Комплексный типолого-статистический и планиграфический анализ в применении к хозяйственно-бытовым объектам способствовал выявлению степени варибельности выполняемой на них деятельности, закономерностей использования и хранения готового орудийного набора и заготовок сырья (в частности, вне жилищ и в их внутреннем пространстве) в зависимости от сезона обитания [Нужный, Шидловский, 2011, с. 329–330].

Возросший уровень интерпретаций одновременно потребовал дальнейшего усовершенствования методик полевых исследований. Как уже отмечалось, изначально существенную роль в целостном понимании хозяйственной специализации древних стоянок/поселений сыграло изучение памятников широкими площадями. Подобная практика позволила накопить опыт выделения отдельных структур. В то же время совершенствование самого планиграфического метода (переход на детальный многоуровневый анализ с выделением эпизодов обитания) требовало подробной фиксации мельчайших наблюдений во время полевых работ.

Затруднительность проведения такого рода работ обозначилась при раскопках сибирских стоянок, связанных с аллювиальными отложениями речных террас. Характеризуя особенности организации раскопок памятников в долине р. Енисей, С. А. Васильев (Санкт-Петербург, ИИМК) поставил вопрос о совершенствовании методики раскопок палеолитических стоянок с целью извлечения большего числа сведений для реконструкции облика древних поселений. Исследователь считал необходимым изучать «слой по небольшим секторам с чёткой профилировкой через 1–2 м, с индивидуальной фиксацией, нивелировкой и привязкой находок к выделяемым горизонтам» [Васильев, 1996б, с. 196–197]. Благодаря

такой методике, в ходе раскопок Майнинской стоянки им были выявлены различного типа хозяйственные структуры (кострища, очаги с каменными обкладками и без) и связанные с ними скопления артефактов. Их наличие позволило Васильеву сначала предположить, а потом и выделить остатки лёгких наземных жилищ. При этом планиграфическая картина культурных горизонтов включала по несколько комплексов. Использование детальной фотофиксации при раскопках жилых площадок (с акцентом на очажные структуры, каменные выкладки и выразительные или необычные предметы) обеспечило возможность изучения деятельностных контекстов [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 7799, 7799а; 8545, 8545а; 12430; 12473; 13014 и др.].

Усовершенствованная методика раскопок позволила С. А. Васильеву выделить по материалам Майнинской стоянки на р. Енисее типы организации внутреннего пространства жилищ аналогичные планиграфическим схемам Л. Бинфорда и увидеть сходство структур стоянки Уй II с жилыми сооружениями позднего палеолита и мезолита Прибайкалья и Забайкалья, финального палеолита севера Франции и Германии. Исследователь объяснял это сходство «за счёт общности хозяйственной деятельности и систем поселений кочевых охотников на стадных копытных» [Васильев, 1992, с. 33].

Внимание к микродеталям при раскопках археологических объектов, применение при полевых исследованиях трёхмерной фиксации, методы планиграфического анализа и ремонтж создавали условия для построения реконструкций производственных циклов, функциональной специализации поселений и в их составе локализованных комплексов в виде жилищ.

Опыты по ремонту отдельных изделий предпринимались в археологии палеолита достаточно рано. Однако одним из первых, кто полноценно использовал метод аппликативного анализа в своих работах, был М. П. Аксенов (ИГУ, Иркутск) [1976; 1978]. Он указывал, что значение

и главное достоинство метода состоит в информативной объективности, в наглядности и непосредственной доказательности технологических реконструкций. В то время как экспериментальный метод моделирует гипотетические технологии, аппликативный метод восстанавливает и делает доступными для анализа подлинными приёмы и способы обработки материалов, позволяет конструировать модель механической технологии расщеплений камня в определённых пространственно-временных условиях [Аксенов, 1981].

Прослеживание связей по ремонту стало объективным источником информации о хозяйственной активности на участках обитания, позволяющим в числе прочего разрешать спорные вопросы хронологии заселения памятника. При невозможности установления прямых аппликативных связей применялся метод группировки артефактов по сырьевым единицам («технологические» скопления). В условиях многослойных комплексов, имеющих сложную стратиграфию (нарушенных или переотложенных отложений) или слабо насыщенный культурный слой, «абсолютные» взаимосвязи играют роль объективного показателя. Технологические скопления, сгруппированные в пространстве, интерпретируются как зоны активности, то есть структуры, обладающие не только единством в геологическом масштабе, но и, вероятно, фиксирующие один эпизод обитания памятника [Леонова, Виноградова, 2014; Белоусова, 2016, с. 17].

Сочетание планиграфического анализа с экспериментально-археологическим подходом и технико-технологическим анализом было направлено на понимание способов производственных действий древнего человека на разных стоянках. Исследователи отмечали, что планиграфическое размещение орудий труда на площади широко или полностью изученных поселений позволяет конкретно и обоснованно решать вопросы реконструкции социально-экономического характера, при этом трасологический анализ составлял надёжную фундаментальную основу для палеоэкономических разрабо-

ток [Васильев, Бойко, 1992, с. 31; Васильев, 1996, с. 191; Массон, 1999]. Трасологические исследования следов износа на изделиях из камня и кости, посредством экспериментальной проверки и сопоставлением с этнографическими данными, давали наиболее конкретное определение направлений актов деятельности, выявляемых на планиграфическом уровне [Хонджон, 1995; Гирия, Леон, 2002; Методы изучения... , 2015].

В последней четверти XX века признание и широкое использование методов пространственного анализа подтолкнуло исследователей к переоценке известных комплексов палеолитических жилищ. Это было связано с одной стороны с желанием более точного понимания картины жизнедеятельности древних людей, с другой – решением вопроса о характере сложносоставных «жилищ-поселений».

Появляется серия работ, направленных на реконструкцию видов производственной деятельности и изучение планиграфии поселений с жилищными структурами, в которых рассматривается пространство всего культурного слоя, а не отдельных комплексов, с максимальным использованием всей совокупности аналитических данных [Гречкина, 1984а; Иванова, 1985; Сергин, 1973; 1974; 1975; 1981; Миньков, 1991].

В 1990-х годах возобновляются раскопки Гагарино, Юдиново, Пушкарей, Мальты и др. [Тарасов, 1979; 1999; Абрамова, 1995; Медведев и др., 1996; Сергин, 1996; Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997; Абрамова, Григорьева, Гришин, 1997; Пушкаревский сборник, 1997; Григорьева, 2008]. Все они были направлены на получение дополнительных сведений о памятниках: условиях залегания и их хронологии, особенностях жилых и хозяйственно-бытовых структур, на многоуровневый планиграфический анализ. Актуальность сохраняли проблемы выделения и анализа остатков палеолитических жилищ.

Целью планиграфического анализа становится определение характера структурной организации культурного слоя, распознавание процессов формирования

конкретных пространственных структур, выявление этих структурных единиц и их культурно-хозяйственной интерпретации [Моисеев, 1998].

Критический подход к ранее выделенным среднеднепровским палеолитическим комплексам позволил в это время В. Я. Сергину уменьшить количество жилищ на них с 32 до 15 и отнести их все к костяным жилищам «развитого типа» [Сергин, 1992, с. 18]. Исследователь писал: «Одни только очертания жилища, его углублённость или использование каких-либо костей в конструкции почти ничего ещё не значат в этнокультурном плане. Учёту должны подлежать совокупность более детальных сведений о жилищах, связанных с ними объектах и характере обживания населения» [Там же, с. 19]. Анализ комплексов сибирской Мальты также существенно изменил представления о них [Сергин, 1996; Медведев и др., 2001].

Внимание исследователей начинают привлекать проблемы организации внутренней планировки палеолитических жилищ. Редкий, в отличие от комплексов мезолита, пример такого рода анализа представляют материалы верхнепалеолитической стоянки Третий мыс (Каменная Балка III). Археологическая чистота, единый залегающий *in situ* технико-типологический комплекс артефактов, наличие углублённого очага, концентрация в причажном скоплении определённых категорий орудий и возможная кратковременность бытования комплекса к. с. 1 (скопления № 2) обусловили выполнение функционально-планиграфического анализа [Симоненко, Александрова, 2014, с. 221–222]¹⁰.

¹⁰ Стоянка была открыта в 1962 г. М. Д. Гвоздовер и в 1967–1970 гг. исследовалась ею. С 1990 г. раскопки велись под руководством Н. А. Хайкуновой. В культурном слое памятника выявлено три уровня обитания. Материалы первого слоя 2003–2013 гг. включали четыре скопления артефактов — остатки кратковременного поселения типа охотничьего лагеря, возрастом в интервале 13,2 тыс. л. н. [Симоненко, Александрова, 2014, с. 211–212]. Разнонаправленные связи по ремонту и планиграфические наблюдения свидетельствовали о структурном единстве материалов в рамках каждого из скоплений № 1, 2 и 3, представлявших однородные комплексы, установить прямую хронологическую связь между ними не удалось.

Благодаря функциональному анализу во внутреннем пространстве жилой площадки были выделены специализированные зоны: обработки скребками шкур/кож; подправки/оформления скребковых лезвий; эвакуации отходов. И если операции, связанные с подправкой/оформлением лезвий скребков, производились на месте работы (в области причажного скопления и пятна охры), то обработка шкур проходила в другом. Похожее соотношение структурных элементов в пределах комплекса было зафиксировано для участка жилой площадки второго слоя (15–16 тыс. л. н.) стоянки Каменная Балка II [Хамакава, Александрова, 2011].

По сибирским памятникам интересные результаты по анализу внутренней планировки хозяйственных комплексов были получены по енисейской стоянке Лиственка [Акимова, 1985, 1998; Палеолит Енисея... , 2005; Горельченкова, 1999]. Памятник характеризовался многослойностью и разнообразием представленных в культурных горизонтах структур хозяйственного и жилого назначения. Особенность планировки определялась локализацией сменяющих друг друга в хронологической последовательности стоянок, «на одном и том же месте, в небольшом ложке, отчётливо прослеживаемом в рельефе» [Акимова, 1998, с. 134]. Исследователь Лиственки Е. В. Акимова, выделяла жилища, очажные конструкции с двумя вариантами каменных обкладок и без таковых, причажные ямки. Фиксировались следы от «колышков». Скопления орудий, нуклеусов, продуктов дебитаж и остатков фауны определяли в планировке стоянок производственные и хозяйственные зоны [Там же, с. 135–141]. На основе планиграфического анализа были предложены варианты реконструкции наземных (каркасных) конструкций палеолитических жилищ к. г. 16 и 19. В последнем на площади структурно локализованного овально-удлинённой формы участка были определены зоны активной производственной деятельности по расщеплению камня, выделке (обработке) шкур,

бивня. Анализ всего комплекса артефактов позволил исследователю сделать вывод о том, что разделка охотничьей добычи и приготовление пищи в комплексе или не проводились или имели вспомогательное значение, и предложить вариант сооружения в виде «лёгкой конструкции “длинного типа” укрепленной скальными обломками только с наветренной стороны» [Акимова, 1998, с. 143].

В целом, исследователь отмечала, что «сочетание в одном культурном слое различных элементов не позволяет говорить о какой-либо узкой хозяйственной направленности отдельных культурных слоёв стоянки. Монофункциональными могли быть только «локальные зоны» и участки слоя, так как каждая стоянка существовала как «комплексный полифункциональный организм» и включала в себя многие виды хозяйственной деятельности [Там же, с. 144].

Рубеж двух тысячелетий характеризуется компьютеризацией научной среды. Появление персональных компьютеров сопровождалось внедрением разработок, направленных на создание электронных баз данных, позволяющих достаточно быстро выполнять многоуровневую статистическую обработку. Эффективность и адаптивность применения программ потенциально расширили перспективность планиграфическо-стратиграфического анализа [Федоров-Давыдов, 1987; Борисенко, Бубнов, Смирнов, 1996; Моисеев, 1998; Информационные технологии... , 1998; 2000; Нохрина и др., 2015]. Особую популярность получили возможности создания наглядно-иллюстративных материалов. В результате сочетание пространственного и статистического методов анализа нашли наиболее широкое применение в археологии при выявлении структур древних поселений.

Производным результатом планиграфического анализа становится восстановление условий жизнедеятельности и моделирование систем жизнеобеспечения и природопользования в конкретных палеорельефах. Использование информационных технологий в области изучения взаи-

модействия природной среды и человека на разных этапах антропогенеза позволило объединить базы палеогеографической информации по ландшафтным компонентам и данные археологических исследований стоянок древнего человека.

При этом палеореконструкции затрагивали как минимум три уровня локальной палеоэкологии: геолого-геоморфологический, литолого-археологический и микрофациальный. Объектом последнего выступал характер древнего рельефа, в рамках которого располагались поселения. С ним соотносилась хозяйственно-бытовая планировка памятников в определённый период обитания [Леонова и др., 2008; 2014; 2016].

Палеоэкологический анализ учитывал методы геолого-геоморфологических, археологических, палеозоологических, педологических, палинологических и других исследований. Итогом реализации этих методов стали планиграфические построения как на макроуровне (реконструкции территорий дальнего посещения и места жительства), так и микрофациальном уровне – выявления на стоянках участков и зон различной хозяйственной направленности [Леонова и др., 2014; 2016]. Географические информационные системы (ГИС) обеспечили единое пространственное представление результатов мультидисциплинарных исследований и их анализ [Кошелева, 2016]. Важность фактора привязки мест поселений к элементам локального рельефа ярко демонстрируют памятники Костёнковско-Борщёвского района [Лисицын, 2016].

Внедрение в 1990-х годах ретроспективного подхода к археологическому источнику обозначило новое направление в развитии планиграфического анализа. Традиционно к категории артефакта в археологии относили материальные остатки деятельности людей [Клейн, 1991]. В то же время само понятие «артефакт» контекстуально подразумевало материальные производные, характеризующиеся «антропогенным наложением формы на природный материал». С этой позиции «обитаемое человеком пространство, искусственным

оформлением которого является его преднамеренное (позитивное) или непреднамеренное структурирование», также может рассматриваться в роли артефакта [Инешин, Тетенькин, 1998, с. 12]. На местах древних стоянок-поселений примером непосредственного отражения адаптивной преобразовательной деятельности – позитивного структурирования пространства – выступали остатки очагов (кострищ) и жилых конструкций. При этом информативно значимыми были не только участки, связанные с данными структурами, но и пространство между ними – область непреднамеренного структурирования часто посещаемых территорий.

Разработчики системно-деятельностного подхода [Инешин, Тетенькин, 1995], в отличие от прямого проецирования на археологические комплексы этноархеологической модели Л. Бинфорда [Холушкин, 1992 и др.], попытались представить в виде структурной модели механизм формирования комплекса древней стоянки, через ретроспективу процессов ископаемой деятельности ситуации – последовательно сменяющих друг друга во времени состояний. Морфологический анализ артефактов, в частности систем расщепления, структур пространственного положения вещей с определением их места в акте деятельности становится основным механизмом моделирования деятельностных ситуаций. Характер последовательности этапов отражается в микростратиграфии и планиграфии – наблюдениях взаимоотноственности распространения культурных остатков [Инешин, Тетенькин, 1998]. Степень детализации и объективности планиграфического анализа находится в прямой зависимости от методики изучения культурного слоя тщательности полевой фиксации, свойств вмещающей породы, постседиментационных процессов, влияющих на сохранность культурных материалов.

На рубеже XX–XXI веков вышерассмотренным проблемам посвящено большое количество разработок, взаимно дополняющих друг друга [Александрова, 1990;

Аникович, 1990; Леонова, 1990; Леонова, Несмеянов, Матюшин, 1993; Беляева, 1999; Сычева и др., 1998; Руководство... , 2000]. Происходит переосмысление всего имеющегося научного опыта, систематизация принципов и подходов как к самим памятникам, так и содержанию планиграфического анализа в целом.

Качественный рост уровня исследований в очередной раз заставляет обратиться к вопросу о сущности понятия *культурный слой*. С позиции археологической номенклатуры данное понятие приобретает более широкое наполнение и служит выявлению совокупностей погребённых остатков материальной и духовной культуры, связанных с непрерывным обитанием определённого сообщества людей в отдельно взятом месте. Выявление контекстуальных археологических общностей погребённой культуры является основной задачей стратиграфического изучения памятников [Амирханов и др., 2009, с. 17].

Х. А. Амирханов (ИА РАН, Москва) отмечал, что «опираясь только на геоархеологическую составляющую культурного слоя, далеко не всегда возможно выделение в погребённых культурных остатках конкретных уровней обитания». Культурный слой определялся им как «структурное единство предметов, объектов и других остатков человеческой деятельности, залегающих в погребённом состоянии» [Амирханов и др., 2009, с. 17]. Такой взгляд предполагал, что культурный слой в своих основных археологических измерениях (стратиграфическом, планиграфическом, хронологическом) будет равен одному поселению. И с ним связан комплекс объектов и находок, которые жёстко сопряжены друг с другом по указанным показателям [Там же, с. 18].

Ярким примером действия данного подхода являются получившие мировую известность исследования стоянок Зарайска. Комплексный анализ показал многослойность Зарайска А, где каждый из культурных слоёв имел пространственную структуру, связанную с наличием углублённых объектов (ямы, очаги, полуземлянки), скопле-

ний артефактов и крупных фаунистических остатков [Амирханов и др., 2009, с. 19–35]. Структурированность планиграфического распределения материала, характеризующая особенности хозяйственно-бытовой деятельности комплекса Зарайск В, показала однослойность памятника. В данном случае результаты ремонтажа и планиграфического анализа позволили осуществить пространственно-временную фрагментацию производственных цепочек – выявить паузы в процессе расщепления, а также вычленил с большой долей уверенности участки поселения с конкретной направленностью трудовой деятельности, реконструировать моменты повседневной жизни и даже некоторых особенностей социальной организации древнего коллектива [Лев, Еськова, 2012, с. 88].

Планиграфические наблюдения по к. с. 3 Зарайска А позволили исследователям сделать вывод о структуре палеолитического поселения, включающего не менее трёх небольших жилищ наземного типа (площадью по 7–8 м²); выявить планировочную сообразность во взаимном расположении объектов, ориентированных в целом вдоль продольной оси мыса; определить южное направление входов; проследить смену стратегии освоения пространства обитания, показывающую принципиальную возможность радикальных преобразований в характере поселения в ходе развития одной и той же культуры при сохранении почти неизменными технологических и морфологических показателей каменного инвентаря. Причиной, обусловившей это сходство в поселенческом аспекте культуры, авторы считали фактор адаптации носителей различных культурных традиций к общим для них и весьма специфичным природно-климатическим условиям [Амирханов и др., 2009, с. 33–35].

Специфика культурного слоя как археологического объекта обусловлена также влиянием процессов декомпрессии – наложением разных по времени обитания или функционирования принадлежности стоянок-комплексов и разрушением жизнедеятельностной структуры стоянки естественными постдепозиционными процессами [Инешин, Тетенькин, 2010].

Особенностью реконструкции в этом случае является то, что она ведётся от минимально возможного – сохранившихся в слое культурных остатков. В итоге знание о стоянке складывается из знания: «1) о единичных артефактах; 2) о фрагментах деятельности; 3) о стоянке в целом. При этом факторами, ограничивающими возможность допуска, выступают: а) не полностью раскопанный слой; б) компрессия культурных остатков; в) степень тафономического ущерба» [Там же, с. 28–29]. По сути, археологи имеют дело с остаточным пластом информации, которая прошла несколько стадий выборки и утрат.

Обращение к культурному горизонту как артефакту явилось положительной тенденцией. Внимание исследователей фокусируется не только на «выемке» предметного комплекса, но и на анализе мельчайших деталей микростратиграфического и планиграфического порядков. Определяющим становится способ представления деятельности как развивающегося во времени процесса, механизм которого основан на кооперации гетерохронных и гетерогенных (в смысле различных сфер деятельности) актов и создании модели деятельности ситуации. Подобная модель – это теоретическое представление процессов формирования структуры объекта, программы знаний по планиграфии различного типа комплексов и культурного слоя горизонтов в целом [Там же].

В этой связи особо хочется выделить исследования памятников в бассейне р. Витим, проводимых сотрудниками Лаборатории древних технологий Иркутского государственного технического университета. На настоящий момент их работы являются ведущими в тематике изучения поселенческих памятников с хозяйственно-жилищными комплексами на территории Восточной Сибири. Монографический труд, посвящённый местонахождению Большой Якорь I, – впечатляющий пример академи-

ческого научного исследования [Инешин, Тетенькин, 2010]. Его авторы убедительно обосновали существование проблем, связанных с закрепившимися в археологическом сознании границами считывания информации. Мультидисциплинарный подход к анализу источников, в том числе микростратиграфические и планиграфические исследования легли в основу разноплановых и многоуровневых реконструкций, характеризующих среду обитания и стратегии жизнедеятельности древних коллективов Байкало-Патомского нагорья [Анри, Тетенькин, 2014; Тетенькин, 2015; 2016; Тетенькин, Анри, Клементьев, 2017].

Методологические разработки иркутских учёных отталкивались от осознания разноформатности контекста источника, определяющего «совокупность восприятия артефактов и пространства их полагания». «Специфика «культурного слоя» археологического объекта состоит в развитии на нём процессов компрессии, приводящей к наложению разных по времени обитания или функциональной принадлежности стоянок-комплексов и в нарушении жизнедеятельностной структуры стоянки постдепозиционными естественными процессами. Развитие тафономических изменений диктует отказ от восприятия априори культурного слоя как единой поверхности обитания одной деятельностной ситуации, следовательно, и необходимость организации особых исследовательских процедур реконструктивного хода от «культуросодержащего слоя» к «стоянке». По мнению исследователей, такая реконструкция предполагает выделение дискретных фрагментов деятельностных ситуаций (стоянок), например, очажных комплексов, архитектурных композиций с последующим поиском доказательств их вхождения в единую деятельностную ситуацию [Инешин, Тетенькин, 2010, с. 28]. Помимо данного подхода была сформулирована и теория организации социального пространства.

Представленные методологические разработки определили научную значимость системно-деятельностного анализа,

максимально обеспечивающего на современном этапе развития археологии объективность дискретных знаний.

Отдельным объектом исследований начинает выступать внутренняя планиграфия жилых площадок. Детальный анализ комплекса 6-го к. г. Коврижки IV позволил исследователям интерпретировать его как остатки лёгкого наземного округлого в плане жилища с двумя очагами (в центре и в привходовой части). Во внутреннем пространстве были выделены функциональные зоны специализации: на правой половине жилища – домашней хозяйственной деятельности, по левой половине – обработки камня, что «нацелено, преимущественно, на отжим микропластин и, возможно, также заправку вкладышевыми лезвиями охотничьего оружия» [Тетенькин, Анри, Клементьев, 2017, с. 50]. Отмечены действия по намеренной присыпке поверхности центрального очага по завершении его функционирования крупнозернистым песком [Там же, с. 40]. Планиграфически определялось направление входа/выхода с левой стороны от очагов. Сезонное функционирование соотносилось с зимним временем.

В первое десятилетие XXI века применение планиграфических методов анализа в археологии становится неотъемлемой частью комплексных исследований и сопровождается выполнением широкомасштабных полевых и аналитических работ. Усложняются цели и задачи. К числу приоритетных принадлежат «разработка методики поиска следов, фиксация и интерпретация признаков личностных и специфических этнических черт в бытовой и производственной деятельности человека; изучение вариантов проявления стереотипов в движениях, действиях или поведении людей»; определение динамики развития деятельностной ситуации в данной области [Волков, 2000, с. 2; Инешин, Тетенькин, 2010, с. 38]. Особая роль отводится экспериментальной археологии, где наряду с реконструкцией технологических процессов обработки природного сырья и функциональным анализом прослеживаются тенденции развития

интереса к исследованию структур слоя, их планиграфической организации, выявлению закономерностей характеристик жилого пространства открытых и закрытых комплексов [Волков, 2007; 2010].

Для современного этапа развития поселенческой археологии характерны объёмные полевые работы, внедрение новых подходов и методов, комплексность исследований и «объективизация» информации [Виноградова, Шейпак, 1999; Виноградова, 2000; Леонова, 2009; Амирханов и др., 2009; Инешин, Тетенькин, 2010; Хамакова, Александрова, 2011; Хамакова, 2012; Медведев, 2012; Леонова, Виноградова, 2014; Белоусова, 2016].

Стремление к максимальному уровню конкретизации информации в рамках минимального хронологического отрезка – реконструкции эпизода условной одномоментности – приводит к внедрению микрофациального анализа [Многослойный памятник... , 2015б, с. 52]. Методики стратиграфического расчленения культуросодержащих отложений направлены на выявление признаков выделения естественных и антропогенных микрофаций. Особое значение с этой позиции начинают приобретать палинологические данные (плоскостного анализа), позволяющие разделять отдельные периоды обитания и характеризовать палеоландшафтные условия этих этапов.

Следует согласиться с мнением московских коллег, что результаты таких работ отличаются принципиальной новизной. Важным становится не просто выделение отдельных зон скоплений, а понимание общей структуры поселений – распространения различных следов производственной деятельности, в том числе и на периферийных, удалённых от жилых площадок участках. Начинают рассматриваться процессы, связанные с чем-либо неприятным или неудобным (по мнению современных людей – *И. Р.*) для обычной жизни (запах при выделке кож или квашении рыбы, использование каких-либо специальных веществ и т. д.) [Виноградова, Леонова, 1998, с. 51–53].

Принцип разделения комплексов по циклам деятельностной ситуации (жилищно-бытовые, хозяйственные, кратковременные, базовые и т. д.) закрепляется в археологии палеолита как общепринятый. В то же время, в публикациях исследователи явно начинают избегать конкретизации интерпретационных определений: в случае с палеолитическими жилищами всё чаще речь идёт о жилых площадках. Сами палеолитические жилища начинают рассматриваться как объекты не только бытовой жизнедеятельности, но и сакрально-ритуальной сферы [Гаврилов, Воскресенская, 2012; Гаврилов и др., 2014, с. 144–145; Гаврилов, 2015, с. 200].

В ходе изучения верхнепалеолитических стоянок среднего Поднепровья и Подесенья применительно к пространственной организации стоянок и поселений было предложено определение таксономического уровня, на основе признака доминантности структурообразующих элементов. Доминантность проявляется только при выявлении композиционной организации культурного слоя или структурного единства предметов, объектов и других остатков человеческой деятельности и не обязательно характеризует функционально стабильные объекты [Беляева, 1998б, с. 47]. Этим качеством мог обладать даже микрозаполнитель. Только после определения таксономического статуса структурообразующих элементов становился возможен корректный сравнительный анализ пространственной организации памятников [Беляева, 1998а, 2002; Леонова, 1994; Амирханов и др., 2009].

Таксономический статус и класс объектов (например, углублённые или наземные) может определяться на основе их пространственного положения в культурном слое, в частности, по признаку положения относительно древней поверхности обитания [Гаврилов, 2016, с. 77]. При анализе остатков костно-земляных конструкций памятников палеолита центрального района Русской равнины было отмечено, что в рамках одного поселения плотность и процентное соотношение различных частей костного скелета

мамонта при сооружении жилых конструкций могли варьироваться, но способ укладки одних и тех же костей оставался очень близким [Гаврилов, 2016, с. 94–104]. Явления аналогичного порядка ранее были выявлены В. Я. Сергиным. При анализе костных остатков жилых конструкций поселений Добраничевка, Мезин, Межирич, Юдиново, Гонцы, Супонево и других, исследователь отмечал, что «числовое выражение связей костных остатков жилищ по совпадающим признакам позволяет в некоторой мере судить об интенсивности связей, а на этом основании – и о конструктивной близости жилищ» [Сергин, 2011, с. 314–315]. По нашему мнению, это может указывать также на существование закреплённого навыка действий или конструктивной традиции.

Особое место в палеолите европейской России занимают памятники Костёнковской группы. Их исследования продолжаются уже почти столетие, однако материалы не перестают задавать загадки и приносить открытия. В 2013 году, обобщая известную на текущий момент информацию по памятникам европейского граветта, А. А. Сеницын среди прочих характерных элементов подчёркивал наличие уникального типа жилищ Костёнок 4, представляющих остатки длинных конструкций [Сеницын, 2013, с. 11–12].

Анализ всего объёма многолетних исследований стоянки был выполнен М. Н. Желтовой [Желтова, 2009; 2014; 2015a]. Благодаря комплексному планиграфическому анализу ей удалось восстановить целостность картины памятника с включением в современный контекст результатов исследований 1920-х годов. М. Н. Желтова обосновала разделение разновременных жилищно-хозяйственных структур и реконструктивные особенности предполагаемых жилых сооружений, показала прошедшую эволюцию в пространственной организации древнего поселения. По фаунистическому комплексу была определена сезонность поселений, реконструированы направления функциональной деятельности. Исходя из контекста археологических данных

палеолитического поселения, был поднят вопрос о наличии «мужских» и «женских» домов [Желтова, 2015b].

В 2016 году В. Я. Сергин опубликовал результаты планиграфического анализа культурного слоя Костёнок II, выполненного по материалам раскопок 1953 года. Ревизия коллекций артефактов и полевой документации, детальное изучение планиграфии показали независимое существование погребальной камеры и жилища, обнаруженных в слое. Комплексный анализ данных позволил доказать, что камера не касалась ограждения жилища и являлась конструктивно автономным сооружением. При этом внутри жилища был выделен участок, вероятно, используемый для ритуальных действий [Сергин, 2016].

Одним из результатов современных планиграфических исследований стало подтверждение правомерности выделенных ранее комплексов и их интерпретации в качестве жилищ. Подобного рода проблема существовала для жилищ стоянки Костёнки XI (Аносовка II)¹¹.

Исследования 2013–2015 годов позволили изучить в первом культурном слое кольцевое скопление костей мамонта в сочетании с выразительной коллекцией орудий труда и заготовок. Обнаружение данного комплекса, планиграфия изделий из камня, наличие кострища в пределах конструкции подтвердили факт намеренности его сооружения. Комплексный анализ позволил отнести остатки к структуре костно-земляного жилища – третьего для этого слоя. Очень важно, что факт изучения нового комплекса опроверг мнение ряда исследователей, интерпретирующих экспонирующееся в музее костно-земляное жилище стоянки Костёнки XI, а также другие как естественные «костища», возникшие в результате катастрофических природных процессов [Федюнин, 2018, с. 21].

¹¹ Стоянка Аносовка II была открыта А. Н. Рогачевым в 1949 г. Раскопки проводились в 1951–1975, 2003–2004 гг. В рамках охранных работ исследования были возобновлены в 2013–2015 гг. [Аникивич и др., 2008, с. 207–208; Федюнин, 2018].

Ревизия материалов ранее изученных памятников палеолита, получивших всемирное признание, может дать и иное понимание структуры поселений, в том числе противоречащее устоявшимся взглядам¹². Анализ пространственного распределения каменного инвентаря стоянки Радомышль I, исследованной И. Г. Шовкоплясом в 1957, 1959 гг., по которой он проследил динамику развития хозяйственно-бытовых комплексов верхнего палеолита Украины, является одним из таких примеров [Кононенко, 2018, с. 106]¹³.

О. Н. Кононенко на основе анализа каменной индустрии отнесла стоянку к среднему периоду верхнего палеолита и использовала данные о распространении каменного инвентаря для проверки, высказанной И. Г. Шовкоплясом интерпретации пространственной структуры памятника. Исследователь выполнила картирование пространственного распределения кремневых находок по отдельным категориям на фоне других структурных элементов стоянки. Результаты показали иную структу-

ру поселения, отличную от предложенной Шовкоплясом. В частности, было выделено не одно, а четыре места индивидуального первичного раскалывания. Пять отмеченных Шовкоплясом скоплений фаунистических остатков, интерпретированных им как остатки четырёх жилищ и хозяйственной ямы, по мнению Кононенко, были двумя мощными концентрациями костей мамонтов, собранных для использования с хозяйственной целью. Анализ распределения каменных находок со следами воздействия огня не показал их существенной концентрации ни в том месте, где И. Г. Шовкопляр выделял очаг, ни на других участках. В результате планиграфический анализ не подтвердил предложенную И. Г. Шовкоплясом реконструкцию стоянки [Кононенко, 2018].

* * *

Подводя итог краткому обзору развития планиграфических методов анализа и истории изучения палеолитических жилищ, следует отметить, что значительная часть работ осталась «за кадром». Объём такого рода исследований становится настолько разнообразным и обширным, что охватить его целиком в рамках одной работы невозможно, да и такой задачи, по большому счёту, нами не ставилось.

В настоящее время планиграфические исследования являются неотъемлемой и обязательной частью анализа памятников палеолита и других исторических эпох, независимо от того, содержат они остатки жилых сооружений или нет. Высокая степень информативности, которую обеспечивает совокупность методов анализа планиграфии, доказательная объективность предлагаемых на их основе выводов и реконструкций определяют их место в археологии. Жилищная проблематика неизменно лидирует в рейтинге актуальности палеолитоведения. Не случайно усилия исследователей направлены не только на получение и анализ новых данных, но и на ревизию информации по уже известным и признанным комплексам.

Систематизация и описание археологических коллекций, критический анализ имеющейся и восстановление утраченной

¹² В начале второй половины XX в. широкомасштабные целенаправленные исследования палеолита включали раскопки уже известных памятников (Молодово I, Молодово V, Мезин, Пушкари I) и сопровождалась открытием новых (группа Радомышльских стоянок, Добраничівка, Межиричи, Фастов). Стоянки раскапывались широкими площадями, фиксировалась каждая деталь (планиграфически, фотографически, иллюстративно), что позволило ещё в процессе раскопок очертить структуру поселений, выделить определённые участки, связанные с хозяйственными и бытовыми занятиями, обнаружить остатки искусственных сооружений [Кононенко, 2018, с. 106].

¹³ Стоянки Радомышль были открыты И. Г. Шовкоплясом в 1956 г. и с перерывами исследовались в 1957–1965 гг. По итогам исследований Шовкопляр реконструировал сложную структуру стоянки Радомышль I. По его мнению, материал стоянки характеризовал устройство первобытной общины начальной поры верхнего палеолита. Быт, хозяйственная и производственная деятельность общины были уже разделены между отдельными семьями, но полностью или частично сохраняли еще групповой (общинный) характер. Шовкопляр выделял на Радомышле I структурные объекты в виде шести небольших наземных округлых и подвальных жилищ, а также ямы-хранилища, которые образовывали плотно замкнутый круг – небольшое поселение. На его внутренней площади (пространство между сооружениями) находились производственный центр и достаточно большой костёр [по: Кононенко, 2018, с. 107].

полевой документации, уточнение хронологии и функциональный анализ – всё это направлено на полноценное введение в научный оборот всей совокупности уникальных для каждого случая знаний. Это сложная научная программа, реализация которой требует времени и усилий не одного поколения исследователей.

Решение проблем, связанных с тематикой палеолитических жилищ, выходит на качественно новый аналитический уровень. Обобщение информации сопровождается разработками корректных дефиниций и признаков выделения жилых объектов. Особенно злободневны эти проблемы для территорий, где первобытные архитекторы при возведении жилых конструкций вместо костей представителей плейстоценовой фауны использовали другие материалы. Здесь требуются иные подходы к анализу археологического источника и выявлению поселенческих структур.

Данные палеоэкологии говорят о достаточном количестве древесных и иных растительных ресурсов, что позволяло применять их при постройке ветровых заслонов или для создания иных наземных конструкций. При этих обстоятельствах следы и остатки жилых сооружений должны выглядеть совершенно иначе, и для их обнаружения нужна особая тщательность при археологических раскопках, фиксации материала и камеральной обработке данных [Леонова, 2009, с. 201].

В целом констатируем факт развития особой тенденции в изучении памятников поселенческого типа, переход от выделения признаков отдельных скоплений и локализованных жилищных и производственно-хозяйственных структур к анализу в целом моделей планировки временных и базовых стоянок с реконструкцией характера специфической деятельности и трудовых операций, ритуальных и поведенческих традиций.

Глава 2. Исследования планиграфии жилищ и хозяйственных комплексов палеолита в Забайкалье

2.1. История открытия жилищ

История археологического изучения территории Забайкалья от первых упоминаний обнаружения и сбора древних артефактов и образцов палеофауны в XVIII–XIX веках до современных научных раскопок находит детальное отражение в трудах целого ряда исследователей [История Сибири, 1968; Ларичев, 1969; 1972; Окладников, 1976; М. В. Константинов, 1994]. Уделяя значительное внимание историографическому аспекту, отдавая дань уважения предшественникам, они определяли задачи нового времени, проявляя «стремление полнее понять характер древних поселений как памятников, обладающих сложной пространственной археолого-геологической структурой» [М. В. Константинов, 1994, с. 10].

Собственно исследования планиграфии жилищных и хозяйственных комплексов, датируемых палеолитическим временем, в Забайкалье начинаются относительно поздно, в послевоенное время. Первые стратифицированные комплексы, содержащие следы различного типа деятельностных систем эпохи палеолита, были открыты в Забайкалье А. П. Окладниковым в долине р. Селенги. В 1951 году на поселении Ошурково им были выделены в плане округлые очаги и остатки мастерской, выложенные из камней и речных галек, где производилась обработка камня [Окладников, Хамзина, 1965; История Сибири, т. 1, с. 65]. В полевом отчёте за 1958 год Окладников приводил краткие данные по результатам раскопок этого памятника и указывал наличие на разной глубине тонких линзовидных углистых прослоек толщиной до 0,2 м и связанных с ними скоплений каменных артефактов (до 100 экз./кв.), костей и позвонков в анатомических связках, «плотно

прижатых к камню». На основе пространственного расположения материалов исследователь делал вывод об обнаружении остатков очагов открытого типа при отсутствии «углублённых в землю жилищ» [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 1808, л. 61–67].

В 1968 году забайкальским отрядом археологической экспедиции Института истории, филологии и философии СО РАН СССР на правом берегу р. Уды на поселении Санный Мыс в аллювиальных отложениях второй речной террасы (горизонт б) был вскрыт комплекс палеолитического жилища. Это было первое многоочажное жилище в Забайкалье, имеющее выраженную каменную обкладку из крупных скальных глыб. Внутренний инвентарь содержал на тот момент уникальные палеонтологические находки – часть черепа и челюсть шерстистого носорога, рога горного козла и винторогой антилопы. А. П. Окладников отмечал, что жилище являлось «первой находкой подобных сооружений на исследованных районах края» [Окладников, 1971, с. 77]¹⁴. В полевом отчёте давалась характеристика стратиграфических условий нахождения материалов и краткое описание комплекса следующего содержания. Вытянуто-овальный в плане фундамент конструкции имел размеры 820×530×330 см. Он представлял собой

¹⁴ Многослойное поселение Санный Мыс было открыто А. П. Окладниковым на правом берегу р. Уда в 1958 г. [Окладников, 1958; ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 1808, л. 51–52]. В 1968 г. под его общим руководством раскопки на памятнике проводил И. И. Кириллов [Окладников, 1968; ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 3722, л. 40]. В момент открытия жилища А. П. Окладников был в отъезде, расчисткой комплекса занимались молодые сотрудники экспедиции, в том числе будущие мэтры сибирской и забайкальской археологии А. П. Деревянко, М. В. Константинов [Кириллов, 2011, с. 49–50; М. В. Константинов, 1994, с. 96].

несколько суженный в западной части овал из плотно пригнанных друг к другу и поставленных на ребро глыб гранита. Мощность кладки в глубину доходила до одного метра. В средней части, особенно к югу, она уменьшалась. С этой стороны глыбы лежали в один ряд. В восточной части камни были поставлены в несколько рядов (см. рис. 2.1). Высота фундамента над полом жилища достигала 40–60 см. Пол представлял ровную площадку, по её длинной оси в центре располагались три различные по размерам очага. Удобная для жилья площадь составляла около 23 м².

При описании очагов указывались размеры, мощность и характер заполнения,

присутствие отдельных артефактов. Только первый очаг имел условную обкладку (из небольших камней, лежащих без строгой системы, среди которых «встречались отдельные оббитые желваки кварца»). Особый интерес представляла хозяйственная яма рядом с третьим очагом, в заполнении которой были обнаружены челюсть шерстистого носорога и рога горного козла с шейным позвонком. А. П. Окладников особо отмечал факт, что *никаких орудий в яме найдено не было* (выделено А. О.) [Окладников, 1968, ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 3722, л. 40–42]. Поквадратное описание содержало обобщённый перечень найденных в культурном горизонте артефактов.

Рис. 2.1. Санный Мыс. Горизонт 6. Жилище.

Фото А. П. Окладникова, 1968 [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 3722, л. 86, рис. 9а]¹⁵

¹⁵ При печати фотографии в 1968 г. негатив плёнки оказался перевернут, и в таком виде снимок фигурирует в отчёте А. П. Окладникова. В данной публикации фотография приводится в зеркальной проекции, что соответствует реальному положению комплекса жилища.

В последующих публикациях материалов Санного Мыса исследователь приводил только указанные выше данные, опуская детальный анализ всего комплекса [Окладников, 1971, с. 44–49]. Общая характеристика структур «дома-жилища» Санного Мыса, до открытия которого «на огромных просторах Сибири были известны только два палеолитических поселения с жилищами – прибайкальские Мальта и Буреть», была позже дана И. И. Кирилловым [Кириллов, 1979, с. 13]. Текст содержал включённые в отчёт А. П. Окладникова сведения. Описание деталей, характеризующих планиграфию комплекса, не приводилось. Сложившаяся парадоксальная ситуация имела под собой субъективный контекст, который и привёл к столь своеобразной публикации материалов¹⁶. По стечению обстоятельств полное описание комплекса Санного Мыса было выполнено почти 25 лет после его открытия [Палеолитическое жилище... , 1993; А. В. Константинов, 2001, с. 125–130]. Работы по изучению и реконструкции условий формирования отложений и культурных слоёв были осуществлены в начале XXI века [Лбова, Коломиец, Савинова, 2007].

Не менее сложная научная судьба у жилищ поселения Варварина Гора. Памятник был открыт в 1968 году Д. Б. Базаровым и Е. А. Хамзиной [Базаров, 1968]. Раскопки проводились в 1973–1975 годах под руководством А. П. Окладникова и носили предварительный характер. В результате работ была «вскрыта характерная картина палеолитического жилища. Кости животных и обработанный камень располагались в пределах чётко ограниченной площадки, окаймлённой выкладками из камней и вырытых древними обитателями этих мест

ям... хранилищ – кладовых» [Окладников, Кириллов, 1980, с. 31–32]. По мнению А. П. Окладникова, в одной из ям было выполнено культовое захоронение головы хищника, «сопровождаемое жертвенным приношением частей лошади» [Окладников, 1974, с. 215]. В силу краткости публикации никаких уточняющих сведений, которые позволили автору сделать этот вывод, в статье не приводилось.

Следует отметить, что отсутствие детализации при описании культурных горизонтов с жилищными структурами по забайкальским памятникам было характерно для А. П. Окладникова. Уделяя значительное внимание каменному и костяному инвентарю, определению видового состава фауны, он не останавливался в публикациях на описаниях самих жилищ, ограничиваясь констатацией их «уникальности» и «своеобразия» [Окладников, 1976, с. 426, 436], вероятно, считая факт их наличия очевидным.

В результате сложилась ситуация, при которой ни один из изученных в 1960–1970-х годах в Забайкалье жилищных комплексов не был должным образом опубликован. В дальнейшем это вызвало недоверчивое отношение к ним самим и породило дискуссию о достоверности выделения палеолитических жилищ, особенно в контексте малой мощности культурных слоёв и отсутствия крупных скоплений костей плейстоценовой фауны. Проблема признания некоторых и сейчас остаётся актуальной. Жилище Варвариной Горы до сих пор принимается исследователями с определённой степенью допуска – «жилище (?)» [Лбова, 1996, с. 13]. В совокупном описании, выполненном Л. В. Лбовой на основе анализа опубликованных данных и архивных материалов, планиграфическая ситуация памятника характеризовалась следующим образом: «Раскоп (сл. 7) представляет собой довольно хаотичное нагромождение костей животных, каменных глыб и артефактов, определённых исследователями как хозяйственный двор и предположительно, наземная жилищная конструкция площадью 80 м² с долговременным очагом, устроенная

¹⁶ В личной беседе И. И. Кириллов рассказывал, что детальное описание было им выполнено и передано для отчёта А. П. Окладникову, но тот по какой-то причине данный фрагмент текстов изъясил. Именно поэтому до середины 1990-х гг. описание санномысского жилища оставалось неполным, с весьма схематичным планом. Только благодаря тому, что жилище Санного Мыса было законсервировано [Окладников, 1968; ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 3722, л. 43; А. В. Константинов, 1999а, с. 112; Кириллов, 2011, с. 54], его удалось «доисследовать» много лет спустя.

на специально подготовленной площадке» [Лбова, 1992].

Предпринятые в начале XXI века попытки планиграфического анализа комплексов Варвариной Горы не внесли ясности по этому вопросу. Интерпретация границ жилищ по представленным в публикациях планам недостаточно убедительна и требует дополнительного рассмотрения [Лбова, 2000; А. В. Константинов, 2001, с. 131–134]. Отдельные аспекты, в некоторой степени затрагивающие проблему восстановления планиграфической картины комплексов памятника, рассматривались и в более поздних работах [Гричан, 2006; Коваленко, Смычагина, 2013].

В 1971 году в долине р. Хилок археологической экспедицией Читинского педагогического института было открыто древнее поселение Толбага. Его раскопки проводились в 1970–1990-е годы под руководством М. В. Константинова и С. Г. Васильева. Общая площадь вскрытия памятника составила порядка 1100 м². Стратиграфический разрез включал четыре литологических уровня залегания артефактов. Четвёртый литоло-

гический слой содержал остатки сложного хозяйственно-бытового комплекса. В первых публикациях о памятнике приводились краткие сведения об организации пространства поселения. Описывались «остатки кострищ, в том числе выложенные плитками гнейса рабочие площадки, на которых обрабатывали камень, изготавливали орудия труда, много костей животных» [Кириллов, М. В. Константинов, 1974, с. 206].

В процессе изучения основного культуросодержащего слоя прослеживались признаки, характеризующие формы хозяйственного уклада и планиграфии стоянки. К наиболее важным структурным элементам поселения относились жилища с каменными обкладками оснований (см. рис. 2.2). Одно из них, округлой формы диаметром 6 м, имело по центру четыре очага, расположенные «квадратом», с отдельными плитками гнейса рядом. Другое занимало площадку размерами 12×6,4 м и включало остатки 12 очагов. При расширении площади вскрытия памятника были обнаружены остатки ещё трёх жилищ [Геология и культура... , 1982, с. 23–26].

Рис. 2.2. Толбага. Раскопки комплексов жилых площадок основного палеолитического слоя.

Фото из личного архива С. Г. Васильева

Надо отметить, что опыт раскопок комплексов Толбаги показал изменения в подходе к изучению памятников с жилыми структурами [М. В. Константинов, 1982, с. 158;

Базарова, Семина, М. В. Константинов, 1985]. Как писал М. В. Константинов, выявление жилищ Толбаги «было результатом прогнозирования на основе анализа плани-

графических ситуаций» [М. В. Константинов, 1994, с. 50]. Выросший методический уровень раскопок позволил исследователям уточнить структуру поселения, проследить связи между различными элементами слоя и конструктивные особенности жилищных площадок; определить наличие разных видов очагов: прямоугольной формы с каменной обкладкой и сравнительно небольших, округлых, «вымощенных» плитками [Васильев, Кузнецов, Мещерин, 1987]. Комплекс воспринимался как остатки жилища – его нижней, наземной части. Характерной чертой являлось соотношение структурообразующих элементов: очаги располагались во внутреннем пространстве, ограниченном каменными выкладками. В ряде случаев особое положение плит предполагало наличие «тамбура во внутреннее пространство» [М. В. Константинов, 1994, с. 49–50]. В процессе раскопок Толбаги для уточнения условий залегания находок и фиксации степени сохранности культурного слоя выполнялись тщательные замеры максимально возможного количества параметров пространственной ориентации артефактов. Эта, повсеместно принятая в настоящее время в археологии методика, на момент начала раскопок Толбаги в 1970-х годах впервые принялась для забайкальских памятников. На основе выявления ремонтных связей среди каменного и остеологического материала в сочетании с технолого-типологическим методом предпринимались первые попытки прогнозирования деятельностных ситуаций формирования структур [Васильев, Макагон, 1988].

Несмотря на широкую известность памятника описательная часть работ, посвящённых изучению толбагинских жилищ, до последнего времени не содержала детальной информации о конструктивных элементах и их расположении относительно друг друга. Анализ археологического инвентаря выполнялся комплексно, что исключало пространственные привязки. Характеризуя контексты Толбаги, М. В. Константинов писал: «Всё это создаёт впечатление системно устроенного пространства с внутренней ор-

ганизацией и приблизительно намеченными границами» [М. В. Константинов, 1994, с. 48–50].

Попытка «персонального» описания жилищ Толбаги была предпринята в 2001 году А. В. Константиновым в обобщающем труде по жилищам Забайкалья. Не касаясь особенностей внутренней планиграфии, автор монографии систематизировал сведения о количестве очагов и их организации. При рассмотрении вариантов реконструкции наземной части сооружений им были высказаны «определённые сомнения» по поводу выделения большого 12-очажного жилища [А. В. Константинов, 2001, с. 134–138].

Одной из задач планиграфического анализа материалов Толбаги стало выявление процессов постседиментационных изменений и их влияния на сохранность культурного слоя. В итоге местонахождение Толбага было отнесено к типу поселений с одним культурным слоем (4-й литологический слой основной, 1–3-й литологические слои переотложения), содержащим остатки хозяйственно-бытового комплекса со сложной структурой. Данный вывод особенно важен, так как Толбага относилась к тем немногим памятникам раннего этапа верхнего палеолита на территории Сибири, где были выделены жилища этого времени [Васильев, Рыбин, 2009, с. 15]. На этапе завершения исследований в основном 4-м литологическом слое Толбаги были зафиксированы остатки восьми жилищ, около 30 очагов и зольных пятен, обнаружено 77,6% всех находок – каменных артефактов и костей животных. В планиграфии северной части памятника были определены комплексы, позволяющие говорить о существовании жилых конструкций, а также зон производственной деятельности, которые ранее на Толбагинской стоянке не выделялись: места разделки добычи и использования охры [Там же, с. 13].

Комплексный анализ остеологической коллекции Толбаги показал связь крупных скоплений костей с жилищами и очагами. При этом кости, не модифицированные человеком, располагались в основном на пло-

щадках, не занятых жилими комплексами. Большая часть орудий из кости связывалась с очагами. Отщепы и осколки костей также концентрировались в пределах выделенных жилищ [Васильев, Рыбин, 2009, с. 17].

Результаты анализа каменной индустрии и археозоологической коллекции в сочетании с данными стратиграфии и планиграфии позволили уточнить интерпретацию стоянки Толбага. Ранее она рассматривалась как долговременное либо сезонное (предпочтительно зимнее) поселение [М. В. Константинов, 1994, с. 142; А. В. Константинов, 2001, с. 163–164]. По мнению С. Г. Васильева, Толбага была местом периодических многократных относительно продолжительных посещений людьми. Распределение структур стоянки, удалённых друг от друга на расстояние до 100 м неширокой полосой вдоль склона перпендикулярно руслу р. Хилок, отражала процесс регулярного смещения «пятен» заселения, в зависимости от наличия удобных ровных площадок по вытянутой вдоль склона ложбине. Выделенные жилищные структуры демонстрировали эпизоды заселения, а общая площадь стоянки рассматривалась как палимпсест – результат накладывавшихся друг на друга эпизодов. Исследователи, сопоставляя характер жизнеобеспечивающей деятельности человека и особенности утилизации камня, предположили, что жизненный цикл древнего населения стоянки был адаптирован к многократным посещениям территории, удобной для сезонной (летне-осенней) охотничьей деятельности [Васильев, Рыбин, 2009, с. 33–34].

В 1972 году Верхнеамурской археологической экспедицией ЧГПИ в долине р. Онон были раскопаны остатки палеолитического жилища в третьем слое поселения Амоголон. Плотно лежащие камни образовывали кладку, которая дугой охватывала выходы цоколя, замыкая овал с площадью 28–29 м². Поблизости от выкладки были выявлены округлые (диаметром 10–15 см) ямки с чашевидным дном глубиной 7–9 см, которые могли служить основанием для опоры кровли. Исследователи отмечали

отсутствие остатков очагов. В планиграфии участка выделялось ограниченное обкладкой пространство, на котором осуществлялась деятельность людей. На опубликованном плане были схематично обозначены единичные осколки костей и около 130 каменных артефактов. Авторы раскопок указывали, что в целом конфигурация кладки и примерная полезная площадь внутри аналогична широко известным жилищам позднего палеолита Сибири, и делали вывод об обнаружении остатков жилища-мастерской [Окладников, Кириллов, 1980]. Несмотря на важность открытия, комплексного планиграфического или технико-типологического анализа коллекции Амоголона выполнено не было.

Одним из ярких памятников, давших уникальный материал для планиграфических исследований поселенческих структур в Забайкалье, стало местонахождение Сухотино-4 открытое в 1971 году на берегу р. Ингоды в черте г. Читы [Кириллов, 1979; Окладников, Кириллов, 1980]¹⁷. Многослойный памятник с комплексом древних поселений был связан с индустриальной базой мастерской-каменоломни. Он изучался под руководством И. И. Кириллова, начиная с 1972 года с перерывами по конец 1980-х годов [Филатов, 2016, с. 3, 12]. Стационарные раскопки проводились на 11 культурных слоях. Палеолитические слои охватывали хронологический отрезок от 25 до 11 тыс. л. н. В них были выявлены следы хозяйственно-бытовых комплексов, включающих жилища, рабочие площадки, очаги, а также культовые места, встречающиеся в том или ином виде во всех слоях поселения. В полевом отчёте за 1979 год в планиграфии культурных слоёв уже отмечались различные структурные элементы.

¹⁷ Первые сведения о нахождении древних стоянок и местонахождении каменных орудий и остатков плейстоценовой фауны на Титовской сопке в границах г. Читы относятся к началу XX в. и 1920-м годам. Они связаны с именами основателя Забайкальского краевого краеведческого музея А. К. Кузнецова, сотрудника музея А. И. Махалова, учителя-краеведа Е. И. Титова. В 1952 г. А. П. Окладников открыл здесь мастерскую каменного века [Кириллов, 2011, с. 84–85].

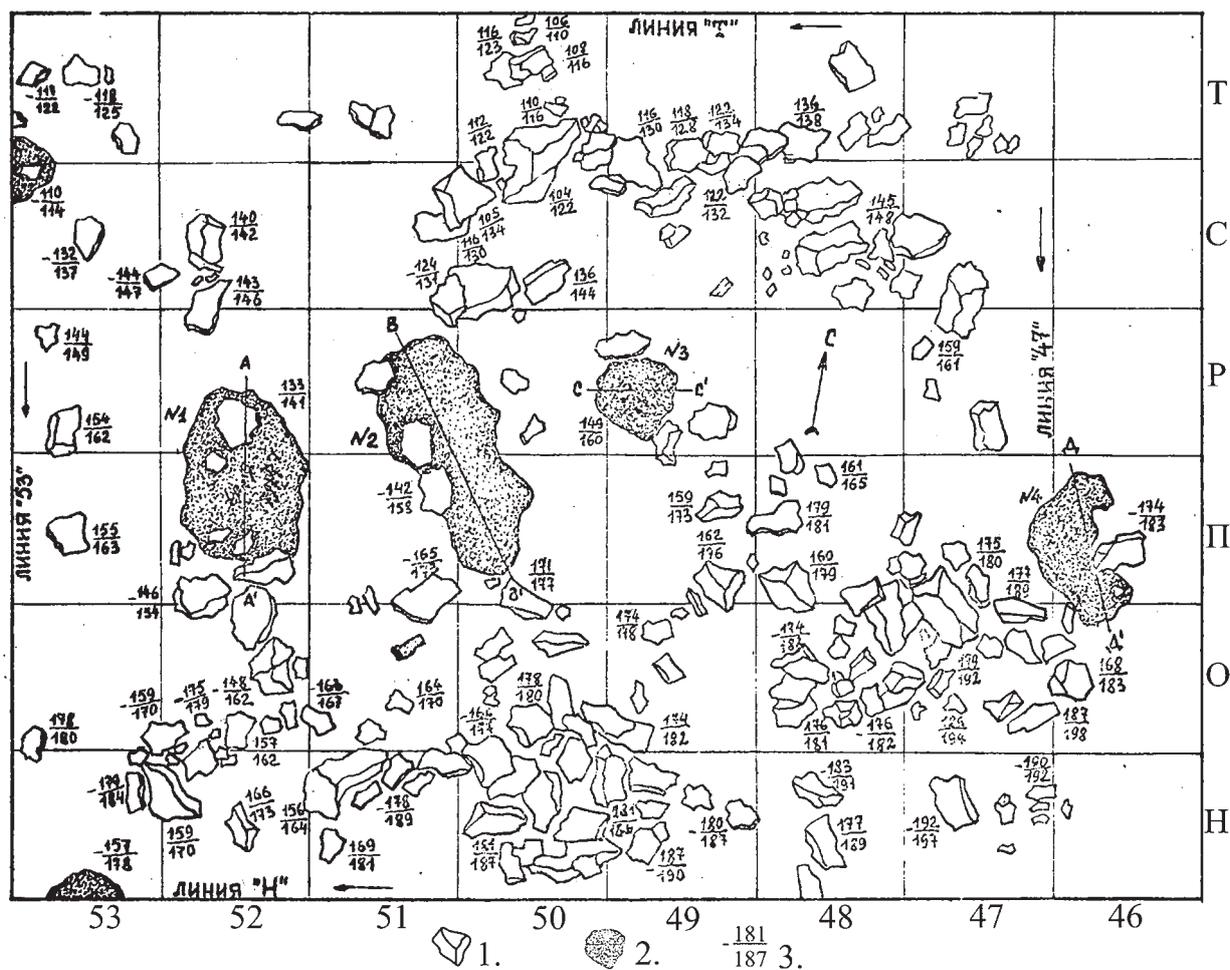

Рис. 2.3. Сухотино-4. Раскоп 8. Нижняя золистая прослойка.

План расположения очагов и каменных выкладок.

Условные обозначения: 1 – скальные обломки; 2 – углистые пятна; 3 – нивелировочные отметки [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 9321, л. 77, рис. 35]

Следует учитывать, что в соответствии с принятой на тот момент методикой вскрытия пластами толщиной до 0,2 м, культурный слой разбивался на прослой (горизонты), что нашло отражение при фиксации и описании материалов по комплексам. На каждый культурный слой составлялись отдельные планы: 1) для камней и очажных пятен (см. рис. 2.3); 2) для находок, с указанием диапазона глубин вскрытия (см. рис. 2.4). Именно эти разъединенные планы в дальнейшем фигурировали в публикациях, иллюстрируя описание жилищно-хозяйственных комплексов Сухотино-4. При этом исследователи обращали внимание на характер взаимосвязей между отдельными элементами и в разной форме фиксировали их особенности.

При характеристике комплекса к. сл. 3 раскопа 8 (в 1984 г. нумерация слоёв была изменена – РИИ) приводилось описание в южной части участка вскрытия по линии Н–О невысокой, почти прямой, несплошной каменной выкладки (по одной стороне длиной до 7 м), представленной отдельными скоплениями глыб. Линия выкладки приобретала овальную форму с разрывом в ней шириной до 1 м. Часть выкладки замыкалась очажным пятном в кв. 46–47, П. К северо-западу от очага камни шли разрозненно, чтобы на уровне кв. 47–51, С–Т перейти в полуовал выкладки длиной более трёх метров. Камни в ней были уложены плотно и на одном уровне, в то время как в западной стороне раскопа (кв. 52–53,

О–С) шли разрозненно. И. И. Кириллов писал: «Конфигурация выкладки, её характер, наличие очажных пятен внутри неё прямо свидетельствуют, что в данном случае выявлено основание жилища». По выкладкам определялся примерный размер основания (шириной от 4 до 5 м длиной до 6 м) и его площадь – около 30 м². «Пол жилища представлял собой золистую, хорошо утоп-

танную поверхность серого и тёмно-серого цвета, с углом наклона с севера на юг в 5–8°, с запада на восток – 8°. Во внутреннем пространстве были выявлены остатки кострищ... Особенностью очажного заполнения являлось наличие в верхней части плотной золистой массы, возникшей, очевидно, от пережога костей животных» [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 9321, л. 31–32].

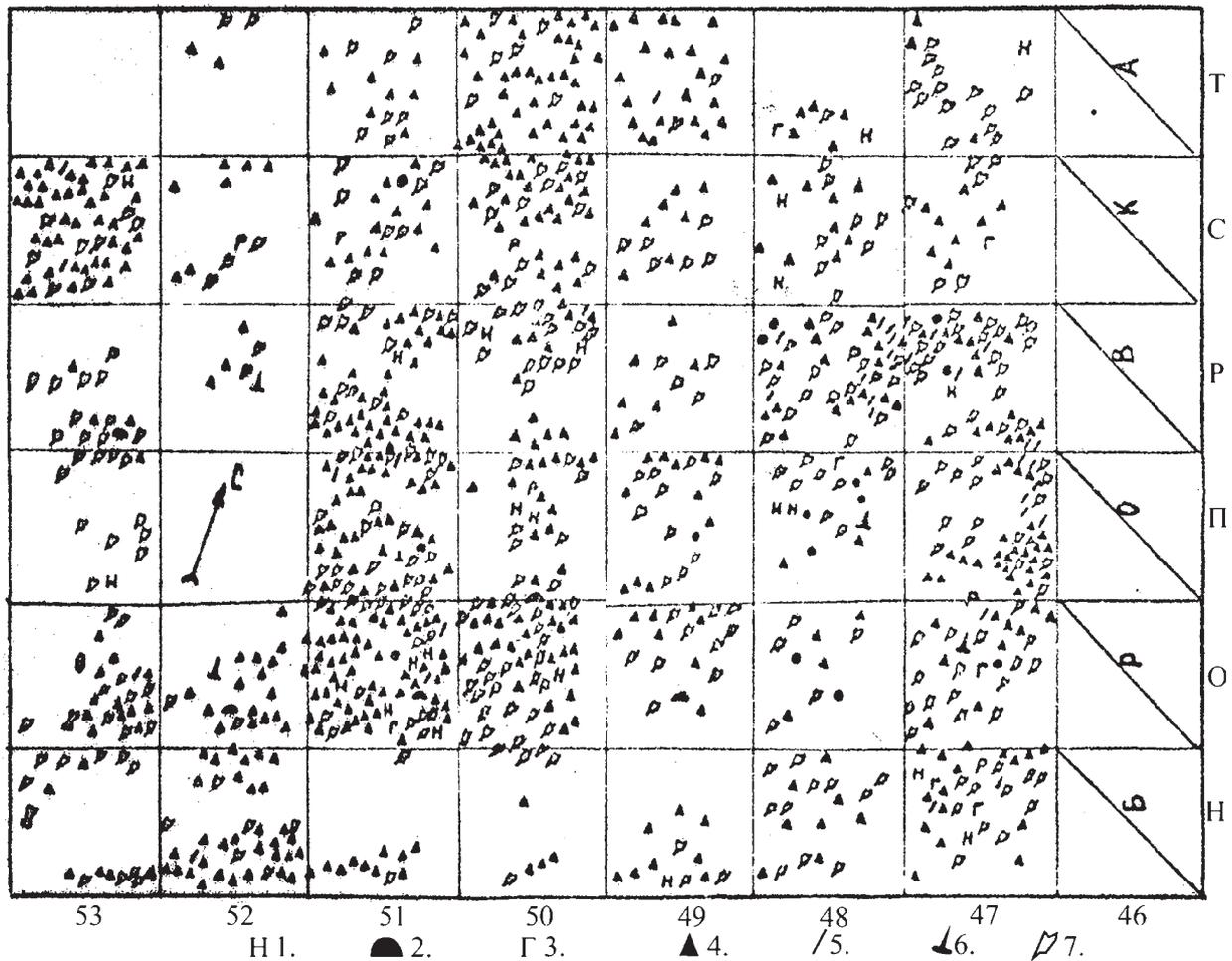

Рис. 2.4. Сухотино-4. Раскоп 8. Нижняя золистая прослойка. Глубина 155–160 см. План расположения находок.

Условные обозначения: 1 – нуклеус; 2 – скребло; 3 – галька; 4 – отщеп; 5 – пластина; 6 – проколка; 7 – фрагменты колотых костей животных
[ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 9321, л. 76, рис. 34]

В 1984 году во 2-м к. с. Сухотино-4 найдены остатки жилища при сооружении которого первоначально был вырыт неглубокий (до 0,5 м в центре) овальной формы котлован (см. рис. 2.5). Его размеры (4,2×2,7 м) достаточно чётко восстанавливались благодаря более тёмной окраске почвы на уровне его дна и под камнями кладки. Полезная

площадь – 11,3 м². По краю углубления увеличивая высоту стенки, в несколько рядов более плотно и высоко укладывались камни с его северо-западной стороны. К сожалению, значительная часть камней оплыла, заполнив внутреннюю часть котлована. Подобного рода жилища полуземляночного типа на поселении были обнаружены

впервые. Все остальные жилые комплексы имели только оконтовку камнями по периметру основания (наземного типа). К внутрижилищным был отнесён округлой формы с чашевидным дном очаг № 4 (диаметром 1,27 м), расположенный в восточной части выкладки. На его внешней поверхности с двух сторон сохранились камни обкладки. Заполнение мощностью до 20 см содержало

сверху слой сажисто-золистых накоплений (5–7 см), внизу прокалённую супесь красноватого цвета. Вплотную к очагу № 4 примыкало очажное пятно № 3 (зольное, округлое в плане, диаметром 75 см, с ровным дном и заполнением пепельного цвета мощностью 3–4 см) (см. рис. 2.5). Остальные очаги или очажные пятна слоя находились за пределами жилища.

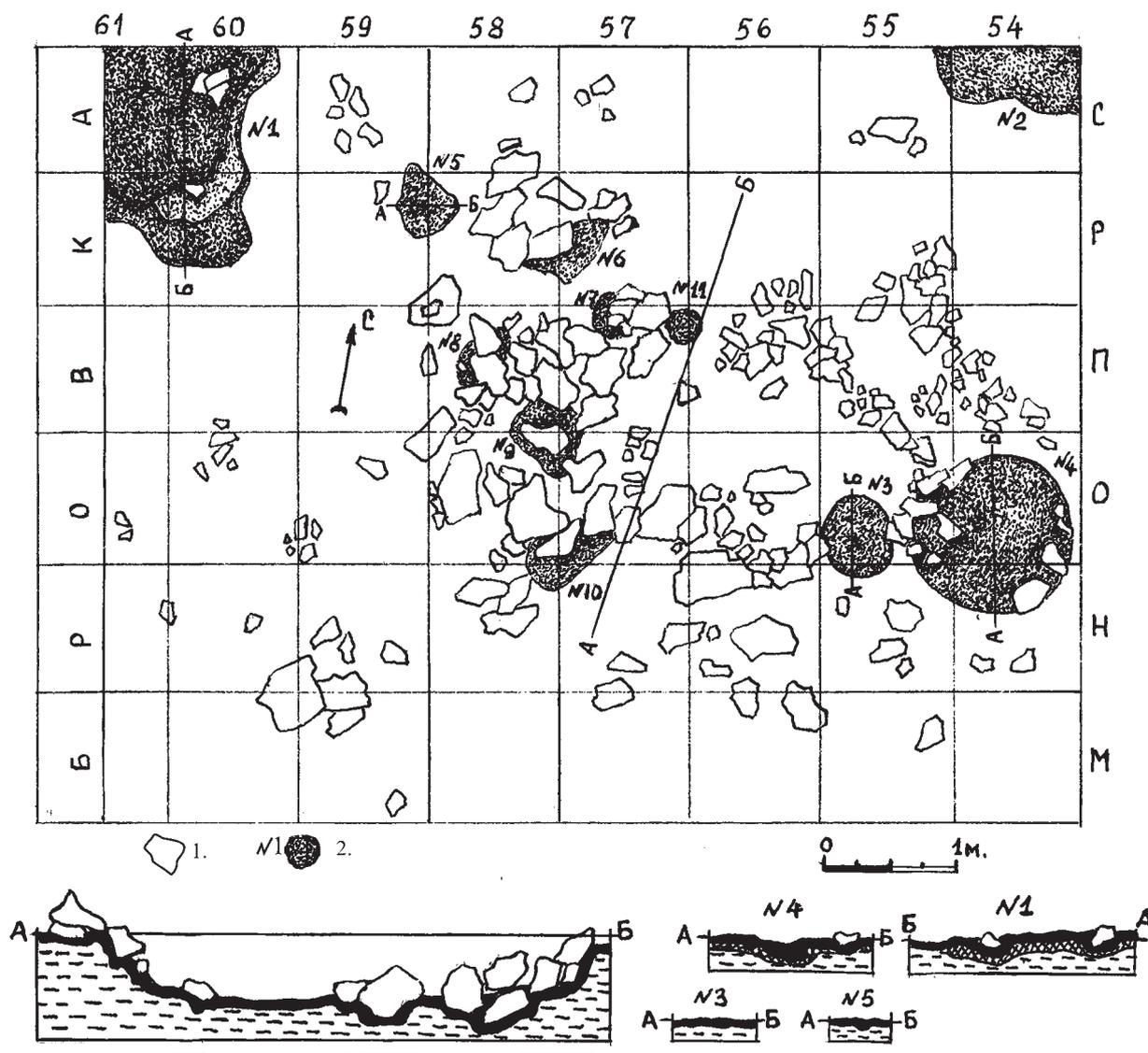
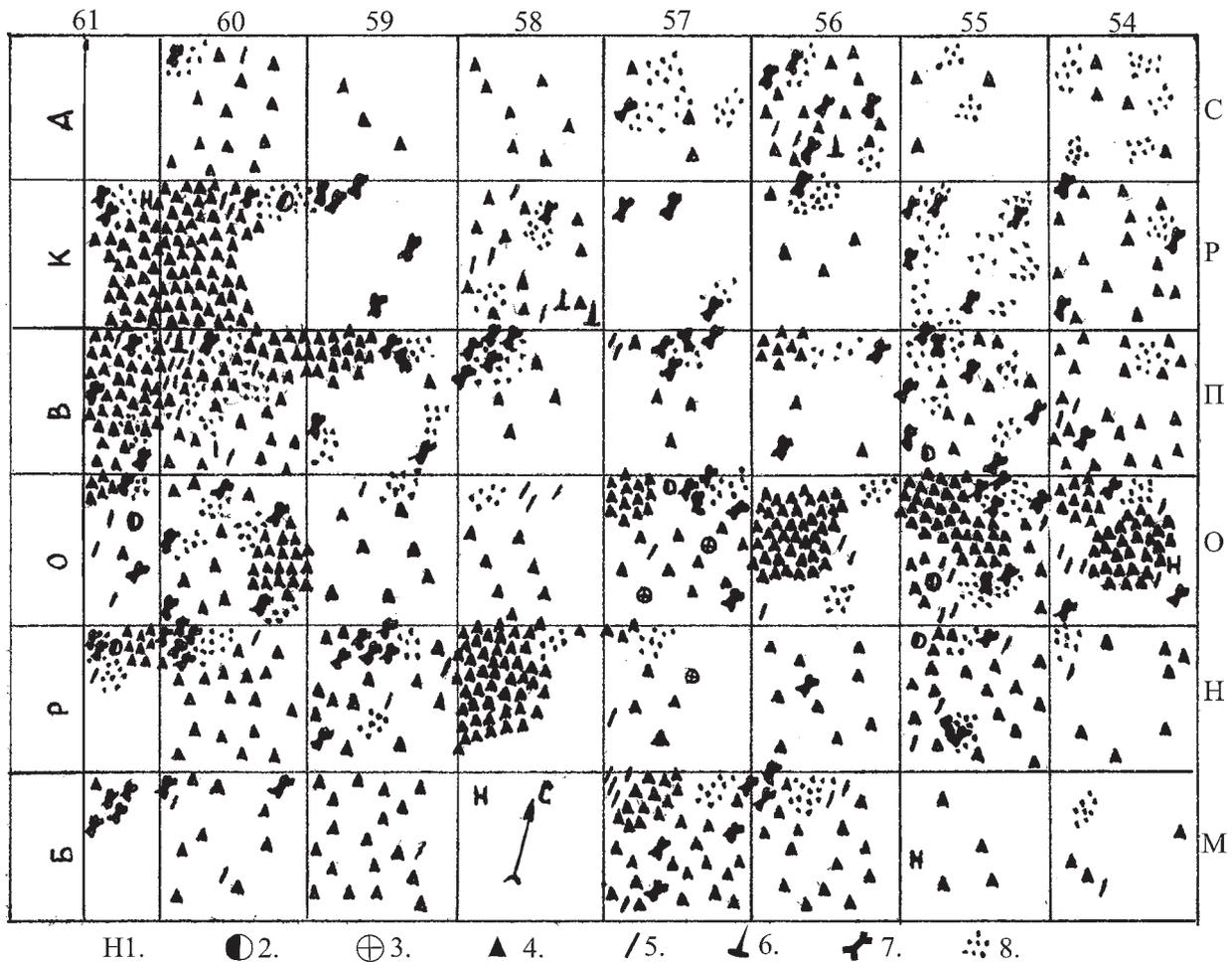

Рис. 2.5. Сухотино-4. Раскоп 9. Слой 2. План и разрезы каменной выкладки и очагов. Условные обозначения: 1 – камни; 2 – очажные пятна с соответствующими номерами [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 11080, л. 37, рис. 7]

Внутренняя часть жилища по всему пространству, в том числе и под камнями выкладки была буквально усыпана находками, включая «готовые изделия в виде разнообразных ядрищ, скребков и скребел, резцов, острий и остроконечников», а также массу мелких раздробленных костей животных (см. рис. 2.6). Имелись кусочки

охры и её пятна. Находки чётко фиксировали размеры и форму углубления котлована [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 11080, л. 9–10]. И. И. Кириллов отмечал, что жилище из к. с. 2 «оригинально по конструкции», и подобные ему «не известны пока в сибирских палеолитических памятниках» [Там же, с. 12].

Рис. 2.6. Сухотино-4. Раскоп 9. Слой 2. План расположения находок. Глубина 90–100 см. Условные обозначения: 1 – нуклеус; 2 – чоппер; 3 – охра; 4 – отщеп; 5 – пластина; 6 – проколка; 7 – фрагменты колотых костей [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 11080, л. 36, рис. 6]

Культурные слои Сухотино-4 содержали на тот момент уникальные материалы: в частности, к. с. 6 включал остатки многоочажного жилища, а в к. с. 7–11 были вскрыты целые посёлки по несколько жилищ в каждом. Всего по стратиграфическому профилю Сухотино-4 было выявлено свыше 30 (!) разнотипных жилищ [Простакишина, 1988; Кириллов, 2003].

В то же время результаты археологических исследований в материалах научных отчётов были отражены в минимальном объёме. В них приводилась только общая информация о ходе работ, наличии скоплений артефактов, включающих готовые изделия из камня, отходы дебитаж, фрагментов костей животных. В форме констатации указывалось обнаружение остатков

жилищ различных конструкций, более детально описывались многочисленные очаги, отличающиеся по форме и типам выкладок. Поквадратная статистика и описание комплексов артефактов не приводились. В отдельных случаях, в качестве исключения, указывались данные по особо выразительным предметам. Например, отчёт за 1986 год содержит данные по островам и остроконечникам с перечнем квадратов, в которых они были найдены [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 12017].

Попытка систематизировать сведения по Сухотинским комплексам и выполнить их анализ была предпринята в кандидатской диссертации О. Ю. Черенщикова [1998]. При классификации жилищ нижнего комплекса Сухотино-4 (слои 6–11) автор выделил особый «сухотинский» тип (округлое жилище с каменной кольцевой обкладкой и дополнительной каменной перегородкой во внутреннем пространстве) [Черенщиков, 1997]. Несмотря на обширность фактологического материала, недостаточная проработка планиграфии культурных слоёв и самих жилых площадок не позволили О. В. Черенщикову чётко определиться в критериях выделения разных типов сооружений. Это привело к несогласованности их описания. Реконструкция «фигурных жилищ» оценивалась как сложная¹⁸. Выразительность археологических материалов не получила должного освещения в научных публикациях. По комплексам Сухотино-4 давалась краткая, разрозненная информация, с элементом выборочности, основанной на научных приоритетах авторов работ, что не способствовало формированию целостного представления об исследованных объектах. При оформлении графических планов часть материалов выносилась на отдельные листы. На приве-

¹⁸ На рисунках, иллюстрирующих выделяемые типы сухотинских жилищ, были показаны только каменные обкладки внешних контуров конструкций и очагов, сопутствующий археологический материал отсутствует [Черенщиков, 1998, прил., табл. 19–26]. Даже в этом виде прослеживается перекрёстное наложение условных линий обкладок, что свидетельствует о сложном микростратиграфическом контексте, не нашедшем отражения в работе.

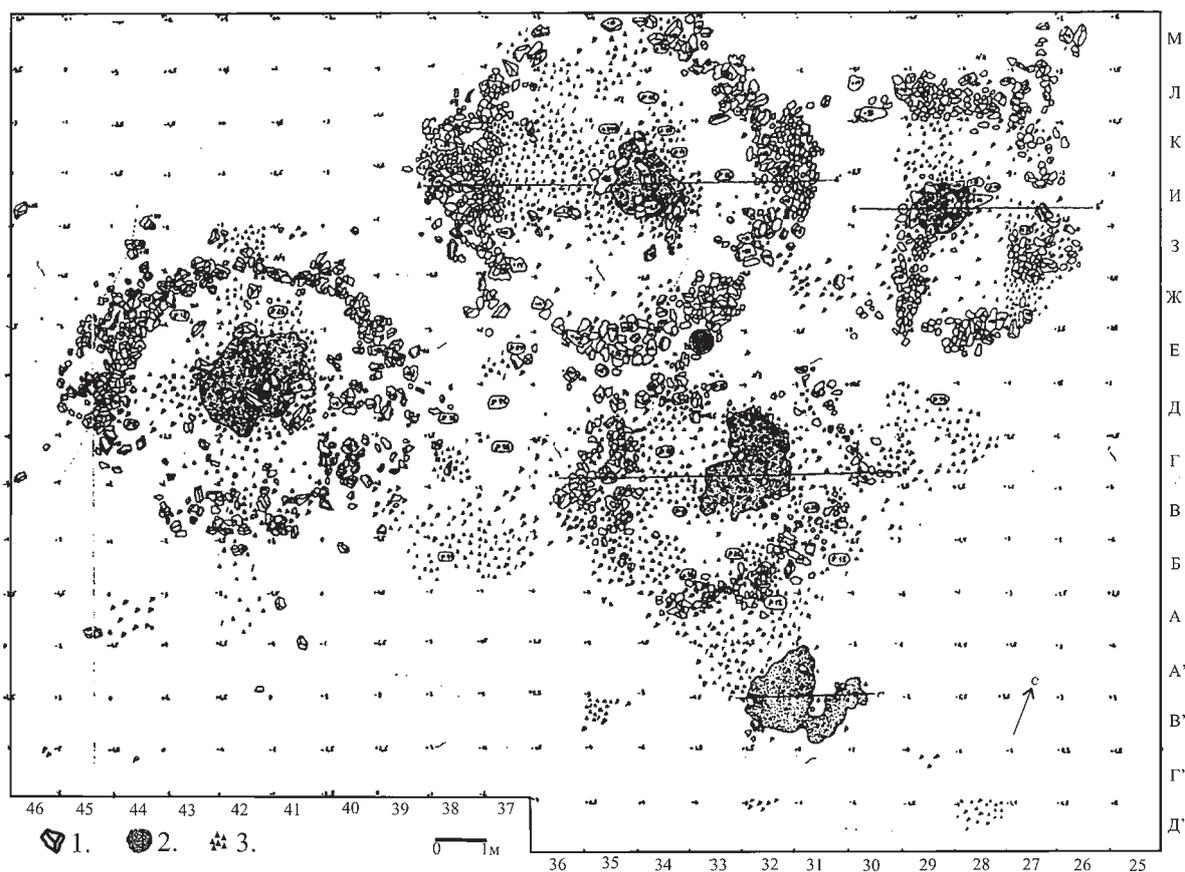
дённом И. И. Кирилловым в более поздней публикации фрагменте плана к. с. 8 Сухотино-4 (см. рис. 2.7), прослеживаются отличия в планиграфии комплексов с совмещением внешних каменных обкладок, что свидетельствует о наложении как минимум двух уровней обитания в рамках одной площадки [Кириллов, 2003; 2017, с. 46, рис. 1].

Характеризуя планиграфию к. с. 8 стоянки, сам исследователь указывал наличие восьми расположенных вдоль берега р. Ингоды жилищ, имеющих овальные в плане основания. Жилища отличались размерами (от 6 до 8 м в диаметре) и мощностью каменных кладок. У более крупных каменных выкладок между камней были найдены рога сайги. В межжилищном пространстве пятой и шестой выкладок находился очаг, выложенный по поверхности камнями. Особенно интересным, по мнению автора раскопок, был комплекс, обнаруженный к югу от жилища 1. Как указывалось ранее, детальное описание комплексов Сухотино в публикациях практически отсутствовало, и в данном случае мы имеем редкое исключение. Автор раскопок не просто акцентировал внимание на характеристике особенностей планиграфии целого посёлка, но и представил трактовку материалов с реконструкцией направлений хозяйственной и ритуальной деятельности.

И. И. Кириллов писал: «На ровной площадке в начале посёлка выявлен очаг без каменной выкладки, вся поверхность которого пропитана коричнево-красной охрой. В юго-восточном краю очага лежал крупный миндалевидный камень. Первоначально он явно стоял вертикально. Поверхность камня преднамеренно профилирована несколькими сколами-выемками, оформляющими ромбовидную головку и широкое основание. Камень имел следы охры. Этот комплекс явно имел ритуальное значение, а камень выполнял функцию оберега по типу эвенкийских “минтая”. Но в данном случае это оберег всего поселка, а не отдельного дома. Рога сайги в трех жилищах, очевидно, выполняли ту же функцию, но применительно к отдельному жилищу... С южной, либо с юго-восточной стороны кладки жилищ ослаблены,

и в них имеются разрывы, обозначающие вход. Основная часть находок сосредоточена внутри жилищ, преимущественно в центре – вокруг очага, либо в их западной части. Наличие на площадке у посёлка ритуального комплекса с камнем-оберегом, следов проведения культового обряда, проводившегося неоднократно, свидетельствует о бытовавших у обитателей посёлка довольно

сложных магических обрядах, связанных с “освящением” последнего, задабриванием (кормлением) духа-оберега, защитника данной общины. Подобные обряды, культ тотема-предка находят отражение в поделках малых форм, часть которых, безусловно, относится к изделиям искусства, часто выполняющим функции религиозных верований» [Кириллов, 2017, с. 44–45].

Рис. 2.7. Сухотино-4. Слой 8. Фрагмент посёлка в северо-восточной части поселения. Условные обозначения: 1 – камни внешних и внутренних обкладок; 2 – очажные и углисто-золистые пятна; 3 – скопления артефактов [Кириллов, 2003, с. 8, рис. 1]

К глубочайшему сожалению, материалы этого уникального памятника автором раскопок, И. И. Кирилловым, так и не были опубликованы. Известно, что в последние годы жизни учёный работал над монографией, но подготовить труд к изданию не успел.

В 2013–2016 годах была предпринята попытка систематизировать и обобщить информацию о памятниках Сухотинского георхеологического комплекса. Итогом стал выпуск научного путеводителя, в котором, в числе прочих, наиболее полно

на настоящий момент представлена информация по Сухотино-4 [Филатов, 2016]. В путеводитель включены выполненные И. И. Кирилловым, О. Ю. Черенцовым описания жилищ, характеристики коллекций артефактов. Графические иллюстрации содержат фрагменты полевых планов и архивные фотоматериалы. Научная ценность данного издания несомненна. В то же время планиграфический анализ жилищных комплексов, как и прежде, остался нереализованным.

2.2. Исследования жилищ Западного Забайкалья

Со второй половины 1970-х годов начинаются активные исследования на территории Западного Забайкалья. Выделение Чикойского отряда археологической экспедиции Читинского государственного педагогического института (ЧГПИ) положило начало планомерному изучению комплексов артефактов культурных горизонтов многослойных памятников, приуроченных к прибрежным участкам надпойменных речных террас в долинах рек Селенгинского бассейна. Под руководством М. В. Константинова, А. В. Константинова, Л. В. Семиной (Екимовой) ведутся раскопки многослойных поселений Студёное –1, 2, Усть-Менза I–IV, Алтан, Косая Шивера 1, 2, Песчаная тропа, Приисковая и др. [Геология и культура... , 1982; Цейтлин, М. В. Константинов, Одоев, 1987; Базарова, Семина, Сурин, 1987; М. В. Константинов, 1994; А. В. Константинов, 2001]. Уже на первых этапах полевых исследований памятников на уровне «визуального восприятия» были отмечены общие черты пространственной организации, как в целом культурных горизонтов, так и внутри выделяемых комплексов, которые указывали на вероятность существования в древности архитектурных наземных конструкций.

Выразительность материалов позволила авторам раскопок сделать вывод об обнаружении остатков древних жилищ [Геология и культура... , 1982; Базарова, Семина, М. В. Константинов, 1985; Базарова, М. В. Константинов, 1987; А. В. Константинов, 1992 и др.]. Особую роль в их изучении сыграли раскопки опорных памятников Студёновского и Усть-Мензинского археологических районов, на которых было открыто более тридцати культурных горизонтов с остатками жилищно-хозяйственных комплексов палеолитического времени возрастом 22–10 тыс. л. н. [МАЭ, 2011, с. 277–280, 302–306].

Авторы работ указывали, что именно при раскопках Студёного-1, началась разработка методики изучения многослойных

поселений в Западном Забайкалье, которая в дальнейшем была использована и уточнена при исследованиях памятников в урочище Усть-Мензы [Базарова, М. В. Константинов, 1987]¹⁹.

По существу именно М. В. Константинов и его коллеги первыми в регионе стали целенаправленно и регулярно заниматься изучением комплексов древних поселений с остатками жилых структур, уделяя внимание совершенствованию методик вскрытия, фиксации и последующему анализу хозяйственно-бытовых комплексов [Геология и культура... , 1982; Базарова и др., 1985; Базарова, М. В. Константинов, 1987; М. В. Константинов, 1994; А. В. Константинов, 1992; 2001]. Благодаря усилиям сотрудников лаборатории палеоэкологии ЧГПИ (в настоящее время – Забайкальского государственного университета) проблематика палеолитических жилищ Забайкалья приобрела широкую известность.

Отличительной чертой большинства древних забайкальских поселений стали чётко локализованные в пространстве археологических горизонтов скопления культурных остатков с прослеживающимися границами, благодаря лежащим по контуру группам камней (см. рис. 2.8). Планиграфические данные структур были настолько выразительны, что их практически сразу стали соотносить с остатками лёгких наземных построек для жилья [Мещерин, 2004, с. 112]. В забайкальской археологии палеолита начинает широко использоваться термин *жилище*.

Понятие *жилище* подразумевало сооружение некоей формы наземной конструкции, образующей относительно замкнутое пространство, имеющее ввиду предполагаемых суровых природно-климатических условий Забайкалья, обязательно систему обогрева в виде кострища-очага. При обу-

¹⁹ К моменту завершения исследований поселения Студёное-1, которые проводились с перерывами с 1974 по 2004 год, в разрезе отложений первой надпойменной террасы выявлены 38 культурных горизонтов, охватывающих хронологический интервал 12,8–2 тыс. л. н. [Константинов и др., 2011, с. 277].

стройстве данного пространства использовались природные материалы растительного и животного происхождения, а также камни (речные гальки, валуны и скальные обломки) для укрепления внешнего покрытия, обкладок очагов, иного назначения [М. В. Константинов, 1994, с. 141–146]. Предполагалось, что пространство жилища предназначалось как для отдыха людей, так и для выполнения различных хозяйственно-бытовых циклов деятельности.

При характеристике пола-основания отмечались направление подветренной ориентации входов, спиралевидность линии

внешних каменных обкладок, тяготение кухонных и производственных зон к участкам внутреннего пространства предполагаемых наземных конструкций. Малая «загрязнённость» горизонтов культурными отбросами воспринималась как признак кратковременности стойбищ. При этом единовременность культурных остатков одного горизонта, по мнению исследователей, не была обязательной, т. к. каждый горизонт был поверхностью потенциального обитания длительное время, и люди могли селиться на ней неоднократно [Геология и культура... , 1982, с. 102–103].

Рис. 2.8. Классический пример комплекса одноочажного жилища. Усть-Менза-1. К. г. 14.

Фото из личного архива автора

Хорошая сохранность комплексов привлекла внимание к особенностям их планиграфии. В публикациях появляются детальные планы, на которых выделялись не только находки модифицированных артефактов, но и камни, образующие разного рода структурные элементы: обкладки очагов и жилищ, камни, имеющие «интерьерное» или другое утилитарное назначение. При описании указывали разного рода скопления дебитаж, комплексов орудий, фаунистических остатков. Предпринимались попытки определения позиции входа

в жилища с учётом характера расположения групп камней в обкладках и размещения находок. На основе визуальных наблюдений предлагались варианты реконструкций наземных элементов сооружений, размещения хозяйственных и спальных зон внутри [М. В. Константинов, А. В. Константинов, Семина, 1985; Карасев, Колосов, Крушевский, 1996; А. В. Константинов, 1999б].

Редкий пример анализа форм и конструкций забайкальских жилищ на основе методов точных наук показывала работа Ю. В. Гричан (1981). Отметив, что осно-

вания одноочажных конструкций имели устойчивую, повторяющуюся на протяжении нескольких тысячелетий форму со спиралевидным внешним контуром, Ю. В. Гричан выполнил наложение геометрической фигуры – равноугольной спирали на план основания жилища культурного горизонта 19/4 поселения Студёное-1. Принимая очаг за центр основания формы, автор статьи отмечал, что распространение световых и тепловых лучей должно проходить по принципу «каустики» (спиралевидной кривой), т. е. при такой форме «площадь жилища, не имела таких зон, где создавалась бы “утечка” и неравномерное распределение лучистой энергии, испускаемой очагом» [Гричан, 1981, с. 98–99]. При этом доказывалось, что круглое в плане жилище теряло в каустике примерно до 1/4 части полезной энергии очага. На основе равноугольной спирали Ю. В. Гричан выстроил конусообразную форму верхней части жилища, в которой, по законам физики, улучшался воздухо- и теплообмен, а значит, повышался уровень адаптивности конструкции.

В ходе исследований поселений с остатками жилищ обозначились проблемы выработки критериев выделения структур закрытого типа, разработки методики анализа планиграфии их внутреннего пространства, реконструкции процессов жизнедеятельности и среды обитания. При этом сами места стоянок/поселений сразу воспринимались с позиции пространства, контекстуально освоенного и организованно адаптированного древними коллективами. Внешние естественно-природные и внутренние социальные факторы были определяющими при выборе места, обустройстве жилых площадок, размещении зон хозяйственной деятельности.

Первое обобщение темы палеолитических жилищ Западного Забайкалья было выполнено в кандидатской диссертации А. В. Константинова [1992]. В работе рассматривались критерии выделения жилищ, предлагалась их типология, анализировались размеры и формы очагов, характери-

стики каменных обкладок. Исследователь подразделял жилища по размеру площади оснований на малые и большие, по структурным компонентам – на одноочажные и многоочажные. Выделял разные типы обкладок, применяемых при сооружении очагов и наземных конструкций. Планиграфический анализ носил описательный характер, главное внимание было уделено характеристикам каменных выкладок и созданию планиметрической базы. Варианты реконструкции облика сооружений, организации приочажных таганов, внутренних и внешних пологов опирались на археологические данные и прямые наблюдения по постройке полевых (экспериментальных) чумов. Выполнялся расчёт количества жердей необходимых для постройки внешнего покрытия, внутренней «полезной» площади [А. В. Константинов, 1992; 1995].

Одноочажные жилища реконструировались в форме чумов. У сложносоставных комплексов предполагалось применение коньковой жерди. Опираясь на опубликованные материалы этнографов по жилищам эвенков, А. В. Константинов приводил данные о количестве шкур, используемых для внешних покрышек: для чума среднего размера требовалось до 40 шкур оленей, а для сложносоставных жилищ – до 120–150 шкур [А. В. Константинов, 1992, с. 206; 2001, с. 175–176]. При этом исследователь указывал, что в этнографической литературе часто отсутствует необходимая археологам «техническая» информация.

Развитие темы палеолитических жилищ нашло продолжение в монографии М. В. Константинова «Каменный век восточного региона Байкальской Азии» [М. В. Константинов, 1994]. В ней впервые были опубликованы планы и дано детальное описание двух десятков известных к тому времени на территории Западного Забайкалья палеолитических жилищ с характеристиками их пространственной организации. По сохранившимся следам наземных оснований жилища делились на одинарные и полинарные – с одним или несколькими очагами, которые специально не углублялись

и чаще всего имели каменные обкладки. Предполагалось, что каркасы конструкций могли сооружаться с использованием древесных жердей, от которых ничего не сохранилось, кроме небольших отпечатков обломков (жилища к. г. 4 Усть-Мензы-2 и к. г. 17 Студёного-1) [М. В. Константинов, 1995].

Отметим, что на этапе накопления информации исследователи отработывали, опираясь на археологические и этнографические наблюдения, схемы возможных признаков в планиграфии комплексов, указывающих на сезонную приуроченность жилищ и поселений, с учётом геоморфологических и климатических особенностей региона. Данные по фаунистическим остаткам в этих построениях не всегда учитывались ввиду незначительной представительности коллекций.

Анализируя материалы древнего поселения Студёное-1, В. Я. Сергин отмечал, что «судя по крайне малому числу культурных остатков и тонкой очажной прослойке, жилище (*горизонта 19/4*) использовалось в тёплый период, вероятнее всего, летом. Жилище горизонта 18 имело некоторые конструктивные отличия. В очаге и рядом с ним отмечены более значительные накопления углистой массы, на открытом пространстве выявлен необорудованный очажок с заполнением толщиной 8 см» [Сергин, 1988, с. 16]. Подобные остатки вскрыты в горизонтах 17, 16. Промежуточное положение горизонта 17 в однородной тонкослоистой пачке отложений свидетельствует об относительном постоянстве природных условий периода их образования, благоприятности урочища для посещений человеком в один и тот же сезон. Обработка кремня в жилище горизонта 17 была вызвана, возможно, худшими условиями погоды или существованием поселения в более прохладную часть теплого периода [Там же].

В середине 1990-х годов в область рассмотрения попадают принципы пространственной организации самих поселений. При работе над кандидатской диссертацией О. В. Кузнецов (1996), анализируя палео-

литические стоянки Забайкалья, обратил внимание на планиграфию культурных горизонтов. Исследователем были выделены участки с единичными культурными остатками, содержащие структурные элементы в виде зон концентрации массового материала и зон разрежённости и единичных находок, комплексы взаимосвязанных скоплений археологического материала, при наличии искусственно сооружённых конструкций (жилищ, очагов) [Кузнецов, 1996а, с. 178–181].

В работе О. В. Кузнецова впервые была применена для анализа некоторых забайкальских жилищ схема структурной организации внутреннего пространства, предложенная Л. Бинфордом [Кузнецов, 1996а, с. 183–184; Binford, 1983, p. 182]. Характер способов культурно-хозяйственной адаптации обитателей палеолитических поселений Забайкалья, по мнению исследователя, предполагал существование небольших подвижных групп населения, обитавших в лёгких жилищах типа чума в условиях кратковременных охотничьих лагерей. К определяющим факторам относились аридный характер палеоклимата, мозаичный ландшафт с вертикальной зональностью, состав комплекса промысловой фауны, накладывающий отпечаток на тип стратегии охоты небольшими коллективами. Учитывались наличие источников каменного сырья, типологии каменной индустрии, высокий уровень развития микропластинчатой техники.

Археологические материалы подтолкнули О. В. Кузнецова обратиться к изучению традиций современных эвенков. В 1997–2000 годах под его руководством совместно с Норвежским институтом культурного наследия проводились этноархеологические исследования эвенкийских поселений и связанных с ними структур обитания на севере Забайкалья в долине р. Чины («Чинейский Аян»). В результате были получены сравнительные данные по организации поселений и планиграфии жилищно-хозяйственных структур.

О. В. Кузнецов отмечал, что «между конструкцией и параметрами эвенкийских жилищ и жилищ, характерных для позднего палеолита Забайкалья, наблюдаются поразительные совпадения в диаметрах и в устройстве кольцевых кладок, конструкции внутреннего очага и размещения внешнего очага, расположенного перед входом в жилище» [Кузнецов, 2006, с. 22–23].

Выполненный этноархеологический анализ указывал на длительное сохранение модели поселенческой стратегии и традиций культурно-хозяйственной адаптации, присущих мобильным группам охотников-собирателей [Кузнецов, 1996б; Gron et al., 1999; Грон, Кузнецов, 2014] (см. рис. 2.9).

Рис. 2.9. Стойбище современных эвенков на севере Забайкальского края: жилище и внешний «кухонный» очаг.
Фото О. В. Кузнецова [Kuznetsov, 2010, p. 150, fig. 4b]

Перспективность применения методов планиграфии в археологии древних поселений показала результаты анализа не только памятников, имеющих чёткую стратиграфическую позицию, их использование позволило выявлять закономерности в размещении находок в культурных горизонтах подвергшихся различного рода воздействиям природного и антропогенного характера. Планиграфический анализ материалов палеолитического поселения Приисковая (пос. Большая Речка, Красночикойский район, Забайкальский край) позволил выявить направление переотложения артефактов под влиянием криогенных процессов. По-

казал «совпадение в плане зон локализации находок из 6–7 литологических слоёв и наличие при проецировании находок на латеральный профиль веерообразного разнота, имеющего локальный источник транспортировки материала» [Карасев, Колосов и др., 1996, с. 83].

Со второй половины 1990-х годов до 2004 года отрядом Чикойской экспедиции Забайкальского государственного университета (далее ЗабГУ) под руководством профессора М. В. Константинова проводились стационарные археологические исследования на территории Западного Забайкалья в долине р. Чикой в урочище Студёное.

Основные площади вскрытия в это время были развёрнуты на поселении Студёное-2. В стратиграфических разрезах памятника, связанного с отложениями второй надпойменной террасы были выявлены 16 культурных горизонтов. Восемь из них включали остатки палеолитических жилищно-хозяйственных комплексов, в том числе, многоочажных. Полевые исследования носили междисциплинарный характер. Благодаря сотрудничеству российских и американских коллег были получены серии новых радиоуглеродных дат. При изучении памятника выполнялся комплексный анализ геологии района, стратиграфических разрезов речных террас, природно-ландшафтных характеристик. Обсуждались результаты археологических полевых и камеральных работ [100 лет гуннской археологии, 1996; Goebel et al., 2000; Buvit, 2000; Человек, среда, время, 2003].

Тематическое обобщение результатов изучения забайкальских жилищ было представлено в докторской диссертации и в монографии А. В. Константинова «Древние жилища Забайкалья: палеолит, мезолит» [2001]. Основное внимание автора было обращено на проблемы археологического выделения жилищ, вопросы планиграфии и структурной организации поселений. Работы содержали детальный анализ конструктивных особенностей древних жилищ с рассмотрением возможных вариантов реконструкций форм и типов наземных сооружений. Отдельно рассматривалась проблема сохранности археологизированных остатков.

На основе анализа материалов древних стоянок исследователем были выделены характерные для Забайкалья типы жилищ: одинарные (одноочажные), сложносоставные и многоочажные. К преобладающему типу относились одноочажные жилища, сооружение которых, по мнению учёного, было тесно связано с существующими природными условиями. С позиции опыта изучения забайкальских комплексов А. В. Константиновым был выполнен критический анализ «жилищного фонда» археологии Сибири.

Многоаспектность археологических источников, отражающих специфику жизнедеятельности древних коллективов, определяла развитие подходов к анализу материалов. Со второй половины 1990-х годов в качестве самостоятельного объекта исследований с позиции планиграфии начинает рассматриваться внутреннее жилое пространство [Разгильдеева, 1998; 2001; 2003]. Данное направление становится приоритетным в сфере научных интересов автора, что находит отражение в кандидатской диссертации [Разгильдеева, 2002; 2003].

В работе, посвящённой планиграфическому анализу палеолитических жилищ Студёновского археологического комплекса в ретроспективе исследований жилищ палеолита, автор рассматривал проблемы изучения многослойных памятников с остатками кратковременных стоянок. На примере двух поселений Студёное-1 и Студёное-2 был выполнен комплексный анализ жилых структур в контексте поселенческих стратегий. Был предложен метод построения круговых моделей, направленный на выявление закономерностей организации их внутреннего пространства. Особое внимание уделялось сложносоставным комплексам, решению проблем синхронности отдельных элементов, реконструкции форм связанной с ними деятельности.

Детальный анализ материалов Студёного-1 показал особенности в планиграфии древних стоянок. В частности, уровень культурного горизонта 16 содержал следы как минимум двух эпизодов обитания: в одном случае с организацией открытого очага, в другом – конструктивно закрытого пространства (при отсутствии выраженной каменной обкладки) [Разгильдеева, 2002, с. 70–74].

При анализе культурного горизонта 17 определялась одновременность функционирования двух внешне самостоятельных структур – использование баз данных присутствия костных микроостатков привело к выявлению прямой связи между комплексами [Разгильдеева, 2015] (см. рис. 2.10, 2.11).

Один из них имел характеристики жилого пространства с локализацией мест отдыха и зон бытовой деятельности, включая приготовление пищи. В нём наряду с применением для обработки кости готовых принесенных орудий выполнялось ситуационное расщепление конкреции сырья с последующим утилитарным использованием сколов [Разгильдеева, 2003, с. 16–17]. Второй комплекс выступал обустроенным (с внутренним очагом) специализированным местом по расщеплению камня. Отсутствие в массе дебитажа первичных снятий, отличный от местного состав минерального сырья предполагали целевое планирование деятельности и обеспечение процесса необ-

ходимыми ресурсами. Анализ планиграфии стоянки подтверждал выводы о холодном сезоне обитания.

Схожая организация площадки обитания в форме взаимосвязанных структур в варианте жилище + открытый очаг была определена и в культурном горизонте 18/2 Студёного-1. В культурном горизонте 19/4 выявить прямой связи не удалось, но закономерности пространственной организации двух одноочажных комплексов с учётом особенностей палеорельефа территории и наличие мелких осколков костей на участке между ними также указывали на вероятность их одновременного функционирования [Разгильдеева, 2002, с. 88–94, 100–106].

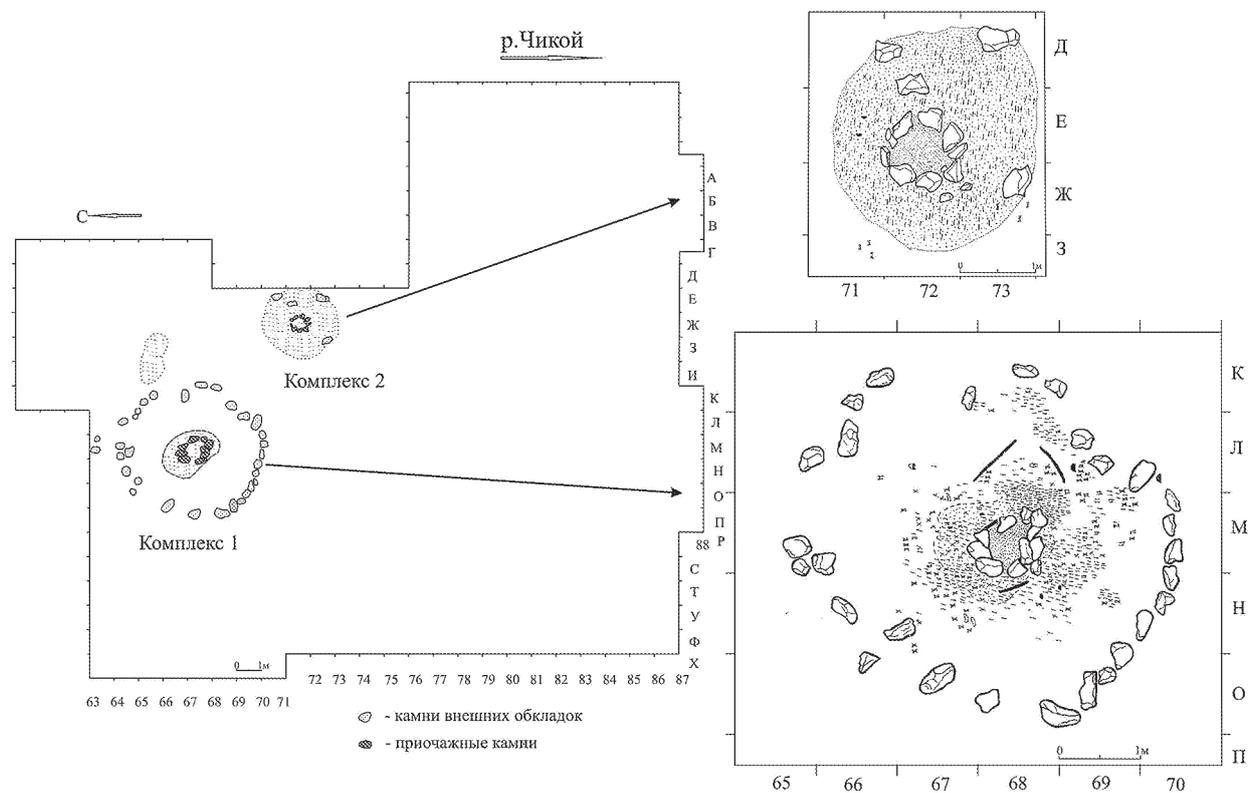

Рис. 2.10. Поселение Студёное-1. К.г. 17. Планиграфия комплексов

Планиграфическая выразительность и прослеживаемая на протяжении длительного интервала традиция сооружения схожих (судя по основаниям) по форме наземных конструкций постоянно возвращала исследователей к проблеме определения се-

зона их обитания. Сложности возникали из-за малочисленности и плохой сохранности фаунистических остатков, в основном представленных рассеянными мелкими неопределимыми осколками колотых костей, включёнными в виде трухи в заполнитель слоя.

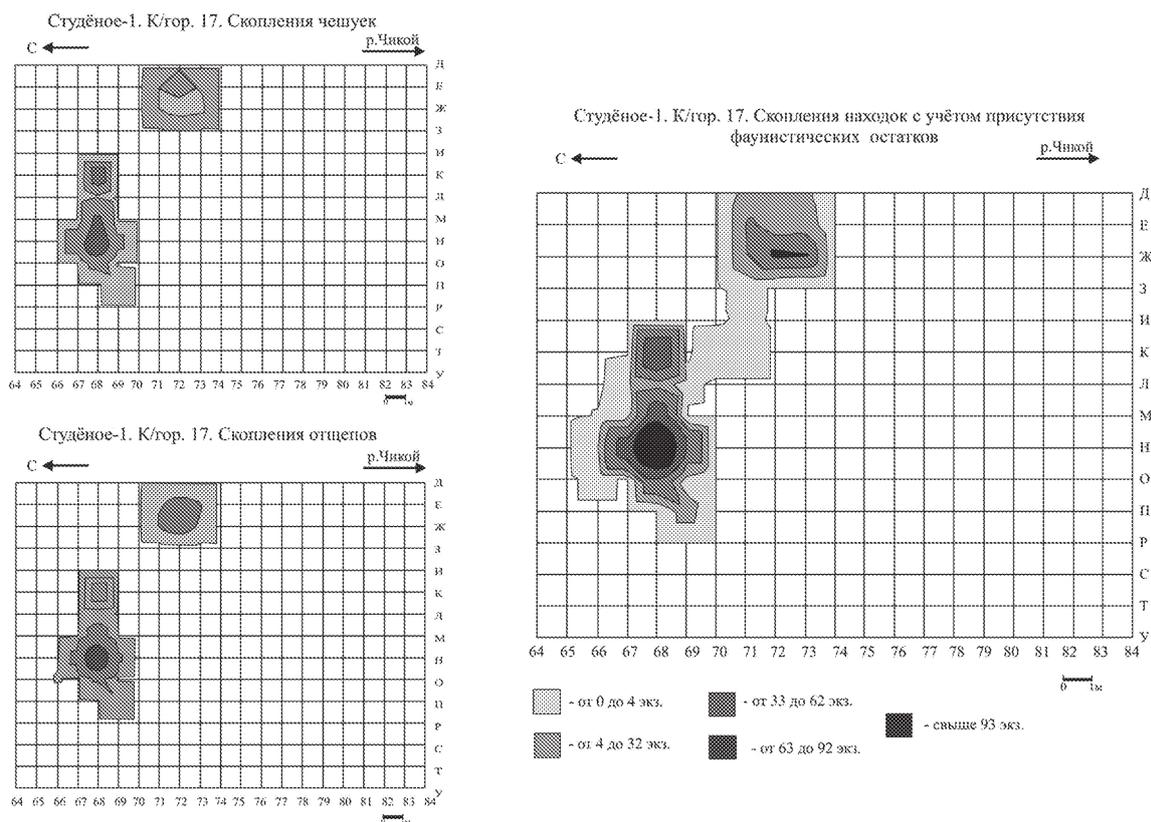

Рис. 2.11. Студёное-1. К. г. 17. Пример выявления скрытых связей [Разгильдеева, 2015, с. 52, 53]

Плохая сохранность костных остатков в аллювиальных горизонтах забайкальских поселений объяснялась высокой водопроницаемостью рыхлых отложений речных террас, близостью грунтовых вод и кислотностью почв²⁰.

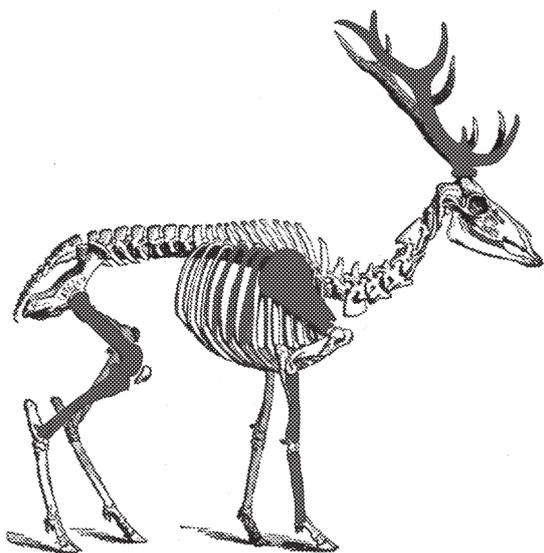
Комплексный анализ состава, сохранности, пространственного распределения костных остатков забайкальских палеолитических поселений показал, что малочисленность коллекций фауны определялась, скорее, не плохой сохранностью кости, а спецификой промысловой деятельности [Binford, 1983; O'Connell et al., 1992; Васильев и др., 2001, с. 26–30; Кузнецов, 2003; Разгильдеева, 2001; 2015].

²⁰ Данные предположения не нашли достаточного подтверждения. При геохимических исследованиях разрезов отложений поселений Студёное-1, 2 были выполнены замеры уровня pH образцов (pH(KCl), ГОСТ 26423–85), которые показали уровень кислотности в диапазоне от 6,5 до 7,5 ед., что соответствует среде, близкой нейтральной, не оказывающей принципиального влияния на сохранность костных остатков [Разгильдеева, 2015].

Видовой состав плейстоценовой фауны по материалам поселений Студёного был определён канд. биол. наук Н. Д. Оводовым (Красноярск). Объектами охотничьей добычи выступали представители парнокопытных семейства оленевых – благородный олень (*Cervus elaphus el.*, *Cervus elaphus sp.*); подсемейства оленевых – косуля, изюбрь, сайга (*Capreolus*, *Cervus elaphus x.*, *Saiga*); семейства полорогих – бык или бизон, баран, винторогая антилопа (*Bos*, *Bison*, *Ovis*, *Tragelaphini*); отряда непарнокопытных семейства лошади (*Equus caballus*) [М. В. Константинов и др., 1985].

Анализ присутствия на стоянках-поселениях скелетных останков промысловой добычи, выполненный при планиграфическом анализе, показал выборочность приносимых частей туш. Коллекции включали фрагменты рогов, длинных костей конечностей (эпифизы, как правило, отсутствуют), обломки рёбер, челюстей и отдельные зубы (см. рис. 2.12). Раздроблен-

ность практически всей кости, имеющей пищевую ценность, показывала высокую степень утилизации охотничьей добычи. Осколки костей в виде массы мелких, часто обожжённых фрагментов (размером до 3 см), в основном располагались скоплениями внутри хозяйственных и жилищных комплексов в зонах приближенным к очагам, углисто-золистым пятнам. Подобная картина фиксировалась при этноархеологических исследованиях и была характерна для «кухонных остатков» с концентрациями в пространстве внутренней домашней активности и зонах приближенной эвакуации [Binford, 1984, с. 330–361; Leroi-Gourhan, 1966; 1984].

Рис. 2.12. Благородный олень: выделены части скелета, представленные в коллекциях остеологических материалов древних поселений [Разгильдеева, 2015, с. 54, рис. 7]

Анализ остеологических материалов поставил вопрос об интерпретации студёновских поселений в качестве сезонных базовых лагерей, а не кратковременных стоянок-перекочёвок [Разгильдеева, 2001; Кузнецов, 2003]. В частности, из многослойных горизонтов Студёного-1 только состав фаунистической коллекции культурного горизонта 14 указывал на разделку и утилизацию части туши оленя (*Cervus Sp.*), добытого в непосредственной близости [Разгильдеева, 2004].

В 2010 году была предпринята попытка определения сезона обитания Студёновских поселений на основе анализа ростовых структур зубов млекопитающих по методике, разработанной д-ром биол. наук Г. А. Клевезаль (Институт биологии развития РАН им. Н. К. Кольцова, Москва)²¹. Из коллекций палеолитических культурных горизонтов Студёного-1 для анализа были отобраны имеющие лучшую сохранность экземпляры зубов позвоночных. Объектами охоты выступали горный баран (*Ovis ammon*) (к. г. 17, 18/1, 19/1) и благородный олень (*Cervus elaphus*) (к. г. 15, 16). Анализ ростовых структур зубов показал, что время обитания стоянки к. г. 18/1 Студёного-1 было связано с концом зимнего времени, когда поселенцам удалось добыть взрослую особь горного барана (возрастом 5(6) лет). Стоянка к. г. 19/1 также была связана с холодным временем. Найденные зубы принадлежали горному барану, который погиб в конце 10-й зимы или ранней весной. Примечательно, что в обоих случаях в планиграфии культурных горизонтов отмечалось присутствие компактных по размеру одноочажных комплексов.

Планиграфический анализ верхнепалеолитических горизонтов Западного Забайкалья показал динамику смены простых и сложноструктурных форм организации площади жилого обитания. Данные изменения в рамках единой пространственно-территориальной привязки – стабильных условий рельефа, обеспечивающих объективно идентичную привлекательность места (солнечная экспозиция, роза ветров, перепады суточных температур, общей конфигурации поверхности обитания), послужили поводом к практическому рассмотрению зависимости адаптивных реакций древних коллективов в контексте изменений природно-климатической среды. Результатом

²¹ Определение возраста и сезона гибели животных сделано д-ром биол. наук Г. А. Клевезаль. Подготовка образцов и выполнение данного вида анализа стали возможны благодаря помощи канд. ист. наук Е. М. Инешина (Лаборатория древних технологий Иркутского государственного технического университета). Определение видового состава по зубам выполнено канд. биол. наук А. М. Клементьевым.

подобного рода исследований стало выявление своеобразной закономерности, которая носит пока весьма условный характер, так как требует расширения аналитической базы. На уровне констатации явления как такового отмечено, что с отложениями, палинологические спектры которых показывали изменение климата в сторону относительного потепления, были связаны культурные горизонты со сложносоставными комплексами. При палинологических характеристиках, указывающих на холодные климатические условия, в структуре поселений преобладали одноочажные, чётко локализованные комплексы (даже если их несколько в одном культурном горизонте) [Разгильдеева, Решетова, 2011].

С 2004 года отрядом Чикойской археологической экспедиции ЗабГУ были возобновлены работы по изучению памятников, приуроченных к долине р. Мензы (левобережного притока р. Чикой). Исследования по настоящее время ведутся под руководством д-ра ист. наук М. В. Константинова в рамках стационарного экспедиционного лагеря, расположенного в приустьевом урочище. Отдельные работы в верховьях р. Мензы на группе памятников Косая Шивера выполняются под руководством д-ра

ист. наук А. В. Константинова. Итогом последнего десятилетия стало открытие новых жилищных комплексов.

Остатки одноочажных жилищ были выявлены в разрезах первой надпойменной террасы в культурных горизонтах памятника Усть-Менза-1, в том числе новый комплекс в отложениях, непосредственно перекрывающих галечник древней террасы [Итоги исследования... , 2007; Верещагин, 2012]. Сложносоставной многоочажный комплекс обнаружен на поселении Косая Шивера-2, его раскопки ещё не завершены, но во внутреннем пространстве уже выявлены остатки трёх очагов [А. В. Константинов, Филатов, 2016].

Результаты исследований этих комплексов представлены в публикациях в виде предварительных материалов. Наряду с описанием структурных элементов жилищ, данных количественного и типологического состава коллекций каменного инвентаря и фаунистических остатков, приводятся общие планиграфические характеристики: приуроченность артефактов к внутреннему пространству комплексов и тяготение их к очагам. Детальный анализ новых материалов относится к области научной перспективы.

2.3. Планиграфия элементов хозяйственных структур в контексте поселений

Внедрение методов планиграфического анализа в ходе археологических исследований древних памятников Забайкалья было связано не только исключительно с изучением комплексов жилищ. Значительную роль в этом сыграли раскопки местонахождений со сложной структурной организацией культурных напластований, отражающих разнообразные формы жизнеобеспечения и в определённой степени мировоззрения древних коллективов.

К концу XX века на территории Западного Забайкалья в административных границах Республики Бурятия было выявлено несколько десятков местонахождений, датируемых не только поздними этапами

верхнего палеолита, но и временем перехода от среднего к верхнему палеолиту. Это, в первую очередь, группы стоянок Каменка, Хотык, Подзвонкая, Усть-Кяхта и др. [Лбова, 1992; 1996; 2000; Ташак, 1993, 1996; Ташак, Никитин, 1999].

В их горизонтах наряду с предметами материальной культуры, остатками жилых и хозяйственных комплексов были обнаружены свидетельства символической деятельности палеолитического населения: предметы мелкой пластики, кости и камни с гравировкой на поверхности, подвески, бусины и т. д. Выразительность археологических памятников определила возможности проведения и планиграфического анализа.

Перспективность подобных исследований показала, в частности, изучение местонахождения Каменка, на котором было выявлено

два самостоятельных комплекса, разделенных «пустым» пространством (7–8 м) и бессистемным скоплением глыб камня.

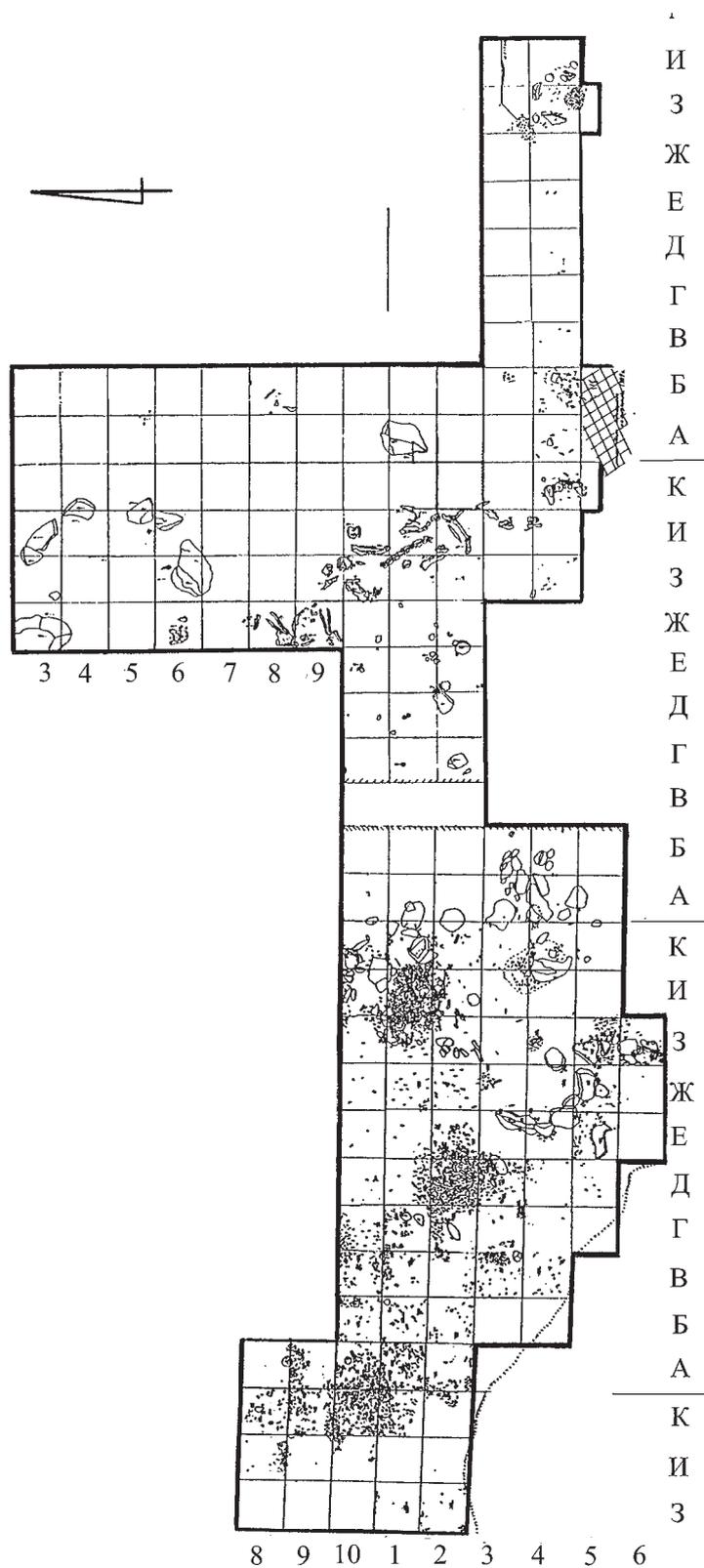

Рис. 2.13. Каменка. Общая планиграфическая ситуация комплекса А [Лбова, Рыбин, Клементьев, 2009, с. 247, рис. 4]

Комплекс Каменка А (см. рис. 2.13) характеризовался «наличием специально выстроенных конструкций – очагов, жилищ (?), зон концентрации артефактов и так называемого костяка». Планиграфия комплекса Каменка В отличалась рассеянным бессистемным характером в позиции артефактов, за исключением рабочей площадки-мастерской [Лбова, Жермонпре, 1995].

В числе структурных элементов выделялись: «очаг с боковой обкладкой», «разреженная кольцевая обкладка», 10 зон концентрации находок (в западном хозяйственно-бытовом комплексе). Функциональный анализ выявил рабочие места по обработке кости, дерева и камня, производству (?) минеральных красок.

В качестве самостоятельных выступали «место разделки туш» (представленное крупными нерасчлененными частями животных) и «клад» (скопление готовых орудийных форм). В планиграфии поселений прослеживалась близость рабочих мест по обработке дерева и кости: преобладание в орудийном наборе долотовидных орудий и строгальных ножей [Лбова, Штейникова, 1996, с. 117].

Планиграфический анализ Каменки А показал сложную структуру памятника, предполагающую наличие хозяйственно-бытовых комплексов со следами замкнутых производственно-бытовых циклов, рабочих мест, полукруглых каменных конструкций, очагов и ям [Лбова, 2000, с. 46–47]. Анализ фаунистической коллекции устанавливал сезонность, приходящуюся на холодную часть года – зиму/раннюю весну. Планиграфические признаки для Каменки В допускали типологическое определение памятника в качестве кратковременной стоянки [Лбова, Жермонпре, 1995, с. 87].

Пространственный анализ структур культурного слоя местонахождения Хотык 3 (раннего верхнего палеолита, 40–45 тыс. л. н.), свидетельствовал о наличии различных по системе организации комплексов долговременных поселений с ямами-хранилищами (уровни 2, 3) и кратковременными стоянками (уровни 1, 4, 5,

6). Специфический характер стадий тафономических циклов способствовал быстрому захоронению остатков, благодаря чему сохранились основные структурные элементы: площадки для обработки камня; каменные конструкции; свидетельства ритуальной деятельности [Лбова, Базаров, 2008, с. 91].

Комплексный анализ материалов стоянок Каменка и Хотык позволил исследователям сделать вывод о «существовании в Забайкалье более выраженной, чем на Алтае специализации систем поселений, в число которых входили как сезонные охотничьи лагеря, так и кратковременные эфемерные стоянки». Для Забайкалья характерно более сложное структурирование жилого пространства стоянок, с присутствием на их территории хозяйственных зон и искусственных сооружений [Лбова, Рыбин, Клементьев, 2009, с. 252].

На настоящем этапе развития археологии планиграфический анализ является неотъемлемой частью комплексных исследований, и он совершенно не обязательно направлен на выявление следов присутствия жилищных конструкций. Изучение планиграфии культурных слоёв даёт чрезвычайно интересные результаты на всех типах памятников, в то время как специфика археологических работ определяет степень случайности обнаружения жилищ, зачастую объективно ограниченную площадью вскрытия. Планиграфический анализ начинает играть роль метода верификации для различного рода построек, в том числе направленных на понимание процессов мышления и мировоззрения древних людей, связанных с ними действий по исполнению сакральных функций.

Впечатляющие построения по выявлению признаков хозяйственно-бытовой организации поселений и ритуальной деятельности палеолитического населения на основе планиграфического анализа выполнены сотрудниками Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБИТ СО РАН, Улан-Удэ) по стоянкам южных районов Западного Забайкалья.

Обращаясь к деликатной теме изучения мировоззрения древнего населения, В. И. Ташак писал: «Очаги уже с эпохи палеолита выступают как центры жизнедеятельности, но определение активной деятельности вокруг очага ещё не указывает на сакрализацию этого объекта в рамках жилищного комплекса... Реконструкция восприятия людьми эпохи палеолита окружающей среды на уровне мировоззрения и осмысления объектов и явления этой среды – задача более сложная» [Ташак, 2011, с. 35].

Анализируя материалы стоянок Усть-Кяхты-17 и Подзвонкой, исследователи отмечали видимую взаимосвязь в расположении скоплений артефактов и очагов [Ташак, 1993; 1996; Антонова, 2016]. Детальное изучение конструкций самих очагов и сопровождающих их элементов, наблюдение за микростратиграфией разрезов объектов, пространственным распределением находок, обнаруженных в них и на периферии, позволили авторам работ сделать вывод об определённой обрядовой деятельности в палеолите, сопровождавшей этап прекращения функционирования очагов [Ташак, Антонова, 2012, с. 56].

Планиграфический анализ восьми имеющих различные конструкции достоверных очагов, раскопанных на площади Восточного комплекса Подзвонкой, позволил выявить следы деятельности, не имеющей никаких видимых связей с действиями бытового утилитарного назначения. К ним относились очистка очагов по окончании использования огня, «закрывание» очагов крупными скальными обломками (плитами) по завершении их функционирования.

В ряде случаев наблюдалось помещение в зону прокала фрагментов костяков животных (в анатомически правильном взаиморасположении) и разнообразных по форме камней со следами охры на поверхности (см. рис. 2.14). Последние два действия, по мнению В. И. Ташака, могут быть соотнесены с ритуалами жертвоприношения очагу, которые широко известны в этнографической практике. Аналогичные наблюдения были сделаны и при изучении палеолитического слоя стоянки Барун-Алан-1.

Высокий уровень полевых исследований, максимальная детализация при фиксации планиграфических элементов позволили на материалах Подзвонкой выделить конструктивные особенности очагов с оборудованными камерами. Планиграфический анализ и анализ микростратиграфии третьего культурного горизонта показали, что обитание на палеолитическом поселении было периодическим и, возможно, носило сезонный характер. Отдельные структурные элементы поселения позволили предположить, что одно и то же население в течение ряда сезонов становилось на одном и том же месте. При этом в целом проживание людей начала палеолита в местности Подзвонкая продолжалось длительное время. «Покидая на какое-то время место своего проживания, люди совершали обряды, призванные сохранить силы, олицетворяющие жизнь в посёлке, и “привязать” их к этому месту» [Ташак, 2011, с. 314].

Пространственное положение определённой категории камней со специфическим износом внешних поверхностей и окраской охрой, выявленных в культурных горизонтах Подзвонкой и Барун-Алана-1, позволило предположить их особое функциональное назначение и намеренную организацию комплексов, предназначенных для добычи огня лучковым сверлением [Ташак, Антонова, 2012, с. 62–63].

Анализ культурных горизонтов памятника Барун-Алан-1 показал различную структурную организацию участков производственной деятельности. В подошве шестого литологического слоя на каменном завале под скалой было обнаружено несколько компактных скоплений сколов-заготовок для производства орудий, сложенных в небольшие кучки, рядом с которыми в беспорядке разбросаны отходы первичного расщепления. Авторы раскопок акцентировали внимание на том, что каменный завал под скалой не служил местом выбрасывания столовых отходов и не использовался для организации жилого пространства во время накопления культурного горизонта в нижнем уровне шестого литологического слоя [Ташак, 2013, с. 316–318].

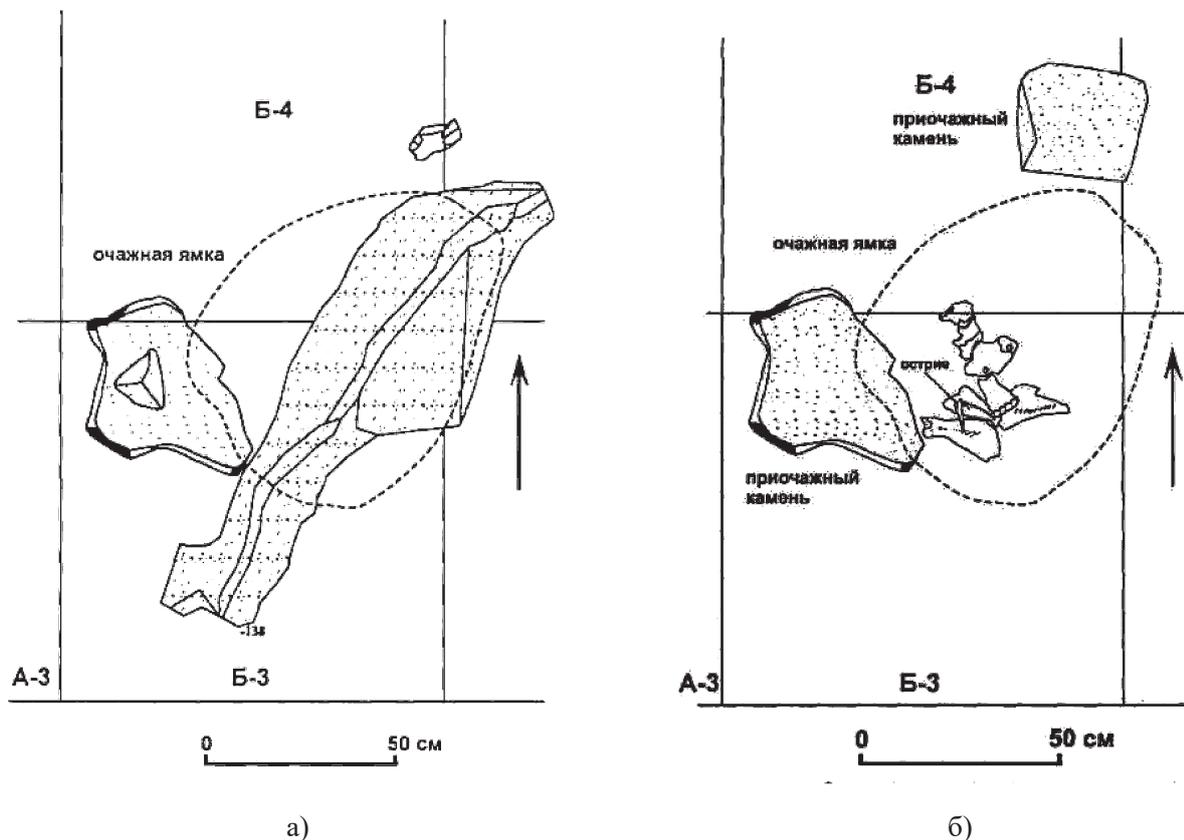

Рис. 2.14. Подзвонкая. Восточный комплекс. План очага № 1:

а) перекрытый крупным скальным обломком; б) после снятия каменного перекрытия. На дно очажной ямки, очищенное от золы и углей, положены лопатки животных, поверх них передний фрагмент нижней челюсти лошади и фрагмент позвоночника животного с анатомическим порядком расположения позвонков [Ташак, 2011, с. 307, рис. 2, 3]

Особая планиграфическая ситуация была выделена в культурном горизонте на границе уровней 7а и 7б на участке с крупным подпрямоугольным обломком скалы, обращённым плоской стороной вверх. Пространство с восточной и западной стороны камня на удалении около полуметра маркировали рога дзеренов, которые могли использоваться как для удержания шкур животных в растянутом состоянии, так и в ритуальных целях.

В культурном горизонте уровня 7в (с большим количеством артефактов) были выявлены остатки повреждённых кострищ, очагов с причажными камнями, производственных участков: небольшие (диаметром 20–30 см) зоны по вторичной обработке заготовок, производства и подправки каменных орудий. В двух случаях фиксировалось сочетание этих зон с наличием камней наковален. Отдельно отмечалась находка ману-

порта (с обликом антропоморфной личины) с естественным сквозным отверстием [Ташак, Антонова, 2009; Ташак, 2013, с. 321–322].

Примечательно, что планиграфические наблюдения за микростратиграфией и распределением артефактов в литологических слоях Барун-Алана-1 позволили авторам раскопок проследить изменения стратегии использования исследованного участка на разных этапах заселения в хронологическом интервале от ~40 до 4 тыс. л. н. [Ташак, 2013, с. 326].

Реконструктивные построения поведенческих моделей древнего населения Забайкалья, по данным планиграфии четвёртого культурного горизонта Усть-Кяхты-17, предполагали разделение жилого комплекса поселения на две зоны, мужскую и женскую. В основе данных рассуждений лежал принцип бинарности, который

прослеживался в положении относительно очага предметов, наделённых определённым символизмом – манупорты антропоморфной женской и фаллической форм [Ташак, Антонова, 2009; Ташак, 2011, с. 317]. Другой вариант построений моделей поведения основывался на оценке природных

факторов и опирался на реконструкцию ландшафтных характеристик, исходя из которых, в частности, пространственная приуроченность стоянок-поселений Подзвонкой определялась близостью границы зоны распространения древесной растительности [Ташак, Антонова, 2015, с. 457].

* * *

Исследования палеолитических жилищных и хозяйственных комплексов Забайкалья получили достаточно широкую известность благодаря многочисленным публикациям, в том числе монографическим [Геология и культура... , 1982; М. В. Константинов, 1994; А. В. Константинов, 2001; Лбова, 2000; Ташак, 2016]. В то же время следует отметить, что краткость изложения, обусловленная рамками печатных работ, привела к неполноте освещаемых данных. Это в первую очередь касалось планиграфических наблюдений, требующих объёмной детализации. В результате при анализе древних поселений Западного Забайкалья основное внимание акцентировалось на типологии каменного и костяного инвентаря и характеристиках жилищных сооружений с уклоном в реконструктивное направление. Выработался определённый стереотип подачи информации.

Современное развитие археологической науки, комплексность исследований,

включающих широкий спектр баз естественно-научных данных и обширный блок методов, направленных на изучение организации жилого и хозяйственно-бытового пространства, повышают информативность археологических источников. Это создаёт возможности для реконструкции микроэпизодов исторических срезов, содержание которых в значительной степени зависит от детальности выполнения планиграфического анализа. В условиях поселений, включающих структурно сохранившиеся следы существования наземных жилых сооружений, внимание равно должно быть направлено на изучение их внутреннего пространства (в контексте планиграфии самих комплексов) и в целом территории жизнеобеспечения как взаимосвязанных и взаимозависимых систем. Источниковой базой такого рода исследований в данной работе послужили материалы многослойного памятника Западного Забайкалья Студёное-2.

Глава 3. Методы, понятия, подходы

3.1. Методика полевых исследований палеолитических комплексов

Забайкалья

Методика полевых исследований многослойных поселений разрабатывалась не одним поколением археологов. Она апробировалась на памятниках с различным генезисом вмещающих отложений, с учётом факторов, влияющих на процессы формирования и сохранности культурных горизонтов, компонентных составляющих [Медведев, Несмеянов, 1982; Александрова, 1990; Сычева и др., 1998; Беляева, 1999 и др.]. В Забайкалье она отрабатывалась с учётом региональной геоморфологии, особенностей отложений надпойменных речных террас. Существенной чертой стратиграфических разрезов памятников было чередование в них культурных горизонтов и стерильных прослоев, образующих отчетливо фиксируемую временную последовательность. Сочетание в одном разрезе культурных и чисто литологических слоёв позволяло исследователям определять соотношение природных и социальных ситуаций и процессов, разработать единую природно-историческую периодизацию [М. В. Константинов, 1994, с. 42–43; Базарова, М. В. Константинов, 1987].

Методы исследований забайкальских поселений с остатками жилых структур получили своё развитие с 1970-х годов с начала раскопок многослойных поселений. Особое значение в этой сфере имели изыскания, осуществляемые под научным руководством И. И. Кириллова, М. В. Константинова, А. В. Константинова (ЗабГУ, Чита), которые, по сути, первыми в регионе стали целенаправленно и регулярно заниматься изучением комплексов древних поселений, уделяя внимание совершенствованию методик вскрытия, фиксации и последующего анализа хозяйственно-бытовых структур.

Принимая во внимание особенности генезиса аллювиальных отложений речных террас, в ходе работ была отмечена взаимосвязь между нахождением в литологических слоях крупных камней (галек, валунов) или скальных обломков и остатков древних хозяйственных структур.

Во время вскрытия отложений путём снятия тонких вертикальных срезов, захватывающих нескольких потенциальных или уже известных культурных горизонтов, особое внимание уделялось выявлению признаков наличия культурных напластований. Показателем высокой степени вероятности их обнаружения выступали различного характера каменные выкладки. При этом даже отдельный относительно крупный камень мог выступать маркером кровли предполагаемого культурного горизонта. В этой ситуации ранняя фиксация культурных проявлений и переход на тонкую зачистку принципиально важны, только в этом случае появляется возможность отслеживать и должным образом анализировать изменения в микрорельефе поверхности [Мещерин, 2004, с. 114]. Последующее вскрытие путём тонко-горизонтального снятия – поверхностной зачистки с помощью мелкого инструментария – направлено на выявление компонентов хозяйственно-бытовых структур, скопления артефактов и выхода на основной уровень археологических материалов, фиксирующих границы зон обитания.

Практика исследований показывала, что на участках регулярного антропогенного воздействия происходило изменение структуры отложений. В зонах расположения хозяйственно-бытовых комплексов проявляются микроуровни залегания артефактов, прослеживается горизонтальная

профилировка поверхности и различные деформации слоя, обусловленные как природными, так и антропогенными факторами. Во время зачистки на визуальном уровне в первую очередь по цветности и плотности фиксируются контекстные изменения культурного слоя. Промывка/просеивание снятого грунта дополняет данные об особенностях состава элементарного заполнителя, который качественно и количественно зависит от интенсивности процессов жизнедеятельности. Выявленные при этом продукты дебитаж сохраняют условную координатную привязку по четвертям квадратов и нивелировочным отметкам в срезе. Дополнительную информацию о пространственной организации слоя позволяет получить трёхмерная фиксация находок, в том числе мелкоразмерных (менее 1 см).

Структурные элементы предполагаемого хозяйственного назначения – очаги, обкладки жилищ, просто отдельные камни (в том числе без следов обработки), в процессе раскопок принято сохранять до полного изучения комплексов в позиции *in situ*. При необходимости проводится их консервация. Данная практика позволяет не только контролировать уровень простирания культурного горизонта, но и способствует пониманию комплексов в целом, так как не всегда за один полевой сезон удаётся вскрыть полностью ту или иную структуру, часто они просто не охватываются площадью вскрытия.

Известно, что многослойность памятников в археологическом контексте порождает проблему выявления стратиграфически несмешанного минимального уровня залегания находок и структур, отвечающего реальному эпизоду обитания. В условиях забайкальских поселений, приуроченных к отложениям надпойменных речных террас, характерно разделение палеолитических культурных горизонтов стерильными прослоями. В стратиграфическом разрезе каждый культурный горизонт воспринимается в качестве самостоятельного поселения и соотносится с уровнем погребенной поверхности обитания. Теоретически пред-

полагается, что в вертикальном срезе они образуют относительно последовательную хронологическую шкалу [М. В. Константинов, 1994, с. 42]. В реальности даже в условиях тонкослоистых геологических напластований в рамках одного культурного горизонта археологи сталкиваются с фактом палимпсеста – наложением нескольких эпизодов обитания.

По сути, понятие многослойности указывает на присутствие в едином стратиграфическом разрезе «диахронной совокупности древних поселений» (с собственной планиграфией, со своими внутренними законами, системами связей между всеми элементами, этапным развитием деятельностных ситуаций), объединённых только общностью ландшафта [М. В. Константинов, 1994, с. 40–41; Лисицын, 1997; Инешин, Тетенькин, 1995; Палеолит Енисея, 2005, с. 134, 144]. Ситуацию, при которой сменяющееся во времени палеолитическое население равно оценивало адаптивную привлекательность мест, рационально использовало формы рельефа и одновременно позиционировало собственные традиции материальной культуры.

Особенности организации культурных остатков в тонкослоистых напластованиях геологических отложений забайкальских памятников, использование при обустройстве жилых и хозяйственных зон древними поселенцами разнообразных каменных обкладок, планиграфическая компактность следов жизнедеятельности людей определили перечень структурных элементов, выделяемых при исследовании культурных горизонтов.

К наиболее выразительным относили:

- жилища с внешними каменными обкладками с разной степенью сохранности;
- очаги с каменными обкладками или приочажными камнями;
- кострища в виде компактных пятен грунта (диаметром до 1,5 м) с незначительной мощностью заполнения, с признаками термического воздействия, выделяющихся по цвету и содержанию микрочастиц продуктов горения;

– углисто-золистые пятна, имеющие неясные границы и формы, с мощностью заполнения от 0,5 до 1 см;

– участки слоя с выраженной охристой окрасченностью;

– лежащие группами и отдельно расположенные камни валунно-галечного типа и скальные обломки;

– скопления артефактов, в том числе категориальные выборки каменного инвентаря и фаунистических остатков, с высокой

плотностью находок, занимающие площадь до нескольких квадратных метров и скопления локализованного характера – «точёк», индивидуальные рабочие места;

– шлейфы находок, со скоплениями элементарных частиц в заполнении культурного слоя, связанные с участками интенсивного передвижения и хозяйственной деятельности;

– участки слоя с редкими находками и относительно пустые участки.

3.2. Термины и понятия

В ходе изучения жилищных и хозяйственных комплексов, исследований пространственной организации культурных горизонтов, решения вопросов, связанных с реконструкцией стратегий адаптации и условий функционирования древних коллективов, шло формирование понятийного аппарата. Он складывался в соответствии с общими тенденциями развития археологической науки, но с учётом региональных особенностей забайкальских памятников. В связи с этим остановимся на содержании ряда используемых в работе понятий.

В качестве *элемента слоя* в контексте культурных горизонтов рассматривался «чётко выделяющийся пространственный участок слоя либо объект, традиционно понимаемый как обособленное и самостоятельное образование» [Гвоздовер, Григорьев, 1975, с. 12–16; Леонова, 1994, с. 16].

Структурными элементами выступали компоненты природного или антропогенного происхождения, определяющие особенности организации пространства обитания или собственно являющиеся результатом преобразовательных процессов жизнедеятельности.

Термин *жилище* применялся при характеристике выделяемых вытянуто-овальной или округлой формы, локализованных в пространстве культурного слоя, насыщенных археологическим материалом линз, маркируемых по центру очагом и имеющих ясно прослеживаемые в плане внешние границы. Контуры основания, как правило,

отмечают группы камней, условно образующих внешние обкладки [М. В. Константинов, 1994, с. 143–145; Мещерин, 2004, с. 112]²². Для комплексов Забайкалья наличие системы обогрева является обязательной частью жилищных структур. Во внутреннем пространстве они могли иметь разные позиции (в центре, ближе к входу). Расположение очагов, их количество и размеры, вероятно, зависели от сезона или климатических условий эпизода обитания.

В зависимости от количества очагов жилища принято делить на одно- или многоочажные, простые или сложносоставные. Одноочажные комплексы как правило имеют диаметр основания в диапазоне от 2,6 до 5,1 м с общей площадью ~10–20 м² [А. В. Константинов, 2001, с. 81]. Формирование культурного слоя во внутреннем пространстве жилищ диктуется условиями искусственно созданных границ (стен, кровли, участка входа), систем обогрева (очаг), интенсивностью и видами совершаемой деятельности.

Во внутреннем и внешнем пространстве жилищ выделяются негативные структурные элементы: скопления находок, количественный и качественный состав которых указывает на характер совершаемых производственных и хозяйственно-бытовых

²² В данном случае мы не углубляемся в проблемы выделения критериев разделения жилых зон, жилищных площадок и собственно жилищ поднимаемые исследователями, и не рассматриваем вопросы признания практики домостроительства в палеолите [Леонова, 2009; Чубур, 2005].

актов. В ряде случаев во внутреннем пространстве комплексов отмечались особые скопления, которые свидетельствовали об использовании определённых мест для одинаковой деятельности или о результате одновременной одинаковой работы нескольких людей [Леонова, Виноградова, 2014].

Под *скоплениями* понимались участки слоя, в пределах которых количество находок втрое превышало среднестатистическое число артефактов на единицу площади в пределах раскопа анализируемого культурного горизонта. Расстояние между находками вне скопления должно превышать максимальное расстояние между соседними находками внутри скопления. При этом в качестве скоплений могло пониматься и количественное множество артефактов определённого типа, в этом случае учитывалось соотношение той или иной категории изделий относительно общего состава находок или типа инвентаря.

Так как для забайкальских поселений характерно компактно сгруппированное (пятнами) в пространстве культурных горизонтов расположение комплексов артефактов, то в отличие от памятников европейской части России, включающих производственные зоны размерами от 10 м² и более [Леонова, 1993], при анализе скоплений выделялись производственные участки.

Под *производственным участком* понимается часть культурного горизонта, как правило, площадью до одного квадратного метра, где количество находок значительно выше для конкретно рассматриваемого комплекса. Производственные участки характеризуют технологические аспекты деятельности, направленной на обработку каменного сырья: а) первичное раскалывание (прослеживались развёрнутые аппликативные цепочки); б) утилизацию нуклеусов; в) изготовление и переоформление орудий. Участки со скоплениями отходов микродебитажа (100 или более экз.) чаще всего соотносятся с индивидуальным местом работы, так называемый – «точёк».

Хозяйственно-бытовые участки включали скопления определённых групп орудий или имеющих разнообразный состав изделий с высоким процентом орудий; скопления фаунистических остатков; участки с единичными находками или «чистые» пространства, связанные с местами отдыха или зонами периферийной эвакуации.

Шлейфы находок или *шлейфы выноса* характеризовали участки слоя со специфическим, неотсортированным составом артефактов. Обычно они тяготеют к зонам входов/выходов жилищ и участкам интенсивного передвижения обитателей. На участках негативного позиционирования при незначительном количественном присутствии находок могли прослеживаться по цветовой и микроструктурной разности элементарного заполнителя в культурном компоненте слоя (частицы золы, охры, тлена биологических остатков).

В условиях относительно продолжительного функционирования коллектива в границах локального участка местообитания в непосредственной близости от жилого объекта (на расстоянии от 2 до 8–10 м) могли складываться специализированные производственные центры, образующие жилищно-хозяйственный комплекс.

Используемое понятие *жилищно-хозяйственный комплекс*, по сути, тождественно [Шовкопляс, 1965] или близко [Васильев и др., 2007, с. 13; Чубур, 2005, с. 70] по содержанию хозяйственно-бытовому комплексу. Предпочтение первому отдаётся в силу закрепившегося на интерпретационном уровне определению забайкальских памятников в качестве кратковременных стоянок/поселений, предполагающих в условиях конкретной природно-климатической зоны сооружения временных или постоянных укрытий для реализации хозяйственной деятельности. Изначально как остатки жилых или жилищно-хозяйственных комплексов рассматриваются участки слоя, где сочетание структурных элементов имеет сложный характер, требующий детального планиграфического анализа для реконструктивного определения.

Очаги – искусственно организованные места длительного горения огня и его использования, фрагменты деятельности ситуаций. Являясь одними из основных структурирующих пространство жилищ компонентов, они выступали также в качестве самостоятельных позитивных элементов культурного слоя. Чаще всего и ними связаны дополнительные конструктивные детали по типу каменных выкладок, обкладок, причажных плит (наковален, опор-подставок, «сидений»).

Заполнение очагов не отличается мощностью, что может быть обусловлено разными причинами: характером топлива, длительностью периода функционирования, скоростью и условиями захоронения остатков, другими процессами. В основном представлено тонкими чёрно-серого цвета супесчаными линзами (мощностью 3–5 см, реже до 10 см) или тёмными красновато-сажистыми пятнами со следами термического прокала, отдельными угольками или слойками со слабым содержанием угля.

Ямы под костры, за редким исключением, не делали. Камни, формирующие обкладки укладывались в процессе функционирования очагов (под ними прослеживается тонкий сажистый прослой), не вкапывались. Размер диаметров очагов колеблется от 0,65 до 1,3 м [А. В. Константинов, 2001, с. 80]. Очаги без каменных об-

кладок отличаются от кострищ небольшим диаметром до 1 м, чёткостью границ и мощностью заполнения до 8 см.

Микростратиграфические исследования очагов и зольных пятен помогают выявлять неоднократность их использования, косвенно указывают на относительную contemporaneity формирования конкретного участка культурного слоя. При этом могут прослеживаться изменения актов деятельности очажных зон: от непосредственного разведения и поддержания огня до превращения их в зоны эвакуации отходов. Возможно проявление признаков культово-сакральной деятельности.

Угристо-золистые и иной выраженной цветности пятна имеют неясные границы и неправильные конфигурации. Связаны с остатками очагов, тяготеют к центральным зонам жилищ, «топталитцам» [Пидопличко, 1969], местам активной деятельности. Представляют тонкие, мощностью 1–1,5 см, растянутые слойки, отличающиеся по цветовой разности переработанной структуры вмещающих отложений. Могут выступать в роли как позитивных, так и негативных структур. Конфигурация и мощность определялась характером деятельности и особенностями постседиментационных процессов.

Сочетание вариантов описанных структур определяет особенности планиграфической картины культурных горизонтов.

3.3. Подходы и методы планиграфического анализа

Совершенствование полевых методов фиксации, использование многоуровневой программной обработки, методы 3D-моделирования значительно расширяют возможности реконструктивного и интерпретационного направления в археологии, выводят исследования планиграфии в формат контекстуального анализа. На современном этапе исследований основной целью становится получение максимально полной и объективной информации в границах конкретного «точечного» археологического объекта [Инешин, Тетенькин, 2010, с. 26].

Геологические, биологические, климатостратиграфические, исторические данные во взаимодействии с геоинформационными и компьютерными технологиями определяют масштабность и результативность работ.

Понятие *контекстуального анализа* подразумевает выполнение исследований, при которых наряду с индивидуальными признаками явления учитываются признаки контекстов, к которым оно относится. При этом в качестве контекстуальных признаков выступают независимые переменные, оказывающие влияние на индивидуальные

величины или модифицирующие взаимосвязи между индивидуальными величинами [Энциклопедия социологии, 2009]. При исследованиях археологических памятников контекстуальными признаками выступают:

- природные факторы, характеризующие среду обитания (палеоландшафты, палеоклимат, палеофауна, источники каменного и иного сырья, их качество, доступность, удалённость);

- способы адаптации, направленные на преобразование исходных факторов для удовлетворения базовых и производных потребностей человека;

- способы и формы социокультурной организации, отражённые в планиграфии археологических объектов;

- степень развития сознания как на уровне индивидуальных, так и коллективных представлений (выражается и косвенно фиксируется в предметном комплексе неутилитарного назначения, в разной степени проявляется в виде искусства).

Контекстуальный анализ материалов кратковременных стоянок Забайкалья позволяет в рамках несмешанных комплексов корректно выявлять производственно-хозяйственные циклы, последовательности их развития в минимальном хронологическом срезе и демонстрирует высокую степень информативности археологических данных [Разгильдеева, Мороз, 2017, с. 18].

В рамках исследований планиграфии палеолитических комплексов поселения Студёное-2 решались различные задачи, направленные на целостное понимание картины памятника, включая контекстные характеристики места расположения, специфики организации культурных остатков всей площади вскрытия, реконструкции модели жизнеобеспечения древних коллективов.

Поведение человека в пространстве было закономерно ориентировано как на специально (искусственно) организованные объекты, так и на всю структуру среды обитания в целом. Результатом деятельности становилось формирование в границах стоянок-поселений комплексов позитивных и негативных структурных элементов. К первым

относились преднамеренно созданные: жилища, очаги, наковальни, каменные обкладки. Они выступали своеобразными центрами тяготения при выполнении отдельных или множества видов деятельности. Ко вторым – непреднамеренно образованные культурные остатки: исходные материалы, отходы, каменные и костяные орудия. Они могли быть результатом различных видов деятельности, напрямую не связанных с организацией пространства (приготовление пищи, обработка шкур, дерева и др.). Выявление направлений хозяйственной специализации опиралось на количественные и качественные показатели с учётом степени разнообразия форм изделий.

Проведение планиграфического анализа основывалось на:

- изучении геоморфологии района исследований, местоположения памятника, стратиграфических условий залегания культуросодержащих горизонтов;

- статистическом анализе каменного инвентаря с выявлением особенностей пространственного распределения изделий в метровой квадратной сетке всей площади раскопов и конкретных структурных элементов слоя;

- анализе схем количественного и пространственного распределения каменных артефактов и остатков фауны по типам и категориям;

- изучении пространственного распределения отдельных групп сколов, выявлении разнохарактерных скоплений, установлении (по возможности) производственного или бытового назначения скоплений культурных остатков;

- определении технико-типологических характеристик и направлений функционального использования, реконструкции видов хозяйственной деятельности;

- рассмотрении внутренней планиграфии жилищ через построение круговых моделей, выявление зон скоплений, установлении взаимосвязей между отдельными структурными элементами;

- применении системно-деятельного подхода, оценки ситуативного развития ис-

пользования участков территории, анализе взаимосвязей и реконструкции структур;

– анализе естественно-научной базы данных, реконструкции природных условий жизнедеятельности древних коллективов, с определением (по возможности) сезонности поселений.

При работе с коллекциями и полевой документацией учитывалась этапность процесса раскопок. Культурные горизонты Студёного-2 изучались отдельными участками на протяжении многих полевых сезонов, поэтому анализ планиграфии сопровождался систематизацией всей первичной полевой и камеральной документации за 1974–2004 годы. Представленная в них информация обобщалась и переводилась в электронные базы данных.

Использование методов компьютерной статистической обработки было направлено на объективную оценку количественных показателей. В конкретном случае на основе категориальных выборок строились многоуровневые диаграммы площадей вскрытия, составлялись поквadratные схемы-таблицы, в которых отражался количественный и качественный состав каменного инвентаря, учитывался характер присутствия фаунистических остатков.

Отдельные схемы отражали особенности распределения типов изделий, орудийных форм, продуктов расщепления, показывали наличие скоплений. Границы последних (их площадь и форма) изначально определялись визуально по полевым планам раскопок с нанесёнными на них условными обозначениями всеми находками.

По типам археологического инвентаря строились плоскостные диаграммы с использованием стандартных функций компьютерных программ с учётом данных всей площади вскрытия.

При анализе каменного инвентаря особое внимание уделялось составу минерального сырья. В связи с тем, что петрографический анализ пород проводился обобщённо, оценке подлежало распределе-

ние изделий и дебитажа по цветовым разностям, при этом учитывались особенности сырья, в частности, один желвак кремня может иметь полихромную цветовую гамму от тёмно-зелёного к красному. При возможности применялись метод аппликации (ремонтажа), технико-технологический анализ. Все данные отражались в схемах и рисунках. Принимая точку зрения А. В. Постнова, что аппликация в большей степени даёт количественный показатель сборки, в то время как ремонтаж представляет «операционную последовательность и экономику расщепления» [Постнов, 1999], использовались наблюдения за связями собираемых объектов для выявления их планиграфического взаимодействия.

Комплексное применение всех перечисленных методов было направлено на решение проблем определения синхронности разных структур поселений, выявление внутренних связей между частями сложносоставных комплексов, реконструкцию развития деятельностных ситуаций (перемещение нуклеусов и орудий внутри производственных участков жилищ и по территории поселений).

При анализе природных контекстов применялись методы геоархеологии и тафономии [Проблемы научной экспертизы... , 1996]. В этом случае объектом исследования выступала совокупность эко- и артефактов, объединённых структурно и композиционно в пространстве культурных горизонтов, связанных с тонкослоистыми отложениями аллювиального генезиса.

Отдельное внимание при анализе планиграфии культурных горизонтов уделялось фаунистическим остаткам. На основе анализа костных остатков базировалось определение специфики пищевого сезонного жизнеобеспечения. В ходе анализа археологических коллекций не только обращалось внимание на количество и видовую принадлежность найденных костных фрагментов, но и учитывался сам факт наличия их как таковых на изученной площади.

3.4. Анализ внутренней планиграфии жилищ

Так как одним из наиболее ярких структурных элементов палеолитических культурных горизонтов выступали остатки жилищ, то при изучении особое внимание уделялось конструктивному анализу их внутреннего пространства.

Формирование культурного слоя в закрытом комплексе типа «жилище» имеет свои особенности. В первую очередь, это объект с намеренным позиционированием конструктивных элементов. Его сооружение предполагает хронологическую стратегию – от этапа возведения до окончания функционирования. По сравнению с открытым не имеющим ограничений пространством накопление материала лимитировано физическими границами (стенами и кровлей) и определёнными видами совершаемой внутри деятельности. Участок слоя внутри жилища содержит остатки (продукты или следы) только той активности, которая предусматривалась культурными нормами и традициями (социокультурными стереотипами) по отношению к жилому пространству, а также временем его бытования. Как неоднократно отмечали исследователи, род деятельности определял качественный состав, расположение и специфичность артефактов, которые создавали и планировочное единство [Леонова, 2003, с. 203; Леонова, 2009, с. 207–208; Инешин, Тетенькин, 2010, с. 38].

Особое внимание уделялось изучению микрорельефа «пола», который выступает своеобразным негативом активной антропогенной деятельности в виде депрессий естественной поверхности внутри жилища. По мнению исследователей, именно поверхность пола в ансамбле с внутренним очагом является максимально информативной деталью жилой конструкции, так как «пол – единственный из всех остальных деталей помимо линейных размеров имеет обширное плоскостное выражение, связывающее в едином пространстве все компоненты структуры». Это «единственный элемент конструкции, сохранность которого исключительно зависит от постдепози-

ционных изменений поверхности обитания. При оптимальных механизмах осадконакопления антропогенная поверхность может сохраняться неограниченное время наряду с прочими литологическими образованиями» [Мещерин, 2004, с. 114].

Опыт многолетних исследований памятников Забайкалья показывал, что большинство остатков одноочажных жилищ имели концентрическую структуру пола-основания с чётко выделяемыми зонами центра и периферии [М. В. Константинов, 1994; А. В. Константинов, 2001]. Внешняя периферийная зона вокруг жилища могла содержать отдельные каменные артефакты и фаунистические остатки или их скопления, самостоятельные углисто-золистые пятна. В ситуации, когда пространственная организация стоянки включала две и более жилые концентрические структуры, происходил процесс наложения различных зон обитания, расположенных в одном культурном горизонте [Кузнецов, 2006, с. 21].

На закономерности концентрической организации структур вокруг очагов у современных народов, ведущих полукочевой и кочевой образ жизни, обращали внимание многие исследователи. На основе кругового распределения артефактов построены известные схемы Л. Бинфорда, разработаны методики анализа А. Леруа-Гурана и М. Брезильона, метод «кольца и сектора» Д. Стаперта [Binford, 1978; Leroi-Gourhan, Brezillon, 1972; Stapert, 1989, p. 4–5; 1995]. Аналогичные явления показывали данные экспериментальных и этноархеологических исследований на территории Забайкалья [Мещерин, 2004; Андерсон, Нахшина, 2006; Оетеллаар, 2007; Кузнецов, 2003; 2010; 2014].

При планиграфическом анализе палеолитических жилищно-хозяйственных комплексов Студёного наряду с традиционными методами планиграфического анализа был использован метод построения круговых моделей, опирающийся на особенности кольцевых структур [Разгильдеева, 2003].

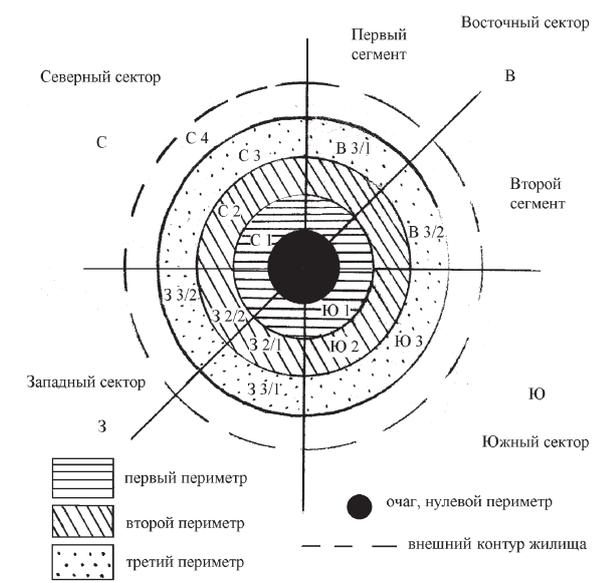

Рис. 3.1. Схема построения круговой модели одноочажного комплекса

При построении круговых моделей в качестве условного центра определялась точка пересечения диаметров очага, через который строилась система координат с делением на сектора с ориентацией по сторонам света (см. рис. 3.1)²³.

При анализе одноочажных комплексов строилась простая круговая модель с единой системой координат. При анализе многоочажных – модель включала несколько систем (через каждый очаг), совокупность которых позволяла решать поставленные планиграфическим анализом задачи. Эта методика позволила рассматривать части сложносоставных комплексов в качестве самостоятельных структур, выявляя их взаимодействие друг с другом.

При наличии контура основания в виде внешней обкладки из камней или скоплений с выраженными границами условный центр для построения круговой модели определялся через пересечение длинных осей (для удобства выбирается максимальное значение). Через этот центр строилась система координат, оси которой проходили по линиям румбов – СВ, ЮЗ. Таким образом,

²³ То, что при организации поселений учитывается южное/северное направления и устойчивая роза ветров конкретной местности, неоднократно отмечалось в ходе этнографических наблюдений [Кузнецов, 2003, с. 88].

при построении модели площадь делилась на четыре сектора – северный (С), южный (Ю), восточный (В) и западный (З). По данной схеме определялось нахождение очага относительно центра основания, смещение его в тот или иной сектор. При сложной линии внешней обкладки – направление изгибов, возможная ориентация входов и т. д.

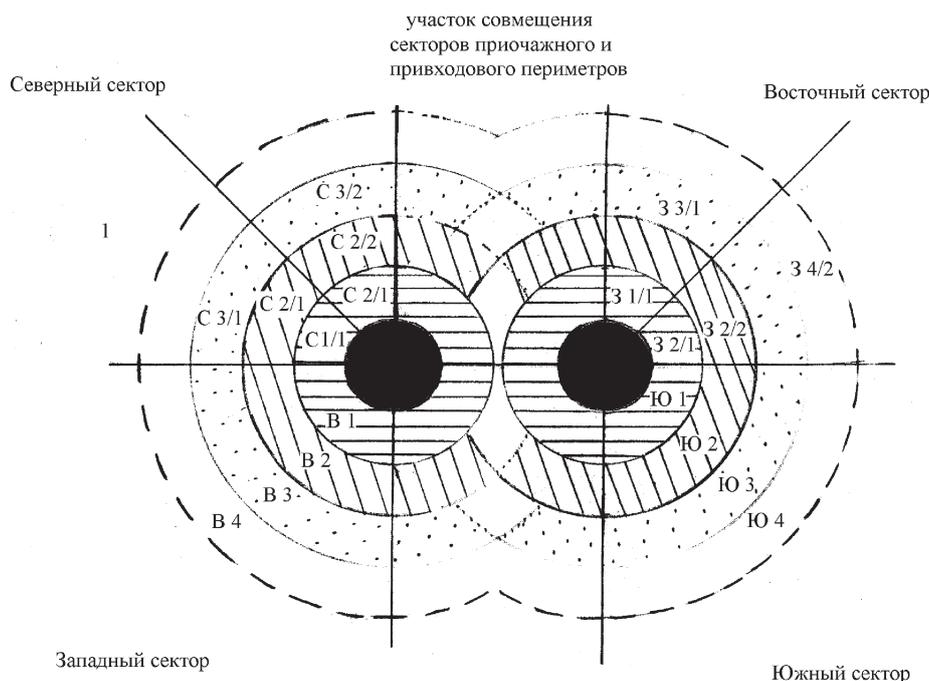
Приняв за константу, что деятельность людей организационно зависела от тепла очага, через его центр строилась вторая система координат, ориентированная как первая, с сохранением обозначения секторов. Дальнейший анализ распределения находок выполнялся относительно второй системы координат по условным окружностям – периметрам. Очаг – «0»-периметр (см. рис. 3.1). Границы последующих проводились через равное расстояние. Радиус окружностей определялся размером очага. Он соответствовал диаметру очага, если не превышал 1 м, и равнялся радиусу при размерах более 1,2 м. Данная зависимость в целом отражает соотношение между внутренней площадью жилищ, размерами очагов и интенсивностью тепловой энергии. Представляется целесообразным увеличение радиуса периметров на величину не более одного метра, что соответствует средней площади индивидуального рабочего места «сидящего человека». Периметры имеют цифровые обозначения 1, 2, 3 и т. д., нумерация ведётся от нулевого (очаг).

В случае необходимости, при ярко выраженной локализации зон скоплений или для более точного определения местоположения их в удаленных периметрах – площадь делилась на два сегмента. Разделение проходит по основным линиям координат по сторонам света (С, Ю, З, В) с цифровым обозначением внутри сектора 1, 2 по часовой стрелке (см. рис. 3.2). Таким образом, описание скопления находок в первом сегменте второго периметра восточного сектора будет выглядеть так: скопление находок «В 2/1».

При анализе сложносоставных структур системы координат строились относительно каждого имеющегося очага с пери-

метрами, соответствующими его размерам (см. рис. 3.2). Построение самостоятельных систем позволяет проследить наложение зон скопления артефактов, их направленность или расхождение по отношению друг к другу, с учётом предполагаемого развития деятельностной ситуации, строящейся, в том числе, и на основе типологического

и функционального анализа инвентаря, выявить внутрисконструктурные взаимосвязи. Именно сочетание метода развития деятельностной ситуации и анализа размещения скоплений по секторам позволило, по нашему мнению, объективно оценивать вероятности синхронного функционирования частей сложносоставных комплексов.

Рис. 3.2. Схема построения круговой модели многоочажного жилища (см.: условные обозначения к рис. 3.1)

В сложносоставных моделях сохранялась как ориентация секторов и их обозначение по сторонам света, так и нумерация периметров, с уточнением в описании принадлежности к тому или другому очагу. Иногда остатки комплексов включали группы камней, образующих разнообразные линии внешних обкладок, не связанные с внутренними очажными конструкциями. Имея самостоятельное значение,

такие группы могли соотноситься со скоплениями артефактов структурно-взаимосвязанных с ними по роду хозяйственной или иной деятельности (например, к. г. 5 Студёного-2). В этом случае в круговых моделях построение «внешних» периметров ориентировалось на соответствующие культурные компоненты и носило в каждом конкретном случае индивидуальный характер.

3.5. Жилища северных народов из фондов РЭМ

При реконструкции облика жилищ каменного века в целом принято проецировать этнографические данные на археологический источник. Предполагаемая

степень относительной достоверности определяется всем комплексом сопоставимой информации, детальностью одного и другого.

Для северных территорий, к которым по природно-климатическим характеристикам конца плейстоцена относилось Забайкалье, роль своеобразного этнографического эталона отводится культуре тунгусов (эвенков). Представители этого и других близких им по образу жизни этносов по настоящее время сохраняют традиции сооружения жилищ с легко транспортируемыми наземными конструкциями. Наиболее распространённым способом формирования основы постройки – *чума* – являлась установка на конус нескольких жердей, высота и количество которых могли варьироваться в зависимости от обстоятельств и потребностей коллектива. В то же время по этнографическим данным известно множество и других способов установки каркаса.

Вопросы, возникающие при рассмотрении вариантов реконструкции наземных форм древних жилых сооружений, подтолкнули нас обратиться к собраниям музей-

ных этнографических коллекций. Несмотря на то, что этнографические объекты не являются «эквивалентами подлинной классической первобытности» [Файнберг, 1974, с. 42], они, тем не менее, позволяют рассматривать реальные примеры строительно-архитектурных сооружений с известными показателями природно-климатических и социальных контекстов.

Значительный объём сведений о традициях домостроительства этнических групп северных народов, собранных в ходе полевых исследований конца XIX начала XX века хранится в собраниях Российского этнографического музея г. Санкт-Петербурга (РЭМ). Многочисленные фотографии и зарисовки этнографов дают наглядное представление об организации стойбищ северных народов в условиях тундровых и лесотундровых ландшафтов, но не всегда показывают особенности конструктивных деталей (см. рис. 3.3).

© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, 2018

Рис. 3.3. Жилище. Фото Н. П. Сокольникова, 1912 г. Дальневосточный край. Камчатский округ, Анадырский район, селения Еропол и Ново-Мариинский. Чукчи [Фотоархив РЭМ, ф. 5056-9]

Для получения дополнительной информации была проанализирована часть фондов из Отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока, учётная документация

и полевые дневники, которые содержали сведения о конструктивных особенностях наземных каркасов и внешних покрытий. В процессе работы были систематизирова-

ны данные по 150 учётным единицам, включая дореволюционные коллекции и сборы советского периода 1940–1980-х годов. Особую ценность представляли собрания первого десятилетия XX века как наиболее, по нашему мнению, аутентичные или исторически репрезентативные. В коллекциях предметов материальной культуры хранятся собрания деталей каркасов и выполненные из разных материалов покрышки от чума, урасы, яранги, деда, нюки и прочих типов сооружений. Их изучение не только позволяет конкретизировать общие сведения, но и повышает уровень объективности реконструктивных построений при изучении древних жилищ.

Простым вариантом конструкции наземного жилища служил чум. Размер его мог варьироваться в зависимости от сезона и численности жителей. По наблюдениям этнографов А. А. Макаренко и К. Масленникова (1908), эвенки Н. Тунгуски (район

Катанги) для сооружения среднего размера чума использовали 26–30 жердей. Основу составляли 2–4 жерди «с рогульками» в верхних концах, остальные приставлялись к ним. Две длинные жерди обрамляли зону входа. При диаметре круга основания в 4 аршина (ок. 2,9 м), высота жердей составляла 5 аршин (ок. 3,6 м), размер отверстия для дыма – 1,2 аршина (0,85 м). Для покрытия такой постройки в летнее время использовалась береста, а в зимнее покрытие комбинировалось – нижняя часть (юбка) шилась из шкур сохатого (в конкретном варианте шесть шкур), средняя часть – из ровдуги, верх покрывали двухслойной берестой. Вход был обращён на юго-запад под углом 20–30°, что определялось преобладанием юго-западных ветров, которые «угоняли» мошку и видом на реку. В таком жилище располагались семь-девять людей, не считая грудничков [РЭМ, ф. 6, оп. 1, д. 162; ф. 1, оп. 2, д. 387].

© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, 2018

Рис. 3.4. Остов чукотской юрты (сзади метеорологическая будка). Фото Н. П. Сокольникова, 1912 г. Дальневосточный край. Камчатский округ. Чукотский район [Фотоархив РЭМ, ф. 3949-1]

Примеры сложносоставных каркасных сооружений представляли чукотская юрта (см. рис. 3.4) или чукотская яранга – *тэврит*. В основании конструкции последней лежали три длинных жерди, установленные в виде треноги. Одна из этих жердей короче двух остальных – *ек'а тавыр*, – со стороны этого шеста всегда находился вход. Верхние концы связывались вместе при помощи ремня, пропущенного через отверстие. Вокруг жердей устанавливались короткие шесты по типу раздвижных треног – *зарэт*, связанные верхними концами с помощью ремешков, пропущенных сквозь отверстие. Верхушки этих треног соединялись поперечными шестами – *гувичьыт*. К последним привязывались нижние концы длинных шестов остова крыши – *уттымыт*,

верхушки которых свободно приставлялись к вершинам центральных жердей.

Деревянный остов обтягивался снаружи покрывками, сшитыми из оленьих шкур со стриженной шерстью мехом наружу. Внутри такого жилища против входа ставится меховой полог – *ёрон'ы*, который имел форму перевернутого вверх дном ящика. Его задняя стенка закреплялась на какой-нибудь поперечной жерди между двумя крайними треногами, передняя – на коротком шесте – *кытрэл* [РЭМ, ф. 8261-2]. Длина жердей зависела от их роли в конструкции. У трёх первых она варьировалась от 3,6 до 4,3 м. Высота в треногах составляла от 1,35 до 1,68 м. Длина перекладин в среднем составляла 2,2 м. Жерди, формирующие конус «крыши», могли быть длиной от 3 до 4,5 м.

© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, 2018

Рис. 3.5. Остов жилища. Фото Н. П. Сокольникова, 1912 г. Дальневосточный край. Камчатский округ, Анадырский район. Селения Тумаюк и Пенжинно. Коряки [Фотоархив РЭМ, ф. 5057-11]

© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, 2018

Рис. 3.6. Стойбище чукчей-кочевников. Фото Н. П. Сокольникова, 1912 г. Дальневосточный край. Камчатский округ. Чукотский район [Фотоархив РЭМ, ф. 3949-6]

Фотодокументы свидетельствуют, что в случае, когда не было возможности использовать длинные жерди, в дело шли короткие и тонкие палки (см. рис. 3.5). При этом этнографы отмечали, что в местах регулярно возобновляемых стойбищ каркасы жилищ могли не разбираться, но в то же время, перемещение при перекочёвках частей остова не являлось особо сложным делом.

Следует отметить, что при сложной конструкции каркаса за счёт неравномерности длины жердей, формирующих крышу в жилище создавались дополнительные внутренние объёмы (см. рис. 3.6). Это обеспечивало внешнюю асимметрию конструкции, в то время как в торцевой проекции со стороны входа они сохраняли форму чума (см. рис. 3.7).

© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, 2018

Рис. 3.7. Стойбище чукчей-кочевников. Фото Н. П. Сокольникова, 1912 г. Дальневосточный край. Камчатский округ. Чукотский район [Фотоархив РЭМ, ф. 3949-4]

В условиях тёплого времени, когда не было острой необходимости в дополнительной системе обогрева, жилища в первую очередь играли роль мест отдыха женщин и детей и представляли собой вы-

тянутые лёгкие каркасные постройки с покрытием из растительных материалов (см. рис. 3.8), следы от которых вообще не фиксируются в контексте археологических поселений.

© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, 2018

Рис. 3.8. Балаганы, крытые берёзовой корой (тундры), летнее жилище куноватских остяков.
Фото С. И. Руденко, 1909–1910 гг. Тобольская губерния, Березовский уезд
[Фотоархив РЭМ, ф. 1706-29]

Стоит обратить внимание и ещё на один элемент, который в частности, неизменно присутствует в остатках древних комплексов Забайкалья, – это наличие камней, в большем или меньшем количестве лежащих по контуру оснований. Их всегда соотносят с элементами закрепления верхних покрышек, но способы их использования, по данным этнографии, весьма вариативны. Помимо прямого придавливания камнями нижней части покрышек или прижиманию пластов растительных утеплителей (например, мха), камни играли роль грузил ременных оплеток, которые фиксировали покров, обеспечивая его растяжку по каркасу [РЭМ, ф. 6, оп. 1, № 162; ГМЭ, 2705 НВ, 2715-2717 НВ]. Подобным использованием камней и может объясняться присутствие в археологических комплексах разрежённых или фрагментарных каменных обкладок.

Для верхнего покрытия жилищ наиболее распространённым было использование шитой полости, имеющей форму полукруга или усечённого конуса. Судя по собранию РЭМ, именно такой формы покрышки были широко представлены у всех северных народов, при этом материалом для них могли служить стриженные шкуры (олений, лосей), ровдуга, рыба́я кожа, обработанная береста, грубого плетения ткани и сочетание этих материалов.

Максимальные показатели размеров покрышек были зафиксированы по зимним жилищам ламутов – длиной 6,0 м и шириной 3,25 м [РЭМ, ф. VIII М 2075, 8762-20373-Т]. При большей длине уменьшалась ширина полосы покрытия – 8,05 и 1,73 м соответственно [РЭМ, ф. VIII М 1943, 8762-17887-Т]. При этом олени́и шкуры, по тем же источникам, имели средний размер от 1,54×1,24 до 1,7×0,9 м. Опираясь

на эти данные, при определённой степени допуска можно высчитать, что для изготовления большого покрытия использовалось порядка 30 шкур. Современные исследователи указывали, что тунгусам для одного покрытия чума требовались шкуры «не менее четырёх-пяти лосей» [Туров, 1997, с. 136; Андерсен, Нахшина, 2006, с. 337]²⁴.

Одной из деталей покрытия нижней части чума (урасы) тунгусов выступала *кíва*. Она представляла собой полость из сшитых в ряд небольших в два слоя берестяных четырёхугольников, между которыми вставлялись соединяющие их ровдужные полоски. Количество деталей варьировалось в зависимости от размера основания жилищ от 7–9, до 16–20. При этом могли использовать сразу несколько полостей, которые при креплении перекрывали друг друга.

Кíва при одном ряде имела размеры в длину 2,35–3,37 м, ширину 0,35–0,37 м. При многорядном варианте ширина полости увеличивалась до 0,75–0,83 м. Каждая полость снабжалась парой ровдужных ремешков для прикрепления к жердям урасы [сборы П. Слепцова, 1905 г.: РЭМ, ф. VI-T-2065, 787-25, 787-24, 787-23].

Другой вид покрышки зимнего жилища – *рэтэм* – представлял собой наружную оболочку, сшитую полуовалом из разных кусков коротко стриженных оленьих шкур с дымовым отверстием вверху, стягиваемым сплетённой из оленьих жил вздержкой. Размеры покрышки в верхней части от 3,9 м, в нижней – до 4,2 м. Обязательной деталью был *ёрон'ы* – четырёхугольный полог, закрывающий вход. Его шили из мохнатых оленьих шкур шерстью внутрь. С наружной стороны крепились ровдужные завязки и петли, образованные сплетённым из оленьих жил шнурком, служащие для подвешивания полога [сборы А. И. Попова, 1908 г.; Н. П. Сокольников, 1904–1907 гг.: РЭМ,

²⁴ Ни один из изученных нами источников не содержал точных сведений о количестве использованных при изготовлении покрышек шкур. Не удалось уточнить эту информацию и в отделе хранения РЭМ. Летние варианты жилищ имели покров из растительных материалов, как правило, сшитых полос бересты. Не были исключением покрышки, в которых материалы комбинировались.

ф. VIII М 671, 1476-1ав; ф. VIII М 912, 2084-16/1-3].

Трапециевидную форму имели *нюки* – покрышки на чум, шитые нганасанами из дыmlенных подстриженных осенних шкур дикого оленя. В верхней части в углах нашивались кармашки для шестов, которыми *нюки* поднимались для перекрытия остова чума. Средний размер *нюки* в длину 3,3 м; ширина по верху – 1,15 м; по низу – 3,2 м [сборы М. С. Поповой, 1980 г.: РЭМ, ф. VIII М 2172, 10135-44].

Аналогичную форму с мешочками для вдевания шестов и боковыми креплениями имели покрышки лесных ненцев *дедя*. При их изготовлении стриженные олени шкуры сшивались между собой головной частью вверх. Высота *дедя* могла варьироваться от 3,66 до 4,11 м; при ширине верха 2,18–2,68 м; низа 9,5 до 13,25 м. В советское время отмечалось комбинирование шкур и сукна [сборы В. В. Горбачевой, И. А. Карапетовой, 1981 г.: РЭМ, ф. VIII М 2192, 10599-30; ф. VIII М 2177, 10252-70; ф. VIII М 2178, 10252-71].

Материалом для изготовления мягких покрышек могла выступать рыба́я кожа, причём её использование фиксировалось у разных народов. Так А. И. Поповым в 1907 году у тунгусов Приморского края была приобретена трапециевидной формы полость длиной 1,2 м, шириной 1,95 м, шитая из рыба́ей (кета) кожи, которая являлась составной частью покрышки урасы (жилица) и заменяла ровдугу. Понизу и с боков полость была опущена оленьим мехом, а вверху подшита узкой полоской ровдуги и снабжена по углам ремешками [РЭМ, ф. VI-T-2850, 1217-1]. По данным В. Н. Васильева 1910 года, ороки Сахалина шили из рыба́ей кожи покрышки *гúиде* – в виде женского веера (ширина верхней части от 1,3 до 1,65 м, нижней – от 4,5 до 5,2 м), верхние углы которого снабжались ремешковыми вязками из той же кожи [РЭМ, ф. VIII М 860, 2011-105-112].

При зонировании внутреннего пространства жилищ помимо очага, который выступал фактором естественного деле-

ния, для выделения мест отдыха предназначались пологи. Вариант такого полога в виде глубокого, просторного мешка, сшитого из ровдуги, представлен в коллекции РЭМ. При креплении внутри жилища дно мешка (размерами 1,41×1,34 м) приподнималось кверху и образовывало собой крышку. Его стороны длиной 1,26, 1,32 м, спущенные вниз, заменяли собой стенки [сборы Н. П. Сокольникова, Б. А. Борисо-

ва, К. Д. Логиновского, 1904–1907 гг.: РЭМ, ф. VIII М 913, 2084-17]. Аналогичные пологи наряду с шитыми из меха спальными мешками использовали и другие народы.

Этнографические данные из фондов РЭМ контекстуально учитывались нами при работе с археологическими материалами в ходе планиграфического анализа и при реконструкции форм древних жилищ палеолитических комплексов Забайкалья.

Глава 4. История исследований и геоморфология древних поселений урочища Студёное

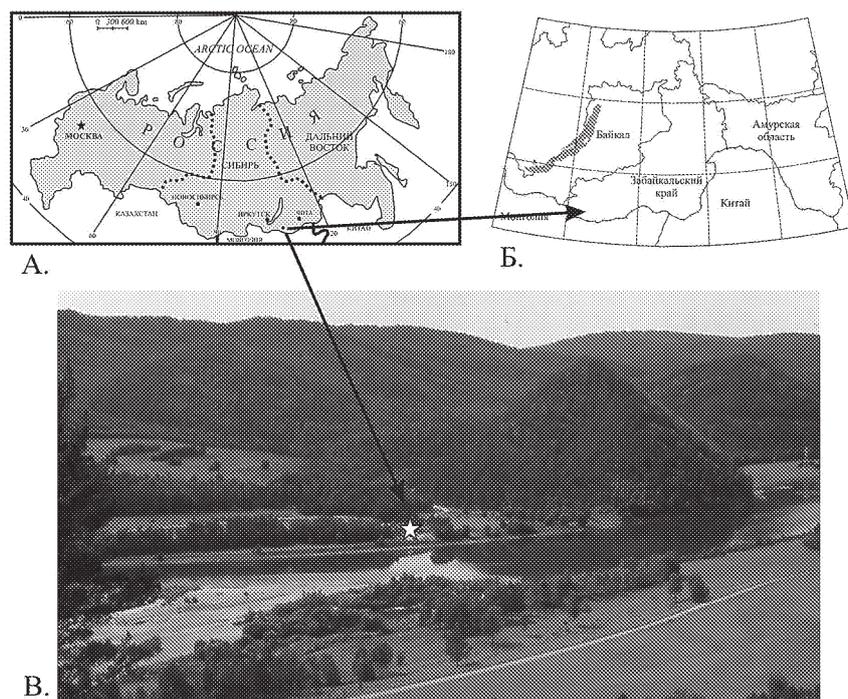
Западное Забайкалье по географическому расположению является частью внутренней зоны Азиатского континента и находится как бы в огромной котловине. Оно отделено относительно высокими горными хребтами и массивами от смежных территорий и защищено от океанических влияний. Всё это определяет особенности климатических и палеогеографических обстановок региона. В периоды зырянской и сартанской эпох для этой территории были характерны резко выраженная континентальность, засушливость, существование сильных ветров северного и северо-западного направлений [Антощенко-Оленев, 1987]. «Обособленность Западного Забайкалья от соседних районов Восточной Сибири, специфика его климата и ландшафтно-географических условий являются самыми важными определяющими моментами при рассмотрении условий и характера осадконакопления, а также среды обитания древнего человека» [Геология и культура... , 1982, с. 126–127].

Чикойская впадина, с которой были связаны многочисленные стоянки и поселения палеолитических охотников-собирателей Западного Забайкалья, охватывает среднее течение р. Чикой, правого притока р. Селенги. Она располагается на границе южной части Селенгинского среднегорья и северо-западной части Хэнтэй-Чикойского нагорья и относится к впадинам забайкальского типа. Имеет субширотное простирание и протягивается с запада на восток на 130 км, шириной от 1–2 до 8 км. С севера впадина ограничена Малханским хребтом (с максимальными отметками, не превышающими 1735 м), на юге отрогами Асинского, Улентуйского и Мергенского хребтов (с максимальной высотой – Асаканский Голец, 2121 м) [Кулаков и др., 2009, с. 637–

638]. В 50 км от юго-западного окончания Чикойской впадины вниз по течению р. Чикой в приустьевой части рек Мельничной и Студёной находится урочище Студёное (см. рис. 4.1).

Климат в районе от резко континентального до ультраконтинентального [Жуков, 1965]. В холодное время года воздух в долине реки оказывается холоднее, чем на вышерасположенных склонах. В тёплое время года наоборот прогревается сильнее при недостаточном увлажнении (200–300 мм осадков в год). Склоны разной ориентации значительно отличаются по тепло- и влагообеспеченности. Подветренные склоны при довольно высоком первом показателе испытывают дефицит увлажнения. В целом район характеризуется количеством годовых осадков от 250 до 700 мм/г. Растительную основу покрова данной территории составляет горная тайга. Важную роль в составе растительности играет высотная поясность. В нижнем горном поясе растёт сосна. В среднегорном поясе к сосне примешивается лиственница, а выше в хребтах растут кедр, ель, пихта. По долине р. Чикой произрастают кустарники: смородина, шиповник, яблоня, черемуха и др. [Бобринев, 2000, с. 28].

Базовые памятники Студёновского археологического комплекса, к числу которых относится Студёное-2, располагаются в 2,5 км на юго-восток от с. Нижний Нарым вниз по течению р. Чикой, у впадения правобережного притока р. Студёной. С левой стороны к р. Чикой выходит падь Мельничная, получившая название по одноимённой реке [М. В. Константинов и др., 2011, с. 277–280]. Долина р. Чикой в этом месте суженная, эпигенетическая и асимметричная: правый склон – пологий, левый – крутой (см. рис. 4.2).

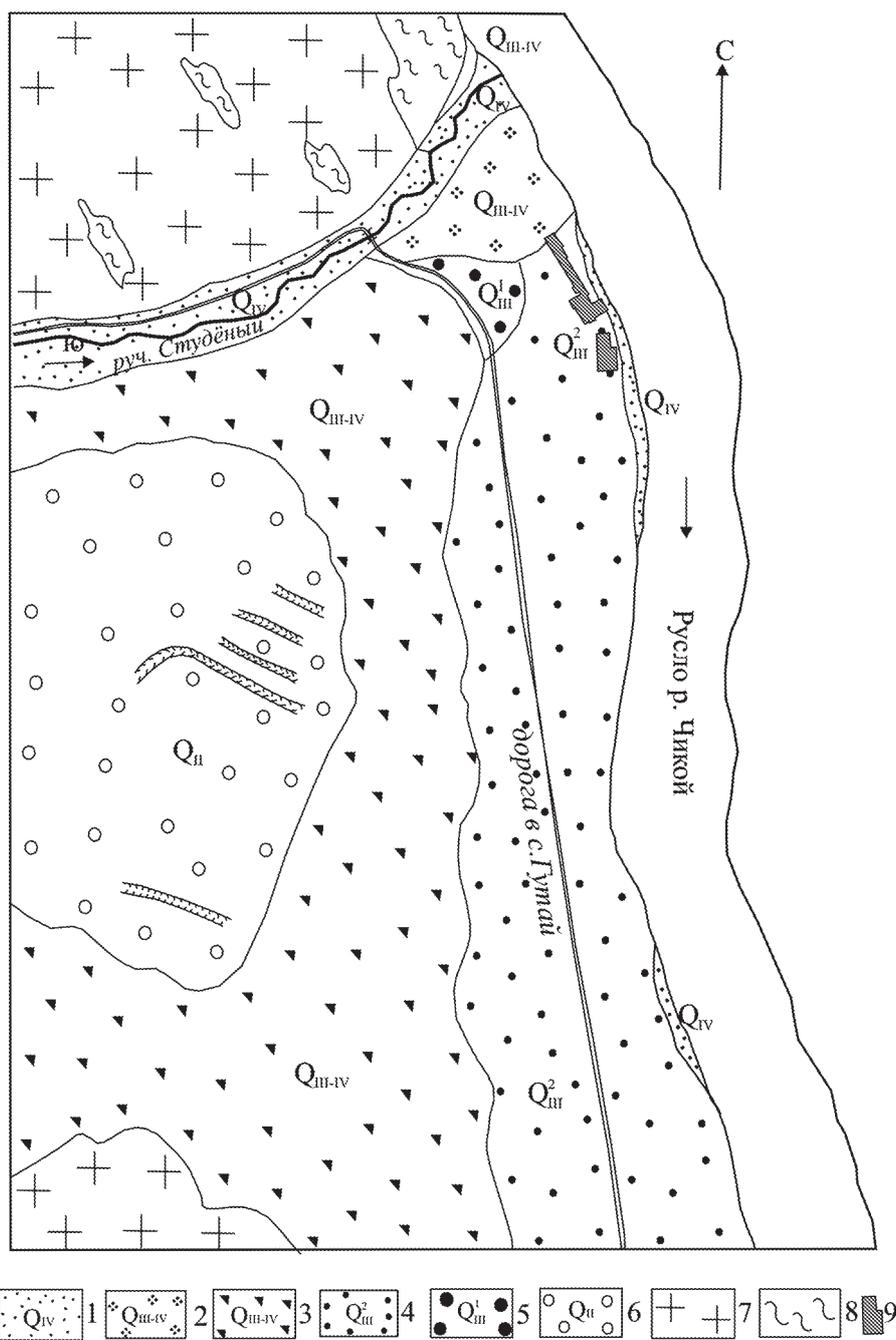
Рис. 4.1. Схема района исследований. Условные обозначения: А – Россия; Б – Забайкальский край; В – Вид на урочище Студёное с юго-востока. Звёздочкой отмечено древнее поселение Студёное-2

На северо-западе и юго-западе рассматриваемого участка (на крутых склонах долин Чикоя и Студёной) распространены гранитоиды позднепермского бичурского комплекса. Их абсолютный возраст (К–Аг) составляет 250 млн лет. Среднеплейстоценовые отложения (Q_{II}) слагают высокую (35–40 м) террасу р. Чикой, которая протягивается на 400–800 м к юго-западу от устья р. Студёной (и далее к западу). Бровка и уступ этой террасы выражены нечётко, площадка не является горизонтальной и наклонена к северу и северо-востоку под углом 3–7°, что свидетельствует о значительной эрозии террасы и делювиальном перемещении её материала в сторону рек Чикой и Студёная. В слоистом разрезе террасы чётко выделяются две пачки пород – нижняя и верхняя. Двухкратное чередование фации русел и фации пойм свидетельствует о длительном и сложном процессе формирования аллювиальных отложений р. Чикой в среднем плейстоцене. В то геологическое время пойма реки представляла здесь широкую дугу, обращённую выпуклостью к западу [Кривенко, 2003, с. 45].

Верхнеплейстоценовые отложения – нижние слои (Q_{III}^1) – сохранились на не-

большом участке, имеющем форму неправильного треугольника площадью около 1,5–2 тыс. м². Участок расположен в 200 м к югу от устья р. Студёной и представляет собой оплывший реликт третьей террасы Чикоя, уцелевшей от широко проявленных здесь склоновых процессов.

Верхнеплейстоценовые отложения – верхние слои (Q_{III}^2) – слагают вторую террасу р. Чикой. Площадка террасы, шириной до 150–200 м, протягивается в меридиональном направлении. Она занимает большую площадь, уходя далеко на юг за пределы участка урочища. Высота террасы – 7–10 м, бровка выражена очень чётко, хотя уступ и прорезан многочисленными овражками. Горизонтальные участки сохранились лишь местами, в целом имеется небольшой наклон (1–4°) в восточном направлении (в сторону р. Чикой). Это связано с действием делювиального (плоскостного) смыва, разрушающего террасу. Терраса в её вскрытой раскопами части сложена типично горизонтально-слоистыми (пойменными) осадками, практически без галечного и гравийного материала. Мощность аллювия второй террасы не менее 10 м [Кривенко, 2003].

Рис. 4.2. Схема геологического строения правобережья р. Чикой (в приустьевой части долины руч. Студёного)²⁵ [по: Кривенко, 2003, с. 43, рис. 1]:

- 1 – современные (голоценовые) отложения; 2 – позднеплейстоценово-голоценовые отложения, существенно аллювиальные; 3 – позднеплейстоценово-голоценовые отложения, существенно делювиальные;
- 4 – позднеплейстоценовые отложения второй террасы; 5 – позднеплейстоценовые отложения третьей террасы; 6 – среднеплейстоценовые отложения; 7 – позднепермские граниты и гранодиориты;
- 8 – рифейские (?) метаморфические породы; 9 – археологические раскопы

²⁵ Открытие археологических памятников в урочище Студёное было сделано в ходе разведки 1970 г. [Кириллов, Ковычев, 1971]. Описание геоморфологических характеристик территории «у впадения ручья Студёного в р. Чикой» было дано в монографии «Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья» [1982, с. 44–45] и закрепилось в последующих публикациях [М. В. Константинов, 1994; Карасев, 2002; Разгильдеева, 2003; 2013; 2016]. В качестве ручья его определяют и местные жители. В то же время на геологических картах Забайкалья правобережный приток, впадающий в 2,5 км ниже с. Нижний Нарым в р. Чикой, имеет обозначение река Студёная. Противолежащий ей левобережный приток – река Мельничная [Карта-лист: Россия. Республика Бурятия... , 1999].

Верхнеплейстоценово-голоценовые отложения являются преимущественно делювиальными (Q_{III-IV}), распространены в окружении четвёртой террасы, а также в нижней части склонов долины р. Чикой и р. Студёной. Они включают делювий и коллювий склонов, оплывший аллювий верхних террас Чикоя, перемещённый процессами плоскостного смыва, а также пролювий, выносимый из овражной сети. Мощность этих гетерогенных отложений оценить трудно, местами она превышает 5–6 м.

Кроме делювиальных плейстоценово-голоценовых отложений, к югу от устья р. Студёной на небольшой площади (0,01 км²) распространены рыхлые породы аналогичного возраста, которые могут быть отнесены к отложениям надпойменной террасы р. Студёной (мощность 3–4 м). Представлены в основном мелкозернистыми песками и косослоистыми супесями в нижней части разреза и горизонтально-слоистыми – в верхней. Верхняя часть данной толщи, вероятно, представляет собой осадки подпруженного и спущенного в своё время приустьевое озера р. Студёной [Кривенко, 2003, с. 46].

Современные (голоценовые) отложения (Q_{IV}) слагают первую террасу рек Чикой и Студёной. Первая терраса Чикоя проявлена фрагментарно, имеет ширину не более 10–12 м, высоту 1,5–3 м и сложена нечётко слоистыми разнозернистыми песками и супесями. Возможно, её следует считать пойменной террасой (высокой поймой), т. к. на других участках Чикоя она периодически заливается в половодье. Пойменный аллювий р. Студёной представлен плохо сортированными галечно-песчаными отложениями различной мощности [Там же].

Расположенная с северо-запада от устья р. Студёной островерхая сопка со скалистым основанием формирует прижим по правобережью р. Чикой. Суженность долины на этом участке реки создавала благоприятные условия для значительного подъёма уровней воды в периоды паводков. Благодаря мысу стержневая часть русла отжималась к левобережью Чикоя, в образовавшемся

«теновом» заливе устанавливались условия замедленного, полустойкого течения, при которых могли накапливаться тонкие псаммитовые и алевритовые осадки. В отдельные периоды сюда прорывались струи основного русла, в результате чего внутри этого слоя формировались прослойки мелко- и среднезернистых слоистых песков. Со временем такие размывы становились всё реже, и в верхней части отложений террасовых уровней они отсутствуют [Геология и культура... , 1982, с. 46].

Мощность пойменных отложений первой надпойменной террасы не постоянна. Она увеличивается вниз по течению р. Чикой от 1,2–1,5 м в северной части террасы, до 2,5 м – в южной. Наибольшие мощности пойменных отложений приурочены к пониженной русловой части террасы, которая располагается вдоль уступа. Это понижение огибало скальный останец и повышенную часть первой надпойменной террасы с тыловой стороны. Пониженная часть наиболее часто затапливалась, и здесь накапливались более мощные пойменные осадки. По радиоуглеродным данным, формирование отложений собственно первой террасы р. Чикой завершалось в интервале 13–12 тыс. л. н. (C^{14}) [Геология и культура... , 1982, с. 48; Buvit et al., 2016]²⁶. После этого произошёл врез Чикоя и, возможно, размыв самой верхней части аллювия.

В дальнейшем на поверхности аллювия первой надпойменной террасы началось отложение осадков пойменной фации, они накапливались одновременно с низами высокой поймы. Увеличение мощности аллювиальных отложений первой террасы за счёт наложенной поймы происходило в результате резкого увеличения высоты паводков или же вследствие катастрофических наводнений, которые могли происходить раз в 10–20 лет. Эта ситуация повторялась неоднократно через определённый временной промежуток, достаточный для того, чтобы принесённый аллювиальный материал подвергался органической пе-

²⁶ Здесь и далее приводятся некалиброванные радиоуглеродные данные.

реработке [Геология и культура... , 1982, с. 48–49]. Человек обживал эти места в периоды, когда уровень воды р. Чикой снижался и прибрежная площадка обсыхала.

Поверхности первой и второй террас на приустьевом участке р. Студёной образуют ровные площадки, вытянутые вдоль р. Чикой. Они ограничены с северо-запада руслом р. Студёной, с северо-востока – р. Чикой, с юго-запада – уступом третьей террасы. Условная площадь территории древних поселений оценивается примерно в 2500 м². Место с позиции жизнеобеспечения древних коллективов имело устойчивые характеристики адаптивной привлекательности. Об этом свидетельствуют выявленные в стратиграфических разрезах отложений культурные горизонты: 38 культурных горизонтов на поселении Студёное-1 (первая терраса), 16 культурных горизонтов – на Студёном-2 (вторая терраса), в хронологической последовательности от 20,6 до 2,0 тыс. л. н. [М. В. Константинов и др., 2011, с. 277–280].

Паводковая динамика речных систем способствовала быстрой консервации оставленных мест обитания и формированию тонких стерильных прослоек, разделяющих культуросодержащие горизонты. Это с одной стороны обеспечивало археологическую «чистоту» материалов. С другой, определяло ситуацию обнаружения при раскопках на одном участке территории культурно и хронологически автономных комплексов, расположенных в стратиграфическом разрезе друг над другом. Подобных примеров довольно много, в том числе на других стоянках Забайкалья: Студёное-1, к. г. 18/1, 18/4, 19/3, 19/4; Студёное-2, к. г. 4/4, 4/5, 6; Усть-Менза-1, к. г. 11, 12; Усть-Менза-2, к. г. 17, 20, 21; Косая Шивера-1, к. г. 6, 14 [А. В. Константинов, 2001, с. 48–67].

При оценке значимости территории мест обитания древним населением особое внимание уделялось системам жизнеобеспечения. Привлекательность места зависела от рельефа, характера ландшафта, богатства растительных ресурсов, объёма и удобства охотничьих угодий, доступности, качества и количества каменного сырья. Все эти фак-

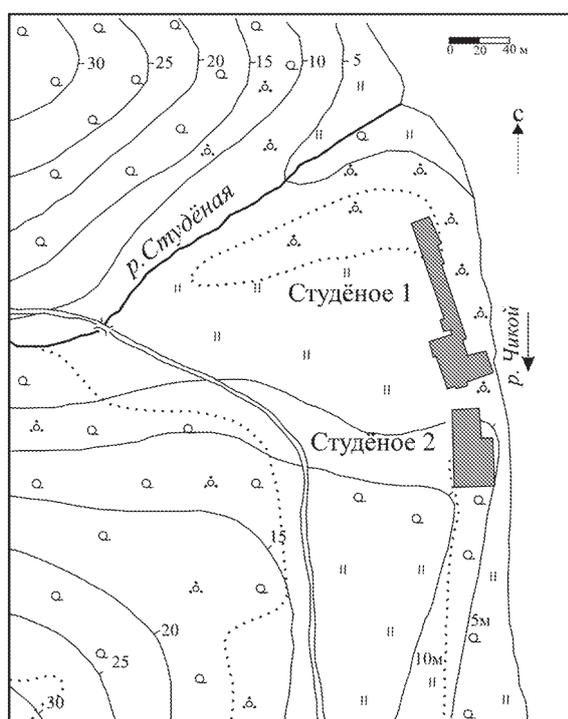
торы не только влияли на выбор мест стоянок/поселений. Локальная палеоэкология с условным допуском на социально-экономический уровень развития (исторический период) в значительной степени предопределяла варианты моделей природопользования, хозяйственно-экономическую ориентацию и специфику структур поселений, что, соответственно, отражалось в своеобразии культурных характеристик.

Адаптивную привлекательность урочища Студёное обеспечивали следующие факторы: 1) расположение на левом берегу приустьевом участке р. Студёная сопки, которая закрывала правобережный участок чикойской террасы от преобладающих северо-западных ветров; движение масс холодного воздуха по направлению вдоль террасовых поверхностей и теплого вдоль юго-западного склона шлейфа вниз по направлению к р. Чикой играло не последнюю роль в организации планировки древних поселений; 2) наличие ровных площадок поверхности, удобных для заселения и имеющих солнечную экспозицию (З – Ю-З); 3) доступность различных сырьевых и промысловых ресурсов. В районе урочища располагаются три природных солонца, что важно с точки зрения охотничьих стратегий; 4) особое значение имела р. Студёная, которая выступала не только источником питьевой воды, но и условием длительного хранения пищевых ресурсов²⁷.

Местонахождение Студёное (Нижний Нарым) было открыто в ходе археологической разведки 1970 года [Кириллов, Ковычев, 1971]. Стационарные исследования проводились с 1974 года с перерывами до 2004 года отрядом Чикойской археологической экспедиции под руководством М. В. Константинова. Первоначально па-

²⁷ Исток реки располагается в зоне развития вечной мерзлоты, поэтому температура воды даже в летний период отличается низкими значениями. Расположение стоянок в непосредственной близости от холодного источника могло в зависимости от сезона одновременно выступать позитивным и негативным фактором: а) в условиях резко континентального климата это обуславливало значительный перепад суточных температур; б) устойчивая роза ветров обеспечивала защиту от гнуса.

мятник воспринимался как единое поселение с позицией на двух смыкающихся надпойменных уровнях высотой 6 и 9 м. В дальнейшем была установлена их разновозрастность. Поселения получили самостоятельное обозначение соответственно террасовым уровням – Студёное-1, Студёное-2 [Геология и культура... , 1982, с. 44–69; М. В. Константинов, 1994, с. 86]. Так как в работе основное внимание уделено анализу планиграфии культурных горизонтов второго памятника, детальнее остановимся на его характеристиках.

Рис. 4.3. Топоплан месторасположения памятников Студёное-1, Студёное-2 (горизонталы проведены через 5 м)

Поселение Студёное-2 связано с отложениями второй надпойменной террасы р. Чикой. Высота террасы достигает 9 м. В зоне поселения терраса имела форму мыса, одна сторона которого вытянута вдоль р. Чикой, вторая формировалась параллельно р. Студёной, отступая от ее современного русла примерно на 150 м на юг – юго-запад (см. рис. 4.3).

В 1974 году в зоне мыса были заложены три шурфа (№ 4–6), в разрезах которых фиксировались культурные прояв-

ления на различных уровнях залегания. В 1975 году от шурфа № 6 была развёрнута траншея (2×12 м) в направлении к р. Чикой, в которой на глубине 5,25 м в средней части аллювиальных отложений был обнаружен палеолитический культурный горизонт (к. г. 5). Исследователь памятника, М. В. Константинов, отмечал, что это был их первый опыт закладки глубоких шурфов с целью выявления аллювиальных культурных горизонтов. В 1980 году на месте шурфа № 5 был развернут раскоп (размерами 5×12 м) и сделана прирезка к северной стенке шурфа № 6 (1×1,4 м), что позволило получить стратиграфический профиль до уровня жилой площадки к. г. 5. При его описании д-р геол.-минерал. наук С. М. Цейтлин (ГИН, Москва) и канд. геол.-минерал. наук Д.-Д. Б. Базаров (ГИН, Улан-Удэ) отметили отличие в строении отложений от ранее изученного участка разреза первой надпойменной террасы. В результате был определён самостоятельный статус памятника [М. В. Константинов, 1994, с. 86].

В 1985–1986 годах работы выполнялись в площади раскопа шурфа № 5 с введением единой разметки, включая кв. 24–32, И–У. В 1987 году в данном раскопе был выявлен уровень 3-го культурного горизонта (далее к. г.) с фрагментом жилой площадки. В работах принимал участие канд. геол.-минерал. наук И. Н. Резанов (ГИН, Улан-Удэ) с коллегами. Они отметили наличие в верхней части стратиграфического разреза памятника двух горизонтов погребённых палеопочв. Это позволило соотнести период формирования к. г. 3 (нижнего прослоя палеопочвы) со временем позднесартанских интерстадиалов 12,7–12,2 тыс. л. н. [М. В. Константинов, 1994, с. 112].

Планомерные исследования на Студёном-2 начались в 1988–1989 годах когда на месте шурфов был развёрнут раскоп размерами 9×17 м. Его площадь поэтапно расширялась в 1990, 1994, 1996–2004 годах, и в итоге составила 817 м² [М. В. Константинов и др., 2011, с. 279] (см. рис. 4.4).

Разметка раскопа осуществлялась с учётом позиции чикойского края террасы (50°03'31" с. ш., 108°15'16" в. д.). Бровка

террасы на данном участке реки параллельно берегу по линии север – юг. Восточной стороной раскоп открыт в сторону реки. По продольной линии вдоль р. Чикой про-

шла цифровая линия обозначения квадратов (от –7 до 34), по поперечной линии разрезов (от р. Чикой, в направлении восток – запад) – буквенное (от А до Ц)²⁸.

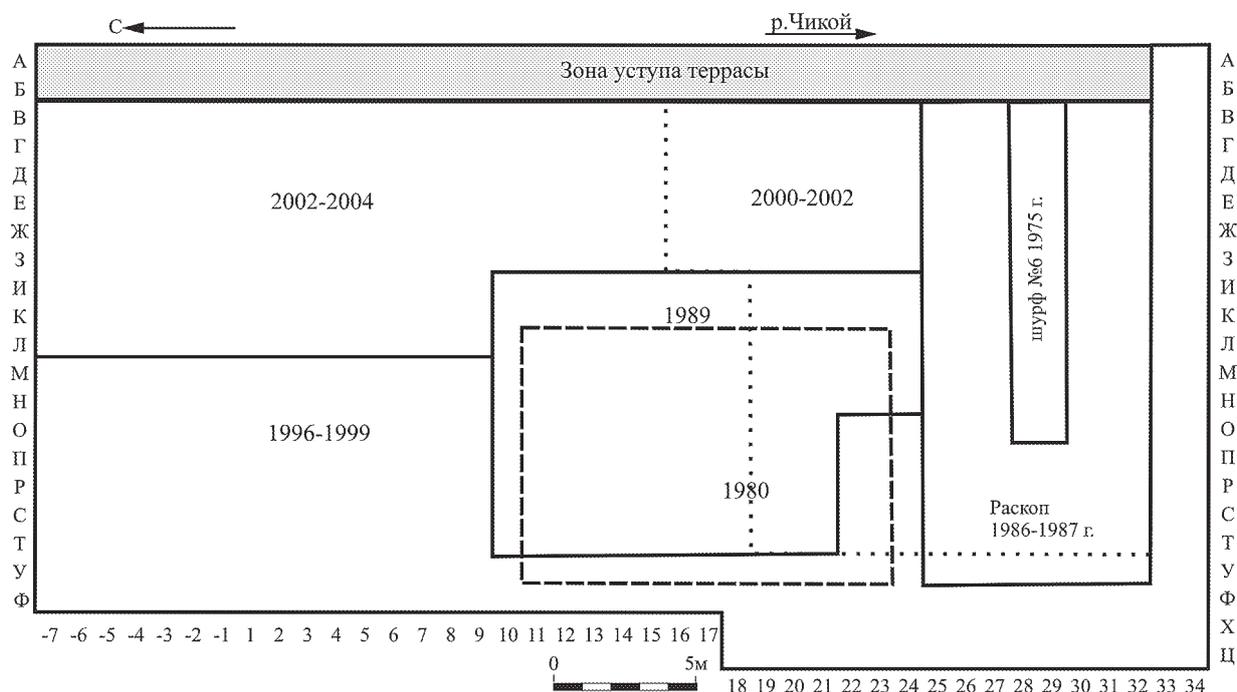

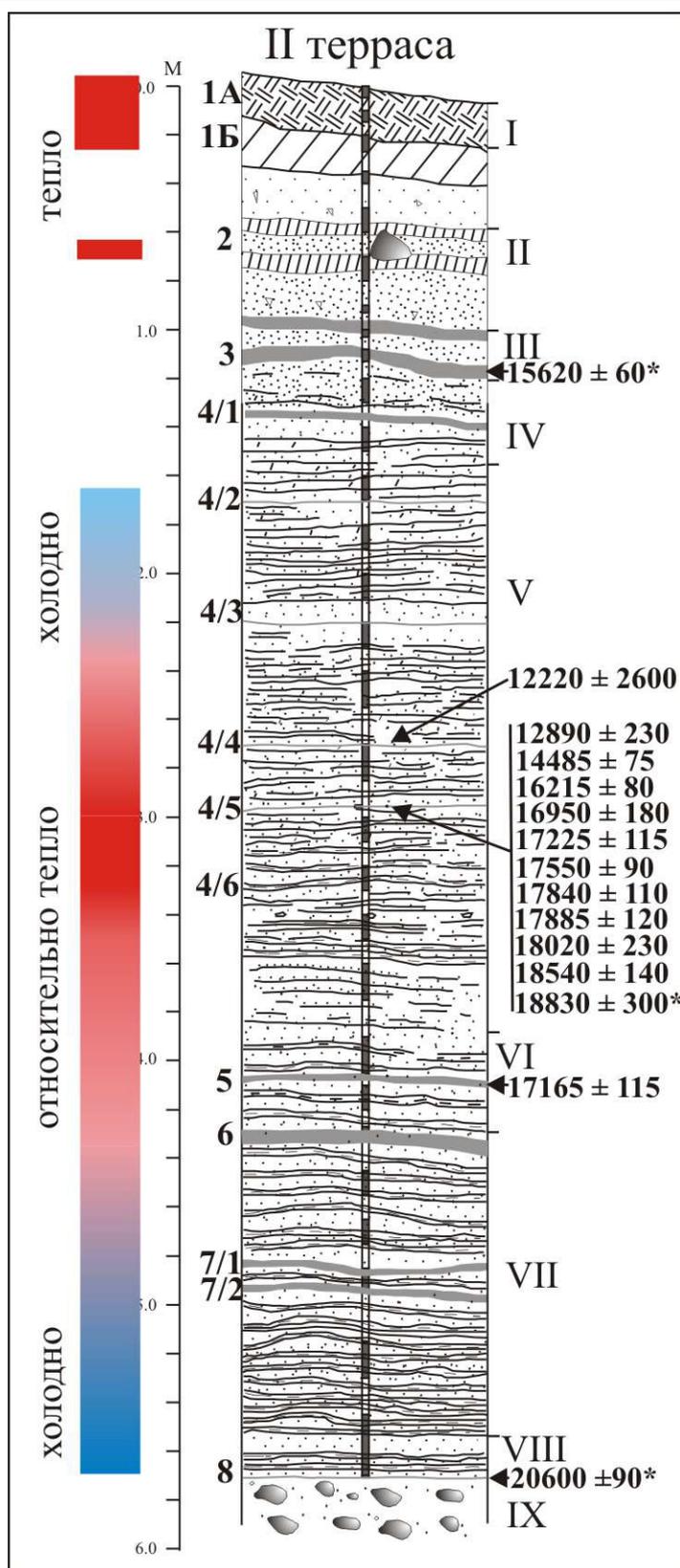
Рис. 4.4. Схема развития площади вскрытия Студёного-2

В ходе археологических исследований был получен полный стратиграфический разрез мысовидного участка второй надпойменной террасы р. Чикой, включающий отложения мощностью от 4,5 м (в северной части) до 6,8 м (южной) от современной почвы до уровня древнего галечника. Основная часть разреза представлена отложениями пойменного аллювия с переслаиванием тонких иловатых прослоев (мощностью 2–3 см) со слоями мелко- и среднезернистых песков (7–8 см) (см. рис. 4.5).

Паводковая деятельность реки определила не только генезис отложений, она обусловила процесс естественного стратиграфического разделения и консервации древних уровней обитания, хорошую сохранность археологических материалов. Всего на поселении Студёное-2 выявлено 16 культурных горизонтов (с промежуточными обозначениями к. г. 1А, 1Б, 2А, 2Б, 4/1–4/6, 7/1–7/2) от палеолита до эпохи бронзы.

С пачкой аллювиальных отложений связано 11 культурных горизонтов финального палеолита возрастом от 20,6 до 10,8 тыс. л. [М. В. Константинов и др., 2011, с. 279–280]. В восьми из них изучены остатки хозяйственных площадок и жилищ. Естественным компонентом культурного слоя, вмещающим различные свидетельства антропогенной деятельности, чаще выступали разнозернистые пески, реже – суглинки. Подстилающие иловато-песчаные прослои (к которым приурочены подошвы к. г.) в стратиграфических разрезах фиксировали уровни горизонтального простиранья условных поверхностей обитания и позволяли в ходе раскопок контролировать последовательность вскрытия. В основании пойменного аллювия на площади 188 м² отложения были изучены до уровня древнего галечника второй террасы Чикоя [Итоги исследования... , 2007].

²⁸ Введение цифрового обозначения квадратов со знаком «-» (минус) было вызвано ситуацией расширения раскопа в северном направлении, в связи с исследованиями шестичажного комплекса к. г. 4/5.

Рис. 4.5. Стратиграфический разрез Студёного-2. Данные по ^{14}C : [Goebel et al., 2000; Buvit et al., 2004; Решетова и др., 2005; Кузьмин и др., 2011; Buvit et al., 2016] (* – даты получены по кости)²⁹.
Условные обозначения: 1A–8 – культурные горизонты; I–IX – литологические слои

²⁹ Промежутки климатических характеристик в диаграмме обусловлены неинформативностью спорово-пыльцевых спектров – содержанием в пробах единичных пыльцевых зёрен.

Описание стратиграфического разреза поселения Студёное-2
по [А. В. Константинов, 2001, с. 36–39]

№ п/п	Мощность лит. слоёв соответствует разрезу по западному профилю раскопа линия кв. 15 У-Ф-Х. Высота профиля до 6,4 м (см. рис. 4.5)
1	Почвенно-растительный горизонт со следами распашки, захватывающий подпочвенную каштановую супесь. В связи с этим слой выглядит как пёстрое сочетание тёмных и цветных линз и прослоев. На уступе террасы слои сохранились не потревоженными. С почвенно-пахотным слоем связан к. г. 1. На тех участках, где распашка не проводилась, возможно, выделить два к. г. 1 А (почва) и 1 Б (каштановая супесь). Общая мощность 0,2–0,35 м
2	Супесь палевая, пылеватая, микропористая, с рассеянной мелкой дресвой, неслоистая. По цветовым разностям удаётся выделить три составные части: а) светло-серый – 0,2 м; б) серый, серо-жёлтый с оттенком чёрного цвета вследствие гумусации – 0,4 м. В его средней части проходит осветлённая песчаная прослойка мощностью 7–8 см, в секторе 2 эта прослойка разделяется на две. В отдельных местах прослойка(ки) имеет разрывы с разведёнными, в том числе вскинутыми вверх концами; в) светло-серый, близкий к верхнему – 0,2–0,3 м. Границы между тремя частями постепенные, неотчётливые. К. г. 2 залегает в основании литологического слоя. Местами выделяются уровни 2А, 2Б. Условно датируется временем голоценового оптимума. Общая мощность 0,8–0,9 м
3	Зона почвообразования супесчано-песчаная, бурая с некоторыми цветовыми разностями. Представлена тремя прослоями лентообразной формы, примерно одинаковой мощности, по 0,1–0,15 м. Верхний и нижний прослои супесчаные, они несут следы гумусации, в виде пятен черноты. Между ними находится более светлый песчаный прослой. С основанием данного литологического слоя, нижней палеопочвенной прослойкой (мощностью 7–10 см) связан к. г. 3. Общая мощность 0,4 м
4	Переслаивание светло-коричневых сероватых полимиктовых тонкозернистых песков и более тёмных серовато-коричневых супесей. Слойки непостоянны по протяжённости, линзовидные, слоистость в целом горизонтальная, волнистая. В нижней части слоя чётко выделяются два тонких прослоя белесого мелкозернистого песка. К. г. 4/1, 4/2 представляют собой тонкие иловатые прослойки мощностью 1 см. Мощность слоя 1,1 м
5	Переслаивание тонко-зернистых серых, отмытых белесоватых песков и тёмно-серых супесей. Слои маломощные, местами пережатые. Слоистость горизонтальная, слабоволнистая. В нижней части слоя встречаются единичные галечки. Ожелезнение в виде ржавых пятен и полос придаёт слою бурый оттенок. В нижней части слоя залегают к. г. 4/3–4/6. Общая мощность слоя 1,2 м
6	Пески тонко- и мелкозернистые, буровато-серые, слоистость горизонтальная и горизонтально-наклонная. В верхней части два прослоя сизовато-серых, тёмных илов мощностью 4–5 см. В кровле слоя залегает к. г. 5. Общая мощность 0,4 м
7	Неясное переслаивание тонкозернистых иловатых песков с сизым илом и светло-серым среднезернистым песком. Слоистость слегка волнистая, наклонная, местами горизонтально-волнистая. К. г. 6, 7/1, 7/2. Мощность слоя 1,7 м
8	Иловатый, сизовато-бурого цвета песок, ожелезненный, мощностью 0,1 м, затем более тонкие прослои жёлтого мелкозернистого отмытого песка и сизоватого ила. На контакте с лит. слоем 9 выявлен к. г. 8. Мощность лит. слоя 0,17–0,2 м
9	Валунно-галечные отложения с жёлтым разнозернистым песком. Видимая мощность 0,2 м

Анализ разреза раскрывает генезис отложений второй надпойменной террасы р. Чикой: литологические слои 1–3 – делювиальные, с тремя уровнями почвообразования; 4–6 – перигляциальный аллювий; 7–9 – нормальный пойменный и русловой аллювий [М. В. Константинов, 1994, с. 87].

Состав спорово-пыльцевых спектров (СПС) отражает природно-климатические и ландшафтные характеристики периода накопления отложений. В нижней части разреза (литологические слои 8–6) они свидетельствуют о распространении ивняково-зеленомошных и осоково-зеленомош-

ных сообществ с практически отсутствием древесных видов растений в условиях холодного и влажного климата [Разгильдеева, Решетова, Попов, 2008]. Из литологического слоя 8 получена радиоуглеродная дата 20,6 тыс. л. н. [Buvit et al., 2004].

Выше по разрезу в литологических слоях 6–5 разнообразие пыльцы древесных растений из ели, лиственницы, сосны обыкновенной, сосны сибирской (кедра) с наличием пыльцы пихты, ольхи и вяза обозначило период смягчения и потепления климатических условий в хронологическом интервале 16–17 тыс. л. н.

Состав палиноспектров нижней части литологического слоя 4-го террасы характеризовал очередное похолодание климата. В спектрах преобладает пыльца трав со значительным содержанием цикориевых. Из древесных растений присутствует пыльца ели и лиственницы со значительным участием пыльцы кустарников (ивы). Возраст отложений по абсолютным датам – в интервале 13–12 тыс. л. н. Близкие по составу спектры были установлены в нижней части пойменного аллювия разреза первой террасы р. Чикой, где также на фоне доминирования пыльцы цикориевых отмечалось значительное содержание пыльцы ивы.

СПС верхней части литологического слоя 4 и литологических слоев 3, 2 отличаются статистически недостаточным количеством пыльцевых зерен и спор, но СПС из средней части литологического слоя 2 содержит пыльцу сосны, кедра, пихты и вяза, что указывает на относительно теплые условия климата. Данные наблюдения подтверждаются и определением найденных в этих слоях костей мелких грызунов лесных видов [Хензыхенова, Константинов, Разгильдеева, 1999]. Интервал датирован временем 8,0–6,5 тыс. л. н. [Buvit et al., 2016].

СПС почвенно-растительного слоя террасы характеризуют распространение лесной и лесостепной растительности с уча-

стием лиственницы, пихты, ели и березы. Полученные палинологические спектры корректно соотносятся с данными геолого-стратиграфических наблюдений.

Характеризуя разрезы забайкальских памятников, С. М. Цейтлин отмечал, что «время небольшого сартанского оледенения породило обширную перигляциальную зону с отчётливой спецификой в литогенезе и яркими криогенными нарушениями» [Цейтлин, 1979, с. 7], которые в виде мерзлотных клиньев и криостатических деформаций зафиксированы в отложениях первой и второй надпойменных террас. По данным В. А. Беловой, «климат сартанского времени был резко континентальный: средние температуры января до -40° , июльские до $+10^{\circ}$ ». Продолжительность безморозного периода составляла 35–40 дней [Белова, 1985, с. 144]. Два интерстадиала второй половины сартанской эпохи характеризовались значительными изменениями палеогеографической обстановки. Ко времени поздне-сартанских потеплений относится образование древних почв в основании покровных отложений второй надпойменной террасы [Базарова, 1985; М. В. Константинов, 1994].

Стратиграфические профили Студёного-2 зафиксировали несколько уровней генерации криогенных деформаций.

Ближние к р. Чикой части профилей показали наличие древнего уступа террасы. По стратиграфическим разрезам Студёного-2 на уровне литологических слоёв 8–9 прослеживался контур границы береговой косы в начальной стадии накопления отложений участка мыса и наличие на уровне формирования литологического слоя 7 древней ложбины, что определяло особенности планиграфии культурных горизонтов. Ко времени формирования 6-го культурного горизонта поверхность мысовидного участка террасы имела уже сглаженный рельеф с горизонтальной площадкой, удобной для обитания.

* * *

В целом образование культурных горизонтов многослойного поселения Студёное-2 происходило в процессе накопления аллювиальных отложений мысовидного участка второй надпойменной террасы р. Чикой. Подошвы культурных горизонтов приурочены к тонким иловато-песчаным прослойкам, на поверхности которых происходили процессы почвообразования в период обсыхания площадок и формирования культуросо-державших отложений при антропогенном освоении территории урочища. Сезонная динамика речной активности сопровождалась образованием археологически стерильных пачек мощностью до 15 см – горизонтально переслаивающихся песчано-иловатых прослоев, стратиграфически разделяющих и перекрывающих поверхности обитания. Обладая более плотной структурой, иловатые прослои сдерживали процессы вертикальной миграции артефактов.

Ситуативная скорость осадконакопления влияла на характеристики мощности культурных горизонтов. В ряде случаев культурные проявления занимают всю мощность стратиграфического компонента, за условные границы которого выходят только верхушки крупных камней. На участках активной антропогенной деятельности с остатками конструктивных элементов жилищно-хозяйственных комплексов мощность отложений культурного слоя могла достигать 10–15 см и более. Участки поверхности обитания в этом случае характеризовались наличием выраженного микрозаполнителя (углисто-сажистых проявлений, мелкого дебритажа, костной трухи и неопределимых осколков костей и др.), концентрацией предметного материала, привнесенных человеком крупноразмерных камней, выполняющих роль конструктивных элементов.

Глава 5. Планиграфический анализ и реконструкция

Современная поверхность первой и второй террас урочища Студёное на приустьевом участке имеет выраженное склоновое понижение по границе их сочленения в направлении к р. Студёной (точки разреза от репера идут с понижением от $-1,28$ до $-6,3$ м) (см. рис. 5.1). Полученные при

археологических раскопках стратиграфические профили Студёного-2 позволили проследить развитие отложений северной оконечности мысовидного участка второй надпойменной террасы р. Чикой от уровня древнего галечника до современной поверхности.

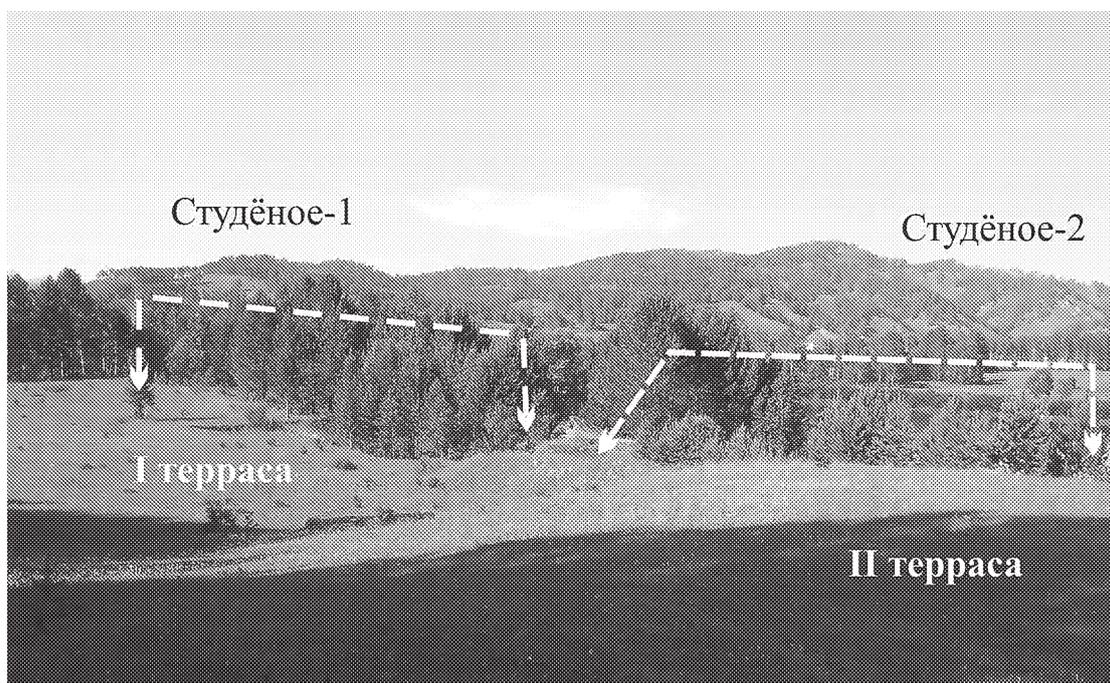

Рис. 5.1. Вид с юго-запада на урочище Студёное: месторасположение памятников. Фото автора

В ходе раскопок на поверхности кровли древнего галечника (по линии кв. Д) была выявлена граница берегового уступа и прослежено в основании пойменных отложений террасы начало формирования песчаной косы. Естественное расширение её поверхности в условиях береговой отмели, а в последующем в рельефе мыса обусловило пространственное размещение культурных комплексов в границах выположенных удобных для обитания площадок. Соответственно контекстность

многослойного памятника определила хронологическую последовательность описания материалов.

Наиболее высокую в разрезе гипсометрическую позицию из палеолитических горизонтов Студёного-2 имел комплекс 3-го культурного горизонта. Он залегал на высоте 9 м от современного уровня воды р. Чикой, на расстоянии 16 м от её берега. С нижней частью разреза отложений пойменного аллювия был связан уровень 8-го культурного горизонта.

5.1. Культурные горизонты 8, 7/2, 7/1

Наиболее ранние следы антропогенного освоения территории поселения Студёное-2 были выявлены в основании рыхлой части отложений пойменного аллювия второй террасы р. Чикой. На высоте 0,9 м от современного бечевника на площади 188 м² была раскрыта поверхность древнего галечника. Это позволило не только изучить его состав, но и обнаружить в перекрывающих отложениях культурный го-

ризонт с остатками древней стоянки (к. г. 8) [М. В. Константинов и др., 2011, с. 279]. В процессе расчистки по восточной части раскопа был прослежен древний береговой уступ, на расстоянии шести-семи метров от которого проходила граница песчаного пляжа. Она фиксировалась по уровню кровли галечника и стратиграфическим профилям (линии кв. 26–24 и кв. М–О) (см. рис. 5.2).

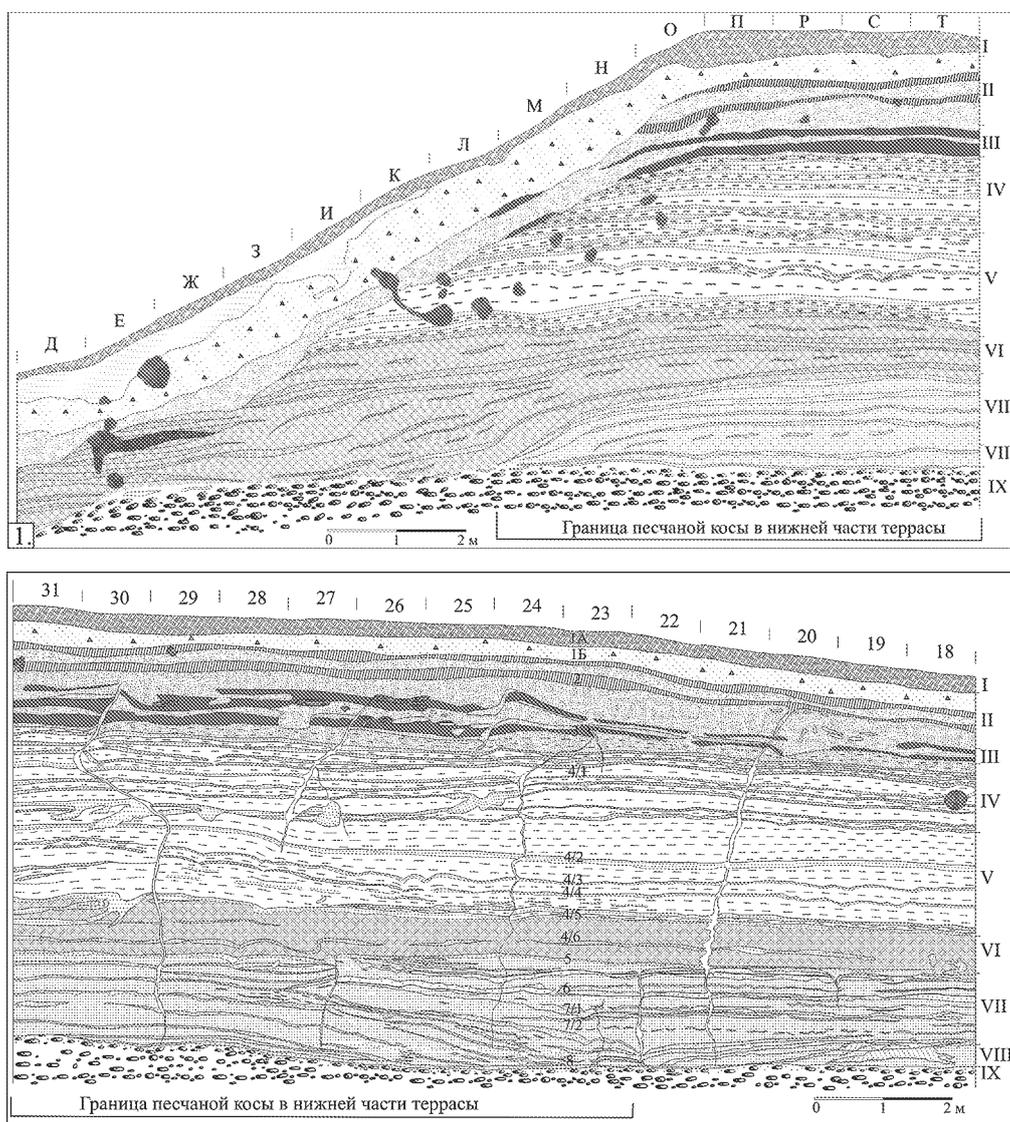

Рис. 5.2. Стратиграфические профили разрезов Студёное-2³⁰: 1 – профиль по линии 32, квадратов Д–Т; 2 – профиль по линии У, квадратов 31–18. Условные обозначения: I–IX – литологические слои; 1А–8 – культурные горизонты

³⁰ Стратиграфические профили на этапе раскопок прорисованы автором. Материалы в полном объёме вошли в научные отчёты М. В. Константинова [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 19956, 25162, 25822]. Оцифровка разрезов по полевой документации выполнена геологом В. Б. Поповым в 2006 г. в рамках работ по гранту РФФИ № 05-06-97200. Графическая обработка рисунка В. В. Селин.

Древний участок обитания был связан с правобережьем приустьевоего фрагмента палеодолины р. Студёной, окраинной зоной песчаной косы (кв. 24–31, С–Н). В этом месте галечник второй террасы перекрывали оглеенные суглинки сизовато-бурого цвета

и разнородные пески с признаками ожелезнения (мощностью 0,05–0,1 м). Поверх них шёл прослой отмытого крупно-, среднезернистого дресвянистого песка светло-жёлтого цвета (0,17–0,2 м), маркирующий зону берегового пляжа (см. рис. 5.3)³¹.

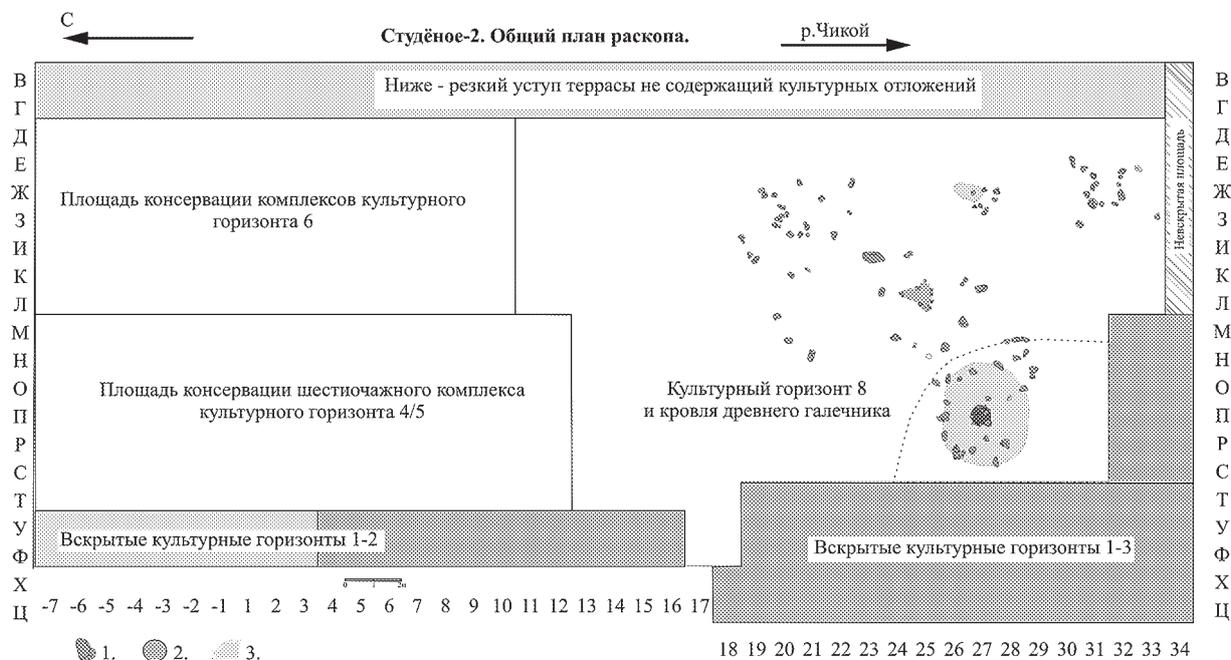

Рис. 5.3. Студёное-2. Схема расположения комплексов к. г. 8: 1 – крупные камни; 2 – пятна прокала; 3 – условная граница песчаной косы

В процессе расчистки поверхности на расстоянии около трёх метров от кромки песчаной косы на площади кв. 26–29, Н–С проявились верхушки крупных валунов. Камни отмечали контур неправильной формы окружности диаметром 3,0×3,7 м, соотнесённый в дальнейшем с остатками основания одноочажного жилищно-хозяйственного комплекса. Выявленный уровень получил обозначение культурного горизонта 8 – к. г. 8 (см. рис. 5.4)³².

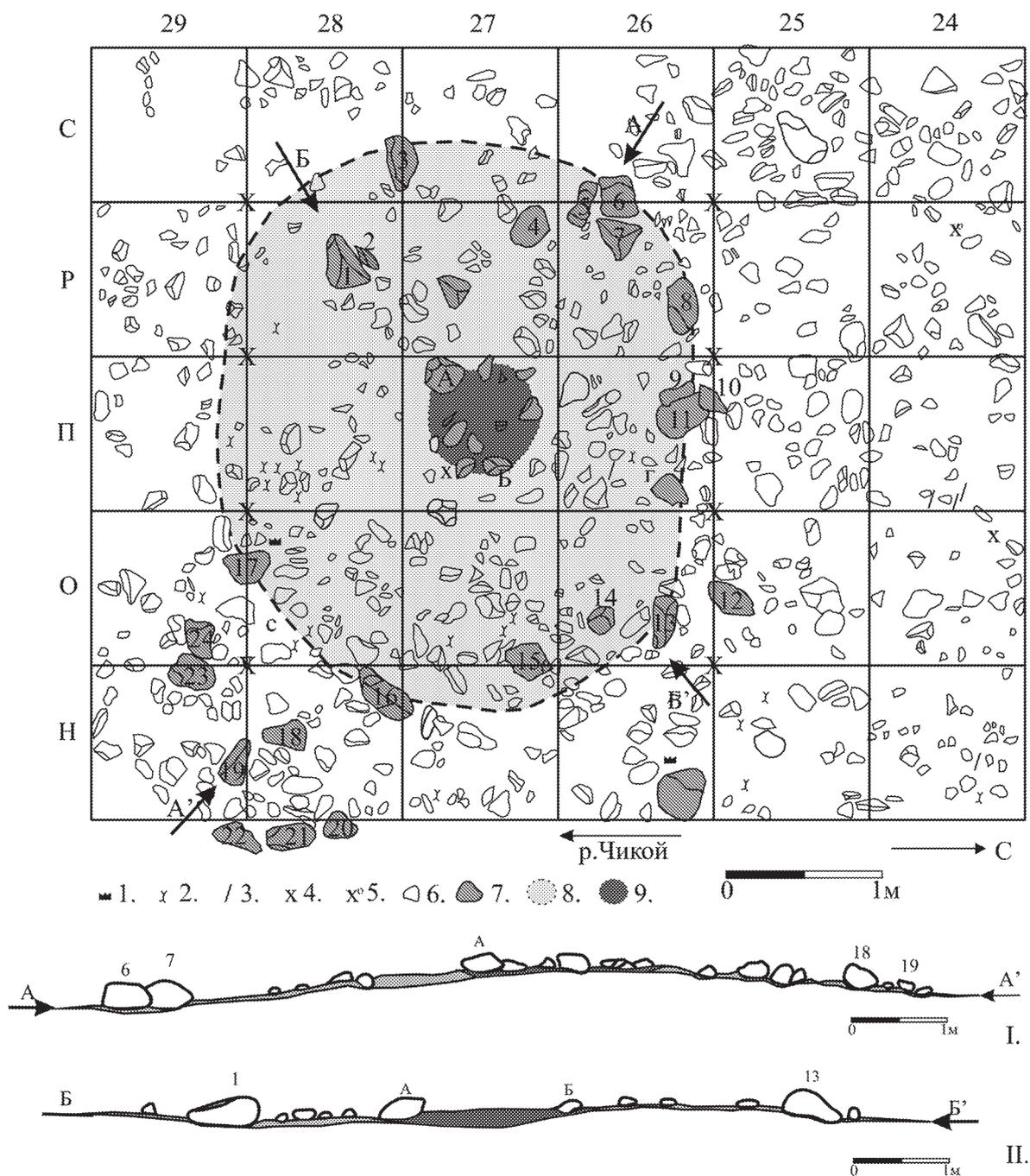
Внутри оконтуренного камнями пространства фиксировались изменения компонентов заполнителя слоя: насыщенный окрас (красновато-бурый оттенок за счёт

повышенного содержания окислов Fe и Mg) и сажистых включений, микроосколков костей. Поверхность условного пола отбивалась по кровле плотного коричневого цвета суглинка.

В центральной зоне пятна (кв. 27–П) по интенсивности окраса выделялись остатки очага, в виде округлой формы пятна темного бурого цвета диаметром 0,82 м, с мощностью заполнения 2–2,5 см. По его контуру и на поверхности лежало несколько камней размерами до 0,2 м. Из них выделялись более крупный камень (А) с юго-западной стороны и лежащая напротив с северо-востока пирамидальной формы галька (Б) (см. рис. 5.4).

³¹ Заполнение кровли руслового аллювия составляли мелкий валунник, слабо окатанная галька (1–2-й класс по Хабакову), гравий и крупнозернистый песок. Камни (от 20 до 60 экз./м²) располагались горизонтально или слабонаклонно с преобладанием ориентации длинных осей в направлении стока р. Студёной. Основной состав пород – гранит и базальт, отдельные кварциты. Нижнюю часть перекрывающего слоя составлял коричневый тяжёлый суглинок с дресвой и мелкой галькой. По песчаному заполнению прослеживалось сильное ожелезнение и омарганцевание [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 25822, л. 15–16].

³² Описание даётся по материалам, представленным в отчётах М. В. Константинова [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 25822, л. 17–22; ф. 1, р. 1, № 25162] и на основе личных наблюдений автора, принимавшего непосредственное участие в изучении к. г. и данного комплекса.

Рис. 5.4. Студёное-2. К. г. 8. Комплекс одноочажного жилища [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 25822, рис. 45, 46]: 1 – зуб млекопитающего; 2 – осколки костей; 3 – отщеп; 4 – фрагменты пластинок; 5 – фрагмент призматической пластинки с ретушью; 6 – камни в заполнении песчаной прослойки; 7 – камни залегающие выше кровли руслового галечника; 8 – пятно суглинка со следами прокала и сажистыми примазками; 9 – очажное пятно; I – профиль по линии А–А'; II – профиль по линии Б–Б'

К линии внешней обкладки были отнесены семнадцать гранитных валунов (см. табл. 2). Их описание даётся по сегментам периметра. Западный сегмент отмечали камни № 1–7 (см. рис. 5.4). В кв. 28–Р на расстоянии 0,75 м на северо-запад от очажного

камня (А) в границах пятна на поверхности окрашенного суглинка лежали два подтреугольной формы валуна: № 1 – на плоском основании, № 2 – на боковом ребре примыкал с северо-запада.

Характеристики камней внешней обкладки комплекса к. г. 8, Студёное-2

<i>Номер камень</i>	<i>Сырьё</i>	<i>Размер камней из внешней обкладки</i>	<i>Направление длинной оси камня</i>	<i>Сегмент обкладки</i>
1	Гранит	0,38×0,3×0,18 м	Юго-запад – северо-восток	Западный
2	Гранит	0,18×0,1×0,14 м	На ребре	
3	Гранит	0,38×0,22×0,08 м	Запад – восток	
4	Гранит	0,35×0,23×0,1 м	Юго-восток – северо-запад)	
5	Гранит	0,42×0,12×0,12 м	Северо-запад – юго-восток	
6	Гранит	0,4×0,24×0,06 м	Запад – восток	
7	Гранит	0,3×0,28×0,06 м	Юго-запад – северо-восток	
8	Гранит	0,4×0,2×0,12 м	Запад – восток	
9	Гранит	0,28×0,2×0,06 м	Юго-восток – северо-запад	
10	Гранит	0,2×0,14×0,12 м	Юго-запад – северо-восток	
11	Гранит	0,4×0,2×0,08 м	Юго-восток – северо-запад	
12	Гранит	0,28×0,19 ×0,12 м	Юго-запад – северо-восток	
13	Гранит	0,36×0,18×0,14 м	Запад – восток	Восточный
14	Гранит	0,17×0,2×0,08 м	Юго-восток – северо-запад	
15	Гранит	0,32×0,2×0,12 м	Юг – север	
16	Гранит	0,58×0,22×0,16 м	Юго-запад – северо-восток	
17	Гранит	0,34×0,2×0,08 м	Юг – север	Южный
18	Гранит	0,28×0,26×0,06 м	Север – юг	Зона условного тамбура
19	Гранит	0,28×0,2×0,1 м	Запад – восток	
20	Гранит	0,32×0,2×0,08 м	Юг – север	
21	Базальт	0,26×0,16×0,1 м	Юг – север	
22	Гранит	0,35×0,2×0,1 м	Юг – северо-восток	
23	Гранит	0,3×0,22×0,16 м	Север – юг	
24	Гранит	0,24×0,2×0,12 м	Запад – восток	

Составлено по: [М. В. Константинов, 2002: ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 25822, л. 15–21].

На удалении в 0,55–0,6 м на запад от этих камней по границе кв. 27–28, С на широком основании лежал подтреугольной формы валун № 3, обращённый верхней приостренной частью к востоку. От него в 0,8–1,1 м на север группой находились четыре камня. Поверхность округлого камня № 4 (кв. 27–Р) имела наклон к западу. Валуну № 5, 6, 7 лежали вплотную, образуя в плане треугольник. Камень № 5 трапециевидно-пирамидальной формы (кв. 26, Р–С), № 6 – уплощённый подквадратный. Основание пирамидальной формы валуна № 7 (кв. 26–Р) лежало непосредственно на галечни-

ке, на 0,2 м ниже уровня условного пола. Вероятно, это естественная позиция, которую древние поселенцы учли при выборе места стоянки. Два первых камня прилегли к нему с внешней (западной) стороны.

Северный сегмент обкладки включал валуны № 8–13. Двускатный овальный в плане камень № 8 (кв. 26–Р) лежал согласно контуру пятна окрашенного суглинка на расстоянии 0,4 м от камня № 7. Камни № 9–11 находились в 0,4 м на восток в кв. 26–П. Центральное место в группе занимал крупный валун № 11. Его основание имело горизонтальную позицию. Верх-

нюю с северо-западным уклоном плоскость частично перекрывал угловатый трапециевидной формы валун № 9. Пирамидальной формы крошащийся гранит № 10 налегал на край камня № 11 с севера.

По центру контура северного сектора на уровне пола лежала плоская неправильной формы галька. Она не возвышалась над общим уровнем пола, но ее положение вписывалось в контур основания предполагаемой конструкции. Завершали линию обкладки сегмента камни № 12, 13.

Овальный в плане, с двумя наклонными гранями валун № 12 находился несколько отдельно от условной линии обкладки, сместившись в 0,2–0,25 м на север (граница кв. 25–26, О). Его основание лежало на поверхности галечника гипсометрически ниже, чем у остальных камней на 0,1–0,12 м. Возможно, смещение было обусловлено склоновым наклоном в зоне оконечности береговой косы. Подтреугольной формы валун № 13 (кв. 26–О) под воздействием криогенных процессов треснул повдоль. Линия прошедшей через него мерзлотной трещины фиксировалась при зачистке.

К восточному сегменту обкладки отнесены три гранитных валуна. Первый, трапециевидной формы – № 14, находился на расстоянии 0,2 м на юг от № 13 (кв. 26–О) и лежал на поверхности галечника. Он имел плоскую верхнюю грань и наклонную боковую. На расстоянии 0,36 м далее на юго-запад на границе кв. 27, Н–О в устойчивой позиции находился плоский трапециевидный валун № 15. В этом месте по линии кв. 27 ближе к центру было отмечено скопление мелкой и средней гальки, набившейся в кладку основных камней по узкой промоине, выявленной при плоскостной зачистке. На расстоянии 0,65 м на юго-запад лежал крупный подпрямоугольной формы двускатный валун № 16 (кв. 28–Н) слегка развернутый длинной осью по линии ЮЗ – СВ.

Южный сектор комплекса отличался относительной «чистотой» пола с единичными мелкими гальками. На этом же участке компактно располагалось скопление мелких осколков колотых костей. По границе пятна

суглинка на расстоянии 0,9 м на юго-запад от камня № 16 лежал единственный крупный трапециевидной формы двускатный камень № 17 (кв. 28–29, О).

Таким образом, с южной стороны пятно суглинка не имело как таковой каменной обкладки. На вероятность существования заграждения указывало распределение мелких камней, которые буквально цепочкой отмечали его контур (см. рис. 5.4).

С юго-восточной стороны между камнями № 16, 17 по направлению к реке были отмечены ещё несколько крупных камней. В 0,5 м на юго-восток от камня № 16 лежал трапециевидной формы камень № 18 (кв. 28–Н), развернутый по линии север – юг. В 0,19–0,22 м от него ещё один аналогичной формы (№ 19), развернутый по линии запад – восток. На поверхности этого камня были отмечены следы забитости [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 25822, л. 19]. Возле этого камня в кв. 28–Н был обнаружен единственный в комплексе базальтовый валун. Он имел лучшую окатанность, чем гранитные. Возможно, эта конкреция являлась сырьевой основой с перспективой ситуационного расщепления. С одной стороны его поверхность несла следы забитости.

Ближе к реке вдоль границы кв. 28–29, М, Н лежали в линию три камня, ориентированные длинными осями с юга на север. Крайний с севера (№ 20) плоский, трапециевидный. Посередине (№ 21) двускатный, овальной формы со слегка приподнятым южным краем. Подтреугольной пирамидальной формы валун № 22 был немного развернут на северо-восток.

На границе кв. 29, Н–О, на удалении 0,5 м от камня № 18, размещался крупный овальной формы валун № 23, с прилегающим к нему в кв. 29–О пирамидальной формы валуном № 24. Вершина камня по нивелировочным отметкам находилась ниже соседнего на 0,06 м. Теоретически камни № 18–24 могли иметь конструктивное значение, но определить его не представляется возможным.

Все камни, отнесенные к внешней обкладке комплекса, отличались от нижеле-

жащего галечника размерностью и явной выборочностью пород (за одним исключением – все граниты). У крупных камней прослеживалась закономерность в ориентации длинных осей вдоль внешнего контура пятна суглинка. Камни располагались одиночно, парой или по три. Находились в устойчивой позиции на широких плоскостях. Высота камней всегда меньше в 2–4 раза ширины и длины.

Помимо обожжённых фрагментов колотых костей и нескольких отщепов к артефактам, связанным непосредственно с комплексом, была отнесена похожая на чоппер зеленоватого цвета гранитная галька в кв. 27–О.

Совокупность материалов, выявленных в к. г. 8, позволила соотнести обнаруженный комплекс с остатками наземного сооружения и интерпретировать его в качестве жилища с округлым основанием, по центру которого располагался очаг (см. рис. 5.5).

Диаметр по полу от края камней внешней обкладки имел размеры от 3,4 м (через камни № 8, 17) до 3,7 м (через камни № 3, 13). Конфигурация линзы окрашенного суглинка и расположенные разреженной цепочкой по её контуру камни определяли округло-овальную форму основания конструкции, внешнее покрытие которой было лучше укреплено с северной (подветренной) стороны.

Рис. 5.5. Художественная реконструкция жилища-чума к. г. 8, Студёное-2.
Художник С. В. Тукмачев

Распределение артефактов к. г. 8, Студёное-2³³

	← С											р.Чикой →				
	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29				
Д									4							
Ж										2						
З										3						
И	1						3	4	1							
К		2					4	3								
Л																
М	2															
Н	2					1	1									
О				1		1	1	3	1	1						
П	2	1				1	2		2	4						
Р				1		1	3		1	2	12	1				
Р				2			1*									
С																

1 - 1.   2 - 2.

Условные обозначения: 1 – количество каменных артефактов; 2 – количество осколков костей; 1* – фрагмент призматической пластины с ретушью.

В южном секторе наблюдалось минимальное присутствие камней и галек. Здесь же фиксировалось скопление мелких осколков обожжённых колотых костей и фрагментов зубной эмали млекопитающих. В эту сторону растянулась тонкая плёнка углистого пятна из заполнения очага.

Скорее всего, её размыв происходил в период завершения функционирования стоянки: с этой стороны прослеживалось общее береговое понижение поверхности. Пятно перекрывалось тонкой прослойкой крупнозернистого дресвянистого песка белёсого цвета. За пределами линий кв. 27–29

песчаный прослой залегал на 5–7 см выше перекрытой заиленным песком кровли галечника. Внутри комплекса при завершающей расчистке и снятии грунта на 4–5 см ниже уровня камней из обкладки прослеживался сплошной мелкий и средний галечник.

При изучении к. г. 8 на общем фоне галечного массива выделялись отдельные более крупные камни. В ходе раскопок М. В. Константиновым были отмечены признаки упорядоченности в расположении массивных валунов и следы термического воздействия на поверхности ряда камней

³³ Статистические данные составлены по описи полевых материалов, вошедших в отчёты М. В. Константинова по результатам полевых исследований 2000, 2001 гг. [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 25162, л. 23–28; № 25822, л. 22–24].

(кв. 11–33, Д–Л). Имея опыт изучения жилищ на галечниках (Усть-Менза-1, к. г. 25; Студёное-1, к. г. 19/4), исследователь выдвинул предположение об открытии на поверхности галечного пляжа палео-Чикоя следов древней стоянки, включающей остатки нескольких комплексов. При этом три комплекса размещались непосредственно вдоль береговой линии «на чуть обсохшем галечнике» и соотносились с остатками оснований наземных конструкций [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 25162; Верещагин, 2012, с. 11–12].

С позиции оценки планиграфии конкретной ситуации предполагаемой стоянки отметим, что наличие бесспорных артефактов определённо указывало на включение зоны берегового пляжа в границы территории регулярного посещения при функционировании стоянки (см. табл. 3). В то же время, степень сохранности каменных выкладок не позволяет интерпретировать природу

их появления, не исключая среди прочего вероятность искусственной организации. По археологическим и этнографическим материалам известно достаточно примеров размещения кратковременных береговых стойбищ в подобных условиях (см. рис. 5.6).

Коллекция каменных артефактов к. г. 8 характеризуется минимальным количественным составом (18 экз.) и включает две расколотые гальки (кварцит и гранит), фрагмент пластинки, семь отщепов, в том числе два из белого кварцита. Кроме того, к условным артефактам были отнесены сильно замытые предметы, предположительно фрагменты трёх пластин и пластинки, четыре отщепа. В числе безусловных артефактов верхний фрагмент призматической пластинки из яшмы с двусторонней краевой ретушью, найденный в кв. 24–Р в двух метрах севернее выделенного жилища [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 25822, рис. 20].

© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, 2018

Рис. 5.6. Летнее стойбище на берегу р. Нижней Тунгуски. Фото А. А. Макаренко, 1923–1924 гг. Красноярский край. Эвенкийский национальный округ. Эвенки [Фотоархив РЭМ, д. 5659-66]

Остатки фауны (35 экз.) в основном представлены фрагментами обожжённых костей: двух трубчатых (длиной 6,0 и 6,8 см); челюстной (2 фр.); одним целым и обломками зубов млекопитающих (2 фр.); мелкими неопределимыми осколками (20 фр.); обломками стенок рёбер (5 фр.); суставной кости и эпифиза (3 фр.). Несмотря на малочисленность костных остатков, были определены три представителя промысловой фауны – кабан (зуб), лошадь (зуб) и мелкое парнокопытное млекопитающее (ребро).

Возраст стоянки к. г. 8 показала полученная по кости AMS-дата $20,6 \pm 90$ тыс. л. н. (SAMS-90971) [Buvit et al., 2004; Кузьмин и др., 2011, с. 191]. Этот период времени для территории Забайкалья характеризуется холодными и влажными природно-климатическими условиями.

Анализ круговой модели комплекса к. г. 8 подтвердил первоначальные наблюдения системной организации археологических материалов. Судя по расположению камней, отнесённых к внешней обкладке, периметр каркаса, удерживающего покрытие конструкции, был удалён от очага на расстояние не более 1,5 м. Это было компактное небольшое сооружение с вероятным расположением входа с юго-восточной стороны. При этом позиция самого жилища чётко вписывалась в пространство берегового участка песчаной косы.

По данным палинологического анализа, человек мог использовать при сооружении каркасной конструкции ивовые и берёзовые жерди – пыльцу этих древесных и кустарниковых растений в незначительном количестве содержали спорово-пыльцевые спектры отложений, включающих культурный горизонт. Планиграфический контекст в целом указывает на относительную кратковременность периода функционирования данной стоянки.

Выше уровня к. г. 8 в отложениях пойменного аллювия 8-го литологического слоя, характеризующихся переслаиванием светлых крупнозернистых песков и тонких голубоватого цвета илов, были выявлены отдельные артефакты, обозначившие уровни

культурных горизонтов 7/2 и 7/1 (к. г. 7/1, 7/2) без следов наземных сооружений.

В к. г. 7/2, который залегал в стратиграфическом разрезе выше к. г. 8 на 0,4 м и ниже уровня к. г. 7/1 на 0,4–0,6 м, были найдены 12 фрагментов колотых неопределимых костей, 11 отщепов, пластинка с ретушью и две пластинки (см. табл. 4). Они обозначили возможность выявления площадки обитания в случае расширения раскопа в восточном направлении и вскрытия отложений террасы до данного уровня.

Характер поквadratного распределения артефактов указывал на удалённость участка активной антропогенной деятельности от берега р. Чикой (восточной границы мыса). Вероятно, он тяготел к центральной части террасы, оставшейся за рамками изученной площади раскопов Студёного-2.

Особо отметим находку двух позвонков парнокопытного млекопитающего (кв. 24–К, 26–И). По определению канд. биол. наук Н. Д. Оводова, шейные позвонки (пятый и шестой) принадлежали крупному представителю семейства *Bovidae*, вероятно, винторогой антилопе³⁴. Для нас важно, что позвонки, находясь на удалении (не в анатомическом порядке) друг от друга, принадлежали одному животному. При этом, по наблюдению Н. Д. Оводова, остистый отросток 5-го шейного позвонка был разрушен точным ударом почти у самого основания. Оставшийся негатив свидетельствовал о том, что орудие, коснувшееся костной ткани, было диаметром около 1 см. То же относилось и к 6-му шейному позвонку. Помимо этого у обоих позвонков, когда они находились в сросшемся состоянии, были отрублены поперечные и рёберные отростки. Следов от зубов хищников на костях не фиксировалось, как и следов искусственного разделения позвонков между собой.

³⁴ Предположительность, как писал в заключении Н. Д. Оводова, была обусловлена отсутствием полного скелета данного вида. Ранее останки этих млекопитающих в Забайкалье были выявлены А. К. Каспаровым в материалах поселения Сухотино-4. Заключение по определению видовой принадлежности позвонков и их метрических характеристик, выполненное в 2000 г. Н. Д. Оводовым, хранится в личном архиве автора. Данные включены в текст отчёта М. В. Константинова, 2001 [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 25162, л. 19–21].

Студёное-2. Фрагмент к. г. 7/2: распределение выявленных артефактов

	← С												р. Чикой →											
	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29
Д																								
Ж																								
З																								
И										Пз6														
К								Пз5																
Л																								
М	2о																							
Н	2о		к					о,к																
О	2к.о	о					о		к															
П					х	о					к,о	к	к											
Р				о			х				к	к												
С																								

Условные обозначения: к – фрагмент кости; о – отщеп; х – микропластина; X – фрагмент пластинки с ретушью; Пз5, Пз6 – пятый и шестой позвонки парнокопытного млекопитающего [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 25162, л. 19; ф. 1, р. 1, № 25822, л. 14–15].

В к. г. 7/1 (уровень связан с иловатой прослойкой, залегающей выше к. г. 8 на 0,9–1,1 м и ниже к. г. 6 на 0,7 м), были найдены пять фрагментов трубчатых колотых костей млекопитающих (18–К, 24–И, 23–Р, 24–Р, 25–Р) [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 25162, л. 18–19; № 25822, л. 14]. Они не образовывали никаких связей, но сам факт их обнаружения обозначил возможность выявления самостоятельного уровня обитания.

Примечательно, что по стратиграфическому разрезу нижней пачки отложений, включающей к. г. 7/2, 7/1, были отслежены изменения, произошедшие к этому времени с рельефом поверхности. Обозначившаяся

на уровне к. г. 8 песчаная коса получила дальнейшее развитие. Галечник был перекрыт супесчаными отложениями пойменного аллювия мощностью 0,8–1,1 м. Поверхность, расширяясь в северном и северо-западном направлении к устью р. Студёной (до линии кв. 3), стала приобретать форму террасы с мысовидным уступом. Бровка вдоль р. Чикой отодвинулась в восточном направлении на расстояние 6–7 м (до линии кв. Г–Д). В последующем именно этот выположенный участок поверхности мыса был выбран древними людьми на этапе заселения уровня к. г. 6.

5.2. Культурный горизонт 6

Культурный горизонт 6 (к. г. 6) связан со средней частью пойменной фации аллювия 7-го литологического слоя [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 33763, л. 21–28]. Вмещающие отложения представлены слоем мелкозернистого песка (мощность 7–8 см), перекрывающего плотную иловатую прослойку – нижнюю границу культурного горизонта. Площадь вскрытия к. г. 6 (400 м²)

ограничена вдоль западной стороны стенкой раскопа ввиду консервации расположенного выше по разрезу жилищно-хозяйственного комплекса к. г. 4/5 (см. рис. 5.7). Эта ситуация определила частичную изученность горизонта. На вскрытой площади артефакты тяготели к двум участкам, расположенным на расстоянии семи метров друг от друга³⁵.

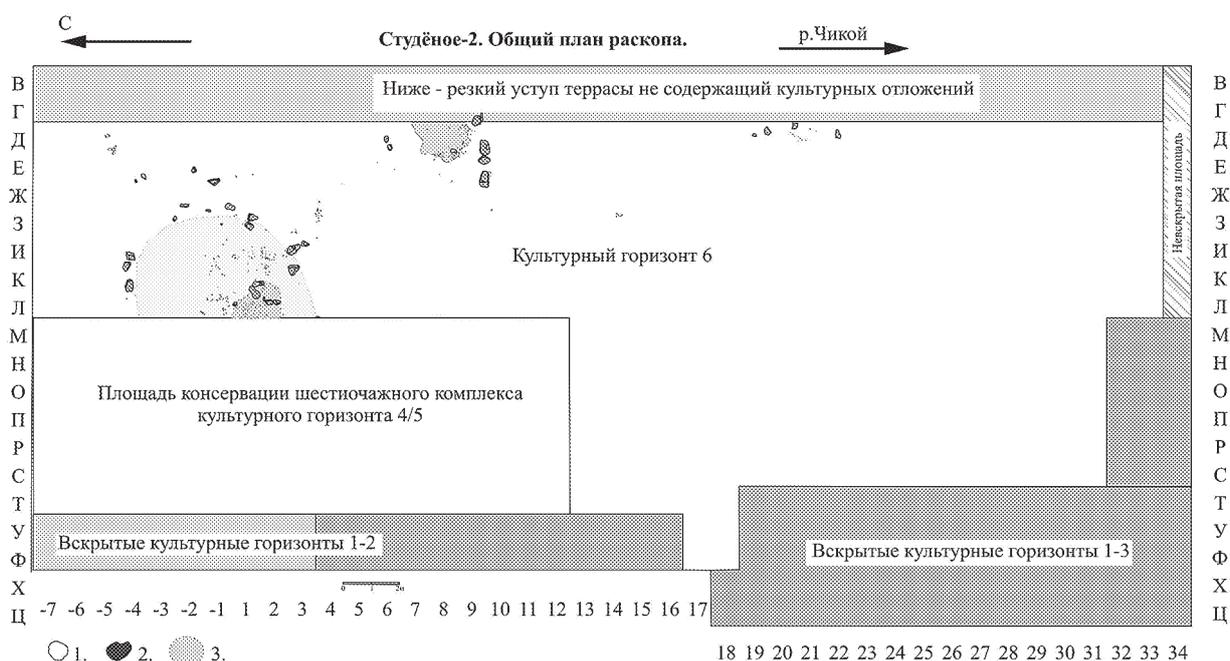

Рис. 5.7. Студёное-2. Схема размещения комплексов к. г. 6: 1 – камни; 2 – камни структурирующие пространство; 3 – углисто-золистые пятна [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 31403]

Первый комплекс располагался на кв. 6–10, Д–3 и охватывал площадь порядка 9 м². Здесь были выявлены золистое пятно и четыре крупных массивных валуна, расположенных в линию (2,6 м) перпендикулярную бровке террасы (см. рис. 5.8): у трёх валунов длинные оси ориентированы с запада на восток. Камни с ровными широкими верхними плоскостями (тах размер 0,54×0,3 м), горизонтальность позиции которых обеспечивалась намеренно. Под грани оснований двух камней были подложены «чоппилом» расколотая галька и два скальных обломка. Высота камней – 0,25–0,3 м, за исключением второго (с запада) валуна. Он имел угловатую подтреугольную в сечении форму. Высота камня по верхней точке – 0,35 м. Его широкая верх-

няя часть располагалась под прямым углом к вершине с уклоном поверхности с севера на юг. Расстояние между валунами в направлении запад – восток составляло 0,32; 0,05; 0,54 м. Последний, четвёртый, валун уходил в восточную стенку раскопа (в сторону реки). Он сместился от основной линии камней на север и располагался непосредственно на кромке берегового уступа террасы.

Валуны лежали на илистой прослойке мощностью около 3 см. Подстилающие её отложения имели ясную горизонталь-

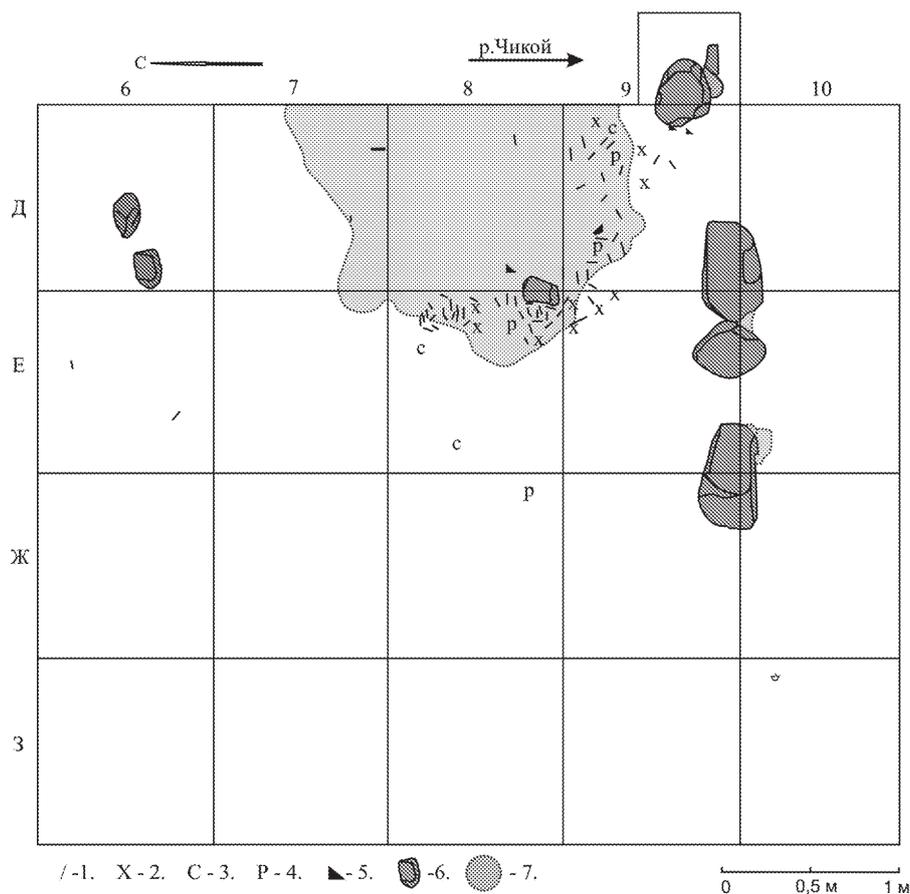
³⁵ Предварительная публикация результатов изучения комплексов к. г. 6 представлена в докладах III Международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири», которая проходила 5–9 сентября 2012 г. в г. Улан-Батор [Разгильдеева, 2012, с. 102–107].

ную слоистость без следов криогенных или иного характера деформаций. Вдоль линии камней непосредственно на уровне

их основания прослеживались следы промоины склонового стока к реке (с запада на восток).

Рис. 5.8. Студёное-2. К. г. 6. Южный комплекс: группа валунов. Вид с юго-запада [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 31403]

Рис. 5.9. Студёное-2. Фрагмент плана к. г. 6. Комплекс 1 [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 31403; Разгильдеева, 2012, рис. 1]: 1 – отщеп; 2 – пластинка; 3 – скол; 4 – резец; 5 – осколки костей; 6 – валуны; 7 – золистые пятна

Появление столь крупных валунов на высоте около метра над общим уровнем галечника могло быть обусловлено различными условиями. Камни отличались значительной массивностью и весом. Предполагать намеренное поднятие их с берега, учитывая близость бровки террасы и в этом случае шаговой доступности, не представляется в полной мере целесообразным, хотя полностью и не исключает таковой. Более вероятно развитие ситуации, при которой транспортировка валунов произошла в период ледохода, после чего их могли установить в удобную для использования поверхностей позицию. Примеры присутствия отдельных групп валунов сопоставимого размера и сейчас наблюдаются по берегам р. Чикой. В то же время, обстоятельства, при которых камни оказались на данном месте не являются для нас принципиально значимыми. Существенно важнее, что они привлекли внимание людей и были включены ими в сферу хозяйственно-бытовой деятельности. Ряд признаков указывал на их использование как минимум в двух хронологически самостоятельных эпизодах освоения участка террасы (к. г. 6 и к. г. 5).

Установка камней в позиции горизонтального положения верхних плоскостей имела целевой характер (см. рис. 5.9). На уровне к. г. 6 между камнями фиксировалось наличие сильно размытой золистой прослойки, на боковых поверхностях нижней части валунов сохранились сажистые пятна.

Размытое золистое пятно фиксировалось и с северной стороны от камней. Заполнение чёрного цвета мощностью 0,5–3 см, нижняя граница с промоинами и ямками-западинами со скоплениями углистой массы. На поверхности лежал небольшой подпрямоугольной формы камень.

По южной кромке пятна растянулось скопление артефактов: 56 чешуек, 7 фрагментов микропластин, 3 скола (из них один реберчатый), 3 отщепы, и мелкие неопределимые осколки обожжённых костей.

Каменные орудия были представлены сработанными резцами (см. рис. 5.10 – 1, 2, 4). Ещё один резец находился в метре к западу от пятна (см. рис. 5.10 – 3).

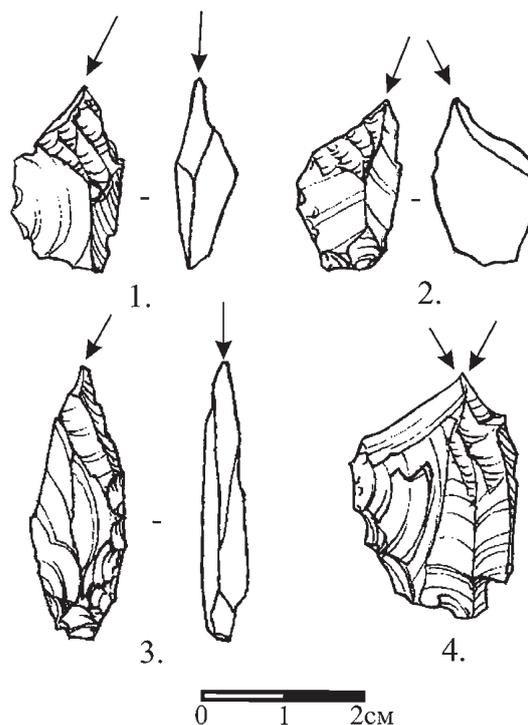

Рис. 5.10. Студёное-2. К. г. 6. Орудия из камня. Резцы: 1 – кв. 9-Д; 2 – кв. 8-О; 3 – кв. 8-Ж; 4 – кв. 9-Д (1–3 – яшма; 4 – хрусталь)

При оформлении орудий использовались схожие технологические приёмы обработки. Два резца выполнены на проксимальных фрагментах пластин, которые служили дистальной частью орудий. Основы двугранные, асимметричные, в зоне крепления в рукоятях с краевой ретушью. Орудие на отщепе из прозрачного хрусталя по определению трасологов использовалось как резчик. Резцы из чёрного и серого цвета кремня. Два орудия изготовлены на отщепе (см. рис. 5.10 – 2, 4). При относительной массивности основ рабочие кромки орудий утоньшались микропластинчатыми снятиями. Размеры орудий 3,2×1,4 см, 2,0×1,1 см.

На расстоянии семи метров на северо-запад от линии камней был исследован фрагмент другого комплекса, площадью порядка 34 м². Здесь были выявлены отдельные валуны, в расположении которых прослеживалась системность. Всего на данном участке был выявлен 21 камень. Двенадцать из них (№ 7–18) лежали разрезанно по цепочке, формируя контур дуги, упирающейся в западную стенку раскопа.

Три камня (№ 19–21) располагались ближе к уступу террасы и отмечали внешнюю границу комплекса. Размеры дуги по длинной оси (СВ–ЮЗ) – 7 м, по короткой (В–З) – 5 м. В южной части пространства, охваченного дугой, артефакты образовали

скопление, тяготеющее к углистому пятну (см. рис. 5.11).

Камни № 1–6 были предварительно отнесены к зоне внутренней хозяйственной деятельности (кв. 1–«1», Л), вероятно, связанной с очагом (см. рис. 5.12).

Рис. 5.11. Студёное-2. Комплекс 2. К. г. 6. Камни контура внешней обкладки. Вид с северо-востока, после разборки культуросодержащих отложений [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 31403]

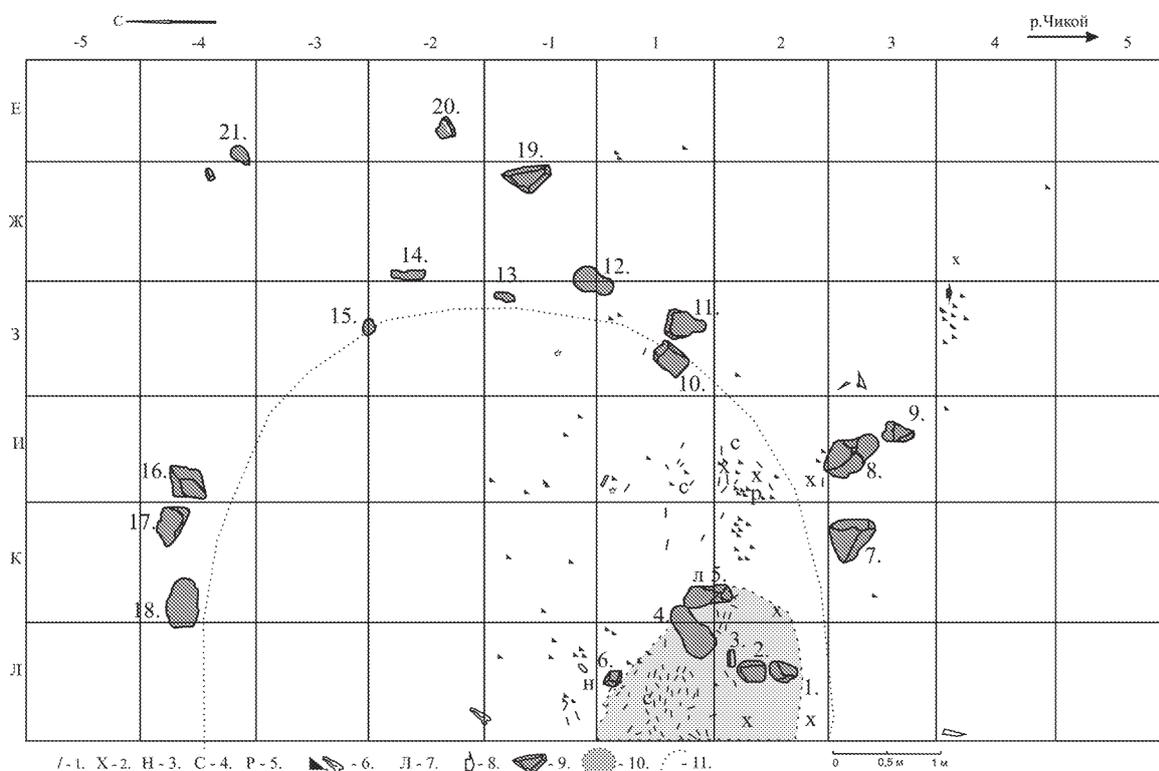
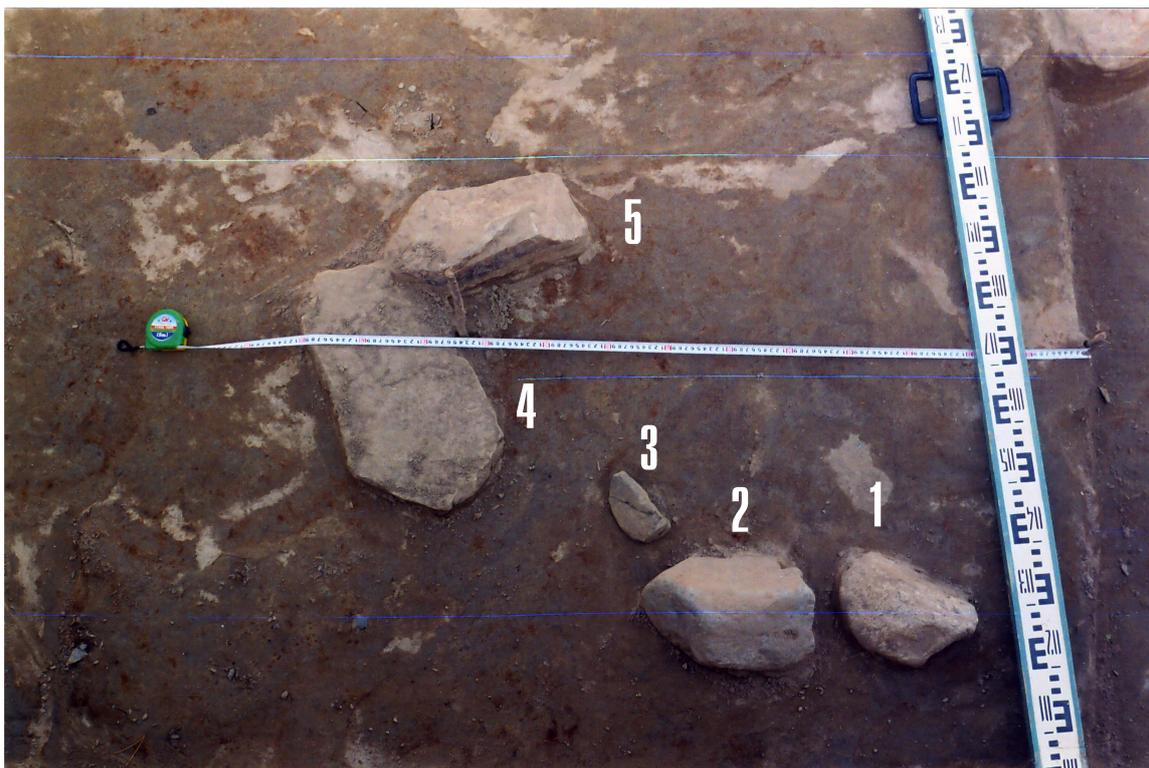

Рис. 5.12. Студёное-2. Фрагмент плана к. г. 6. Комплекс 2 [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 31403; Разгильдеева, 2012, рис. 1]: 1 – отщеп; 2 – пластинка, ф.т пластинки; 3 – нуклеус; 4 – скол; 5 – резец; 6 – фрагмент кости; 7 – лоцило; 8 – игла; 9 – камень; 10 – углистое пятно; 11 – границы пятна с изменённым составом; 1–21 – номера камней

Рис. 5.13. Студёное-2. К. г. 6. Зона углистого (приочажного) пятна. Комплекс 2. Вид на камни № 1–5 с запада [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 31403]

Хорошо окатанный с наклонной верхней плоскостью валун № 1 – крупнозернистый гранит с галечной коркой голубоватого цвета (кв. 2–Л), имел размеры $0,22 \times 0,16 \times 0,1$ м. Он лежал на широком плоском основании, длинной осью с юга на север. В $0,04$ м на север от него в аналогичной позиции основания располагался треугольный в боковой проекции базальтовый валун № 2 ($0,3 \times 0,23 \times 0,12$ м). В $0,02$ м далее на север лежал подтреугольный обломок гранита № 3 (размерами $0,13 \times 0,08 \times 0,07$ м), длинной осью вытянутый с запада на восток. С восточной стороны у камня № 2 фиксировались отдельные ярко выраженные вкрапления углей (см. рис. 5.13).

Особо выделялись два расположенных рядом камня № 4 и 5. Крупная шириной $0,18–0,26$ м, длиной $0,43$ м, плоская (3 см) с идеально ровной поверхностью плита № 4 лежала на расстоянии $0,19$ м на северо-восток от № 3. К ней примыкал угловатый окатанный гранитный валун № 5 ($0,33 \times 0,2 \times 0,11$ м). Судя по следам износа, их верхние плоскости подвергались интенсивному воздействию.

У основания камней отмечались вкрапления мелких углей (кв. 1, Л–К)³⁶.

Камень № 6 – хорошо окатанный с наклонной плоскостью подчетырёхугольной формы валун ($0,23 \times 0,15 \times 0,1$ м) – лежал на ровном основании в кв. 1–Л. Рядом с ним находилось скопление каменных артефактов и фрагментов колотых костей.

Ещё два валуна лежали на широких основаниях: в кв. 3–К остроугольной формы № 7 ($0,4 \times 0,35 \times 0,27$ м) и в кв. 3–И № 8 ($0,48 \times 0,33 \times 0,22$ м) с ориентацией длинной оси с северо-запада на юго-восток. В $0,1$ м от них на юг находился подтреугольный валун № 9 ($0,28 \times 0,15 \times 0,1$ м).

В $1,6$ м на северо-восток от камня № 8 в кв. 1–3 подчетырёхугольной формы камень № 10 ($0,29 \times 0,18 \times 0,12$ м) лежал на плоском основании таким образом, что его верхняя плоскость имела резкий уклон в южном направлении. Вероятно, он был развёрнут по склону древним водотоком, следы которого прослеживались на данном участке раско-

³⁶ Камни были оставлены на слое и законсервированы в состоянии *in situ*, что определило невозможность выполнения на настоящем этапе исследований трасологического анализа.

па. Рядом находился валун № 11 размерами 0,4×0,26×0,12 м, длинной осью ориентированный с юга на север. В 0,48 м от него (кв. 1—«1», 3) с направлением ЮЗ – СВ располагался уплощённый фигурной формы гранит № 12 (0,36×0,22×0,9 м).

На расстоянии 0,54 м от него на север, в кв. «1», 3 найдена подчетырёхугольная базальтовая галька № 13 (0,17×0,07×0,05 м). На восток в 0,86 м от неё в кв. «2», И лежал подтреугольной формы гранитный валун № 14 (0,37×0,2×0,14 м). Основание камня имело наклон 10–15°, направление длинной оси с юга на север. Вероятно, он «сполз» по краю древней промоины, которая прослеживалась с вышележащего к. г. 5. Изменения плоскости простирания слоя фиксировались и по нивелировочным отметкам.

Условно восточную границу контура слегка окрашенного пятна слоя фиксировал подпрямоугольной формы камень № 15 (0,24×0,22×0,1 м). С этой стороны комплекса ближе к уступу террасы были отмечены разрозненно лежащие камни (№ 19–20). Возможно, они относились к рассматриваемому комплексу, но их позиция в его структуре не определена.

Три крупных гранитных валуна по линии кв. «4» оотмечали северную границу культурных проявлений горизонта. Угловатой формы камень № 16 имел размеры 0,3×0,24×0,14 м. Дистальная часть валуна № 17 лежала плоскостью раскола вверх (0,33×0,25×0,08 м). Окатанный фрагмент другого валуна № 18 (0,42×0,28×0,07 м) был ориентирован длинной осью с запада на восток.

В ходе анализа планиграфии комплекса 2 камни № 1–6 были соотнесены с его внутренним пространством, камни № 7–18 с внешней границей – контуром условной обкладки (см. рис. 5.12).

При зачистке стратиграфического профиля западной стенки раскопа на участке комплекса 2 по уровню простирания к. г. 6 проявилась тонкая золистая прослойка, указывающая на возможность выявления в дальнейшем остатков кострища или оча-

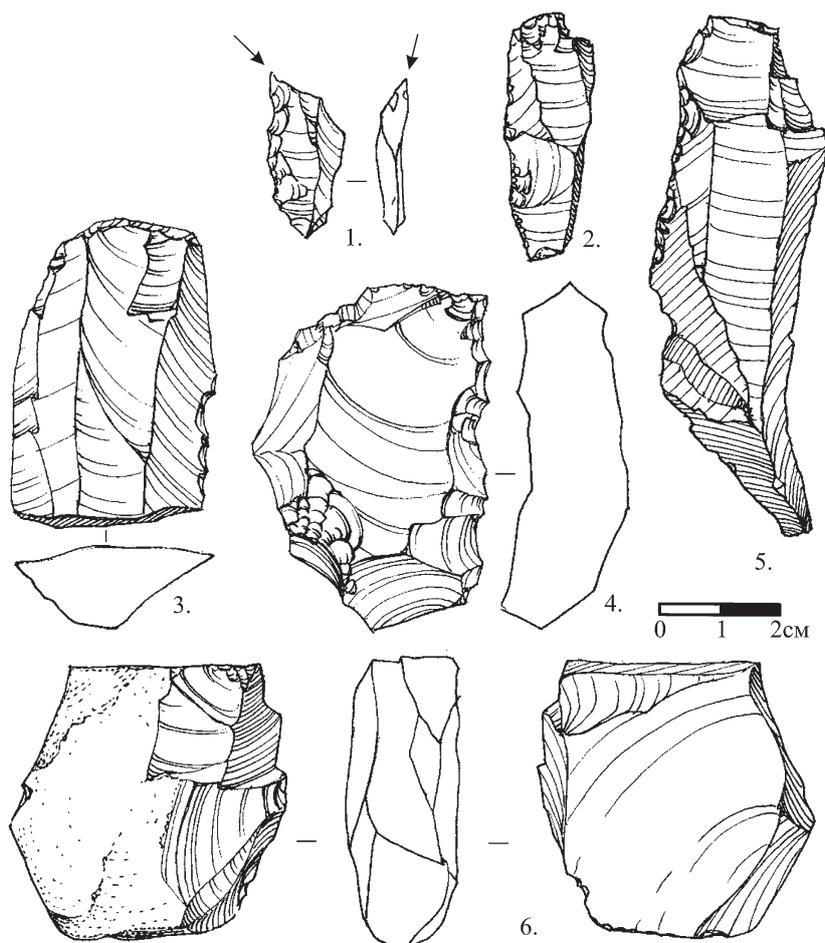
га. С этой внутренней зоной активности в кв. 1, Л–К связано скопление артефактов. При зачистке золистой были найдены крупные фрагменты костей с эпифизами. Каменный дебитаж включал пластину, чешуйки и многочисленные мелкие отщепы. В составе минерального сырья разноцветные кремни, туфоалевролиты, вулканическое стекло. В коллекции каменного инвентаря 3 скола, 52 отщепа, 21 чешуйка, фрагмент и две целые микропластины, пластинка и заготовка нуклеуса (см. рис. 5.14). Орудия немногочисленны: крупная пластина с ретушью (см. рис. 5.14 – 5), проксимальный фрагмент пластины с ретушью (см. рис. 5.14 – 3), резец (см. рис. 5.14 – 1). Последний оформлен на проксимальном фрагменте пластинки из коричневой яшмы, в зоне рукояточной части по одному краю крутая дорсальная ретушь. Размер орудия 2,4×1,2 см.

Учитывая частичность исследования к. г. 6, следует отметить, что обитатели поселения выполняли расщепление местного сырья (выделены аппликативные цепочки, включая первичные сколы) и переоформление принесённых готовых изделий. Призматические микропластины правильной формы, размерами 0,7×0,3 см. Выявляются устойчивые приёмы оформления рабочих кромок орудий. В качестве строительного камня использовались исключительно массивные, хорошо окатанные валуны, по преимуществу гранитные и базальтовые конкреции (гальки единичны, несмотря на береговое расположение поселения).

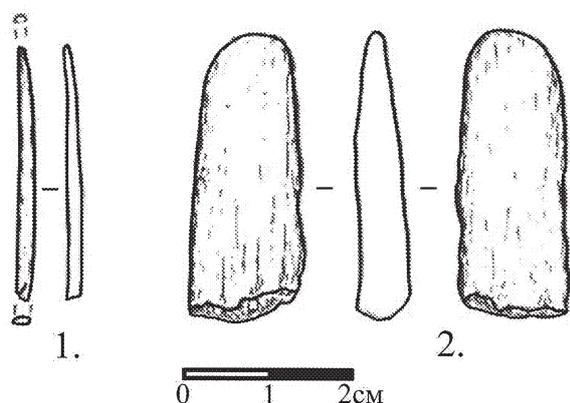
Редкой для горизонтов памятника является хорошая сохранность остеологических материалов, включающих крупные определяемые фрагменты костей³⁷.

Орудия из кости в комплексе 2 представлены проксимальным фрагментом костяной иглы (3×0,2 см) и обломком рогового орудия – ложила или отжимника (3,5×1,2 см) (см. рис. 5.15).

³⁷ Видовое определение фауны не выполнено, но состояние костных остатков сохраняет такую возможность в перспективе.

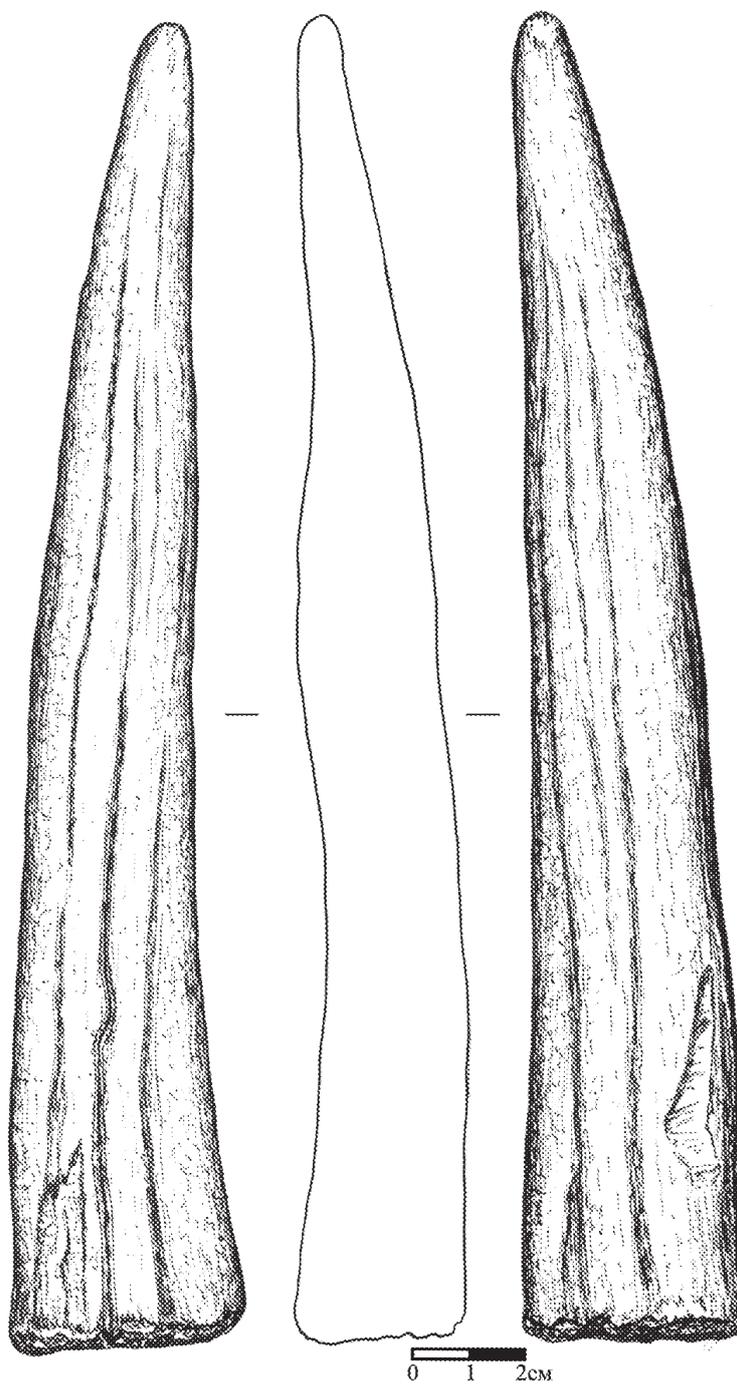
Рис. 5.14. Студёное-2. К. г. 6. Каменный инвентарь: 1 – *резец (яшма)*; 2 – *пластинка с ретушью (халцедон)*; 3 – *фрагмент пластины с ретушью (кремень)*; 4 – *скол с фронта нуклеуса*; 5 – *пластина с ретушью (туфоалевролит)*; 6 – *заготовка нуклеуса (кремень)*
[Разгильдеева, 2012, рис. 3]

Рис. 5.15. Студёное-2. К. г. 6. Орудия из кости: 1 – *фрагмент иглы (кв. 4, 3)*; 2 – *лощило (кв. 9, Д)*. Рисунок Л. В. Екимовой [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 33763, л. 72, рис. 69]

Обособленно, в пяти метрах к югу от комплекса 1 в кв. 14–3, в слое был найден дистальный фрагмент отростка рога длиной 24 см со следами утилитарного износа. Острие притуплено, поверхность на расстоянии до 9 см зашлифована и обуживается. Участок со следами зашлифовки и затёртости также выделен в промежутке 14,6–19/19,5 см от острия. Здесь обозначилась зона охвата орудия во время работы. Со стороны овального среза (3,7×2,5 см) выкрошенность губчатого слоя (см. рис. 5.16).

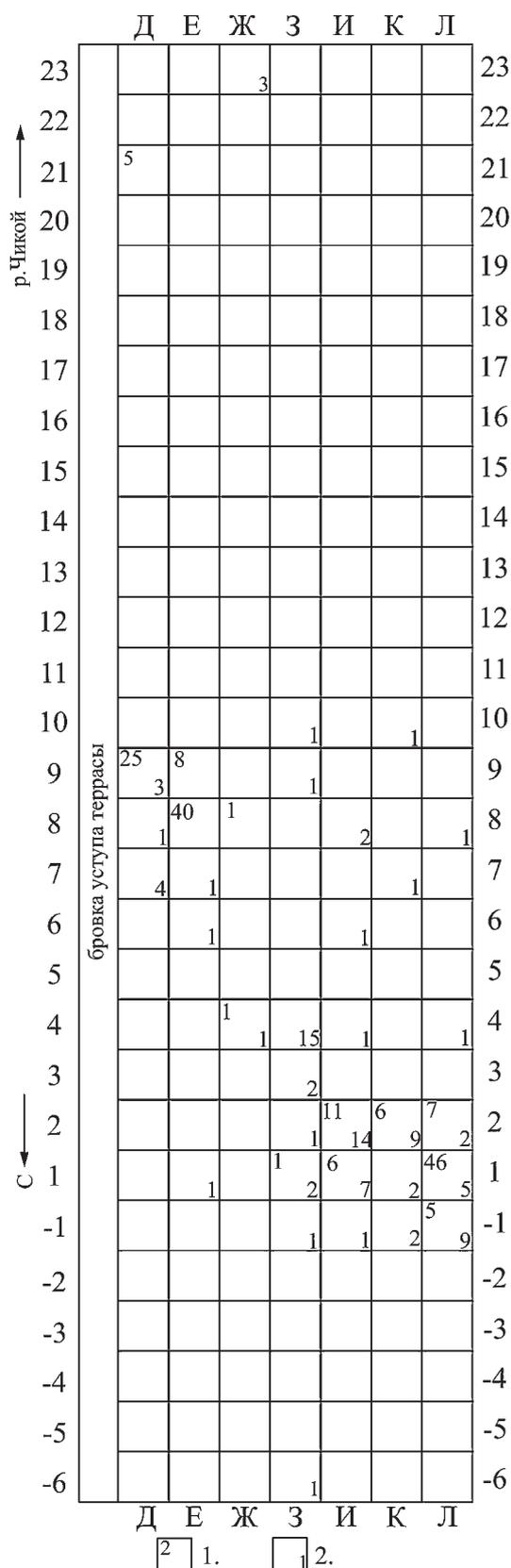
Статистические данные распределения находок на площади горизонта подтверждали наличие скоплений, тяготеющих к камням и углисто-золистым пятнам (см. табл. 5).

Рис. 5.16. Студёное-2. К. г. 6. Рог (кв. 14, 3). Рисунок Л. В. Екимовой [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 33763, л. 72, рис. 69]

Таблица 5

Распределение артефактов к. г. 6 Студёное-2

Условные обозначения: 1 – количество камня;
2 – количество осколков костей

Пространственная организация артефактов предполагает наличие как минимум двух самостоятельных участков. На уступе террасы располагалась зона хозяйственной активности, связанная с группой массивных валунов – комплекс 1. Несколько удалённый от берега комплекс 2 представлял остатки наземного сооружения с внутренним очагом.

Рассеянные единичные микроосколки костей по линиям кв. 5–10, Ж–Л не только маркировали поверхность к. г. 6. Их присутствие обозначило взаимосвязь выделенных зон с направлением регулярного движения между ними по вектору СЗ – ЮВ. На обоих участках присутствовал микродебитаж из вулканического стекла. Сырьё данного типа являлось приносным и редким для горизонтов Студёного.

С позиции расположения структурных элементов к. г. 6 обращает на себя внимание их пространственная ориентация, которая указывает на вероятную вытянутость жилой площадки поперёк мыса по линии восток – запад. В то время как комплексы вышележащего к. г. 5 располагались вдоль берега р. Чикой.

Поверхность мыса к югу находилась в транзитной зоне повседневной деятельности. Об этом свидетельствуют находки единичных артефактов в кв. 21–Д – пластинки с краевой дорсальной ретушью, долотовидного орудия на обломке микропалеолита из тёмно-коричневой яшмы, фрагмента микропластинки, чешуйки и отщепы [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 23009, л. 20].

На уступе террасы располагались четыре камня, представляющие собой фрагменты окатанных скальных обломков длиной до 0,3 м (кв. 19–22, Г–Д). Здесь же по границе кв. 20–21, Д диагональной полосой (длиной до 0,6 м) прослеживались остатки размытого золистого слоя (см. рис. 5.7) [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 23009, л. 73, рис. 72].

Предполагая существование в планиграфии к. г. 6 жилой площадки с наземным сооружением, отметим, что палинологические данные, полученные из отложений, вмещающих, подстилающих и перекрыва-

ющих непосредственно культурный горизонт, показывают, что древние обитатели могли в качестве строительных материалов использовать для своих нужд древесные и кустарниковые растения (ель, лиственницу, берёзу, иву). Пыльца этих видов, хотя и в очень незначительном количестве, при-

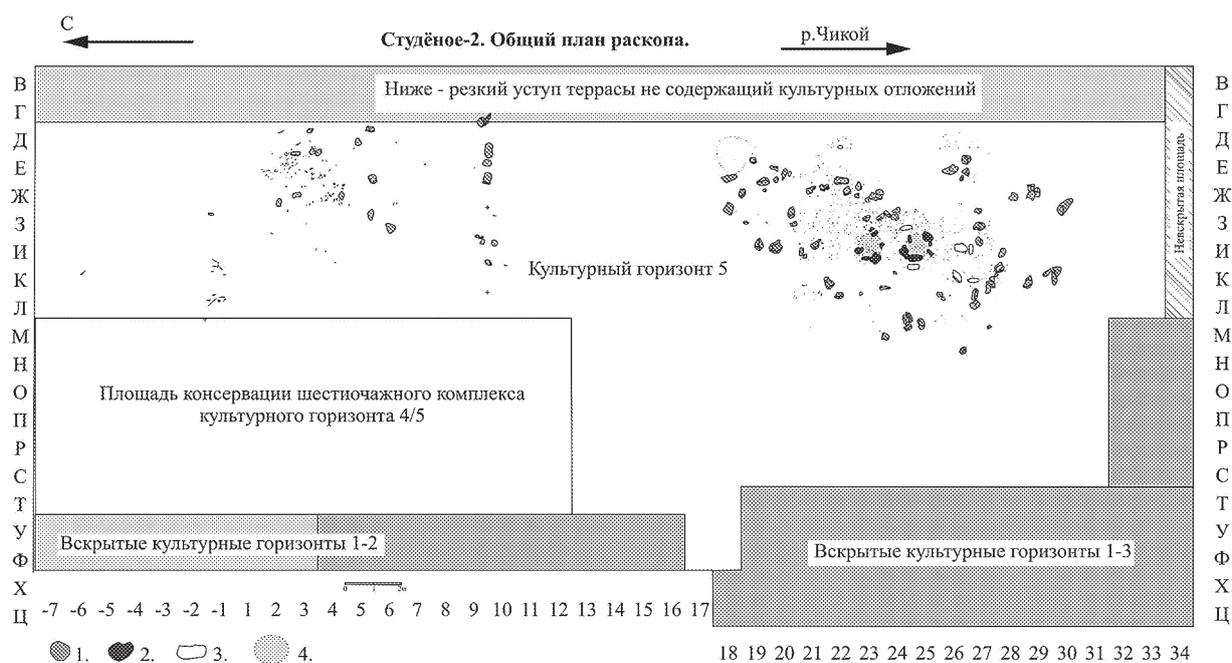
существовала в спорово-пыльцевых спектрах [Решетова, М. В. Константинов, 2005].

С учётом ранее полученных дат по выше- и нижележащим горизонтам, возраст поселения культурного горизонта 6 соотносится с хронологическим интервалом 19–18 тыс. л. н.

5.3. Культурный горизонт 5

Культурный горизонт (к. г. 5) связан со средней частью аллювия (литологический слой 7) второй надпойменной террасы р. Чикой. Он залегал в стратиграфическом разрезе на 0,4–0,5 м выше уровня к. г. 6 на глубине 5,25 м от дневной поверхности (см. рис. 4.3). Вмещающие культурные остатки отложения представляли собой про-

слойку разнозернистого песка (мощностью 4–7 см). Нижней границей являлась стерильная трёхсантиметровая более светлая песчаная прослойка и подстилающий её тонкий слой суглинка. Общая площадь вскрытия к. г. 5–400 м². В рельефе древнего мыса площадка обитания к. г. 5 была вытянута вдоль чикойского берега террасы (см. рис. 5.17).

Рис. 5.17. Студёное-2. Схема размещения комплексов к. г. 5: 1 – камни внешних обкладок; 2 – приочажные камни; 3 – интерьерные камни; 4 – углисто-золистые пятна [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 19956; ф. 1, р. 1, № 33763]

В пространстве к. г. 5 на расстоянии порядка 9 м друг от друга проявились два участка со следами хозяйственной деятельности (см. табл. 6).

Условной границей между ними выступала группа крупных валунов в кв. 9–10, Д–Е, сохранивших позиции *in situ* с уровня к. г. 6 (см. рис. 5.17) [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 33763, л. 70, рис. 65].

Здесь в зоне уступа террасы ввиду естественного уменьшения мощности отложений наблюдалось сближение уровней простираения культурных горизонтов. Прилегающие к камням углисто-золистые пятна и находки к. г. 5 отделялись от нижележащего к. г. 6 стерильным прослоем мощностью 0,2 м.

Таблица 6

Студёное-2. Распределение артефактов к. г. 5

	Д	Е	Ж	З	И	К	Л	М	Н	О	П	Р	С
30													1
29					1	1							
28						8	2						
27			1	7	15	4	3					2	1
26			3	5	2	6	6	5	3	1	5	1	1
25			1	8	35	6	2	3	1	5	1	1	1
24			4	61	19	1	1	2	2	6	2		
23		1	54	23	11	4	1	1	2	2		2	
22	2	10	1	86	2	31	2	1	2	3			
21	6	2	1	34	3	1	1	9	1	4		1	
20		1	1	5				10	1				
19			2	2		1						1	
18			1	3									1
17				1									
16			2										
15													
14													
13													
12													
11													
10													
9													
8													
7			1										
6	4		4										
5	1		1										
4	4		1	2		3							
3	2	1	45	1	1								
2	2	1	52	1	1								
1													
-1						1	4						
-2			1				5						
-3					1	3							
-4	1				1								
-5						1							

2 1.   1 2.

Условные обозначения: 1 – количество камня; 2 – количество осколков костей.

В планиграфии поселения к. г. 5 выделялись различные структурные элементы. Основная часть коллекции артефактов связана с остатками выделенного в центральной ча-

сти раскопа жилищно-хозяйственного комплекса (ЖХК). Он охватывал овальной формы участок размерами 11,5×7 м (кв. 18–30, Д–М). Уже в процессе полевых работ было высказано предположение о существовании здесь в древности наземного жилища³⁸.

В период функционирования стоянки ЖХК располагался примерно в пяти метрах от бровки древней террасы р. Чикой.

Расстояние до северной оконечности мыса составляло около 25 м. Здесь были найдены отдельно лежащие валуны, единичные каменные артефакты и фрагменты колотых костей, обозначившие зону хозяйственной активности.

Основной комплекс общей площадью 37 м² был вытянут вдоль древнего уступа террасы р. Чикой с севера на юг и имел сложное строение. С юга и востока его внешнюю границу отмечали группы камней (см. рис. 5.18).

Всего при формировании структурных элементов жилой площадки было использовано 90 галек и речных валунов размерами от 7×10 до 30×65 см. Ближе к береговой линии в кв. 26–Е были найдены четыре фрагмента базальтового валуна и с ними рядом осколки колотых костей. В кв. 28–Ж лежал гранитный валун, к которому примыкала группа из трёх базальтовых валунов в кв. 29–Ж. В одном метре от них, на границе кв. 30–Ж/З, находился ещё один крупный базальтовый валун, рядом с которым найдены мелкие фрагменты костей и пяточная кость архара.

В южной части комплекса в кв. 29/30–К группой располагались три массивных базальтовых валуна и чуть в стороне от них ещё один. Эти камни не формировали чёткой линии, в то же время их расположение наталкивало на мысль о возможности закрепления с их помощью деталей каркаса наземного сооружения. Рядом были найдены отдельные фрагменты костей крупных животных семейства полорогих (*Bovidae*) (определение Н. Д. Оводова) и фрагмент челюсти парнокопытного.

³⁸ Материалы исследований жилища к. г. 5 вошли в монографию А. В. Константинова «Древние жилища Забайкалья: палеолит, мезолит» [А. В. Константинов, 2001, с. 117]. Предварительные результаты планиграфического анализа опубликовались автором [Разгильдеева, 2001; 2013].

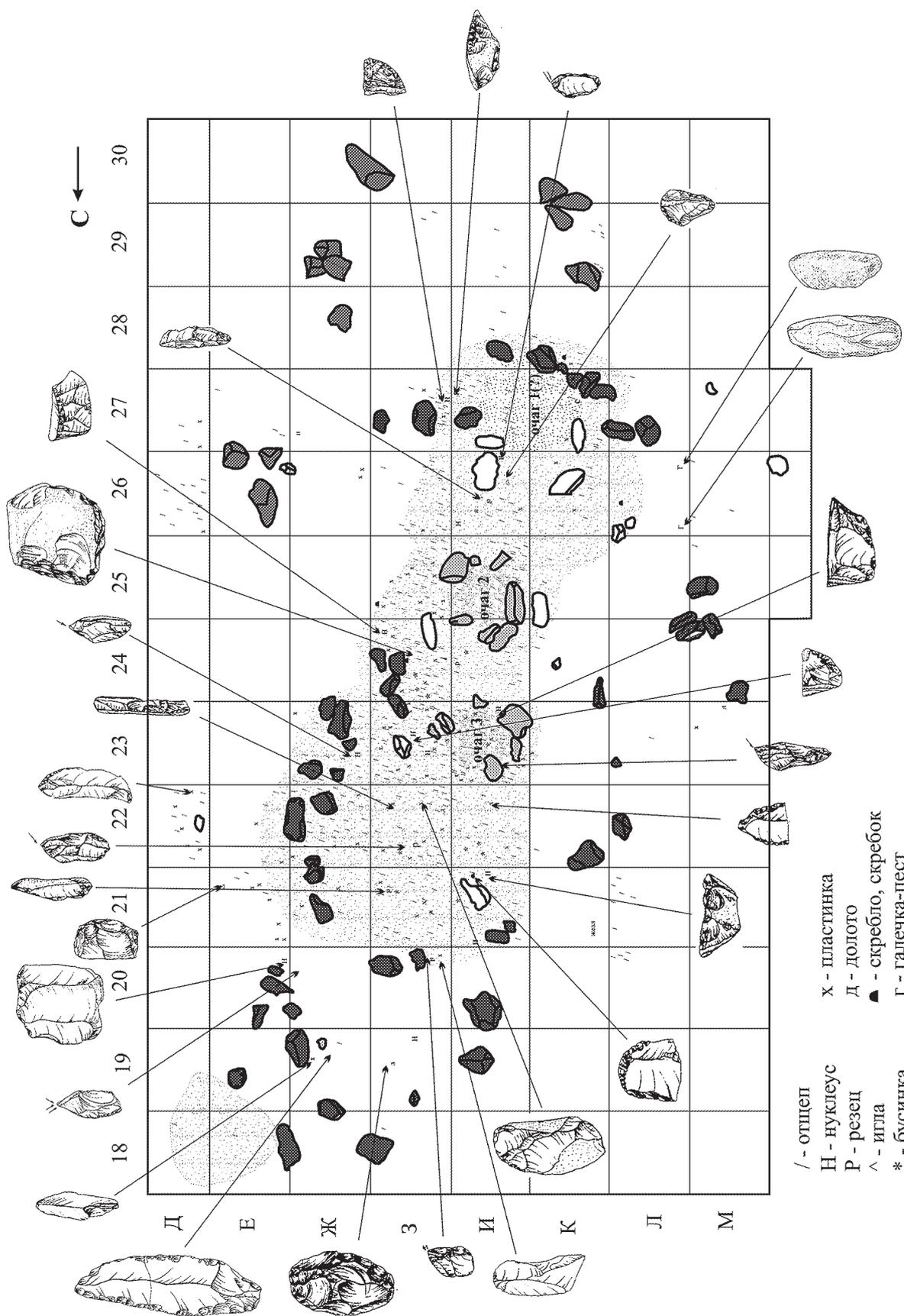

Рис. 5.18. Студёное-2. План жилищно-хозяйственного комплекса к. г. 5

С западной стороны условного контура обкладки выделялись три массивных базальтовых валуна в кв. 24/25–Л/М, которые рёбрами налегали друг на друга. Чуть в стороне от них находился слегка окатанный валун (кв. 25–М). Возможно, камень относился к этой группе и был ещё в древности смещён в сторону. Отдельно лежали гранитный валун в кв. 24–М, в двух метрах к северо-востоку от него – два базальтовых валуна (кв. 22–К/Л), а через 0,5 м к югу от них – ещё два. В 1,2 м от них находился уплощённый массивный гранитный валун (кв. 24/25–К).

Более сложная картина наблюдалась с северной стороны вскрытого комплекса. Здесь камни сформировали две условные дуги. Внутреннюю дугу по контуру углисто-золистого пятна обозначили 12 валунов, лежащих на расстоянии 0,2–0,3 м друг от друга. Внешнюю дугу диаметром в два метра составляли 13 разреженно лежащих камней. От очага № 3 максимально удалённая точка внутренней дуги находилась на расстоянии 2,4 м, максимально удалённая точка внешней дуги – в 4,5 м. С внешней дугой связаны находки фрагментов колотых костей и единичные каменные орудия.

В общей сложности внешнюю границу комплекса отмечали 52 камня. Большинство из них лежали на широких плоскостях. Несколько, расположенных вдоль края уступа террасы, вероятно, были смещены и находились на ребре [А. В. Константинов, 2001, с. 115]. Камни, использованные в обкладках, отличались массивностью. Древние обитатели при выборе строительного камня отдавали предпочтение базальтовым и гранитным валунам, вероятно, из-за плотной поверхностной корки, практически не подвергающейся естественному разрушению. Камни аналогичного качества, но меньшего размера использовались в обкладках очагов.

Очаги располагались в центральной части комплекса вдоль его длинной оси. При раскопках южной части ЖХК было выделено углисто-золистое пятно с отнесёнными к нему камнями. В ходе полевых работ структуру интерпретировали в ка-

честве очага № 1 (кв. 27, И–К). Он имел овальную вытянутую с востока на запад форму (1,2×1,6 м). Углисто-золистое заполнение мощностью 2 см содержало мелкие обожжённые осколки костей и единичные отщепы. По углю из заполнения была получена ¹⁴С дата 17165±115 (АА-23657) [Goebel et al., 2000]. К обкладке очага были отнесены десять камней. Восемь базальтовых и гранитных валунов формировали вытянутую с востока на запад линию. Два камня лежали отдельно, примерно в метре к северо-востоку (кв. 27–3/И).

В центральной части комплекса в 0,6 м друг от друга располагались остатки ещё двух очагов: № 2 и 3. Очаг № 2 (кв. 25–И) находился на расстоянии одного метра к северу от очага № 1. Он имел округлую чашевидную форму (1×1,2 м) (см. рис. 5.19).

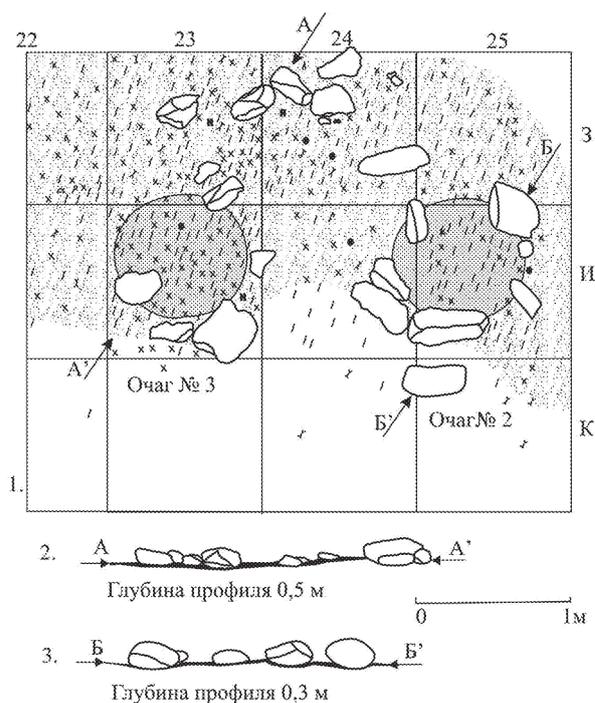

Рис. 5.19. Студёное-2. К. г. 5. План и профили очагов № 2, 3 [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 19956]

Мощность супесчаного с углисто-золистыми включениями заполнения до 3 см. К обкладке очага отнесены пять крупных и два средних камня. Два крупных валуна (кв. 25–И) были положены на начальной стадии функционирования очага (под ними не было углистой прослойки), остальные – уложены позже. В заполнении

очага – мелкие чешуйки, фрагменты микропластин, осколки жжённых костей.

По центру между очагами № 1 и 2 на расстоянии 0,6 м друг от друга лежали параллельно два крупных уплощённых валуна (0,4×0,26×0,1 и 0,5×0,22×0,08 м). Под ними прослеживалась золистая прослойка мощностью 1–2,5 см, в которой найдены чешуйки, микропластины и мелкие фрагменты обожжённых костей. Камни были принесены уже при функционировании структуры обитания и, по нашему мнению, могли иметь интерьерное значение – использовались в качестве сидений или подставок. Рядом с ними были найдены орудия: скребок, срединный резец, пластина и два отщепы с ретушью.

Очаг № 3 округлой формы (1×1,3 м). В его заполнении мощностью до 3 см были найдены отщепы, чешуйки, фрагменты микропластин, бусинка из скорлупы яйца страуса, обожжённые косточки. С южной стороны углистого заполнения, образуя дугообразную обкладку очага, лежали шесть камней. Среди них в кв. 23–И выделялся крупный плоский валун (0,46×0,4×0,15 м). Камень был принесён на «чистый» слой, после чего не перемещался. Рядом с очагом в восточном секторе найдены орудия, бусинки из скорлупы яиц страуса, риолита и туфита, скопление дебитаж.

В южной части ЖХК между внешними группами камней и камнями, отнесёнными ранее к обкладке очага № 1, находки единичны. В северной части между обкладкой очага № 3 и камнями внутренней дуги обкладки ЖХК поверхность горизонта представляла собой тончайшую прослойку золистого цвета, включающую скопление отщепов, чешуек, микропластинок, а также круглые бусинки, выполненные из разных материалов. Здесь участок поверхности, окрашенной микрочастицами золы, на 0,5 м выходил за линию внешних камней в сторону реки (кв. 21/22–Е).

Поверхность пола внутри комплекса в межочажном пространстве представляла собой углисто-золистое пятно мощностью до 1,5–2 см возле очагов и уменьшалась

до тончайшей плёнки по мере удаления от них. Ещё одно углистое пятно округлой формы (1,2×1,3 м) мощностью в 1 см находилось в кв. 18–Д/Е. Оно располагалось по краю уступа террасы и примыкало к двум крайним камням внешней дуги обкладки. На его поверхности были найдены два отщепы. Возможно, данное пятно являлось частью сопутствующего хозяйственного участка.

Находки в основном тяготели к очагам и углисто-золистой прослойке центральной части ЖХК, что подтвердили и статистические диаграммы распространения каменного инвентаря (см. рис. 5.20). Вдоль западной линии внешней обкладки выделялось свободное пространство с единичными артефактами.

Наблюдения за микрорельефом слоя, выполняемые непосредственно в ходе полевых работ при проведении зачистки и нивелировочные отметки находок, показали, что культурный компонент слоя в центральной части комплекса в квадратах со скоплениями имел вертикальный разнос до 13 см. Мелкие артефакты в виде осколков костей, чешуек и фрагментов микропластин присутствовали во всей указанной толще. Степень миграции находок не превышала параметров высот, использованных в конструкциях камней, и была не ниже 5 см уровня их основания. Подобное «растяжение» культурных отложений, учитывая их преимущественно микродебитажный характер, представляется естественным результатом процесса формирования культурного слоя в условиях рыхлых песчаных отложений.

Планиграфический анализ ЖХК включал анализ скоплений каменного инвентаря. По характеру сырья (в том числе по цветовым разностям) были прослежены связи, установившие распределение аналогичных видов сырья по всему ЖХК. Аппликативные связи между орудиями и микродебитажом по всей изученной площади горизонта подтвердили одновременность формирования структур данного участка (см. рис. 5.21).

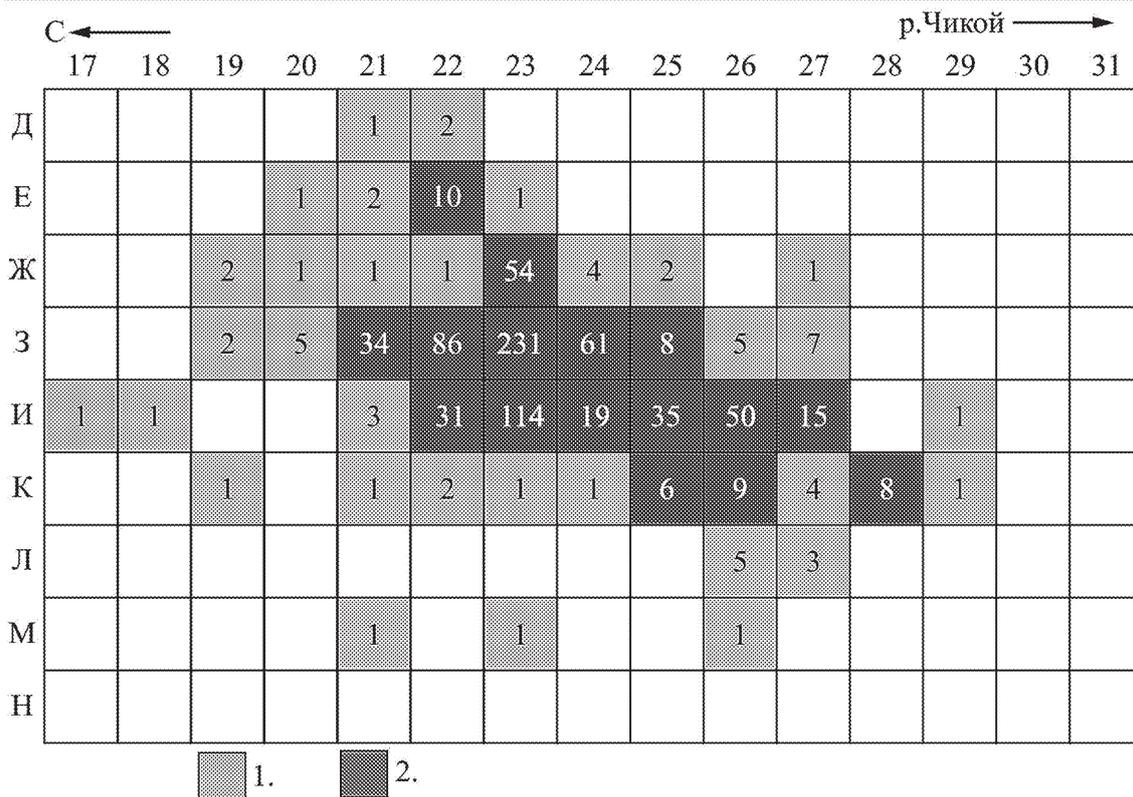

Рис. 5.20. Студёное-2. К. г. 5. Общее количество расщеплённого камня на квадрат в зоне жилой площадки. Условные обозначения: 1 – количество находок от 1 до 6 экз.; 2 – участки со значимым количеством

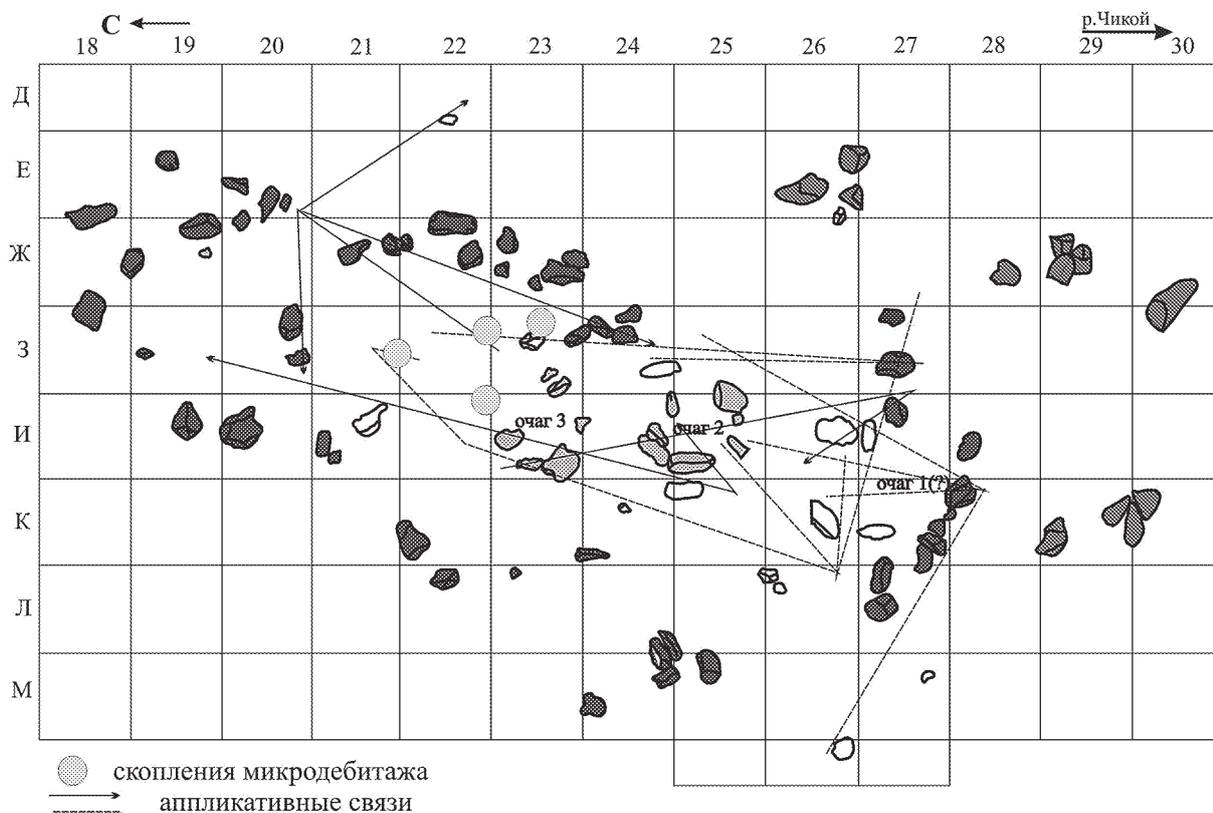

Рис. 5.21. Студёное-2. К. г. 5. Схема расположения скоплений микродебитажа и апликативные связи

Абсолютное большинство находок в горизонте – 83% – составляют каменные артефакты, 17% – фаунистические остатки. Каменный инвентарь, связанный непосредственно с жилой площадкой, насчитывает 789 экземпляров. В их числе 42 орудия (5,3%), 12 экз. (1,5%) бусин; нуклеусы и их фрагменты – 12 экз. (1,5%); сколы – 6 экз. (0,6%); отщепы – 138 экз. (17,6%); чешуйки – 332 экз. (42,1%); микропластины и их фрагменты – 235 экз. (29,8%); пластинки – 12 экз. (1,5%).

Техника расщепления представлена одним двуфронтальным уплощённым нуклеусом и серией клиновидных микронуклеусов и их фрагментов (см. рис. 5.22). Сырьём для всех являлись разноцветные яшмы и кремнь. Пять клиновидных микронуклеусов (высота фронта от 1,8 до 2,5 см, длина латералей от 2 до 3,6 см) по фронту имели по 3–5

негативов микропластинчатых снятий. В одном случае правая латераль сохранила галечную корку, у остальных – бифасиальная обработка клина. Расщепление клиновидных микронуклеусов проводилось методом отжима. У всех нуклеусов имелась лёгкая зашлифовка по килю. Но лишь один экземпляр после истощения использовался в качестве орудия, предположительно проколки. Рабочая кромка выделена на углу между гребнем и ударной площадкой, которая имела два негатива пластинчатых снятий. Размер изделия – 1,9×0,8×3,5 см (см. рис. 5.22 – 7). Учитывая фрагменты, общее число клиновидных нуклеусов 11 экз. Микропластины составляли устойчивые серии. Они распределялись небольшими скоплениями и являлись результатом расщепления данных нуклеусов, с которыми соотносятся размерами (0,4×2,2 см) и по цветовым разностям сырья.

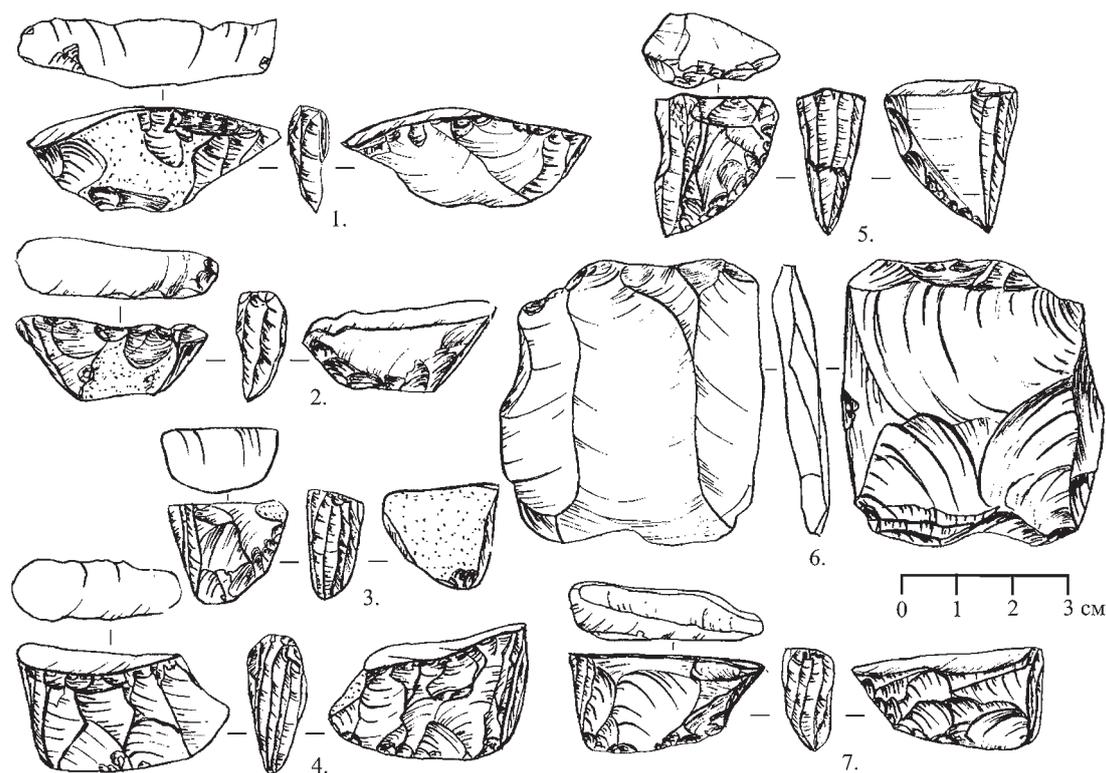

Рис. 5.22. Студёное-2. К. г. 5. Нуклеусы

Сработанный уплощённый нуклеус из тёмно-вишневой яшмы имел вторичное использование в качестве орудия по дереву (см. рис. 5.22 – 6). Его размеры 4,5×5 см. По фронту три негатива пластинчатых снятий, контрфронт с фасетками отщеповых снятий.

Почти все относительно крупные – длиной до 5 см – пластинки были сняты с данного нуклеуса.

Коллекция каменных и костяных орудий составляет 48 экземпляров (см. рис. 5.23, 5.24). Скребки – 3 экз. (6%), долотовидные

орудия – 4 экз. (8%), резцы – 6 экз. (12%), микропластинки с ретушью – 3 экз. (6%), пластинки с ретушью – 9 экз. (20%), отщепы с ретушью – 12 экз. (26%), орудия на нуклеусах – 2 экз. (4%), рубящие – 2 экз. (4%), песты – 2 экз. (4%), ретушеры – 1 экз. (2%), фрагменты игл и шил – 4 экз. (8%).

Трасологический анализ, выполненный канд. ист. наук Е. Ю. Гирей (ИИМК РАН, Санкт-Петербург), позволил выделить орудия со следами работы по рогу/кости (резцы), от скобления и резания шкур (скребки, скобель), ножи по мясу/мокрой шкуре, ножи по дереву.

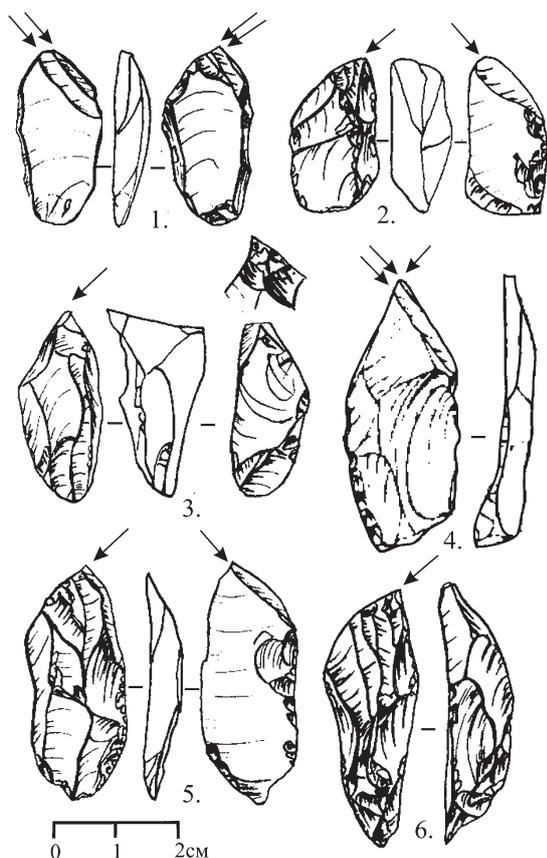

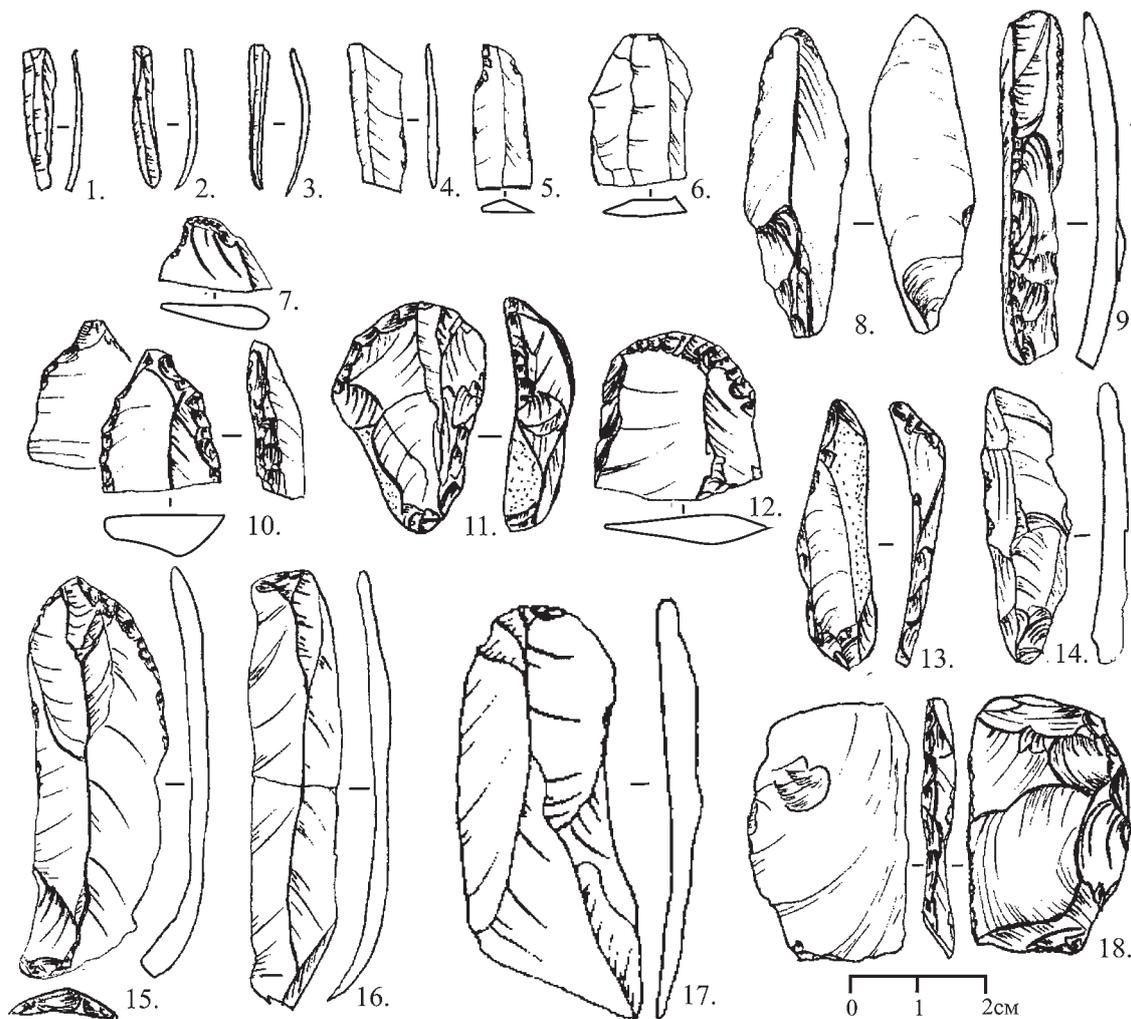
Рис. 5.23. Студёное-2. К. г. 5. Орудия из камня: 1–6 – резцы (яшма)

Следует отметить, что обитатели поселения активно использовали только готовые орудия и минимальные запасы принесённого высококачественного минерального сырья. Цикл первичного расщепления в изученной части поселения полностью отсутствует.

Коллекция орудий включает серии предметов, демонстрирующие устойчивые приёмы оформления. Диагональные резцы

(5 экз.) были выполнены на сколах с микронуклеусов из качественного кремневого сырья (см. рис. 5.23). Длина (высота) изделий от 2,4 до 4,2 см. Для получения рабочих резцовых кромок сначала выполнялся вентральный диагональный скол, край пришлифовывался, после чего делалось несколько утоншающих микропластинчатых снятий по дорсалу. На резце, который был использован в работе по кости-рогу (см. рис. 5.23 – 5), по боковым сторонам была выделена рукояточная заполировка со следами продольной штриховки от хождения в основе и сильная заполировка дорсальной грани: поверхность резца с вкраплениями охры. На втором диагональном резце (см. рис. 5.23 – 6) выделены линейные следы от резьбы по рогу, по зауженной части линейные следы от крепления в рукояти. Срединный резец (см. рис. 5.23 – 1), выполненный на лыжевидном сколе с микронуклеуса, судя по следам, крепился в круглой рукояти. Изделие неоднократно переоформлялось, на острие сохранились слабые следы работы по кости.

По мнению Е. Ю. Гири, все резцы долго находились в работе, и неоднократно переоформлялись, они фактически сработаны до самых рукояток. На всех резцах были выделены следы заполировки от закрепления в рукоятках (роговой или деревянной с вероятной прокладкой в креплении мягкого материала – кусочка кожи), на рабочих кромках – следы работы по кости-рогу, при этом ими не столько резали, сколько строгали косыми срезами [Kimura et al., 2012, p. 175 – 187]. В числе резцов трасологически выделен резчик на фрагменте микронуклеуса (см. рис. 5.23 – 3), где также прослеживается описанная техника оформления кромки. Возможно, в качестве резца использовался и обломок орудия на сколе. Как орудие по кости был определён проксимальный фрагмент пластинки с ретушью (см. рис. 5.24 – 7). Орудие также крепилось в рукояти, на что указывало трасологическое определение следов затертости рёбер спинки.

Рис. 5.24. Студёное-2. К. г. 5. Изделия из камня:

1–3 – микропластины; 4–6 – фрагменты микропластин с ретушью; 7, 10 – обломки рукояточной части орудий; 8 – пластинка с ретушью; 9 – реберчатый скол; 11–12 – концевые скребки; 13–17 – пластины с ретушью; 18 – долотовидное орудие

Пять орудий использовались при обработке шкур. Концевой скребок на проксимальном фрагменте двухгранной пластины (см. рис. 5.24 – 12). Рабочая кромка оформлена дорсальной ретушью, угол работы 90° . На поверхности выражены следы износа: по вентралу – линейные от работы по шкуре, по дорсалу – пришлифовка по рёбрам от крепления в рукояти. Во время работы орудие обломилось, после чего было заново закреплено и использовалось дальше, что выразилось в образовании «новой» ретуши на кончике левой латерали.

Скребок на отщепе с оформленными ретушью рабочим краем и рукояточной частью при работе ставился в вертикальное положение (см. рис. 5.24 – 11). Рабочий

угол 35° , по брюшку скошенная линейность. В качестве скобеля по шкуре был определён верхний фрагмент пластинки без ретуши (см. рис. 5.24 – 6). Рабочая кромка с углом 45° располагалась в области поперечного излома. Обломок пластинки с крутой двусторонней дорсальной ретушью (см. рис. 5.24 – 10) являлся рукояточной частью скребка по шкуре. Им продолжали работать даже после того, как орудие сломалось.

Подпрямоугольный скол оживления ударной площадки (см. рис. 5.24 – 18) был определён как орудие для строгания шкуры с направлением движения от себя. Рабочий угол очень острый. На противоположной части заполировка от кости нерабочего характера, отнесённая к рукояточным следам.

Рис. 5.25. Студёное-2. Орудия из камня: 1 – фрагмент пластинки с ретушью; 2, 4–7 – отщепы с ретушью; 8 – пластина с ретушью; 9 – микропластина; 3, 10 – долотовидное орудие; 11 – рубящее орудие

Трасологический анализ позволил выделить в коллекции инструменты по обработке дерева. На пластинке с ретушью (см. рис. 5.24 – 15) были зафиксированы следы устойчивого продольного пиления по дереву. Рабочая кромка по обоим краям с выраженной двусторонней выкрошенностью. Пластинчатый реберчатый скол (см. рис. 5.24 – 9) имел сильный износ по обоим краям, определённый, как следы недифференцированной работы по дереву – деревострогание. Возможно, изделие крепилась в рукояти.

Пластинка из зелёной яшмы (см. рис. 5.24 – 8) имела слабую утилитарную выкрошенность краев со следами строгания – пиления – резания дерева. Изделие служило в качестве «перочинного» ножа. На зауженной части сохранились следы заполировки, возможно от руки.

Всего в коллекции девять пластин с ретушью и три фрагмента микропластин с ретушью. Два фрагмента микропластин определены как вкладыши для ножа по мясу и мясу – мокрой шкуре (см. рис. 5.24 – 4, 5). Полупервичное пластинчатое снятие (размерами 2,4×4,9 см) с мелкой дорсальной ретушью по выпуклой кромке и притупляющей ретушью дистального фрагмента был определен как нож по шкуре – мясу (см. рис. 5.25 – 7). Фрагмент пластинки с диагональным изломом (галечная корка по левой грани) имел утилитарную выкрошенность по правому маргиналу (см. рис. 5.25 – 1). Выделялась пластина с двусторонней дорсальной краевой ретушью (см. рис. 5.25 – 8). Отщепов с ретушью 12 экз. (см. рис. 5.25 – 2, 4–6).

Двулезвийное долотовидное орудие выполнено из яшмового желвака (см. рис. 5.25 – 10), рабочие кромки попеременно выступали в роли обушков. Долотовидное орудие на отщепе апплицировано из двух частей (см. рис. 5.25 – 3), рабочая кромка с двусторонней уплощающей подтеской. К долотовидным отнесены два обломка орудий из горного хрусталя.

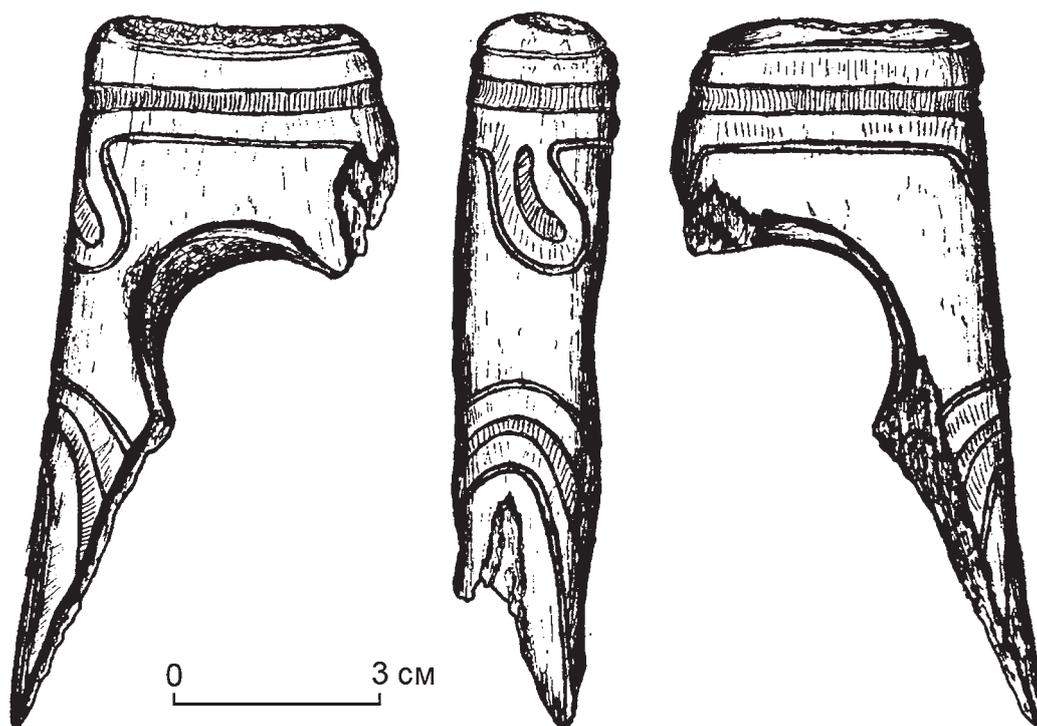
Рубящее орудие из уплощённой гальки (размерами 6,8×6,8 см) по обушку и дорсалу частично сохранило галечную корку (см. рис. 5.25 – 11). Три четверти его боковой поверхности оббито противоположащей крутой

ступенчатой ретушью, более пологой по рабочей кромке. Небольшой чоппер также изготовлен из речной гальки.

Высокохудожественное мастерство демонстрирует находка орнаментированного фрагмента рога оленя. Подобные вещи в археологии получили условное название «жезл начальника». Находки «жезлов» известны на многих стоянках верхнего палеолита Евразии [Елинек, 1982; L'Art des Objets au Paleolithique, 1982; Abramova, 1995, fig. 56, 58, 87, 99]. Эта особая «изобразительно-символическая форма», широко распространённая «от Испании до Закавказья и Енисея» [Столяр, 1985], в Забайкалье была обнаружена впервые в рассматриваемом комплексе. Артефакт изготовлен из правой ветви рога северного оленя (определение Э. А. Вангенгейм, ГИН РАН, Москва), средней её части у места сочленения основного стержня с отростком (см. рис. 5.26).

«Жезл» фрагментирован косым сломом, который по диагонали почти напополам рассёк предмет. Сохранившаяся часть размерами 2,0×4,7×10 см имеет круглое сквозное отверстие. Поверхность изделия изящно орнаментирована, несёт следы заполировки и местами окрашена охрой [Мещерин, Разгильдеева, 2002, с. 116–120; Разгильдеева, 2011, с. 128–129]. Дистальный конец «жезла» практически целиком уничтожен удлинённым раковистым изломом. В результате в этой части сформировался острый угол. Возможно, после поломки изделие также использовалось, поскольку вдоль острой кромки наблюдаются интенсивно заполированные участки. Микропоры рогового чехла заполнены охристой массой. Частицы охры остались и в порах губчатого вещества по острию изделия, и в глубине насечек орнамента.

Считается, что изделия, имеющие округлое сквозное отверстие, могли использоваться в качестве выпрямителя древка или выступать в роли конструктивной детали крепления. Но эксплуатация изделий, очевидно, не ограничивалась утилитарным применением. Возможно, они наделялись особым сакральным и эстетическим смыслом или смыслом знаковой передачи (хранения) информации [Черныш, 1987].

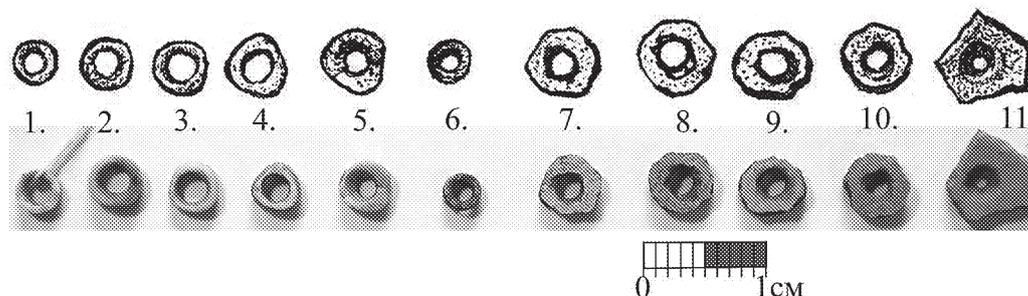

Рис. 5.26. Студёное-2. К. г. 5. Фрагмент орнаментированного рога – «жезл начальника»
[МАЭ, 2011, л. 276]

Выразительность выполненных по жезлу орнаментальных мотивов, прослеживаемая ритмичность нанесения орнамента привлекли внимание известного исследователя области знаково-символической деятельности древних людей д-ра ист. наук В. Е. Ларичева (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск). Им было выполнено «тестирование» орнамента жезла, которое, как считал учёный, «подтвердило идею о фиксации в записях на конце жезла календарного астрономического цикла» [Ларичев, 2003, с. 34]. В практическом отношении,

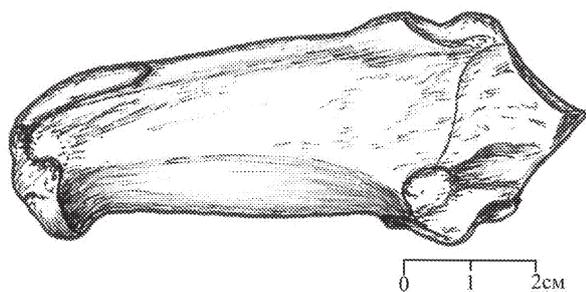
по мнению исследователя, изделие могло использоваться как инструмент (навершие гномона) при астрономических наблюдениях [Там же, с. 36].

Коллекция украшений включала 12 плоских круглой формы бусин и их фрагментов, выполненных из талькового сланца, туфита и скорлупы яиц страуса (см. рис. 5.27). Диаметр бусин – 0,3–0,6 см, диаметр биконических отверстий 0,2–0,3 см, толщина 0,15–0,2 см. Бусины изготавливались из небольших кусочков материала, чаще пришлифованных с одной стороны.

Рис. 5.27. Студёное-2. К. г. 5. Бусины. Фото автора (рис. по фото С. В. Тукмачева): 1 – кв. 24и; 2 – кв. 24з; 3 – кв. 22и; 4–24з; 5–25и; 6 – кв. 21з; 7 – кв. 22и; 8 – кв. 22и; 9 – кв. 22з; 10 – кв. 24з; 11 – кв. 25и

Условно к предметам искусства была отнесена левая пяточная кость архара (*Ovis ammon*), размерами 8,8×3,2×3,1 см (см. рис. 5.28). Она не подвергалась специальному оформлению, но её естественная форма создаёт образ головы животного. Трасологический анализ показал заполировку поверхности, обеспечившую хорошую сохранность кости [МЭА, 2011, рис. 59].

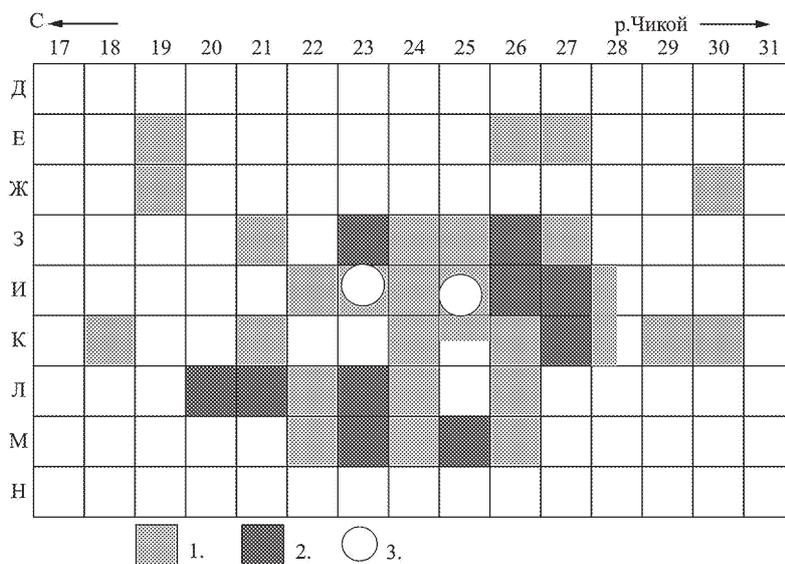

Рис. 5.28. Студёное-2. К. г. 5. Пяточная кость архара. Рисунок Л. В. Екимовой [Итоги исследования... , 2007]

На активное использование древними поселенцами минеральной краски указывало наличие двух галек – пестов для растирания охры и кусочков самого минерала, обнаруженных при зачистке слоя. Гальки овальной формы (8×3 и 6,4×2,5 см) слегка уплощены, удобно размещаются в руке. Поверхность их местами заглажена, окрашена в оранжевый цвет и содержит вкрапления охры. Следует отметить близость форм и размеров пестов, некое стремление к стандартизации, что про-

является в целом во всей орудийной коллекции культурного горизонта.

Отмечается и большая избирательность поселенцев в сырье для изготовления орудий (яшмы и кремнь), а также утилизация нуклеусов и самих орудий до полного истощения. Присутствие только мелких форм продуктов дебитаж, отсутствие цикла первичного расщепления на базе местного сырья указывали на активное использование обитателями принесённых готовых орудий, а также минимальных запасов сырья в виде нуклеусов и пластин. Коллекция демонстрирует явную выборку изделий. В жилище высок процент орудий: 5% от общего числа каменных артефактов (в то же время, это 9% – без учёта чешуек (результат дебитаж) или 21% – без учёта микропластин и чешуек). В процентном отношении 60% продуктов дебитаж в коллекции представляется, на первый взгляд, значительной цифрой, однако следует оценивать метрические характеристики. Фактически это микродебитаж, размер которого не превышает 0,5 см. Создавая количественный перевес, он теряет значимость при оценке орудийного потенциала каменного инвентаря. Как показал анализ, все каменные артефакты (за исключением микропластин, назначение которых осталось не ясным) размером более 1,5 см имеют трасологически определяемые следы, т. е. функционально использовались.

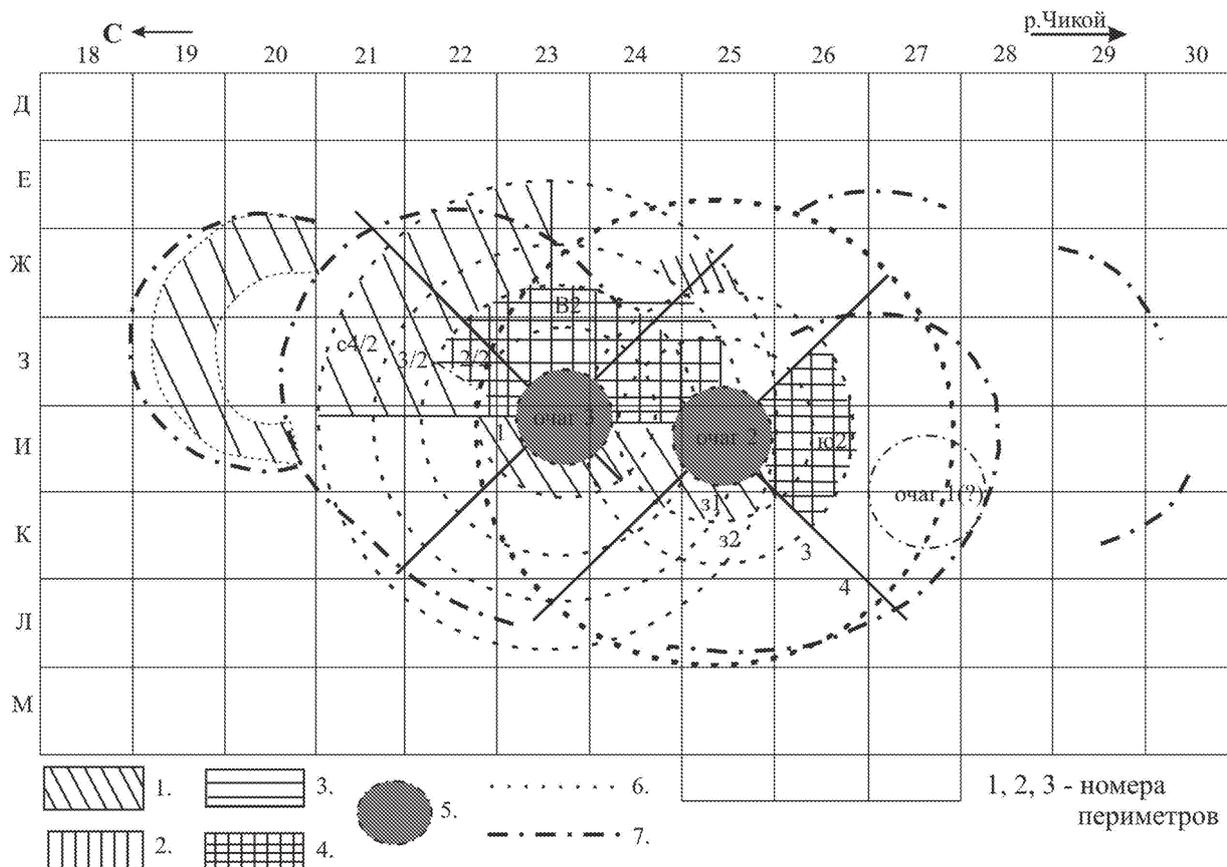
Рис. 5.29. Студёное-2. К. г. 5. Схема присутствия костных остатков на участке ЖХК. Условные обозначения: 1 – 1–4 фрагмента; 2 – 5–20 фрагментов; 3 – очаги

Фаунистические материалы не представительны. Только у очагов количество осколков костей насчитывалось от 7 до 20, на остальных квадратах они единичны (см. рис. 5.29). По определению канд. биол. наук Н. Д. Оводова (Красноярск), в коллекции присутствовали кости благородного оленя (*Cervus elaphus*), мелкого парнокопытного (*Ovis?*), крупных представителей семейства полорогих (*Bovidae*), фаланга носорога (*Coelodonta sp.*). Крупных и средних фрагментов костей крайне мало. Либо разделка туш животных происходила на месте добычи, либо участки, связанные с этим родом деятельности, остались вне раскопа. Сохранившиеся мелкие раздробленные и обожжённые осколки костей показывают высокую степень утилизации промысловой добычи.

Выразительность материалов жилищно-хозяйственного комплекса к. г. 5 способ-

ствовала детальному анализу его планиграфии. Наряду с традиционными методами был использован метод построения круговых моделей. Это позволило уточнить структуру изучаемого комплекса и установить взаимосвязанное формирование отдельных элементов.

Построение круговых моделей показало наложение зон скопления артефактов в секторах очага № 2 «С 1–2» и очага № 3 «Ю 1–2» (см. рис. 5.30). Хозяйственные зоны были соотнесены: с южным сектором первого-второго периметров очага № 2 – участок, связанный с дебитажными работами; в южном секторе третьего-пятого периметров определена зона вторичной эвакуации. По отношению к очагу № 3 в секторах «С 1–2/2» и «В 1–2» выделена зона активной хозяйственной деятельности, сектора «С 3–4/2» и «В 3–4/1» – зоны выброса.

Рис. 5.30. Студёное-2. К. г. 5. Круговая модель жилищно-хозяйственного комплекса
Условные обозначения: 1 – до 10 экз.; 2 – от 10 до 20 экз.; 3 – от 20 до 40 экз.; 4 – свыше 40 экз.;
5 – очаг; 6 – линия периметров; 7 – линия камней внешней обкладки

При работе с круговой моделью выяснилось, что в месте расположения обозначенного в полевых условиях очага № 1 не образуется периметров тяготения археологического материала, но зато с учётом внешних каменных обкладок выявляется симметрия структуры двухочажной конструкции с определяемыми зонами скоплений находок и участков, свободных от них (см. рис. 5.30). При этом отдельно выделилась северная производственная зона, прилегающая к предполагаемой жилой части, связанная с внешней дугой каменной обкладки.

Центральное место в комплексе занимали остатки вытянутой формы основания наземной конструкции – двухочажного жилища площадью около 26,5 м². Основной вход мог располагаться с востока – в эту сторону от очагов развёрнуты зоны скопления находок и протянулся шлейф выноса. Вероятно, полог в этом месте вообще мог отсутствовать – камни, которые ограничивали предполагаемую область входа, находились достаточно далеко.

Хозяйственная деятельность людей проходила внутри жилища. Рядом с очагами были найдены ножи по мясу, скребки по шкурам и коже, резцы по рогу-кости. Линейные графики количественного распределения находок в комплексе подтвердили существование зон скопления. В южном секторе очага № 1 количество находок колеблется от 3 до 50 экз. Поверхность пола вокруг очага № 1 и южной части комплекса представляла собой углисто-золистый слой мощностью до 2 см, что указывало на тесную связь хозяйственной деятельности этой части жилища с очагом. Здесь же располагались два валуна-«сидения» (кв. 26–И/К), которые имели парные камни – подставки (?). Из орудий найдены: нож по мясу, скребок по шкуре (см. рис. 5.31). Между очагами № 1 и 2 лежали отщепы с ретушью. Они вместе с резцом по кости-рогу найдены рядом с камнями-«сиденьями», возле которых выполнялись небольшие работы (в наличии резцовые сколы оживления орудий, мелкий дебитаж). На наш взгляд, этот участок был связан с бытовой деятельностью, приготовлением пищи. Возможно, в эту сторону, вынималась часть заполнения очага

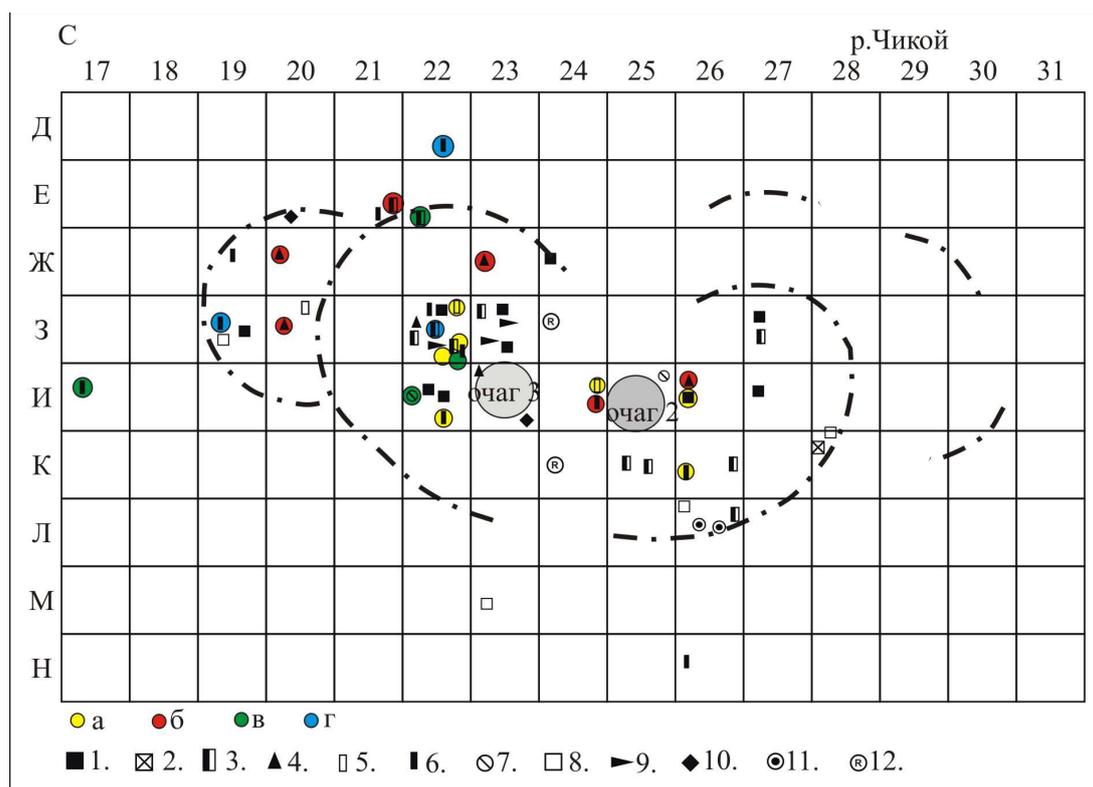
№ 2, или слой «затаптывался» в процессе активного движения вокруг него.

Обитатели поселения использовали в быту минеральную краску. Рядом с очагом № 2 были найдены кусочки охры, а по границе западного сектора, около линии внешней обкладки (кв. 26–Л) лежали галечки-песты для её растирания.

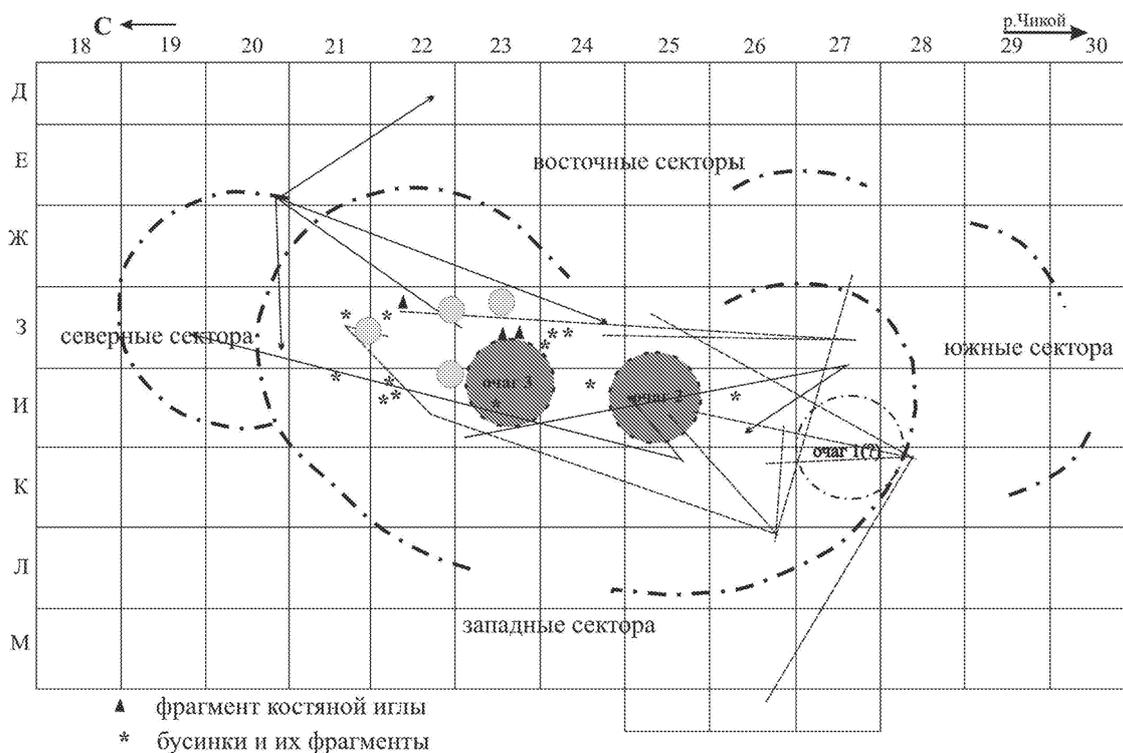
Разнообразная хозяйственная деятельность проходила рядом с очагом № 3, где графики распространения каменного и фаунистического инвентаря подтвердили выделение второй производственной зоны. Сочетание находок фрагментов костяных игл, шил и круглых бусинок позволяет говорить о том, что в восточном секторе очага № 3 выполнялись швейные/ремонтные работы по шкурам (одежде). Процесс изготовления бусин в комплексе выделен не был. Как показал планиграфический анализ, готовые бусинки вместе с фрагментами костяных игл находились рядом с очагом (см. рис. 5.32). Скорее, они использовались для украшения одежды и были потеряны при её починке.

По мнению трасологов В. Е. Щелинского и Е. Ю. Гири (ИИМК РАН, Санкт-Петербург), орудием на пластинке, найденным в жилище (см. рис. 5.24 – 17), выполнялось прецизионное резание – тонкий раскрой по сильно натянутой шкуре или рисунок по коже. Под микроскопом выделены ярко выраженные линейные следы на самом кончике, по брюшку – следы скобления кости, по граням спинки – следы заполировки от шкуры. Пластинка крепилась в костяной рукояти, с использованием тонкой прокладки из шкурки при закреплении в паз.

В северо-восточном секторе возле очага № 3 выделен производственный участок с тремя скоплениями микропластин и чешуек, которые по характеру сырья соотносились с клиновидными нуклеусами. Рядом с очагом найдены четыре ножа по мясу, резцы по рогу-кости, на поверхности пола мелкие осколки костей, традиционно относимых к кухонным остаткам. Как уже отмечалось, рабочие кромки всех орудий многократно оживлялись. В кв. 22/23–3 выделена серия резцовых отщепов, частично апплицируемых между собой.

Рис. 5.31. Студёное-2. К. г. 5. Схема распределения орудий с функциональным определением. Условные обозначения: а – ножи по мясу; б – орудия по шкуре-коже; в – орудия по рогу-кости; г – орудия по дереву; 1 – нуклеус; 2 – ретушер; 3 – отщеп с ретушью; 4 – резец; 5 – микропластина с ретушью; 6 – скребок; 7 – долото; 8 – игла; 9 – орудие на нуклеусе; 10 – пест; 11 – рубящее орудие

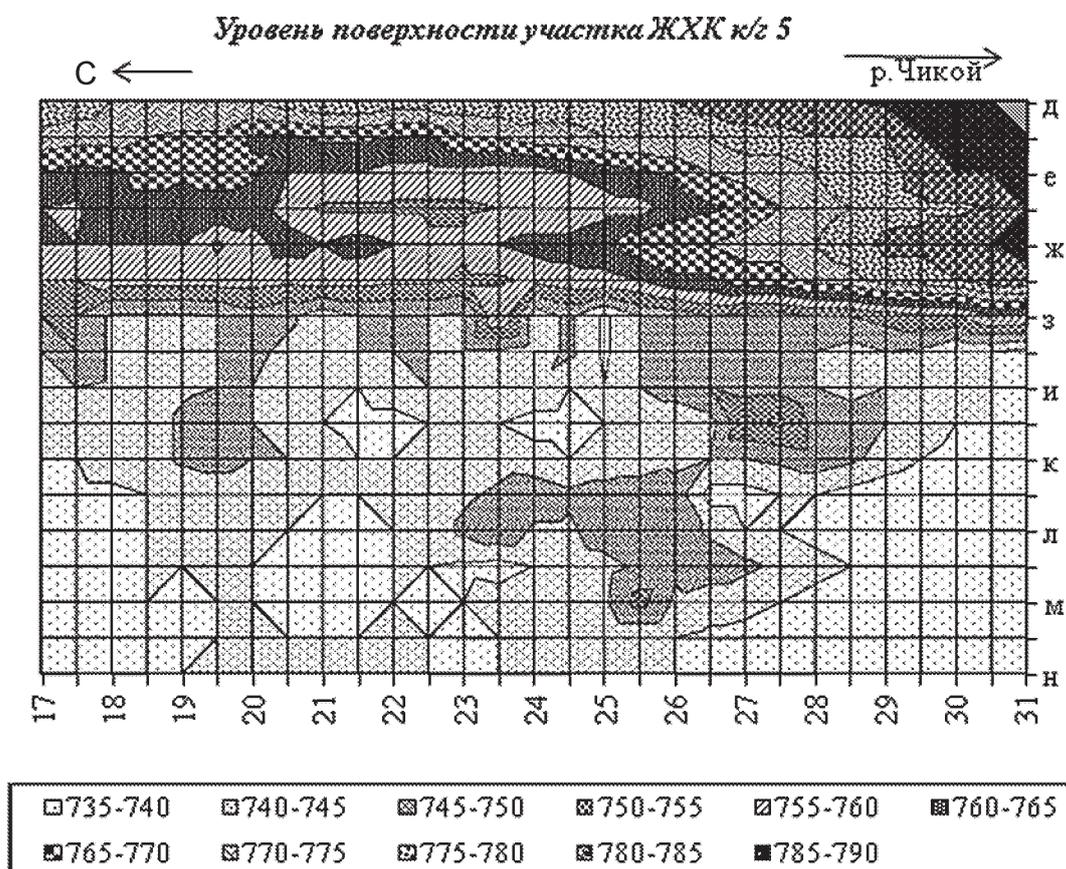
Рис. 5.32. Студёное-2. Аппликативные связи каменного материала. Расположение бусин и фрагментов игл

В западных секторах очагов третьего-четвёртого периметров выделялись полностью свободные от находок пространства площадью чуть больше 1 м², скорее всего – места отдыха (спальных мест). Рассеянные мелкие фрагменты костей по линии «пристеночных» квадратов являлись как остатками «утренних трапез», так и результатом «стряхивания» мелкого «мусора», что находит параллели в этнографии [Binford, 1983]. Узкий шлейф выноса мелких находок в кв. 23–Л указывал на возможность существования здесь дополнительного входа.

Интересным представляется расположение орудий по дереву в периферийных зонах комплекса (см. рис. 5.31). Сочетание

орудий во внешнем северном периметре указывает на отдельный производственный участок: здесь найдены долотовидное орудие, резец по рогу-кости, фрагмент орудия по шкуре и пластинка (перочинный нож) по дереву (см. рис. 5.24 – 8).

Можно предположить, что на этом месте выполнялись комбинированные работы по разным материалам, связанные с изготовлением охотничьего вооружения: закрепление камня в костяных или деревянных основах, обработка древков и т. д. В южном периметре жилища рядом с обособленными группами камней также определяются места, связанные с кратковременной хозяйственной деятельностью.

Рис. 5.33. Студёное-2. Диаграмма. Уровень поверхности участка ЖХК к. г. 5: 735-740 – данные нивелировочных номеров

Диаграмма уровня поверхности «пола» ЖХК продемонстрировала сложный выпукло-вогнутый рельеф участка. Имея тенденцию к резкому понижению слоя вдоль древней бровки террасы в сторону р. Чикой

(по линиям квадратов А–В), сам комплекс занимал более пологий участок (см. рис. 5.33). При этом в центральной части ЖХК выделялись две зоны повышения микрорельефа: в местах расположения очагов № 2 и 3, с кру-

говыми зонами микропонижения (разница в промерах до 5 см) вокруг них, и более пониженными (до 10 см) участками в области очага № 1 и в юго-западном секторе очага № 2. Отмеченные микростратиграфические изменения рельефа сформировались в результате человеческой деятельности различной интенсивности в условиях замкнутого жилого пространства.

А. В. Константинов в монографии, посвящённой жилищам Забайкалья, предлагал различные варианты реконструкции данного ЖХК: вытянутое трёхочажное; совмещённые остатки двух комплексов, сменивших одно другое – округлого одноочажного жилища (вокруг очага № 1), затем – овального двухочажного (вокруг очагов № 2 и 3). Наличие второй линии внешней обкладки в северной части, по мнению исследователя, указывало на «остатки ещё одной хозяйственной или производственной площадки» [А. В. Константинов, 2001, с. 120].

Планиграфический анализ ЖХК к. г. 5 позволяет довольно точно реконструировать овальной формы основание двухочажного жилища длиной около восьми метров. Вид наземной конструкции с учётом археологического контекста, предполагаемых деятельностных ситуаций и данных этнографии мог иметь различные варианты. Один из них, как наиболее рациональный, рассматривался нами ранее [Разгильдеева, 2012, с. 23]. В его основе – форма эвенкийского чума. Так как расстояние от очагов № 2 и 3 до камней внешней обкладки по длинной оси жилища одинаковое – 2,8 м, то по строению конструкция могла представлять два одноочажных конусообразных сооружения, развёрнутых друг к другу и соединённых между собой коньковой жердью (длиной до 1,5 м). В этом случае в каркасе должны были использоваться длинные жерди (по этнографическим данным, от 2,74 до 4,4 м) [РЭМ, ф. 8261]. Два очага (№ 2–3) располагались по центру жилища.

Выделенная в ходе раскопок в южной части комплекса структура, обозначенная как очаг № 1, по нашему мнению, имела

иную функцию. Этот участок являлся хозяйственной зоной, связанной деятельностной ситуацией с очагом № 2, что определило и наличие углистого пятна. Линия камней, отнесённая к южной стороне обкладки очага, представляла часть внешней обкладки конструкции. Значительный разрыв между камнями с восточной стороны от очагов № 2 и 3 позволяет предположить наличие основного входа³⁹. Возможно, напротив него имелся проход, который прикрывался пологом. На вероятность его существования указывал участок слоя с рассеянным элементарным заполнителем. Подтекание углисто-золистого пятна под камни южной стороны внешней обкладки могло произойти как в период завершения функционирования стоянки, так и при перемещении камней при снятии покрытия. «Спальные» места хорошо проявляются по схемам распределения артефактов. Они располагались за очагами возле западной стенки. В южной части жилища готовили пищу, в северной – выполняли иные хозяйственные работы. Возможно, с северной стороны жилища было небольшое закрытое пространство по типу калтама (получума), в котором осуществлялся ремонт и изготовление/хранение охотничьего вооружения⁴⁰.

Другой вариант реконструкции предполагает более сложную систему каркаса по типу яранги. Он опирается на сведения из фондов РЭМ, характеризующих другие формы жилищ северных народов, которые в проекции пола-основания давали картину, аналогичную археологическому комплексу к. г. 5.

³⁹ По этнографическим данным, закрывающий привходовой полог не является обязательным элементом. Аналогичная модель жилища с вариантом существования незамкнутой наземной конструкции по типу навеса или заслона, открытого к востоку (к реке), предлагалась исследователями европейской части России по материалам стоянки Елисеевичи-1, скопление № 5. При этом очаги в анализируемом комплексе вообще отсутствовали [Грехова, 2016, с. 196–197].

⁴⁰ Традиция такой организации вспомогательных сооружений сохраняется у современных эвенков до сих пор. См.: Кузнецов О. В. Эвенки севера Забайкалья: сохранение традиционной культуры и системы жизнеобеспечения // Музееведение и научные исследования в работе музеев: межрегион. науч.-практ. конф. (28 апр. 2018 г.). – Чита. – Не опубли.

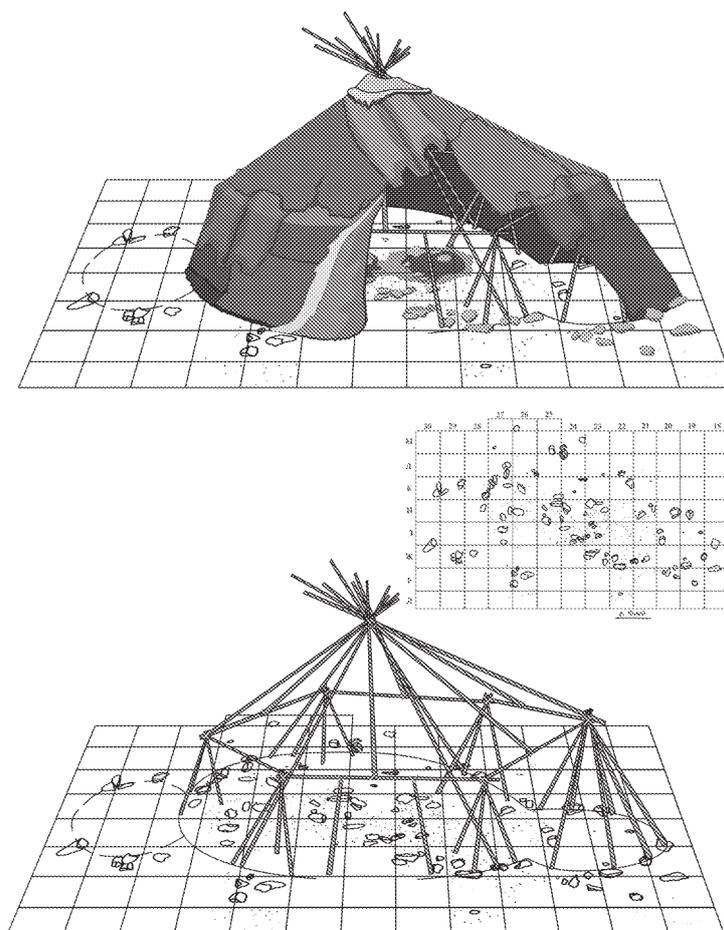
Взяв за основу археологический план, мы рассмотрели вариант возведения сложносоставного каркаса с учётом архитектурной специфики конструкции. Опорную часть сооружения составляли три длинные жерди, которые определяли максимальную высоту покрытия, расположение дымового отверстия, а также направление будущего входа.

По условному периметру от них устанавливались связки по три малые жерди, в перекрестье которых закреплялись горизонтальные перекладины. Эта конструкция расширяла внутренний объём жилого помещения, определяла вертикаль стен, не позволяя провисать покрывкам. Купол крыши формировался из более коротких жердей, их тонкие концы укладывались в перекрестье длинных базовых, а нижние концы крепились к горизонтальным перекладинам. За счёт дополнительной пары жердей, уложенных под наклоном, один край конструкции вытяги-

вался. В этой части создавалась своеобразная кладовка с низким потолком для хранения различного инвентаря и бытовых предметов.

При наличии покрытия с торца такое жилище выглядело как чум, а в боковой проекции имело форму неправильной трапеции (см. гл. 3, рис. 3.6, 3.7). В условиях тундры и лесотундровых ландшафтов использовались жерди меньшей длины, которые связывались между собой, образуя аналогичной формы каркас.

На основе полевых планов ЖХК к. г. 5 художником С. В. Тукмачевым (МБДО «Художественная школа», Бийск) были выполнены графические реконструкции жилища со сложносоставным каркасом. Опыт подобного рода ретроспективного исследования важен с методологической позиции (см. рис. 5.34). Проработка архитектурного проекта объективизирует предлагаемые построения.

Рис. 5.34. Реконструкция наземной конструкции жилища по материалам культурного горизонта 5 поселения Студёное-2. Художник С. В. Тукмачев

При любом из рассматриваемых вариантов реконструкции центральное место на исследованном участке поселения занимало двухочажное жилище. В период его функционирования на расстоянии восьми метров севернее ещё были заметны валуны к. г. 6 (кв. 9–10, Д–Ж). В глубь террасы от них в кв. 10, И–К лежали ещё несколько камней. Вместе они отделяли пространство жилой площадки и внешней зоны хозяйственной деятельности в трёх метрах на север за валунами. В кв. 2–7, Д–И не образуя чёткой системы, лежали 12 камней. Пять из них определяли условный контур участка со скоплением неопределимых колотых

фрагментов костей и каменного микродебитажа. В кв. 4–Ж возле ромбовидной формы валуна были найдены проколка, бусинка, фрагменты микропластин и скребок.

Анализ коллекции артефактов позволяет сделать вывод об одновременном функционировании жилища и связанных с ним структур. Поселенцы отличались большой избирательностью при выборе минерального сырья не только в орудийном наборе (высококачественные яшма, кремь), но даже строительного камня. Изделия помимо тщательности обработки демонстрируют эстетически привлекательную цветовую гамму.

Рис. 5.35. Фотомонтаж: расположение жилища на уровне к. г. 5 в палеорельефе урочища Студёное. Художник С. В. Тукмачев

На относительную непродолжительность периода обитания косвенно указывает слабая насыщенность культурного слоя фаунистическими остатками (при этом принесённые части туш полностью утилизировались), немногочисленность и сырьевая однородность каменного инвентаря. О зоне обитания поселения можно говорить

только условно. Необходимой сохранности остатков фауны для определения сезона забоя в коллекции нет.

Незначительного, по палинологическим данным, присутствия в растительных сообществах того времени древесных и кустарниковых видов растений (берёзы, ивы, лиственницы), вероятно, было достаточно для

удовлетворения потребности древних жителей в строительных материалах (см. рис. 5.35).

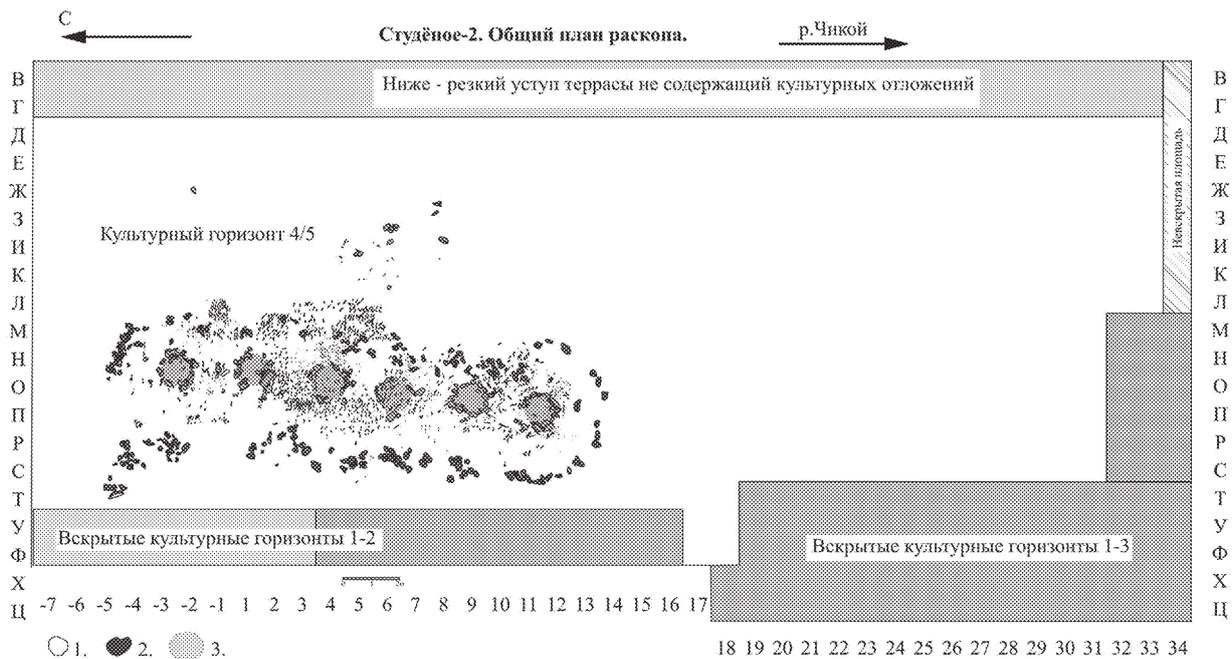
Интересно, что прямые параллели в системе организации поселений с учётом особенностей ландшафтной дислокации, расположении жилищ вдоль речной бере-

говой линии с ориентациями входов в сторону реки с небольшим поворотом вниз по течению были отмечены по этноархеологическим материалам О. В. Кузнецовым у современных забайкальских эвенков [Кузнецов, 2006, с. 22–23].

5.4. Культурный горизонт 4/5

Культурный горизонт (к. г. 4/5) связан с прослоем мелкозернистого песка, подстилаемого тонкой иловатой прослойкой мощностью 1 см в средней части аллювия второй террасы на 1–1,25 м выше уровня к. г. 5. Общая площадь вскрытия культурного горизонта составила 642 м². В пространстве поверхности террасы скопление культурных археологических материалов тяготело к северной оконечности

мысовидного участка, где были выявлены остатки сложносоставного шестиочажного комплекса. В условиях рельефа современного мыса глубина залегания слоя от дневной поверхности прослеживалась в диапазоне 1,5–3 м. Относительно палео-Чикоя комплекс к. г. 4/5 располагался в 10–12 м от берегового уступа, имевшего в тот период времени высоту около 3,5 м (см. рис. 5.36).

Рис. 5.36. Студёное 2. Схема размещения комплексов к. г. 4/5: 1 – камни; 2 – камни структурирующие пространство; 3 – углисто-золистые пятна [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 19956; ф. 1, р. 1, № 23009; ф. 1, р. 1, № 22122, 22236; ф. 1, р. 1, № 25162]

В плане раскопа комплекс был вытянут вдоль чикойского берега и охватывал площадь 74,5 м² (кв. «-5»–14, Л–Т). Его изучение проходило в течение нескольких полевых сезонов прирезками (длиной по 4 м) в направлении с юга на север. Данная последовательность определила порядок описания и нумерации структурных элементов ЖХК.

Условный контур внешней границы распространения культурных остатков отмечали расположенные группами и по отдельности камни (219 экз.). Вдоль западной границы за линией камней находок зафиксировано не было. С восточной стороны углисто-золистые пятна и участки с артефактами выходили за условную границу –

несколько камней и мелкие сколы образовывали рассеянный шлейф по направлению к р. Чикой (см. рис. 5.36).

Анализ культурных проявлений к. г. 4/5 показал сложносоставной характер ЖХК. К основным структурирующим пространство обитания элементам были отнесены шесть очагов. Планиграфически к ним тяготеги углисто-золистые пятна, лежащие отдельно или группами камни, формирующие линии внешних и внутренних обкладок, скопления каменного инвентаря и остеологических остатков. Культуровмещающие отложения внутри и вне комплекса отличались по выраженности микрозаполнителя и плотности грунта.

Участок поверхности на площади ЖХК в период антропогенного освоения подвергся естественному процессу выравнивания. Нивелировочные промеры зафиксировали горизонтальное простираание самого слоя с соответствующим интенсивности воздействия вогнуто-выпуклым рельефом в зонах хозяйственной активности внутри ЖХК. При этом древняя поверхность террасы в целом имела незначительный в 1° уклон в сторону реки.

При обустройстве места поселения жители использовали хорошо окатанные гальки и валуны, которые приносили с местного галечника. Наличие камней и закономерности их расположения позволили выделить среди структурных элементов в планиграфии ЖХК «внутренние» и «внешние» обкладки. Группы камней обозначили границы активно используемой площадки и наличие в древности внешних наземных конструктивных элементов.

Для удобства описания внешняя обкладка, определяющая контур границ ЖХК условно разделена на четыре части. Южная и северная – занимали торцовые позиции. Западная и восточная – по длинным сторонам, вытянутым параллельно береговой линии р. Чикой. Нумерация очагов с 1-го по 6-й шла в направлении с юга на север (см. рис. 5.37).

Южная часть внешней обкладки, начинающая с кв. 11, Н (по часовой стрелке частично

захватывала западную сторону до кв. 10, С), состояла из 25 камней, лежащих цепочкой по дуге на удалении в 1,8–2,0 м от очага № 1.

В восточной линии (ближней к реке) от кв. 11, О к кв. –3–М – 64 камня. В кв. 10–11, Н на стыке южной дуги и восточной линии обкладки был отмечен характерный изгиб и разрыв длиной в один метр. Камни восточной линии (по направлению с юга на север) располагались сначала группами по 10–15 камней в каждой, с разрывами между ними до 0,5 м и отдельными камнями с расстояниями между ними от 0,5 до 1,2 м (всего 12 камней).

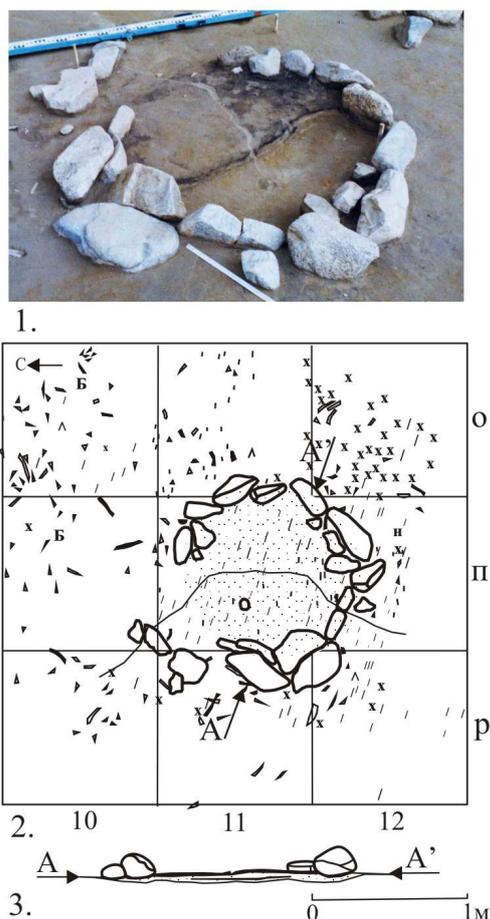
Северную часть внешней обкладки (кв. «–3» – «–5», М–Т) образуя в плане дугообразную линию, отмечали 48 камней. По восточной стороне дуги камни лежали по-одному, к западу – группами. В средней части камни сползли по уступу террасы и находились на расстоянии от 0,5 до 1,5 м от основной линии внешней обкладки.

Западная линия внешней обкладки комплекса была представлена двумя фрагментами (описание с севера на юг): в первом – 22 камня образовывали скопление, во втором – 60 камней располагались по цепочке вплотную или на небольшом расстоянии друг от друга.

Во внутреннем пространстве ЖХК по центру вдоль длинной оси размещалось шесть очагов. Они представляли собой углисто-золистые пятна прокала, по периметру которых лежали камни, формирующие обкладки очагов.

Очаг № 1 (кв. 11–12, П) размерами 1,45×1,6 м. Разомкнутую с северо-запада дугообразной формы обкладку очага составляли 23 камня – речные гальки и валуны размерами от 0,05×0,07 см до 0,18×0,24 м. Они лежали по границе заполнения. Часть камней находилась в положении на ребре. Камни в обкладке тщательно подобраны, вытянуты длинными осями по периметру очага. Площадь очага с прилегающими камнями обкладки – 1,2 м². С южной стороны к обкладке очага примыкал плоский валун со следами забитости на поверхности (кв. 12–Р) (см. рис. 5.38).

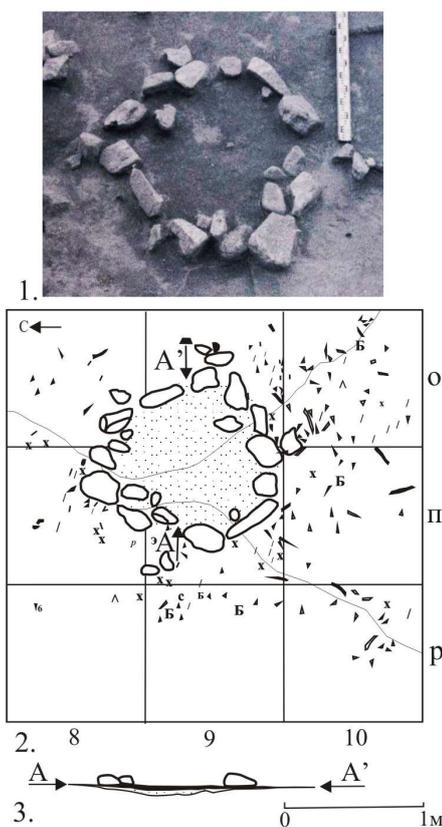
Рис. 5.38. Студёное 2. К. г. 4/5. Очаг № 1:
1 – фото, вид с юго-востока; 2 – план очага;
3 – профиль по линии А-А' [ИИ РАН, ф. 1, р. 1,
№ 19956, л. 35; № 23009, л. 50]

Заполнение очага № 1 мощностью до 0,05 м составляла углистая масса с серыми сажистыми включениями. В разрезе заполнения была прослежена тонкая песчаная прослойка мощностью 0,5 см, свидетельствующая о временном перерыве (возможно, подъём воды в период паводка) с последующим возобновлением функционирования очага. Внутри заполнения найдены 57 отщепов и чешуек, мелкие фрагменты обожжённых костей. Через очаг прошла мерзлотная трещина (шириной 1–2 см). Её линия чётко фиксировалась на фоне тёмного заполнения. Под влиянием криогенных процессов один из камней обкладки раскололся на две части (кв. 12–П).

В 1,2 м на север от очага № 1 находился очаг № 2 (кв. 8–9, О–П) (см. рис. 5.39). Он имел округлую форму размерами 1,4×1,35 м с заполнением углисто-золистой массой

с мощностью прослойки до 0,05 м. К обкладке очага был отнесён 21 камень (длина камней 0,2–0,25 м). Они лежали по кругу вплотную или на небольшом расстоянии друг от друга. Площадь поверхности очага – 1,2 м². В заполнении найдены 15 отщепов и чешуек.

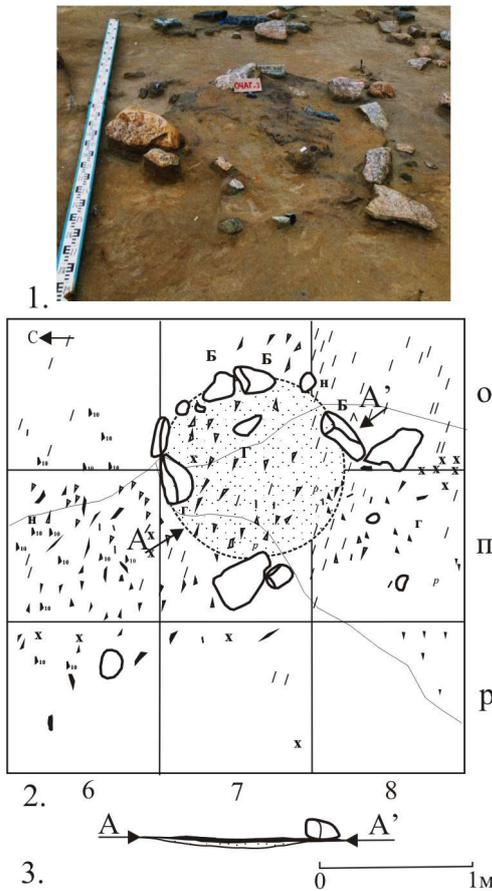
На расстоянии 1,2 м на север от очага № 2 располагался очаг № 3 (кв. 6–7, О–П) (см. рис. 5.40). Он имел округлую форму размерами 1,2×1,4 м. Заполнение очага мощностью 0,02–0,05 м составляла вязкая, углистая масса с серыми примазками, включающая фрагменты пережжённых косточек, отщепы, чешуйки. Площадь очага 1,1 м².

Рис. 5.39. Студёное-2. К. г. 4/5. Очаг № 2:
1 – фото, вид с севера; 2 – план очага;
3 – профиль по линии А-А' [ИИ РАН, ф. 1, р. 1,
№ 22122, л. 45]

В отличие от очагов № 1, 2 очаг № 3 не имел чётко выраженной обкладки. Условно к ней было отнесено 10 крупных и 6 небольших размеров камней, расположенных по открытой в южном направлении дуге. При этом два крайних в дуге камня, скорее всего, имели иное назначение. Один из них – крупная плоская плита толщиной

3 см (кв. 7–О) – развёрнута длинной осью по линии 3–В. Её поверхность и слой вокруг имели сильный охристый окрас.

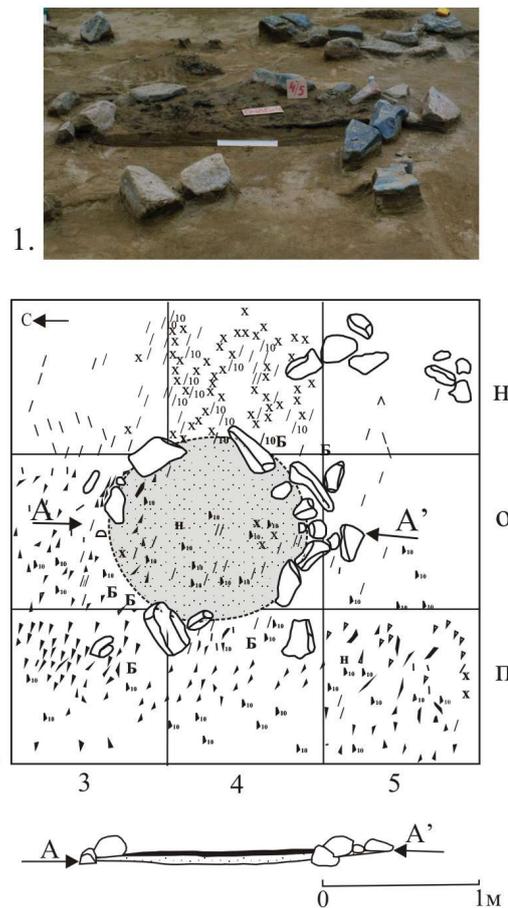
Рис. 5.40. Студёное 2. К. г. 4/5. Очаг № 3: 1 – фото, вид с запада; 2 – план очага; 3 – профиль по линии А-А' [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 23009, л. 50]

Рядом с плитой лежала кварцитовая галька – пест для растирания охры. Мелкие каверны и трещины по поверхности камня были заполнены ее частицами. Второй камень – массивный валун, у которого два ребра образовали острый высокий гребень.

Он располагался в кв. 6–П на одной линии с плитой, лежащей с западной стороны очага. По длинной оси этот камень ориентирован диагонально СЗ – ЮВ и, возможно, первоначально занимал другую позицию – был развёрнут вдоль очага.

Очаг № 4 (кв. 4–О) находился 0,9 м от очага № 3 (см. рис. 5.41). (Он имел округлую форму диаметром до 1,5 м с площадью заполнения 1,1 м². Контуры обкладки составили 20 камней разного размера.

Из них два более крупных уплощенных располагались с двух сторон от очага на границе кв. 3–4, О. Заполнение – углистая масса мощностью до 0,03 м. В ней были найдены осколки жженных костей и 94 каменных артефакта, в том числе, подпризматический нуклеус с обожжённой поверхностью (см. рис. 5.45–16).

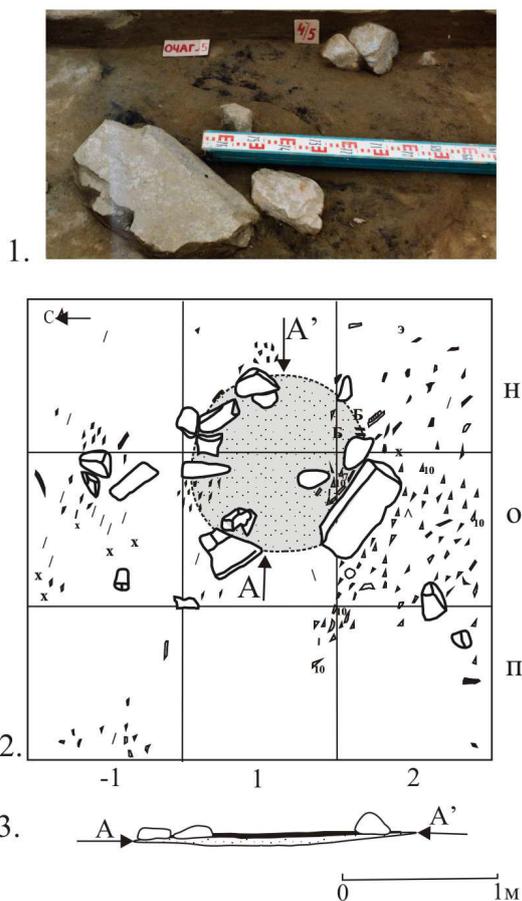

Рис. 5.41. Студёное-2. К. г. 4/5. Очаг № 4: 1 – фото, вид с запада; 2 – план очага; 3 – профиль по линии А-А' [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 22122, л. 46]

На расстоянии 1,2 м на север от очага № 4 располагался очаг № 5 (кв. 1, Н–О) (см. рис. 5.42). В пространстве между очагами находки немногочисленны и представлены в основном очень мелкими осколками костей. Максимальный диаметр очага № 5–1,4 м. Площадь собственно углистого заполнения – 0,86 м².

Обкладка очага № 5 фрагментарна. К ней отнесено 10 небольших камней, условно образующих с северной стороны

дугу. По южной границе очага в кв. 2–О лежала плоская массивная плита размерами 0,32×0,66 м.

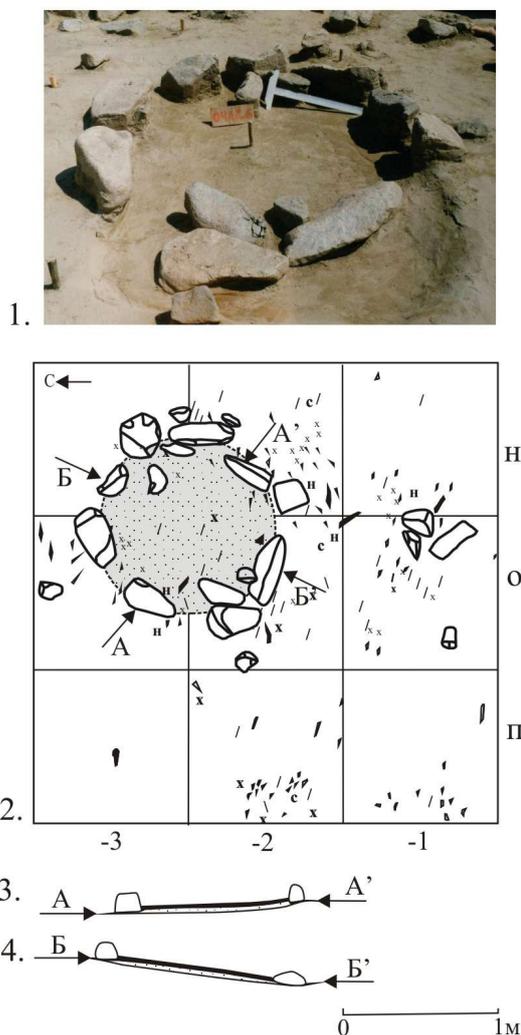
Рис. 5.42. Студёное-2. К. г. 4/5. Очаг № 5: 1 – фото, вид с юга; 2 – план очага; 3 – профиль по линии А-А' [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 23009, л. 50]

Пространство слоя с очагом № 5 в результате криогенных процессов было расчленено мерзлотными трещинами. С одной стороны, это привело к опусканию края приочажной плиты – перепад высот составил 0,2 м. С другой – к разрыву и последующему размыву золистого заполнения (мощность – до 0,02 м), которое было частично затянуто из очага в трещину, прошедшую вдоль внутренней стороны плиты. Рядом с плитой, вдоль её длинного края, с внешней стороны от очага зафиксированы многочисленные мелкие обожжённые осколки трубчатых костей и несколько плохой сохранности фрагментов рёбер млекопитающих.

С западной стороны очага № 5 (кв. 1–О) лежал второй плоский, трапециевидный

в плане камень. С пространством вокруг очага связаны единичные находки каменных артефактов – отходы дебитаж в количестве от 8 до 30 экз./м².

Позицию в северной части ЖХК занимал очаг № 6 (кв. –2, –3, О–Н). Он имел округлую форму с диаметром 1,35 м, площадь 1,25 м². К обкладке очага было отнесено 17 камней, из них 12 крупных – длиной 0,3–0,45 м (см. рис. 5.43 – 1-4). В заполнении очага, имеющего мощность 0,03 м, присутствовали мелкие осколки костей и отщепы.

Рис. 5.43. Студёное-2. К. г. 4/5. Очаг № 6: 1 – фото, вид с запада; 2 – план очага; 3 – профиль по линии А-А'; 4 – профиль по линии В-В' [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 23009, л. 50]

Через очаг № 6 также прошла мерзлотная трещина, что привело к проседанию на 0,15 м ниже уровня основной поверхности к. г. камней в южной части обкладки

и изменению угла простираения их поверхностей (см. рис. 5.44).

Рис. 5.44. Студёное-2. К. г. 4/5. Разрез очага № 6. Вид с юго-запада [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 22236, л. 43]

Завершающий этап исследований 2003–2004 годов участка мысовидной части второй надпойменной террасы поселения Студёное-2 позволил изучить к. г. 4/5 вплоть до бровки современного уступа (восточная линия раскопа) и таким образом дополнить планиграфическую картину. В кв. 4–8, К–3 были отмечены рассеянные мелкие находки в виде отдельных осколков колотой кости и мелких отщепов, продолжившие ранее выделенный шлейф находок, растянувшийся в сторону берега р. Чикой от очагов № 3, 4. Здесь же были найдены 8 камней. Три речных валуна образовывали компактную группу, остальные лежали разрозненно. Никакой конструктивной нагрузки они не несли, но отмечали границу зоны деятельности древнего поселения (см. рис. 5.36).

Как уже отмечалось, планиграфической особенностью к. г. 4/5 Студёного-2 являлось компактное расположение ЖК в пространстве общей площади вскрытия. Прослеживалась явная избирательность в приоритете выбора места для поселения, приуроченность участка активного жизнепользования к стрелке приустьевого мыса.

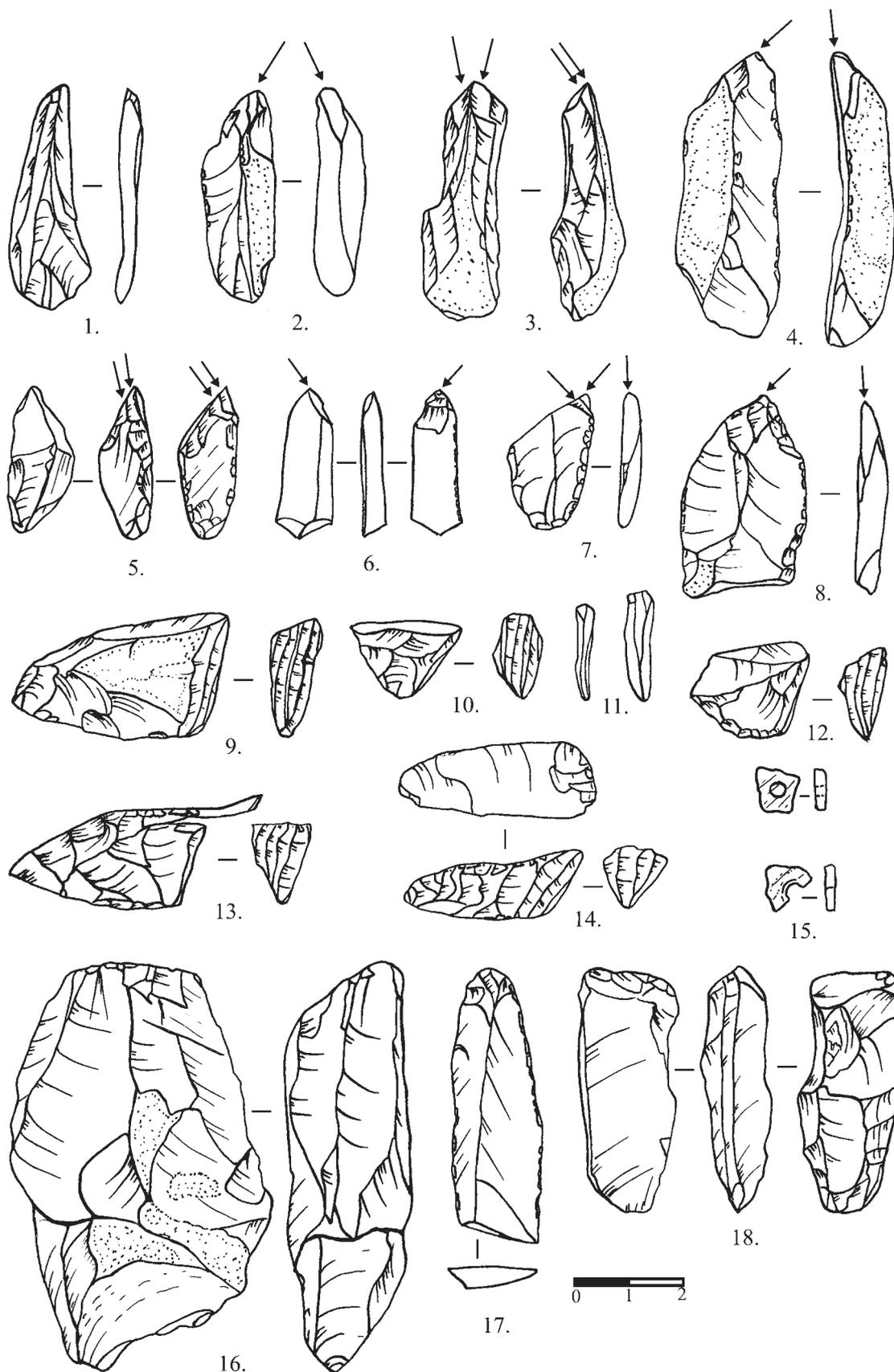
С учётом стратиграфической ситуации, общности планиграфического контекста в ходе раскопок к. г. 4/5 воспринимался как единый, сформированный в процессе

жизнедеятельности одного коллектива (что в целом характерно для палеолитических горизонтов забайкальских поселений).

Коллекция археологического материала к. г. 4/5 насчитывает более 5,5 тыс. экз., однако из них 65% (свыше 3,5 тыс. фрагментов) – остеологические остатки, из которых абсолютное большинство составляют мелкие осколки колотых костей размерами до 3 см. Высокую степень утилизации охотничьей добычи демонстрировала раздробленность практически всей кости, имеющей пищевую ценность. Масса мелких, часто обожжённых фрагментов трубчатых костей (осколки диафизов размерами менее 3 см), которые фиксировались при зачистке поверхности «пола», планиграфически связаны с зонами очагов и углисто-золистыми пятнами. По сути, они аналогичны понятию «кухонных остатков» с концентрациями в зонах внутренней домашней активности и приближённой эвакуации [Binford, 1978; Leroi-Gourhan, 1984]. Фаунистический материал, по определению палеонтолога Н. Д. Оводова, представлен костями парнокопытных млекопитающих: обломки шейного позвонка и ребра (*Ovis*, *Pracapra* –?); фрагменты трубчатых костей (*Bos*, *Bison*, *Poephagus*). Определимые образцы единичны. Среди них предкоренной зуб медведя (*Ursidae*), обломок левой нижней челюсти благородного оленя (*Cervus el.*), два обломка зубов оленеобразных: косуля (*Capreolus p.*), изюбрь (*Cervus el.*).

Состав каменного инвентаря комплекса распределялся следующим образом: нуклеусы – 7 экз. (0,3%); отщепы – 692 экз. (32,2%); микропластины и их фрагменты – 239 экз. (11%); пластины – 14 экз. (0,7%); пластинки – 36 экз. (1,7%); чешуйки – 1051 экз. (49%); сколы – 36 экз. (1,7%); орудия – 55 экз. (2,6%), бусинки и их заготовки – 18 экз. (0,8%).

Представлены подпризматическая, ортогональная, микропластинчатая техники расщепления. Среди нуклеусов преобладали клиновидные формы – 5 экз. (см. рис. 5.45 – 9, 10, 12–14). У трёх – длина кия до 2 см, левые латерали подвергались

Рис. 5.45. Студёное-2. К. г. 4/5. Каменный инвентарь: 1 – проколка; 2–4, 7, 8 – резцы; 5, 6 – резчики; 9, 10, 12–14, 16 – нуклеусы; 11 – микропластины; 15 – бусины; 17 – пластина с ретушью; 18 – долотовидное орудие

дополнительному оформлению, правые представляли плоскости предварительного расщепления. В четырёх случаях высота фронта снятия – 1,5 см. Ударные площадки овальной или каплевидной формы под углом к фронту в 55–75°. В составе коллекции 7 сколов оживления ударных площадок: два из них апплицируются с нуклеусом, удлиняя киль с 2 до 3 см и образуя «карниз» ударной площадки, показывающий степень сработанности фронта (см. рис. 5.45 – 13).

Наиболее выразительный клиновидный микронуклеус (размерами 3,6×0,9×2,5 см), с овальной ударной площадкой и двусторонне ретушированным килем, переоформлялся, как минимум, три раза (см. рис. 5.45 – 13). К нему относятся сколы оживления, последовательная аппликация двух из них позволила восстановить первоначальную форму ударной площадки. К микронуклеусам также отнесён нуклеовидный яшмоидный обломок. Размеры целых микропластин в диапазоне от 0,3×1,5 до 0,4×2,3 см.

Подпризматическая техника расщепления представлена однофронтальным двухплощадочным нуклеусом (длина – 7,5 см; ширина фронта – 5,1 см). Ударные площадки противолежащие, асимметрично наклонные (см. рис. 5.45 – 16). К фронту нуклеуса апплицируется отщеп. Аппликацией восстановлена часть фронта торцового нуклеуса из туфоалевролита. К нему относились аморфных форм отщепы, сколы, а также большинство из обнаруженных в слое пластин размерами от 5,5–6 см длиной; 1,5–2 см шириной. На начальную высоту фронта нуклеуса указывал размер пластины (аппликация двух фрагментов) размерами 9,5×2,7 см.

Ремонтаж позволил проследить последовательность расщепления уплощённого куска андезита: оформления ортогонального нуклеуса и снятия с него крупных сколов и отщепов (см. рис. 5.47). На двух сколах были выделены вогнутые рабочие кромки. На массивном сколе было выполнено угло-

ватое скребло с дорсальным оформлением конвергентных рабочих краёв, крутой выемчатой ретушью (см. рис. 5.46 – 8).

В целом набор орудий немногочислен и не особенно выразителен (см. табл. 7). Изделия не образуют устойчивых групп, наблюдается ситуационное оформление рабочих кромок. Исключение составила серия резцовых инструментов (см. рис. 5.45 – 2–8).

Скрёбла оформлялись на месте, в качестве основы для них выступали крупные сколы. В двух случаях на дорсальных поверхностях частично сохранилась галечная корка (см. рис. 5.46 – 1, 7). В числе скрёбел помимо вышеописанного ещё два экземпляра. Поперечное скребло на массивном галечном сколе, с выпуклым рабочим краем, оформленным дорсальной разнофасеточной притупляющей ретушью. Концевое скребло на пластинчатом полупервичном трёхгранном пластинчатом сколе, с прямым рабочим краем (см. рис. 5.46 – 7).

Выделено два концевых скребка. Один из них – на пластине размерами 5,6×2,3 см, две трети боковой поверхности оформлено дорсальной крутой ретушью (см. рис. 5.46 – 5). Второй – на пластинчатом отщепе неправильной формы, дорсальной ретушью оформлен выпуклый рабочий край (см. рис. 5.46 – 3).

Три скола с ретушью по морфологическим признакам были условно отнесены к категории остроконечников [А. В. Константинов, 2001, с. 107], но функционально они могли в равной степени использоваться как ножи и скребки. В их числе – верхний фрагмент пластины с регулярной краевой дорсальной ретушью (см. рис. 5.46 – 6) и крупный скол с эпизодической крупнофасеточной ретушью по левому краю острия (см. рис. 5.46 – 4). Изделия имели размеры 6,8×3,5 см и 9,2×6 см. Поверхность третьего предмета – массивного трёхгранного отщепы с мелкой дорсальной краевой ретушью – была покрыта патиной. Длина изделия – 5,1 см; ширина базы 4,2 см (см. рис. 5.46 – 2).

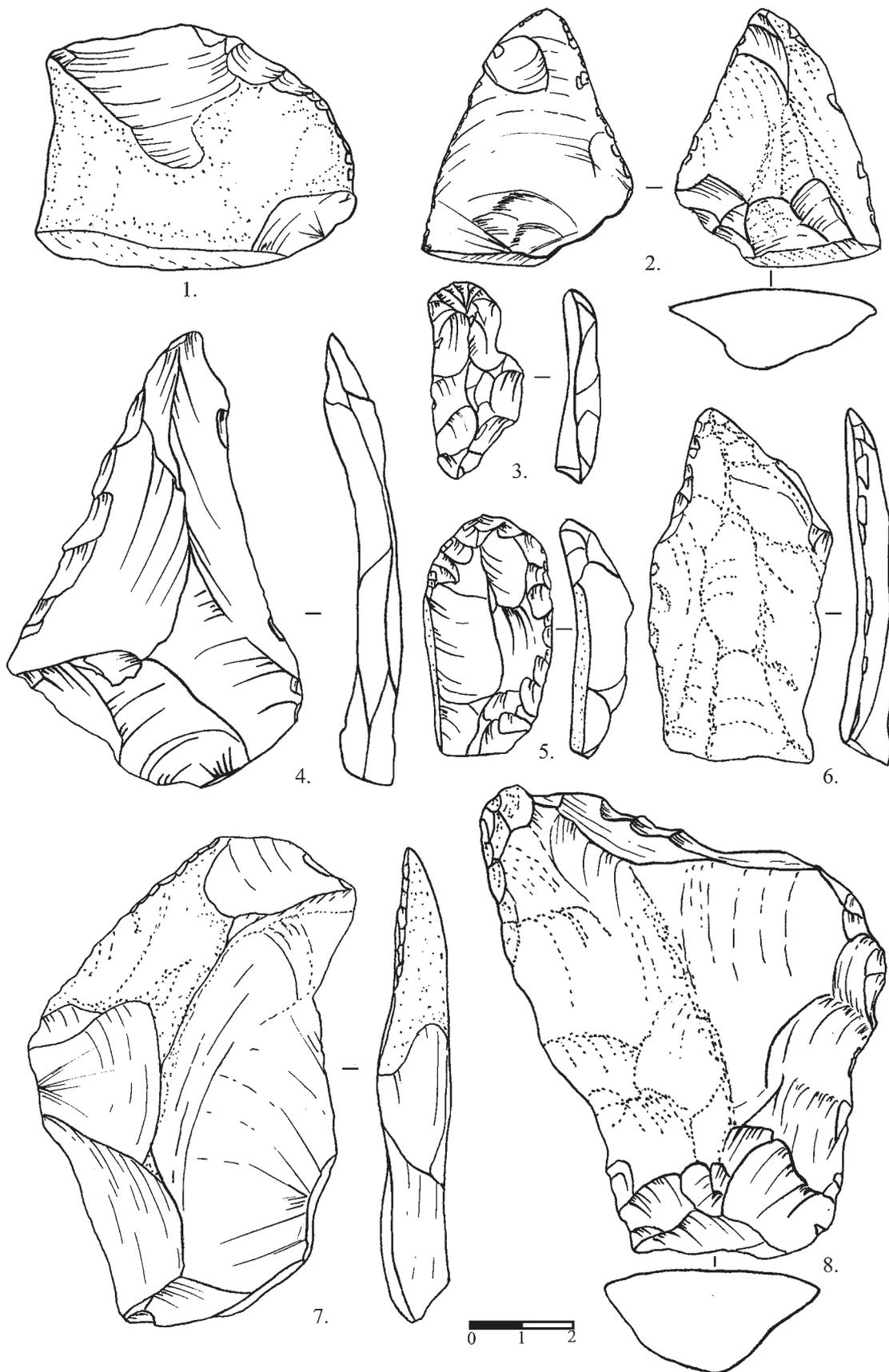

Рис. 5.46. Студёное-2. К. г. 4/5. Каменный инвентарь: 1, 7, 8 – скрёбла; 2, 4, 6 – сколы с ретушью; 3, 5 – скребки

Состав орудий к. г. 4/5 поселения Студёное-2 (коллекции 1996–2004 г.)

<i>Из камня</i>	<i>Кол-во</i>	<i>%</i>	<i>Из кости</i>	<i>Кол-во</i>	<i>%</i>
Скрёбла	3	5,5	Иглы	4	33
Скребки	2	3,6	Проколки	2	17
Долотовидные орудия	7	12,7	Шила	2	17
Резцы	6	10,9	Ретушеры	4	33
Проколки	2	3,6	Итого	12	100
Остроконечники (?)	3	5,5			
Песты	3	5,5			
Пластины и пластинки с ретушью	12	21,8			
Отщепы с ретушью	15	27,3			
Сколы с ретушью	2	3,6			
Итого	55	100			

К долотовидным отнесено семь орудий, из них три выполнены на средних размеров сколах (от 3,5 до 6 см): вогнутые рабочие кромки отмечены чешуйчатыми фасетками. Одно орудие на округлом отщепе, ещё одно присутствует в виде обломка. Выразительное долотовидное орудие выполнено на пластинчатом сколе, размерами 4,8×1,8 см. По рабочему краю чешуйчатая фасетка с вентрала и регулярная дорсальная уплощающая ретушь, обухок отмечен вентральной подтеской (см. рис. 5.45 – 18). К долотовидным отнесено орудие на верхнем фрагменте пластинки (размерами 3,2×2,5 см) с двусторонним уплощением ударного бугорка и диагональным сколом, обработанным регулярной мелкой противоположающей ретушью.

Резцы (5 экз.) изготовлены на пластинках. Они имеют диагональные резовые сколы и частичную подправку ретушью по краям (см. рис. 5.45 – 2–4, 7, 8). К этой категории изделий примыкают угловой резец на обломке микронуклеуса и миниатюрный угловой резчик на трёхгранной пластинке (см. рис. 5.45 – 5, 6).

Проколки не выразительны и выделяются с определённой долей условности (см. рис. 5.45 – 1). Пластинки и пластины с ретушью представлены 12 экз., отщепы с ретушью – 15 экз., 2 скола с ретушью.

Для растирания охры использовались гальки: кварцитовая, размерами 3,9×3,5 см,

с двумя выделенными зашлифованными зонами; зооморфной формы – уплощённая поверхность которой содержит вкрапления охры; овальной формы – с «ободком» из более плотной породы. Длина последнего изделия – 9,7 см; диаметр по ободку – 5,5 см. Поверхность окрашена охрой.

Орудия из кости представлены одной целой (длина – 4,2 см; толщина – 0,3 см, диаметр ушка – 1 мм) и тремя фрагментами игл (см. рис. 5.48 – 14, 15), роговой пластиной. В ходе камеральной обработки были собраны два шила. В качестве ретушеров использовались четыре фрагмента трубчатых костей.

В коллекции артефактов присутствовали также разные по форме и материалу бусины. В их числе две целых и фрагмент ромбовидных форм бусин из риолита (см. рис. 5.45 – 15, 5.48 – 9–11). Восемь целых круглых бусин и один фрагмент вырезаны из скорлупы яиц страуса (*Struthio asiaticus*) [А. В. Константинов, 2001, с. 108]. В слое найдены кусочки пришлифованного риолита и фрагменты скорлупы (см. рис. 5.48).

Планиграфический анализ комплекса был направлен на решение нескольких задач: 1) выявление участков скоплений археологического материала; 2) анализ инвентаря, определение характера деятельности; 3) подтверждение/определение единовременности формирования структур комплекса; 4) варианты реконструкции.

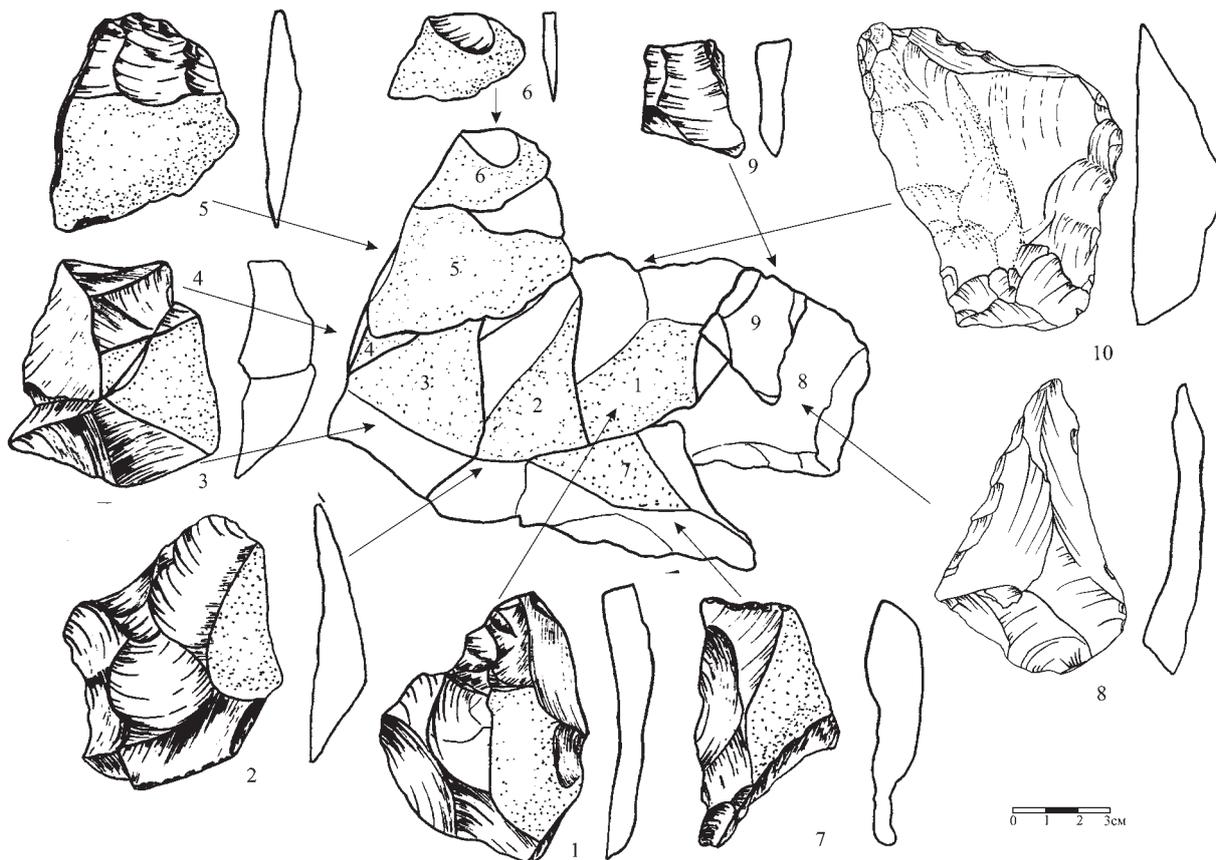

Рис. 5.47. Студёное-2. К. г. 4/5. Апликативный блок

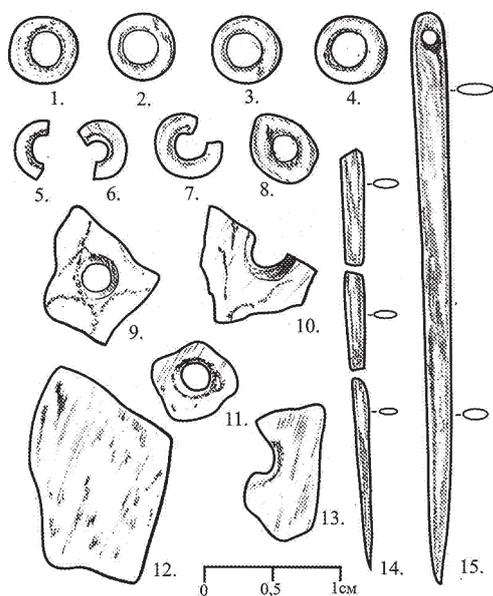

Рис. 5.48. Студёное-2. К. г. 4/5. Бусины и иглы: 1, 4, 15 – кв. 2, Н; 2, 3 – кв. 6, О; 5, 7 – кв. 3, О; 6, 12 – кв. 3, М; 8 – кв. 3, П; 9, 10 – кв. 5, И; 11 – кв. 7, О; 13 – кв. 4, Н; 14 – кв. 2, М; 1–8, 11 – из скорлупы яиц страуса; 9–10, 13 – из риолита; 12 – фрагмент скорлупы; 14–15 – иглы из кости

Схемы и диаграммы размещения культурных остатков подтвердили наблюдения о локализации распространения археологического материала на участке, ограниченном камнями внешней обкладки, и продемонстрировали различную концентрацию артефактов на площади комплекса (см. рис. 5.49, 5.50).

Диаграммы показали концентрацию находок у очагов и на участках с зольно-охристыми пятнами. Сразу, без выполнения дифференциации инвентаря, определялись две локализованных производственных зоны, связанные с индивидуальными рабочими местами – с восточной стороны от очага № 3 и в восточном секторе внешнего периметра очага № 5. Наиболее насыщенный участок слоя был выделен в центральной части комплекса, связанной с очагами № 3 и 4. Здесь основную массу каменного инвентаря составляли продукты дебитаж, а поверхность слоя была буквально усеяна мелкими (до 3 см) фрагментами костей – кухонными остатками.

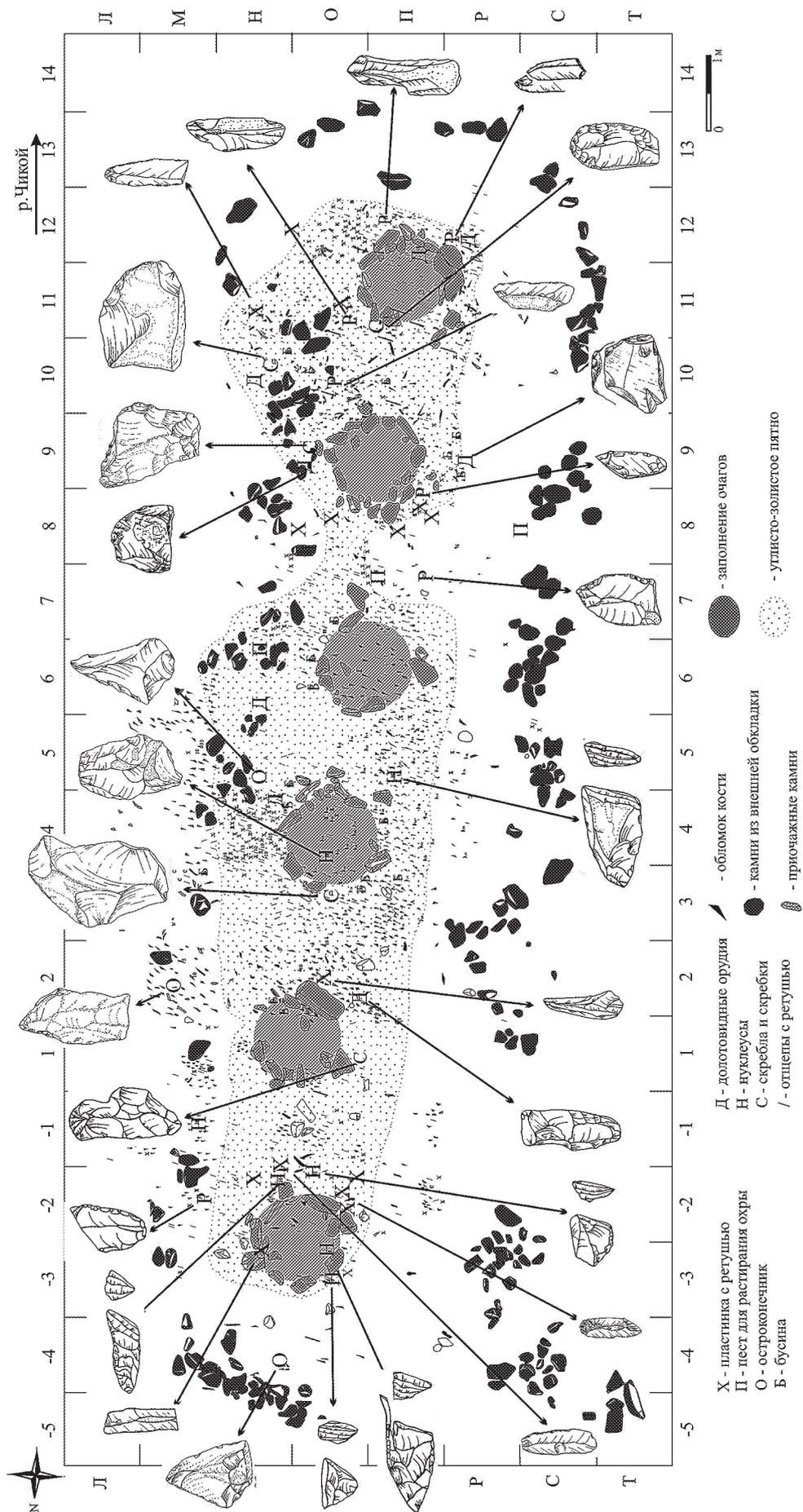

Рис. 5.49. Студёное-2. План хозяйственно-культурного комплекса культурного горизонта 4/5 с орудиями

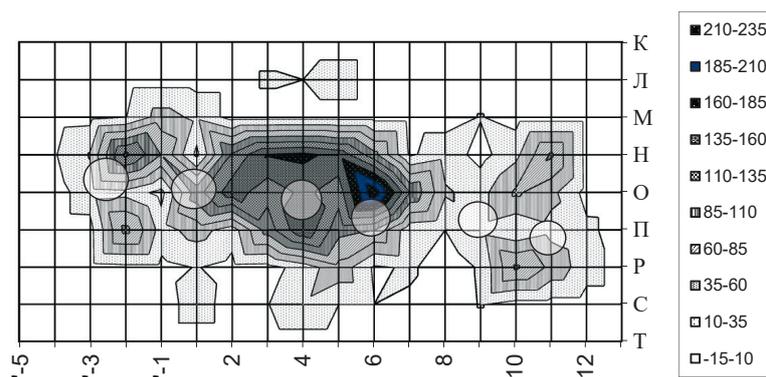

Рис. 5.50. Студёное-2. К. г. 4/5. Диаграмма. Распределение комплекса артефактов, включая фаунистические остатки

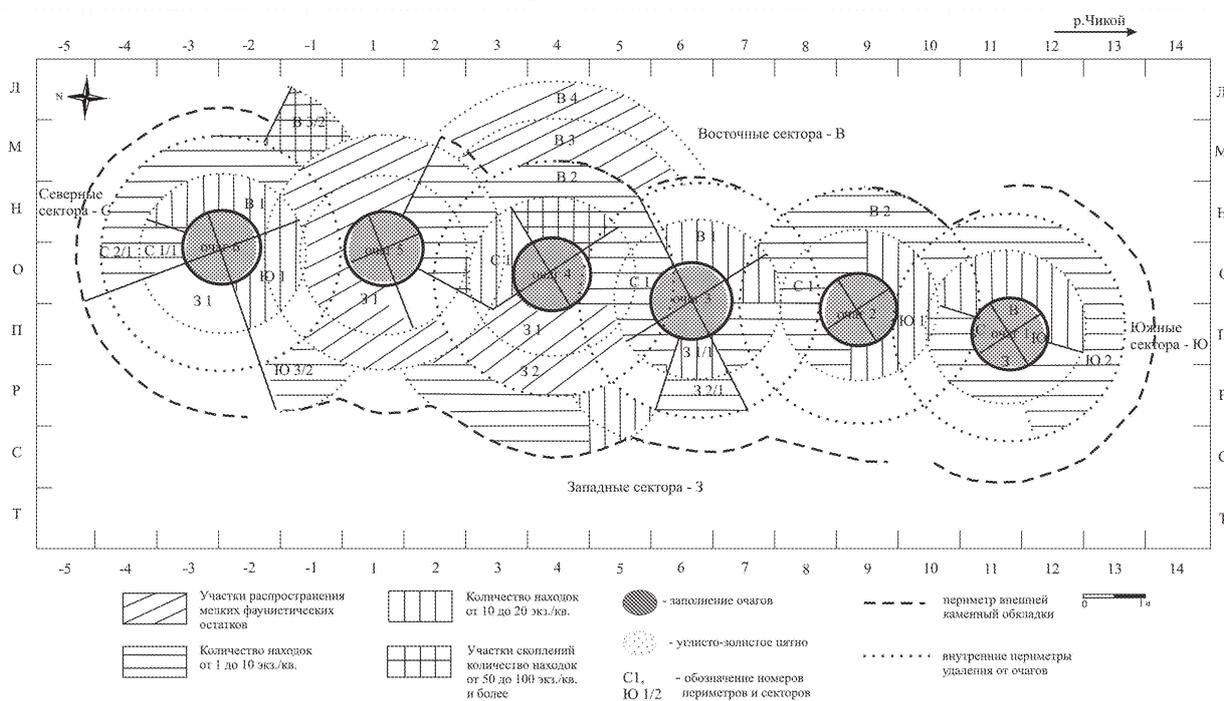

Рис. 5.51. Круговая модель ЖХК к. г. 4/5 поселения Студёное-2

Скопления микропластин были связаны с тремя участками. Первый: 1-е периметры восточного сектора у очага № 1 и западного сектора у очага № 2 (см. рис. 5.51, 5.52, табл. 8). Здесь найдены невыразительный обломок микронуклеуса и 23% микропластин и их фрагментов от общего количества в культурном горизонте. Изделия выполнены из разного сырья, формы пластинок случайных параметров.

Второй участок относился к 1–2-му периметрам восточных секторов очагов № 3 и 4. Микропластины и их фрагменты сос-

тавляли 8,5%. Это регулярные пластинчатые снятия размерами 0,3×0,7 см. Здесь же находился выразительный клиновидный нуклеус (см. рис. 5.52).

Третий участок связан с 1-м периметром очага № 6 и локализованным скоплением в восточном секторе очага № 5 (фактически относится к зоне предполагаемого выхода относительно очага № 6). На этом участке обнаружено 42,5% микропластин и их фрагментов. Все они – результат расщепления клиновидных микронуклеусов, найденных у очага № 6 (см. рис. 5.45 – 10, 12–14).

Студёное-2. К. г. 4/5. Распределение микропластин и пластинок

	← С														р.Чикой →													
	-5	-4	-3	-2	-1	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14									
Л					1																							
М			2		1	46	1			1																		
Н	1	2	9	1		1	4	11		3	1	3		1														
О	1	5	9		1	2		2				2	4		5	32												
П		1	13							2		8	2	3	5	3	2											
Р										2	1	1	1				3											
С							2																					
Т								1																				
		1							8																			

1 -1.   2 -2.

Условные обозначения: 1 – количество микропластин; 2 – количество пластинок.

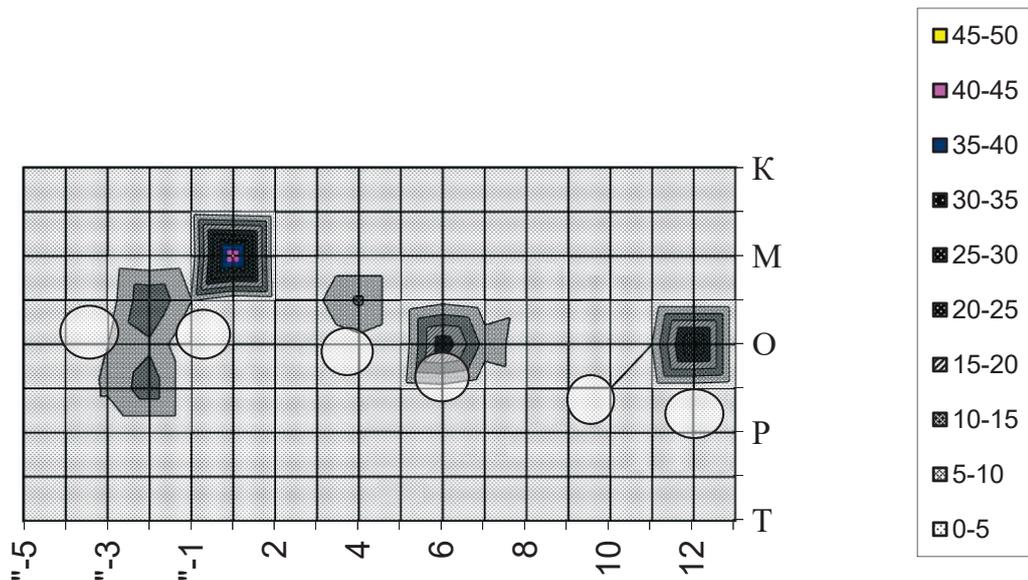
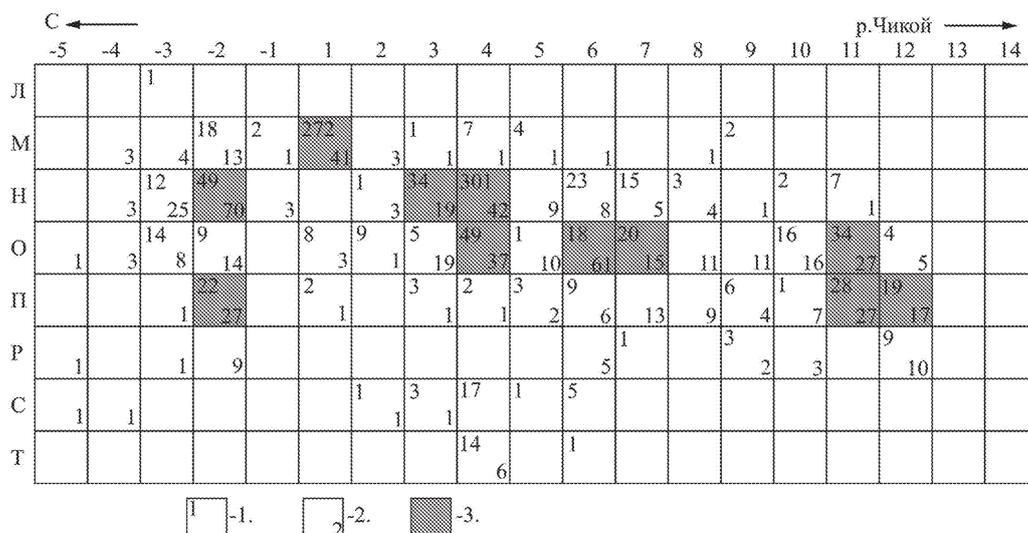

Рис. 5.52. Студёное-2. К. г. 4/5. Диаграмма. Скопление микропластин

В качестве сырья использовались разноцветные яшмы (кремни). Микропластины с ровными краями с перообразным окончанием и дорсально выгнутым профилем, размерами от 0,2×1,2 до 0,3×1,8 см. Они составляли устойчивые серии с выявленными аппликативными цепочками. Ретуширование микропластин не проводилось.

С участками, где выполнялось снятие микропластин, соотносились скопления отщепов и чешуек в юго-восточном секторе очага № 1 и первых периметрах восточных секторов очагов № 3, 4, 6 (см. табл. 9, рис. 5.53, 5.54).

Студёное-2. К. г. 4/5. Распределение чешуек и отщепов

Условные обозначения: 1 – количество чешуек; 2 – количество отщепов; 3 – значимое число находок.

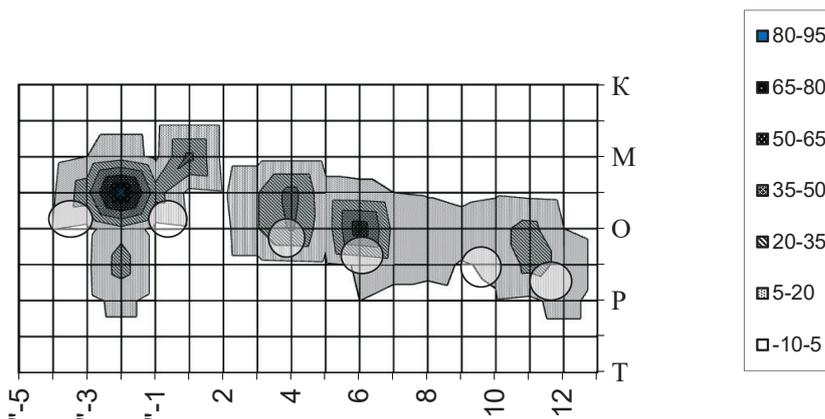

Рис. 5.53. Студёное-2. К. г. 4/5. Диаграмма. Скопление отщепов

В южной части комплекса рядом с очагами № 1 и 2 выделена зона хозяйственно-бытовой деятельности (см. табл. 10). Здесь найдены 35 каменных орудий (63% от всего количества орудий, обнаруженных в слое): полиэдрический и 3 трансверсальных резца; угловой резчик на пластинке; 2 скребла;

концевой скребок; скобель; 4 долотовидных орудия; 5 пластин, 12 отщепов и 4 скола с ретушью; крупный трёхгранный скол-провертка (?). Орудия из кости: апплицированы два шила из метакарпалий; фрагмент диафиза с утилитарными насечками на поверхности; костяные ретушеры; проколки и отщепы.

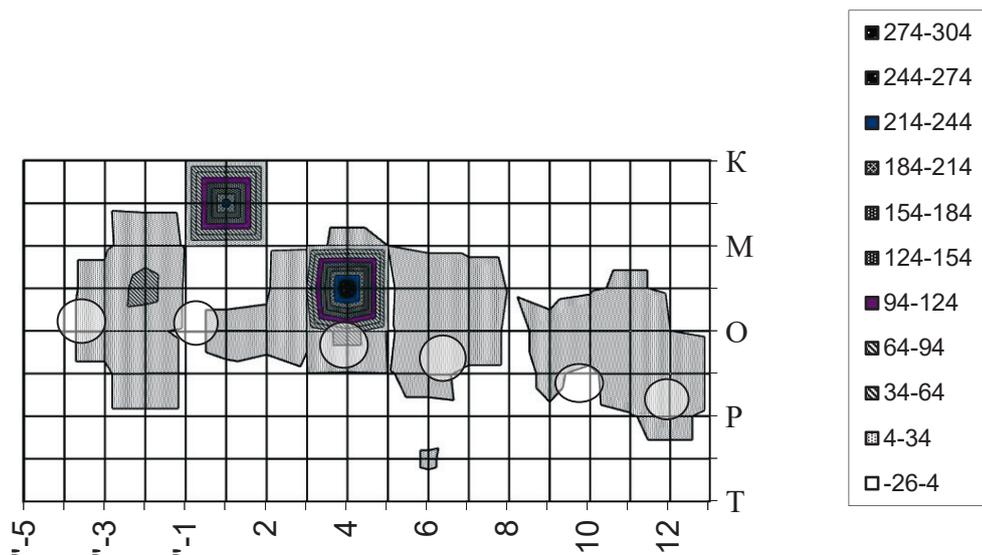
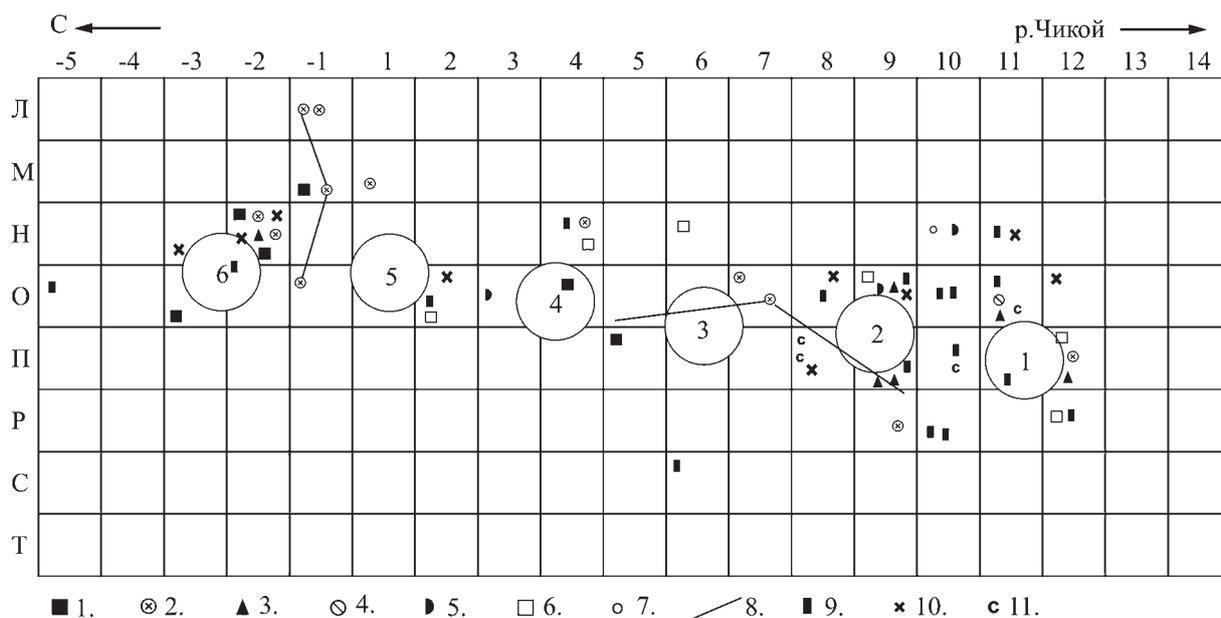

Рис. 5.54. Студёное-2. К. г. 4/5. Диаграмма. Скопление чешуек

Таблица 10

Студёное-2. К. г. 4/5. Распределение типологических изделий

Условные обозначения: 1 – нуклеусы; 2 – сколы оживления; 3 – резцы; 4 – скребки; 5 – скрёбла; 6 – долотовидные; 7 – скобели; 8 – аппликативные связи; 9 – отщепы с ретушью; 10 – пластины с ретушью; 11 – сколы с ретушью

В западном и восточном секторах рядом с очагом № 2 были найдены обломки костяных игл. Здесь же обнаружены кусочки пришлифованного риолита и выполненные из этого материала (целая и фрагменты) ромбовидной формы бусины с биконическим отверстием диаметром до 3 мм (см. рис. 5.48 – 9, 10, 13).

Находки в этой части комплекса концентрировались в углисто-золистых пятнах, связанных с приочажными зонами. Отличался и характер размещения орудийного инвентаря и фаунистических остатков по сравнению с остальной площадью ЖХК. С поверхностью пятна связано больше тысячи мелких (размером до 3 см) осколков

губчатого и компактного костного вещества. Около 70 крупных и средних фрагментов трубчатых костей подвергались продольному и поперечному расщеплению. На всех костях эпифизы удалены.

Оценивая развитие деятельностной ситуации, следует отметить наличие углистой прослойки под камнями обкладок очагов. Данный факт свидетельствовал о первоначальном разведении костров с последующим преобразованием их в очаги с каменными обкладками. В то же время, осколков

костей и каменных артефактов в виде деби-тажа под приочажными камнями обнаружено не было. В ряде случаев отмечалось боковое прилегание орудий, «подоткнутых» под камень или зафиксированных в положении на ребре, примыкающих к внешней от очажного пятна боковой поверхности камня. Данные наблюдения показывают, что приочажные камни были принесены и положены на место на ранней стадии функционирования костров, после чего занимали устойчивое положение.

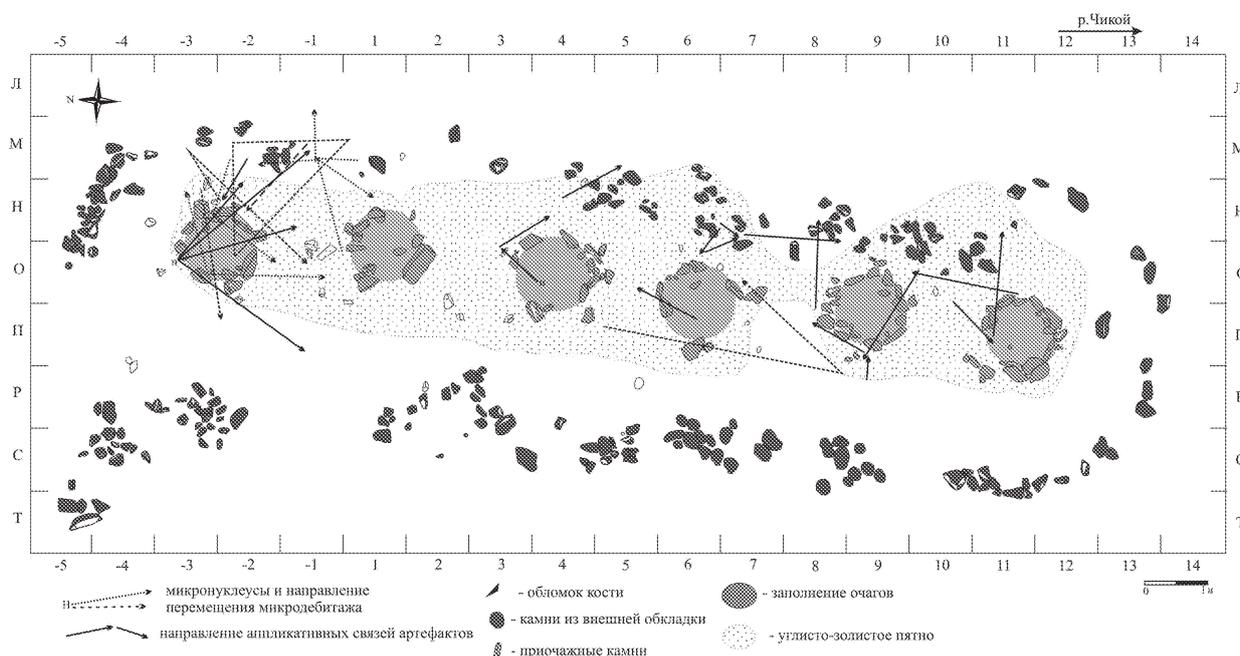

Рис. 5.55. Студёное-2. К. г.4/5. Схема аппликативных связей каменного инвентаря

В восточных секторах от очагов № 1 и 2 наблюдалось увеличение мощности отложений культурного слоя: вертикальное рассеивание находок достигало 0,08 м – естественный процесс при интенсивном передвижении и активной хозяйственной деятельности обитателей на этом участке.

В восточном секторе от очага № 2 выделена рабочая зона с неполным циклом расщепления с последующим использованием готовых изделий. Аппликацией восстановлен фрагмент крупнозернистой конкреции – сырьевой основы подпрямоугольной формы (см. рис. 5.47). Ремонтаж внутри коллекций каменного инвентаря выявил связи южной и центральной частей ЖХК (см. рис. 5.55).

Рассматривая расположение групп камней (кв. 9–11, Н-О), условно отнесённых к внешней обкладке (со стороны реки), следует отметить близкое их расположение по отношению к очагу № 2. Предположив их использование в качестве крепёжных, получаем ситуацию, при которой полог/стенка, имея естественный наклон при конусовидной или даже вертикальной конструкции, слишком близко находился бы к огню. Вероятно, камни, будучи принесёнными человеком, имели иное функциональное назначение, а сама конструкция с этой стороны была открыта в сторону реки.

Центральную часть ЖХК охватывало обширное охристо-золистое пятно, связан-

ное с очагами № 3, 4. Пятно представляло собой супесчаную прослойку (мощностью от 2,5 см около очагов и истончающуюся по краю до 0,5 см), насыщенную культурной компонентой – микрочастицами элементарного заполнителя. Границы пятна с западной стороны приближались к линии камней внешней обкладки. С восточной – пятно вытянуто в сторону р. Чикой и выходило за линию камней (в среднем до 1,5 м). Линия внешней обкладки в этой части ЖХК определялась условно. Растянувшийся шлейф выноса находок не позволяет предполагать существование жёстко оконтуренного пространства и ставит под сомнение наличие с этой стороны пологов/стен.

Между очагами археологический материал был представлен мелкими фрагментами обожженных костей и незначительным количеством чешуек и мелких отщепов. Как уже отмечалось выше, в центральной части комплекса выделялись два производственных участка, связанных с мелкодебитажными работами – в первом периметре восточного сектора («В 1») очага № 3 и рабочий точок в «В 1» очага № 4. Учитывая значительное количество продуктов дебитажки – 45% чешуек и 30% отщепов (от общего числа в к. г.), следует отметить низкий индекс орудий в этой части комплекса. Они составляют 9% (6 экз.) от общего числа орудий и 0,5% по отношению к количеству каменного инвентаря выделенного участка ЖХК (с некоторой долей условности учетны материалы с кв. 3–7 по линиям Л–Т). Каменный инвентарь включал подпризматический и клиновидный микронуклеусы (см. рис. 5.45 – 9, 16). Сколы оживления ударной площадки микронуклеуса дали аппликативные связи на участке слоя между очагами № 2 и 3.

Орудия представлены краевым скреблом на трехгранном пластинчатом сколе (см. рис. 5.46 – 8), фрагментом пластины с ретушью (см. рис. 5.46 – 6), двумя долотовидными орудиями (см. рис. 5.56 – 1, 2) и отщепом с ретушью, треугольным массивным сколом (остроконечником?) (см. рис. 5.46 – 2).

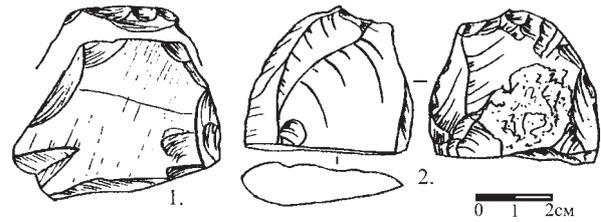

Рис. 5.56. Студёное-2. К. г. 4/5.
Долотовидные орудия

Линза культурных отложений центральной части ЖХК была насыщена мелкими осколками костей (кухонные остатки свыше 2,3 тыс.), около 100 средних и крупных фрагментов трубчатых костей. Данный участок демонстрировал картину, близкую зоне хозяйственно-бытовой деятельности по приготовлению и потреблению пищи. По наблюдениям Л. Бинфорда, аналогичная картина образуется в результате действий, связанных с приготовлением бульона и при извлечении из трубчатых костей мозгового вещества. При этом он отмечал, что «для того чтобы “произвести своего рода бульон” используется отдельный очаг, хотя специальная организация его представляется не всегда необходимой» [Binford, 1983, p. 154]. К важным моментам Бинфорд относил и то, что «после сливания бульона в чаши для питья из остатков содержания формировались отходы выкипания, которые откидывались или поперёк огня, или непосредственно к левой, относительно человека, стороне у очага» [Там же]. Это действие – распоряжение соединённой массой отходов, в противоположность дискретным предметам, производит гомогенные концентрации. При увеличении количества людей происходит формирование единого поля мелких костных остатков. При этом сам процесс приготовления пищи дифференцированного характера осуществлялся с организацией парных (двух близко расположенных) очагов [Там же, с. 155].

Таким образом, центральная часть рассматриваемого комплекса к. г. 4/5 поселения Студёного-2 носила ярко выраженный хозяйственно-бытовой характер кухонной зоны, где расщепление камня имело вспомогательное ситуационное значение.

В юго-восточном секторе первого периметра очага № 3 находился участок поверхности насыщенного оранжевого цвета, связанный с плоской плитой, окрашенной охрой. Выделенный участок отличался «чистотой пола» и практически не содержал костных остатков. Рядом с плитой найдена овальная галька-пест для растирания охры. Вероятно, здесь выполнялись работы с использованием минерального красителя. Кусочки охры присутствовали и в шлейфе выноса.

В восточных секторах рядом с очагами были найдены фрагменты скорлупы яиц страуса и выполненные из неё округлые бусины – 6 целых и 1 обломок (см. рис. 5.48 – 1–8). Две бусинки находились на границе внешнего периметра северного сектора очага № 4. Бусинки отличались от риолитовых по форме. Имели внешний диаметр до 0,46 см, размер отверстий до 0,03 см. Здесь же была найдена целая костяная игла длиной 4,2 см (см. рис. 5.48 – 15).

Углисто-золистое пятно центральной части комплекса захватывало край очага № 5. Пространство между очагами № 4 и 5 было усеяно мелкими фрагментами косточек, скопление которых связано с крупной плоской плитой южного сектора очага № 5 (кв. 2, О). Вдоль внешнего края плиты лежали расслоившиеся остатки одного-двух рёбер. Участок ЖХК с очагом № 5 отличался обеднённостью археологического материала. Каменный инвентарь включал обломок долотовидного изделия, пластинку и отщеп с ретушью, незначительное количество мелких чешуек и фрагментов микропластин (всего 40 экз.).

Выделенная производственная точка, «территориально» расположенная в северо-восточном секторе очага № 5, фактически соотносилась с каменным инвентарём очага № 6. Между ними прослежены интенсивные аппликативные и сырьевые связи (см. рис. 5.55). На участке площадью до одного квадратного метра находилось скопление мелких отщепов и микропластин – продуктов дебитажки клиновидных микронуклеусов из разноцветных яшм (см. рис. 5.52–5.54).

Возможно, именно на данном участке проходило расщепление, но не исключено, что действие выполнялось у очага (где найдены сами нуклеусы) на подложке, например, шкурах, которые затем стряхивались на привходовой площадке.

Находки в северной части ЖХК концентрировались вокруг очага № 6. Приочажное углисто-золистое пятно ограничивалось пространством первого периметра. Непосредственно около очага в восточном секторе первого периметра выделялось скопление отщепов и чешуек. Показательно, что 96,6% найденного рядом с очагом каменного инвентаря составлял дебитаж с одного-двух нуклеусов из туфоалевролитов светло-зелёного цвета. В ходе ремонта была восстановлена часть торцового нуклеуса (длина фронта снятия – 9 см). Первичная обработка, вероятно, проходила на месте сбора сырья, т. к. сколы с галечной коркой единичны; 10,2% представленного каменного инвентаря составляют пластинки (длиной 5–6,5 см) и их фрагменты из зеленоватого цвета туфоалевролита, являющиеся потенциальными основами для орудий. Здесь были найдены 6 пластин с ретушью (50% найденных в слое) и резец на фрагменте пластины (см. рис. 5.45 – 7). В целом каменные орудия, связанные с этой частью ЖХК, немногочисленны: пластинки с ретушью и их фрагменты; трансверсальный резец; фрагмент пластины с ретушью. Орудия из кости представлены средним фрагментом иглы и роговой пластиной, найденной в северо-западной части рядом с камнями внешней обкладки.

Костные остатки (301 фр.) располагались полукругом по юго-восточному сектору вдоль обкладки очага № 6. Это мелкие и средние фрагменты трубчатых костей, стенки рёбер, осколки зубной эмали парнокопытных млекопитающих. Крупные фрагменты трубчатых костей единичны, на одной из них отмечены насечки – следы резания каменным орудием.

В северной части ЖХК отличался минеральный состав каменного сырья. Здесь присутствовали хорошего качества, без

внутренних дефектов туфоалевролиты и разноцветные яшмы, изделия из которых не отмечены на остальной площади культурного горизонта. По наблюдению Е. Ю. Гири (ИИМК РАН, Санкт-Петербург), для микропластинчатого расщепления использовалось подготовленное принесённое сырьё. Все найденные здесь микронуклеусы из яшмовых пород имели своеобразную заполировку боковых сторон, не выделяемую на других предметах. Появление подобного рода следов, по мнению трасолога, связано с длительной переноской изделий предположительно в мешочках из мягких материалов, например кожи [Гиря и др., 2013].

Клиновидных микронуклеусов у очага № 6 – пять экземпляров. Четыре – размерами 1,6×1,6×1,8 см, со скошенными ударными площадками – имели подтреугольный фронт с фасетками от мелких изогнутых микропластинчатых снятий (см. рис. 5.45 – 10, 12–14). Трасологический анализ показал, что изделия являлись собственно нуклеусами, и вторичного использования в качестве орудий не имели. При этом выраженная стандартизация ядрищ, обусловленная устойчивостью приёмов расщепления, косвенно указывает на их обработку одним человеком.

Планиграфический анализ показал обособленность данной части ЖХК; линза культурного слоя – с плохо выраженным элементарным заполнителем и слабой цветовой интенсивностью. Только здесь наблюдалась векторная радиальность распределения артефактов с внутренними связями в пространстве площадью 1,8 м². На участке по линиям кв. «-1», 1 были зафиксированы два микрогоризонта залегания находок. При этом верхний микрогоризонт содержал находки из туфоалевролитов, а нижний включал каменный инвентарь из крупнозернистого андезита, распространённого в центральной части ЖХК. На остальной части комплекса встречались только единичные находки из туфоалевролита, но проследить связь между ними не удалось. Не было обнаружено и изделий из аналогичного микрону-

клеусам сырья. Иной характер имели немногочисленные фаунистические остатки. Здесь преобладали фрагменты трубчатых костей размером крупнее 3 см. Поверхность костных остатков почти не носила следов термического воздействия и демонстрировала лучшую тафономическую сохранность по сравнению с остальным остеологическим материалом.

Реконструктивные варианты ЖХК тесно связаны с вопросом синхронности его структур. Крайне сложно установить одновременность существования всех частей комплекса. В целом наблюдалось единство стратиграфических условий залегания артефактов и оснований камней обкладок. Вертикальное рассеивание по глубине залегания находок (до 0,1 м) наблюдалось в центральной части, что представляется вполне закономерным при наличии зон с интенсивной хозяйственной деятельностью и рыхлых песчаных отложений. Проседание ниже поверхности обитания было остановлено подстилающим культурный горизонт плотным иловатым прослоем.

При общем вытянутом вдоль центральной линии комплекса расположении очагов направление их длинных осей неодинаково и совпадает попарно: у очагов № 1, 2; № 3, 4; № 5, 6. Соответственно контур западной линии внешней обкладки через каждые два очага имеет прогиб внутрь в среднем до одного метра.

На основании вышеизложенных наблюдений в структуре ЖХК планиграфически было выделено три самостоятельных зоны. Длина поперечного сечения во всех случаях – 5 м, продольного – 5–6 м. В то же время, как отмечалось ранее, характер распространения инвентаря не позволяет утверждать о существовании полностью закрытой конструкции в центральной части комплекса.

Нельзя исключить вариант, по которому отдельные части комплекса последовательно сменяли друг друга, сооружаясь вплотную к прежним. Так как исследуемое поселение приходится на мысовидный участок террасы, размещение разновременных

комплексов «в линию» становилось закономерным. В этом случае своеобразная экономия пространства обитания – компактное расположение структур – объясняется только ограниченностью удобного для поселения участка. Тем не менее, время посещения данной территории укладывалось в период формирования слоя вмещающих отложений. Этот момент подтверждается стратиграфической позицией культурного горизонта в геологическом разрезе.

По нашему мнению, обоснованным представляется выделение двухочажного комплекса-жилища (очаги № 1–2) и примыкающего к нему хозяйственного участка с организацией двух дополнительных очагов (№ 3–4). Характер размещения инвентаря и участков свободных от находок позволяет предполагать существование общей линии ограждения с южной и западной сторон. С восточной стороны, скорее всего, были установлены опорные жерди с фрагментарной организацией покрова (кв. 6–8, Н), где линия камней резко ограничивала распространение артефактов. Таким образом, в центральной части ЖХК конструкция была открыта в сторону реки. Не случайно в этом направлении протянулись углисто-золистое пятно и шлейф находок, а присутствующие здесь группы камней не имели конструктивного назначения.

При описанном варианте учитывались закономерности в пространственной организации: равное расстояние между очагами; единая ориентация предполагаемых входов; схожесть, если не тождество, приёмов обработки каменного инвентаря. Различия обнаруживались в насыщенности слоя фаунистическими остатками: у очагов № 1, 2 – свыше тысячи осколков и фрагментов костей; около очагов № 3, 4 – более 2,5 тысяч. Наблюдается размытость границ культурных накоплений и менее тщательная организация обкладок очагов № 3, 4. При этом следует учитывать, что отличия могли быть обусловлены хозяйственно-бытовой специализацией участков или отражать разновременные эпизоды антропогенного освоения данной территории.

Северная часть ЖХК – у очагов № 5 и 6 представляется самостоятельным комплексом. Данные планиграфии не позволяют решить вопрос о синхронности этих структур. Нет окончательного мнения о роли очага № 5. Связан он с четырёхочажным комплексом? Представляет собой самостоятельный объект или взаимосвязан с комплексом очага № 6? Деформация западной и северной линий внешней обкладки не позволяет говорить о целостности картины. Можно предположить округлые очертания основания конструкции, связанной с очагом № 6. Локализация структур, «чистота» данной части комплекса свидетельствуют в пользу существования одноочажного округлого жилища. Судя по скоплению продуктов микродебитажа и ориентации секторов размещения артефактов, вход в него располагался с восточной стороны (со стороны реки).

Одним из доводов в пользу разновременности формирования структур ЖХК служит серия из 11 дат AMS¹⁴C, полученных при участии российских и зарубежных коллег (см. табл. 11) [Goebel et al., 2000; А. В. Константинов, 2001; Kuzmin et al., 2004; Buvit, 2008, p. 25–26; 120].

Следует отметить, что совокупность радиоуглеродных датировок показала широкий хронологический диапазон, сразу обозначив проблему в оценке длительности периода формирования отложений к. г. 4/5 и вероятности совмещения культурных остатков разновременных поселений. Анализ стратиграфического профиля с геологической и педологической точки зрения не показал признаков формирования почвы, что можно было ожидать в контексте продолжительного (около 4 тыс. л.) открытого позиционирования дневной поверхности [Buvit, 2008, p. 125–127].

Исследователи пытались найти объяснение особенностям хронологии многоочажного комплекса. В качестве факторов влияния предполагались: 1) высокая скорость накопления отложений береговой поймы в позднем плейстоцене [Buvit, 2000; 2008, p. 128; Buvit et al., 2003, p. 649–673;

Goebel et al., 2000, p. 568–571]; 2) неоднократность заселения жилой площадки, но в относительно короткий период, определивший общие условия залегания [Разгильдеева, 2003]; 3) время формирования культурного горизонта охватывало отрезок порядка 3,6 тыс. л., внутри которого проис-

ходило несколько отдельных эпизодов заселения [Kuzmin, Timoty, Razgildeeva, 2004, p. 7]; 4) характеризовались природные условия, при которых указанный период времени был слишком короток для значимого формирования почвы [Buvit et al., 2004, p. 3; Buvit et al., 2008, p. 128–129].

Таблица 11

Радиоуглеродные даты к. г. 4/5 Студёное-2

Номер образца	^{14}C Age BP	Cal Age BP (1 σ)	Cal Age BP (2 σ)	Объект
AA-37962	16950 ± 180	20201–20659	19998–20904	очаг № 1
AA-23653	17885 ± 120	21601–21777	21516–21845	очаг № 1
AA-26739*	18830 ± 300	22502–22865	22503–22865	у очага № 1
AA-37963	17840 ± 110	21533–21717	21455–21799	очаг № 2
AA-23655	17225 ± 115	20613–20924	20473–21107	очаг № 2
AA-67839	12890 ± 220	15080–15781	14501–16079	очаг № 3
AA-37964	17550 ± 90	21046–21359	20908–21511	очаг № 4
AA-67842	18540 ± 140	22258–22559	21999–22731	очаг № 4
AA-37965	16215 ± 80	19455–19694	19312–19850	очаг № 5
AA-67845	18020 ± 230	21535–22155	21218–22390	очаг № 5
AA-37936	14485 ± 75	17535–17773	17444–17899	очаг № 6

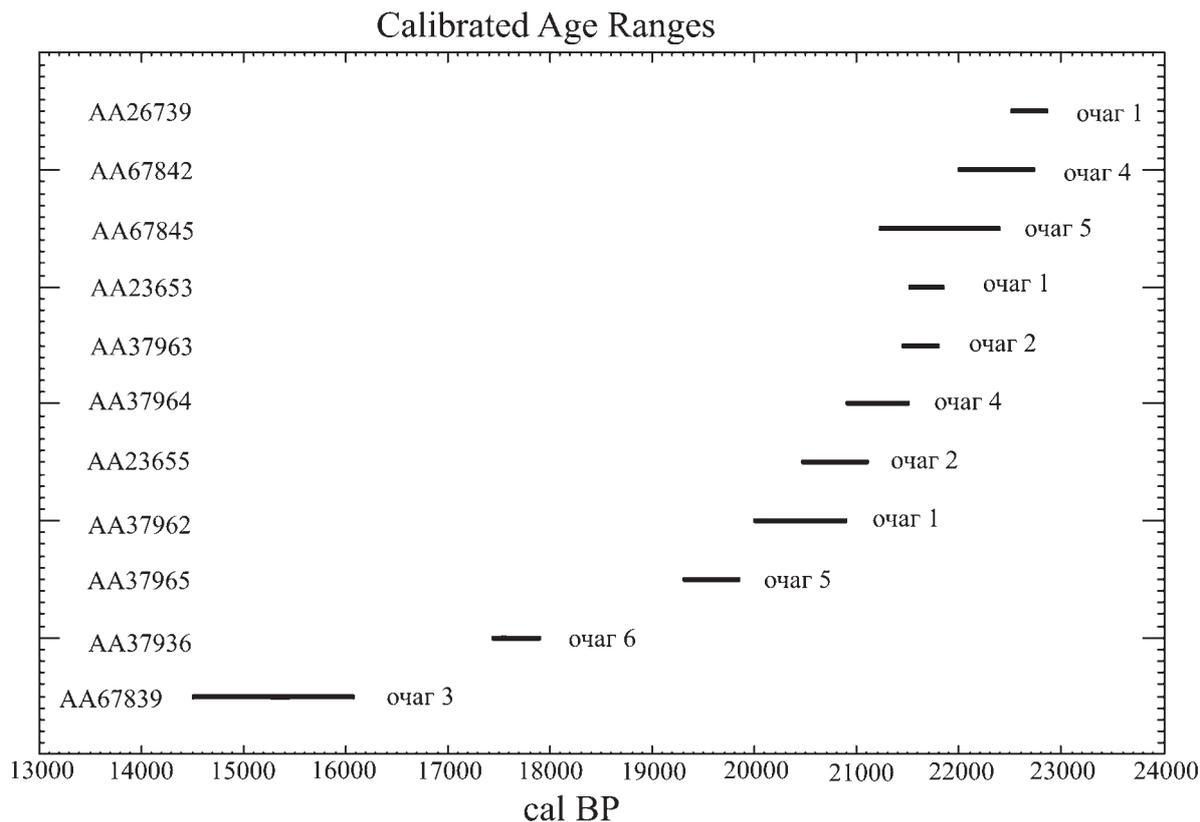
* – образец выделен из кости, все остальные – углистая масса из заполнения очагов. Калибровка выполнена в программе Calib Radiocarbon Calibration program Copyright 1986–2014 [Stuiver M., Reimer P. J. Extended 14C database and revised CALIB radiocarbon calibration program // Radiocarbon. 1993. Vol. 35. Pp. 215–230]

Придерживаясь выводов, полученных на основе планиграфического анализа, мы обратились ко всему комплексу радиоуглеродных дат с использованием калибровочной программы Calib Radiocarbon Calibration program Copyright 1986–2014 [Stuiver M., Reimer P. J. Extended 14C database and revised CALIB radiocarbon calibration program // Radiocarbon. 1993. Vol. 35] (см. табл. 11, рис. 5.57).

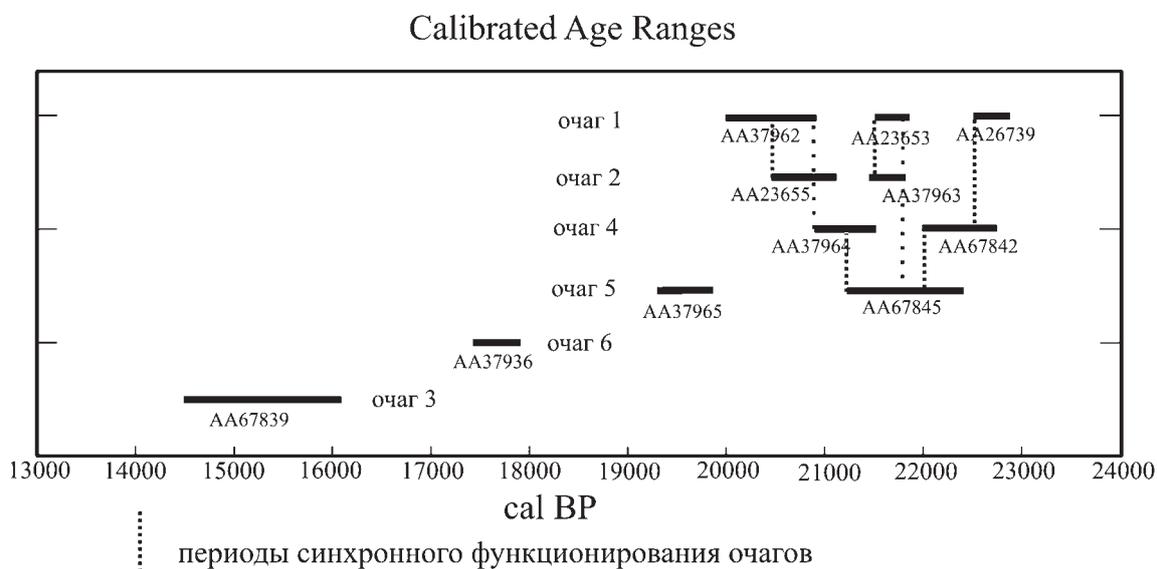
Сравнительный анализ AMS, ^{14}C кал. л. н. показал, что данные по очагам № 1 и 2 обнаруживают наложение периодов функционирования в обоих выделенных хронологических эпизодах (см. рис. 5.58). Можно с уверенностью говорить о взаимосвязи и одновременности использования этих хозяйственных структур в рамках ЖХК.

Два эпизода антропогенной активности проявляются и по отношению к очагу № 4. Один более ранний (AA-67842), предшествующий времени сооружения, выделяемого нами южного двухочажного жилища, второй – синхронный с ним. При этом дата AA-26739, полученная по кости рядом с очагом № 1 и критически воспринимаемая Т. Гэбелом и его коллегами [Goebel et al. 2000, p. 568–571], может быть закономерной при условии естественного непреднамеренного экспонирования её в период начального этапа хозяйственной деятельности, связанной с очагом № 4.

Даты по очагам № 4, 5 (AA-37964, AA-67842, AA-67845) также показывают высокую степень вероятности одновременности их хозяйственного использования, с возобновлением очага № 5 в более позднее время (AA-37965).

Рис. 5.57. Хронологическая последовательность по результатам AMS14C cal BP (ЖХК к. г. 4/5 поселения Студёное-2)

Рис. 5.58. Хронология функционирования очагов к. г. 4/5 поселения Студёное-2

Показательным, на наш взгляд, является хронологический интервал, установленный для очага № 6. Разрыв в 1920–2660 кал. л. отделяет его от времени активного

функционирования очагов № 1 и 5. Выделенные закономерности, представленные графически (см. рис. 5.57, 5.58), наглядно подтверждают сделанные ранее выводы

о планиграфической самостоятельности северной части ЖХК и правомерности реконструкции одноочажного жилища.

Единственная дата (АА-67839), которая «выбивается» из общего контекста, получена по очагу № 3 [Buvit, 2008, p. 128–129]. Сам исследователь отмечал её омоложенность. Однако, учитывая значительный доверительный интервал ± 220 лет, мы не можем оценивать её как полностью некорректную⁴¹.

Анализ хронологических данных позволил уточнить последовательность этапов освоения к. г. 4/5 поселения Студёное-2 и подтвердить высказанные ранее предположения о неоднократном и разновременном использовании в качестве места поселения участка древнего мыса второй надпойменной террасы. При этом природные условия способствовали сохранению её стабильных адаптивно привлекательных качеств и одновременно определяли низкую скорость осадконакопления, при которой экспонированные каменные артефакты относительно долго находились в условиях поверхностного залегания. На это косвенно указывает присутствие в коллекции артефактов с патинизированной поверхностью.

Комплекс археологических материалов демонстрирует набор признаков «жилых площадок»: компактная группировка культурных остатков в пределах достаточно чётких границ, отмеченных камнями внешней обкладки; характерный набор орудий; отсутствие полного цикла расщепления; использование изделий, принесённых на место стоянки в готовом виде.

Структурирование участка поселения; количество и тип очагов; насыщенность культурного компонента во «внутреннем» пространстве ЖХК; наложение производственных и хозяйственных зон; значимое

⁴¹ В ходе полевых исследований была сделана выборка окрашенного в сажистый цвет грунта из заполнения очага № 3 с надеждой набрать пробу для радиоуглеродного датирования, однако уже в полевых условиях стало понятно, что содержание угля недостаточно. Отобранный грунт хранился в лаборатории палеоэкологии ЗабГУ, и именно из этих проб был взят в дальнейшем Й. Бувитом (Jan Buvit) образец угля для AMS датирования.

количество артефактов указывают на определённую длительность периода заселения.

Предполагать сезон обитания комплексов к. г. 4/5 можно только условно. Состав фаунистических остатков не позволяет конкретизировать сведения о времени гибели животных. Береговое расположение жилищ, восточная (к реке) направленность предполагаемых входов, и в целом особенности планиграфии всего поселения могут указывать на период обитания в относительно тёплое время. В то же время, учитывая сложносоставной характер комплекса, входящие в него структуры однозначно могли функционировать в различные циклы года, в том числе в холодное время. Подобный пример мы имеем по определению сезона обитания комплексов к. г. 18/1, 19/1 Студёного-1 (см. с. 58).

Представленные результаты показывают сингенетичный характер формирования ЖХК к. г. 4/5 с выделением как минимум трёх хозяйственно-производственных циклов. Представляется обоснованным следующий вариант развития деятельности ситуации. На начальном этапе освоения участка террасы здесь были одна или две кратковременных стоянки. Результатом их позиционирования стало формирование комплекса артефактов в центральной части ЖХК, связанных с двумя очагами (№ 3, 4).

На следующем этапе посещения расположение новой стоянки сместилось в южном направлении вдоль берегового уступа. При этом сооружение наземного жилища с двумя внутренними очагами (очаги № 1, 2) сопровождалось возобновлением функционирования внешних очагов № 3, 4, с использованием связанного с ними участка поверхности в качестве «кухонной» зоны. При этом не исключается, что они имели общее внешнее покрытие.

Выделенный на основе планиграфического анализа комплекс округлого жилища с очагом № 6 в северной части ЖХК и связанный с ним (или действовавший чуть раньше) очаг № 5 представляют завершающую стадию поселенческой ак-

тивности на данном участке поверхности второй надпойменной террасы и являются остатками более позднего самостоятельного поселения. В промежутке 15–14 кал. тыс. л. произошло изменение условий осадконакопления, приведших к погребению уровня к. г. 4/5 и формированию новой поверхности обитания на уровне к. г. 4/4.

Полученные AMS¹⁴C даты относят комплекс к. г. 4/5 Студёного-2 к завершающему времени гыданьской криостадии сартанского криохрона. Этот период в целом характеризуется холодными климатическими условиями. В то же время, в данном конкретном случае палинологические спектры свидетельствовали об относительном потеплении внутри криохрона, с которым,

вероятно, и связано изменение скорости накопления перекрывающих к. г. 4/5 отложений.

В спорово-пыльцевых спектрах присутствовала пыльца древесных растений: ель (*Picea* sp.), сосна сибирская (*Pinus sibirica* (R.) Mayr.), лиственница (*Larix* sp.), пихта (*Abies* sp.), сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris* L.), споры бриевых (*Bryales* sp., *Meesia* sp.), печёночных (*Riccia* sp.) мхов и папоротников (*Polypodiaceae*, *Botrychium* sp.). Максимум таксономического разнообразия спор и пыльцы был установлен чуть ниже к. г. 4/5 [Решетова и др., 2008]. Данные спектры показывают, что прямого дефицита в строительных растительных материалах древние поселенцы не испытывали. По крайней мере, они располагали ими в зоне транзитной доступности.

5.5. Культурный горизонт 4/4

Следующий этап заселения террасы в границах Студёного-2 связан с периодом формирования культурного горизонта 4/4 (к. г. 4/4). Культуросодержащие отложения (литологический слой 7) представлены супесчаным пылеватым (эолового генезиса) прослоем, подстилаемым тонкой иловатой прослойкой мощностью 1 см. Общая площадь вскрытия к. г. – 642 м². Участок обитания охватывал площадку порядка 180 м² в северной части оконечности мыса (см. рис. 5.59).

В качестве структурных элементов в планиграфии горизонта выделялись остатки трёх кострищ и очага, лежащие группами и по отдельности камни, углисто-золистые пятна, скопления каменного дебитажа и фрагментов колотых костей. Находки в площади к. г. 4/4 распределялись неравномерно (см. табл. 12).

В кв. 9, 10, К, М компактной группой располагались восемь камней размерами от 0,15×0,2 до 0,24×0,54 м (см. рис. 5.60). Других артефактов рядом с выкладкой обнаружено не было [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 22122; ф. 1, р. 1, № 23009]. Чёткой системы в расположении камней не наблюдалось, но в плане они образовывали дугообразную выкладку. Следов износа поверхностей,

указывающих на характер их использования, выявить не удалось.

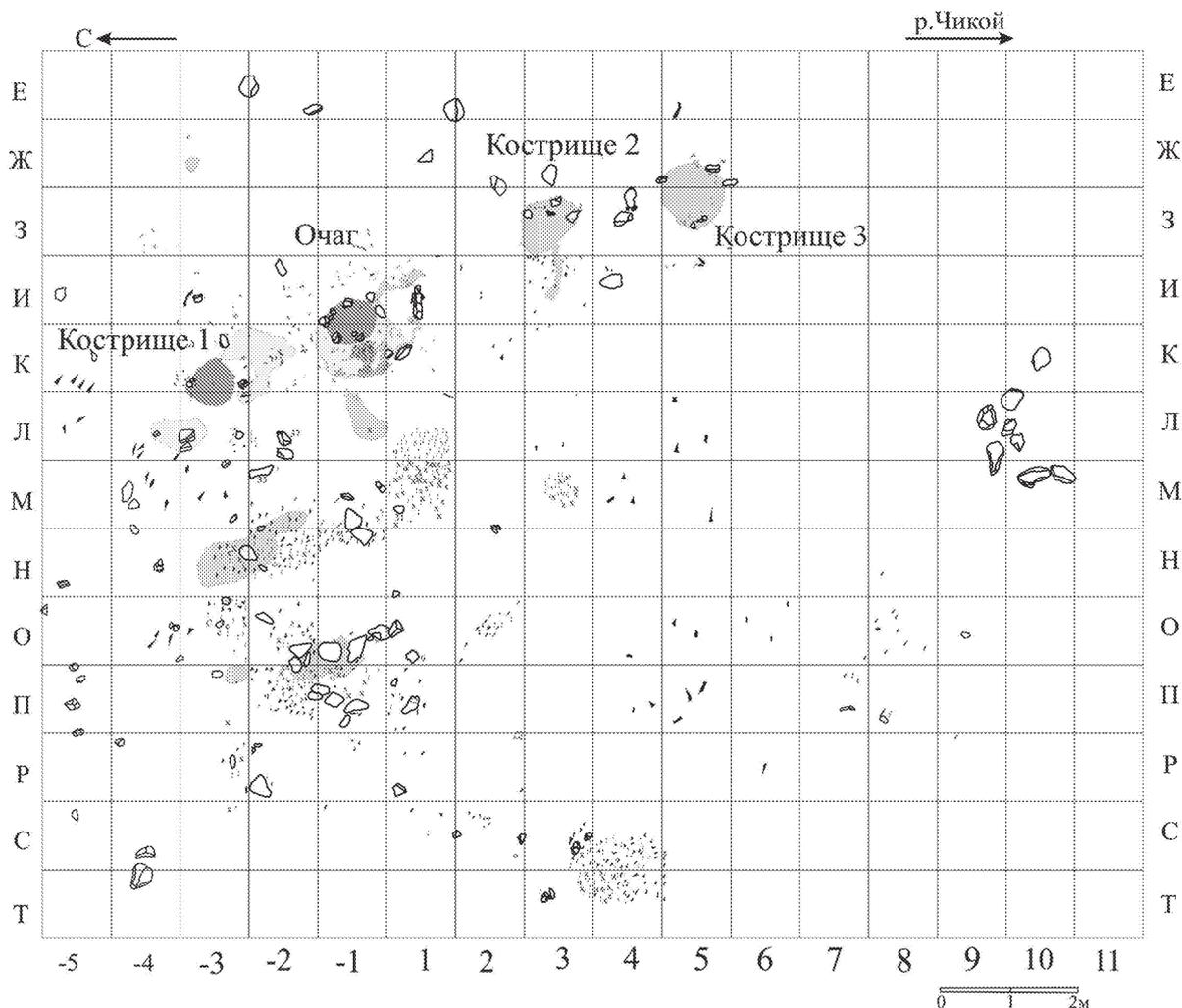
Определение функционального назначения выкладки ввиду отсутствия дополнительной информации не представляется возможным.

В кв. «-2»-1, О-П была выделена хозяйственная зона, структурированная группой крупных слабо окатанных гранитных валунов, которые формировали дугообразную выкладку, образующую в плане угол [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 22122; ф. 1, р. 1, № 23009] (см. рис. 5.61 – А-В). Камни находились в устойчивых позициях, лежали на широких основаниях и имели ровные верхние плоскости. Исключение составляли № 12, 18, 23. Благодаря пирамидальным формам их «макушки» возвышались над остальными камнями. Боковые широкие плоскости двух первых были обращены на юго-запад (см. рис. 5.61 – В, Г).

Во время расчистки камня № 18 на его поверхности отмечался необычный налёт. Он представлял собой пятна эластичной плёнки (похожей на слой масляной краски) серого с зеленоватым оттенком цвета, которая снималась с камня. Во время раскопок должным образом оценить находку не су-

мели. Много позже пришло осознание, что это были остатки органических материалов,

вероятно шкур, обработка которых выполнялась на данном участке⁴².

Рис. 5.59. Студёное-2. Расположение комплексов в плане к. г. 4/4
[ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 19956; ф. 1, р. 1, № 22122; ф. 1, р. 1, № 33763]

С позиции планиграфии следует отметить, что камни выкладки лежали близко друг к другу и образовывали две сходящиеся линии. По одной располагались № 12–16, по другой – № 17–23. Расстояние между камнями № 12 и 21 составляло 0,6 м. Размеры камней укладывались в диапазон длины 0,26–0,42 м, ширины 0,2–0,35 м. В пределах дуги и под камнями сохранилось неправильной формы золистое пятно размерами 0,5×1 м, размытое в южной части (см. рис. 5.61). Его заполнение мощностью 1 см частично окрашено охрой. Ещё одно подобное пятно округлой формы диаметром 0,3 м находилось с севера от камней в кв. «-3П», О.

На участке рядом с камнями были найдены мелкие осколки колотых костей (71 фр., часть в состоянии костной трухи) и три обломка трубчатых костей крупных представителей семейства *Bovidae*. Все они тяготели к внешним контурам выкладки. Изделия из камня включали продукты дебитаж: торцовый микронуклеус из коричневой яшмы размерами 3×1,6×1,7 см

⁴² Описываемый фрагмент к. г. 4/4 изучался в 1998 г. Опыта подобных наблюдений в тот момент у исследователей не было. Высказанное автором в ходе раскопок предположение о возможности сохранения следов органических материалов, учитывая палеолитический возраст к. г., было встречено коллегами с иронией, а отобранные образцы не приняты во внимание и, к сожалению, не сохранились.

(кв. «-2», П); 9 отщепов, 18 чешуек, целую и 14 фрагментов микропластин.

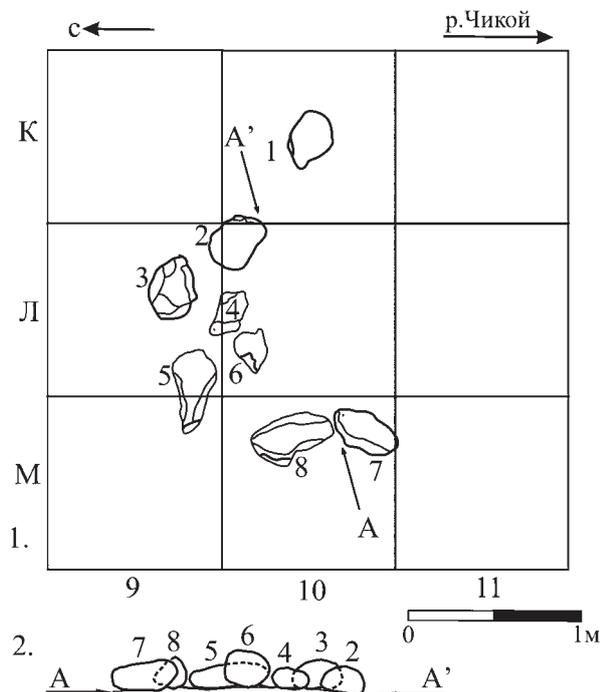

Рис. 5.60. Студёное-2. К. г. 4/4. Фрагмент плана с выкладкой из камней: 1 – расположение камней; 2 – профиль по линии А-А'

В числе орудий две проколки и диагональный резец на фрагменте пластинки (размеры 3,5×1,5 см). Одна проколка была оформлена на обломке микронуклеуса, вторая – на относительно крупном, размерами 6,5×5 см, желвачке яшмы, частично сохранившем галечную корку (кв. «-2», О).

На расстоянии 1,8 м на северо-запад от камня № 14 в кв. «-2»-Р находился подтреугольной формы плоский гранитный валун № 7, размерами 0,34×0,32 м (см. рис. 5.61). Его поверхность несли следы износа. Возле камня были найдены фрагмент трубчатой кости и два отщепа. Слегка в стороне лежали небольшая овальной уплощённой формы галька с заглаженной поверхностью (лощило?), два скола и два отщепа, микропластина и три мелких осколка костей. Организация материалов указывала на использование камня в качестве подложки, возможно, при обработке шкур или при иных видах работ.

Отдельные находки были выявлены на кв. 2-8, Л-Р. В кв. 1-2, С-Т разрозненно

лежали три камня, не образующих какой-либо системы. Локализованное скопление артефактов находилось рядом с камнями в кв. 3, С-Т. В коллекции микродебитажа скол переоформления ударной площадки (кв. 4-Т) и латеральный фрагмент микронуклеуса из зелёной яшмы (кв. 3-Т), 8 отщепов, одна целая и 12 фрагментов микропластин, 41 чешуйка [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 23009, л. 15]. Костные остатки в количестве 74 мелких осколков включали обломок правой нижней челюсти с третьим коренным зубом. По определению Н. Д. Оводова, они принадлежали особи крупного млекопитающего *Bison* или *Poephagus*.

Ещё одно скопление мелких осколков костей и каменного микродебитажа в виде полосы шириной 0,8 м протянулось с северо-запада на юго-восток по линии кв. «-3»-1, Л-Н. По центру скопления в кв. «-1», М-Н находились три крупных, длиной до 0,34 м, слабо окатанных гранитных валуна (№ 29, 30, 34). Из них два лежали рядом (см. рис. 5.61). Камни имели угловатые формы и широкие верхние или боковые плоскости.

В пространстве между камнями № 27, 28 и № 32, 33 были найдены 67 отщепов, 72 чешуйки, целая и 6 фрагментов микропластин, 6 фрагментов трубчатых и 118 мелких неопределимых осколков костей млекопитающих. Скопление микродебитажа в кв. 1-Л, М включало два истощённых торцовых микронуклеуса из яшмы коричневого цвета, 48 фрагментов микропластин, 42 отщепа, 117 чешуек.

Пространственная организация структурных элементов северо-восточного участка к. г. 4/4, охватывающего кв. «-4»-6, Е-Л, имела более выразительную картину. Здесь по условной диагонали с северо-запада на юго-восток располагались три кострища и очаг (см. рис. 5.61).

Коллекция каменного инвентаря участка ввиду массового преобладания продуктов дебитаж характеризовалась исключительно микроразмерами до 1,5 см и включала 187 отщепов, 255 чешуек, 6 пластинок, целые и фрагменты микропластин (60 экз.),

Студёное-2. К. г. 4/4. Распределение артефактов

	← С													р.Чикой →												
	-5	-4	-3	-2	-1	1	2	3	4	5	6	7	-5	-4	-3	-2	-1	1	2	3	4	5	6	7		
Д																										
Ж			5					1		9																
З		7	2	1	1		1	49	4	7	2															
И			9	4	4	2	4	42	2																	
К		3	30	12	23	60	4	2																		
Л		7	2	47	77	14	8	5	4																	
М		1	3	6	15	66		5		2																
Н		10	43	22	11	34	12		1																	
О				5	4	16	3		38																	
П			6	27	4																					
Р			4	82	23																					
С			14	13	12	17		7																		
Т			2	23	14	4																				
У			3	49	8	7																				
Ф			4	2	3	2																				
Х			2		1	2	2	6	21	1																
Ц			1					12	38																	
Ч								1	3	55	12	2														
Ш				1				2	1																	
Щ										3																

1. 1. 2. 2. 3. 3. 4. 4. 5. 5. 6. 6.

Условные обозначения: 1 – количество каменных артефактов; 2 – количество осколков костей; 3 – свыше 60 экз.камня; 4 – от 35 до 60 экз.; 5 – от 20 до 35 экз.; 6 – от 12 до 34 экз. [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 23009, л. 14–15; № 22236, л. 33].

11 кусочков графита. Кроме того, были обнаружены два фрагмента скорлупы яиц страуса и выполненная из этого материала круглая бусина (диаметр 0,5 см, отверстие 0,25 см) (см. рис. 5.65).

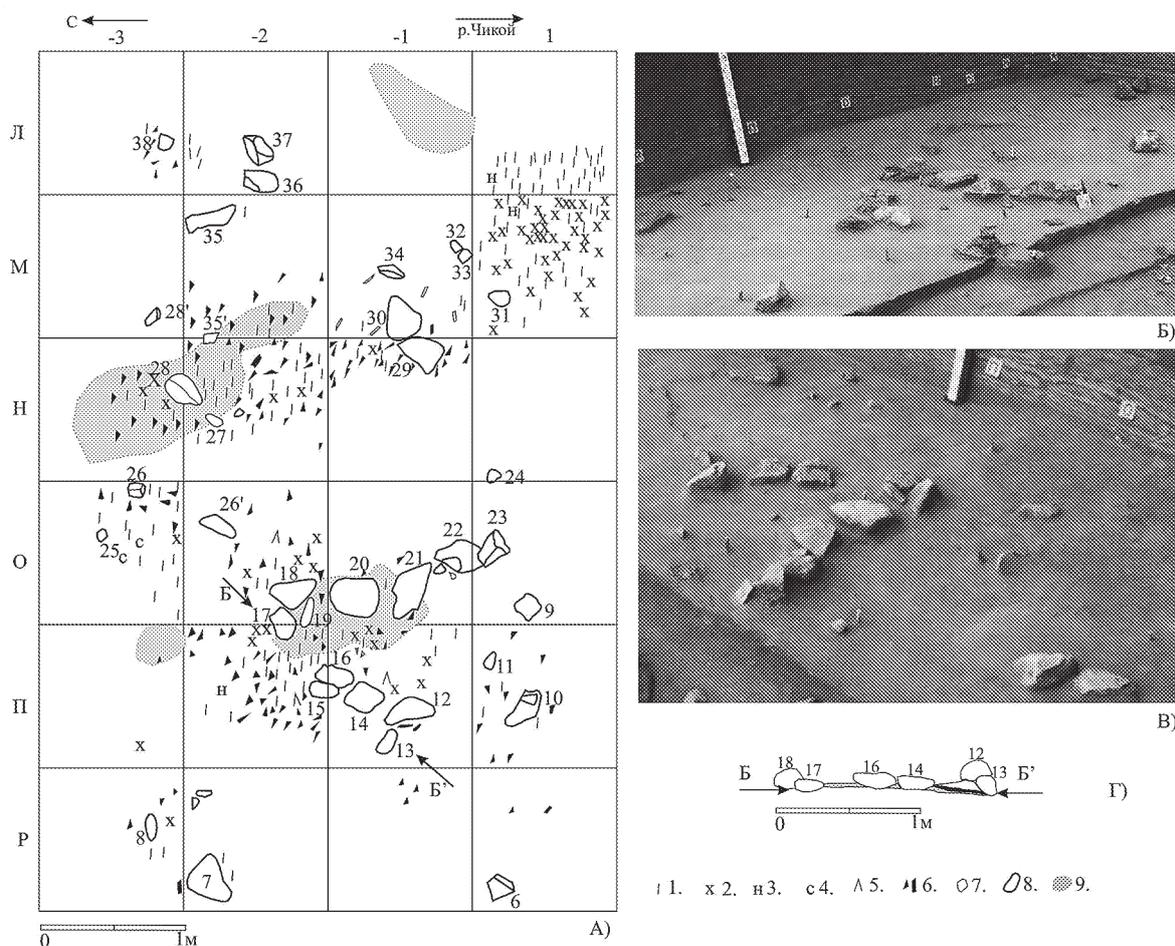
Остатки хозяйственной зоны, получившей обозначение «кострище 1» (кв. «-3», К-Л) включали округлой формы пятно размерами 0,68×0,7 м с супесчаным красновато-сажистым заполнением мощностью 0,5–1 см (см. рис. 5.62 – 1, 2). Вокруг кострища

располагались несколько камней. Три камня (№ 40–42) находились с северо-запада от него на расстоянии 0,3–0,8 м. Поверхность слоя вокруг них имела красновато-сажистый цвет.

На границе контура кострища с севера лежала трапециевидной формы галька № 1 (размерами 0,09×0,09×0,06 см), длинной осью ориентированная перпендикулярно периметру кострища. Поверхность гальки, исключая пятку, имела чёрный сажистый окрас. Рядом лежал небольшой обломок серо-голу-

бого цвета гранита (№ 2). Он был развёрнут вдоль кромки кострища, массивной пяткой

утоплен в заполнение. Верхняя плоскость горизонтальна поверхности пятна.

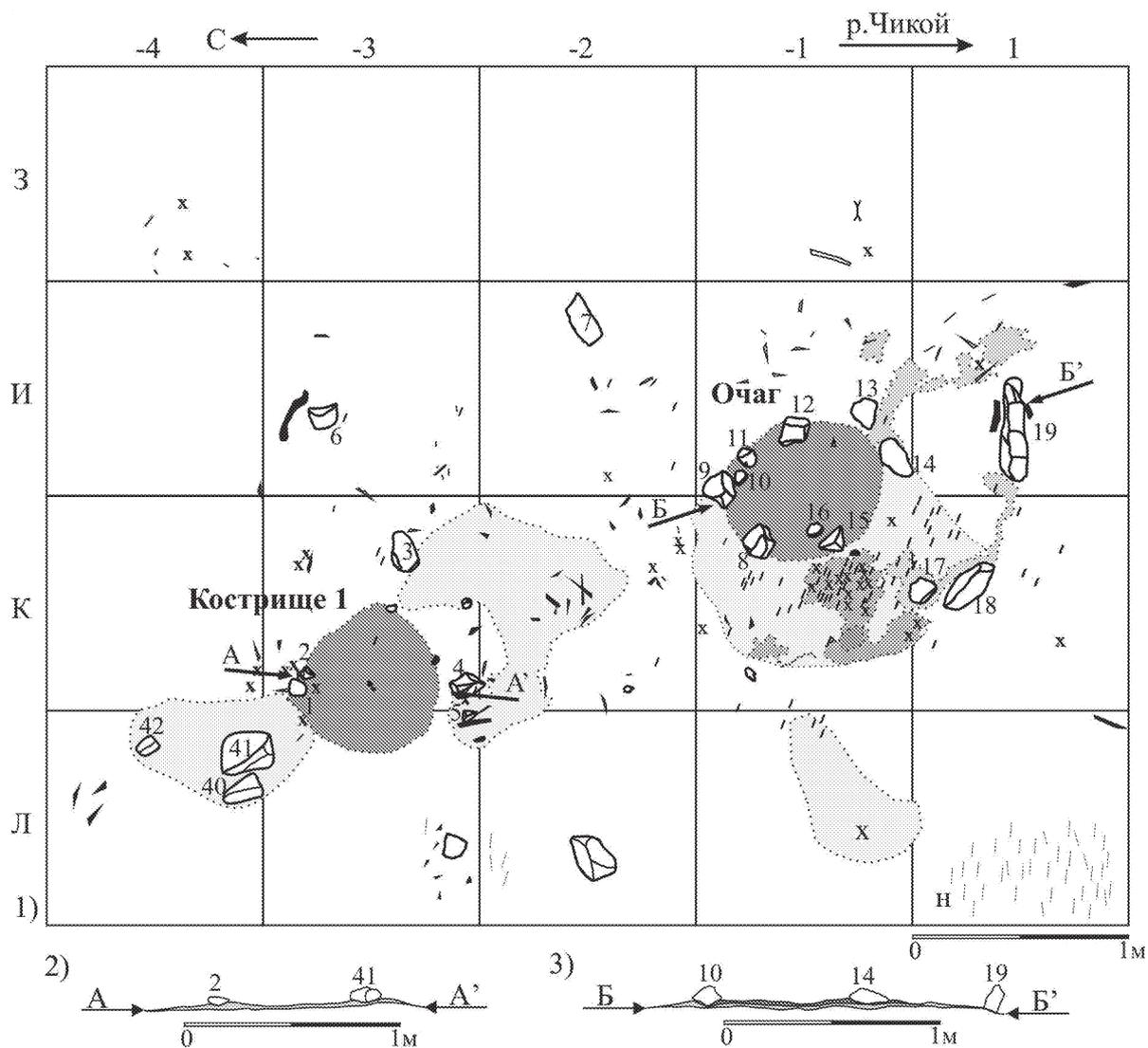
Рис. 5.61. Студёное-2. Фрагмент к. г. 4/4: А – западная часть комплекса; Б – фото, вид с юго-запада [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 22122, рис. 49]; В – фото, вид с юго-востока [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 22122, рис. 50]; Г – профиль выкладки камней по линии Б-Б'. Условные обозначения: 1 – отщеп; 2 – микропалстины и их фрагменты; 3 – нуклеус; 4 – скол; 5 – проколка; 6 – обломки костей; 7 – каменные артефакты; 8 – камни; 9 – углисто-охристые пятна

С восточной стороны кострища на расстоянии 0,4 м от его границы находился овальный обломок окатанной гранитной конкреции серо-голубого цвета (№ 3) длиной 0,18 м. Он был ориентирован перпендикулярно кострищу. Рядом лежали два куса щебня.

С южной стороны от кострища находились оббитый гранитный валун и треугольный фрагмент (№ 4, 5). Вокруг прослеживалась тонкая плёнка сажисто-красноватого цвета, с которой были связаны находки мелких осколков трубчатых костей и рёбер млекопитающих. С юго-восточной стороны от кострища прослеживалось размытой формы пятно со скоплением в центре фрагментов рёбер (кв.«-2», И).

Восточную границу отмечали два гранита: № 6 – в позиции на ребре (кв. «-3», И) и № 7 – плоский фрагмент, развёрнутый длинной осью по линии ЮЗ – СВ (кв. «-2», З) [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 27373, л. 15–16].

На расстоянии 1,5 м на юго-восток от кострища 1 в кв. «-1», И-К находился округлой формы очаг размерами 0,65×0,75 м (см. рис. 5.62–1, 3). Заполнение пятна представляло углисто-золистую массу мощностью до 5 см, насыщенно чёрного цвета с серыми пепельными примазками. По контуру периметра на поверхности пятна лежали семь камней (№ 8–16).

Рис. 5.62. Студёное-2. Фрагмент к. г. 4/4. Комплекс с кострищем 1 и очагом: 1 – фрагмент плана; 2 – профиль кострища 1 по линии А-А'; 3 – профиль очага по линии Б-Б': 1–41 – номера камней

Угловатый фрагмент гранитного валуна (№ 8) с северо-запада пятна имел размеры 0,2×0,16×0,11 м. Фрагмент базальта № 9 (0,16×0,16×0,09 м) находился на широком основании, остроугольной частью вверх. Изнутри пятна к нему прилегалo скребло (№ 10). Орудие размерами 7×6,5×2 см было выполнено на треугольном фрагменте плитки базальта. Рабочий край оформлен крупной крутой дорсальной ретушью. Рядом с ним лежал плоский подовальной формы скол (№ 11) крупнозернистого гранита, возможно, заготовка орудия (скребла?).

С восточной – юго-восточной стороны находились оббитый кусок базальта (№ 12), расколота вдоль галька (№ 13)

и продолговатый обломок гранита (№ 14). Камни имели длину от 0,18 до 0,21 м. Ещё два треугольной формы обломка гранитных валунов лежали с юго-западной стороны заполнения.

С этой стороны в кв. «-1», 1-К было выделено скопление микродебитажа включающего продукты расщепления двух сырьевых основ – светло-коричневого опала и зелено-коричневого цвета яшмы (определение д-ра геол.-минерал. наук Г. А. Юргенсона) (см. рис. 5.65–9). На площади 0,5 м² были найдены микронуклеус (2,3×0,8×1,2 см) (см. рис. 5.65–1) и три скола переоформления, 6 пластинок, 22 микропластины и их фрагменты, 121 микроотщеп, 140 чешуек.

Здесь же обнаружены боковой резец, переформленный в нуклеус обломок рукояточной части орудия из яшмы, круглая бусина из скорлупы яиц страуса (см. рис. 5.65–6, 8).

Участок с западной стороны от очага был окрашен частицами микрозаполнителя (сажисто-углистые примазки, красноватый прокал, микрочастицы костной органики). В зоне скопления поверхность имела более насыщенную цветность.

От очага приочажное пятно протянулось на Ю – ЮЗ на 0,8 м, где на его границе лежали два камня. Поверхность трапециевидной уплощенной гальки № 17 (длиной 0,12 м) с налётом пепельного цвета. Под основанием камня прослеживался золистый прослой. В 0,08 м от него на юг на ребре лежал слабо окатанный крупный (до 0,32 м) валун № 18. Камень широкой плоской стороной был развёрнут к очагу (как экран). Поверхность несла следы прокала.

Рис. 5.63. Студёное-2. К. г. 4/4. Фото разреза очага. Вид с запада [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 27373, л. 49, рис. 56]

Композиционно структурирование участка слоя возле очага завершал крупный скальный обломок базальта (№ 19). Он располагался на расстоянии 0,45 м от камня № 14 и лежал на ребре параллельно длинной оси очага с наклоном от него. Обращённая вверх грань имела ступенчатую форму. Размеры 0,47×0,1×0,15 м (см. рис. 5.62, 5.63). Рядом с ним были найдены длинные фрагменты рёбер животных.

Следующая часть комплекса к. г. 4/4 была связана со структурой, получившей обозначение «кострище 2» (см. рис. 5.64–1, 2). Оно находилось в кв. 3–3 и представляло

собой вытянутое с северо-запада на юго-восток подовальной формы пятно размерами 0,9×0,6 м. Заполнение пятна состояло из супесчаной серой пепельной массы с мелкими углистыми вкраплениями и примазками. Оно образовывало плотную плёнку с мощностью до 1 см с небольшими линзами толщиной в 2–2,5 см. Область пятна была пронизана растительной корневой системой. От края пятна в западном направлении проходила кротовина. Её границы хорошо прослеживались на фоне светлой песчаной поверхности слоя благодаря пепельно-сажистому цвету заполнения, затянутого из кострища⁴³.

На поверхности заполнения пятна лежали разрозненные обломки гранитных валунов, из них четыре по контуру восточного сектора. Камни попарно (№ 22, 23 и № 24, 25) представляли фрагменты двух конкреций, но между собой не апплицировались.

В заполнении кострища 2 при просеивании были выявлены мелкие осколки костей и микродебитаж: истощенный микронуклеус (см. рис. 5.65 – 2), 14 отщепов, 3 микропластины, 29 чешуек – все из светлого опала.

По периметру на удалении 0,6–0,8 м от контура пятна находилось несколько камней. С восточной стороны на расстоянии 0,52 м друг от друга лежали два хорошо окатанных крупных гранитных валуна длиной до 0,3 м (№ 20, 21). Камни вытянуты по направлению к кострищу, № 21 имел плоскую поверхность.

Посередине между кострищами 2 и 3 располагались два слабо окатанных гранитных валуна (№ 26, 28). Первый диагонально повёрнут расколотой стороной к кострищу 2. Второй вытянут в сторону реки, поверхность с наклоном в 40°. Между этими камнями лежали базальты – осколок и оббитая с двух сторон галька (№ 27).

⁴³ Данная часть к. г. в условиях мысовидного участка залежала близко к современной поверхности. Зона кострища, видимо, отличалась повышенным содержанием минеральных веществ, что вызвало активный рост на современной поверхности травы. Примечательно, что обширный рост корневой системы происходил только на участках с пятнами кострищ 2, 3, на остальной площади к. г. она была незначительна.

Завершал композицию хорошо окатанный гранитный валун № 35 размерами 0,34×0,2 м, расположенный на расстоянии метра с юго-запада от кострища 2. Он имел

пирамидальную форму, возвышаясь в средней части до 0,13–0,14 м. Камень лежал на широком основании, имеющем наклон до 30° к северу.

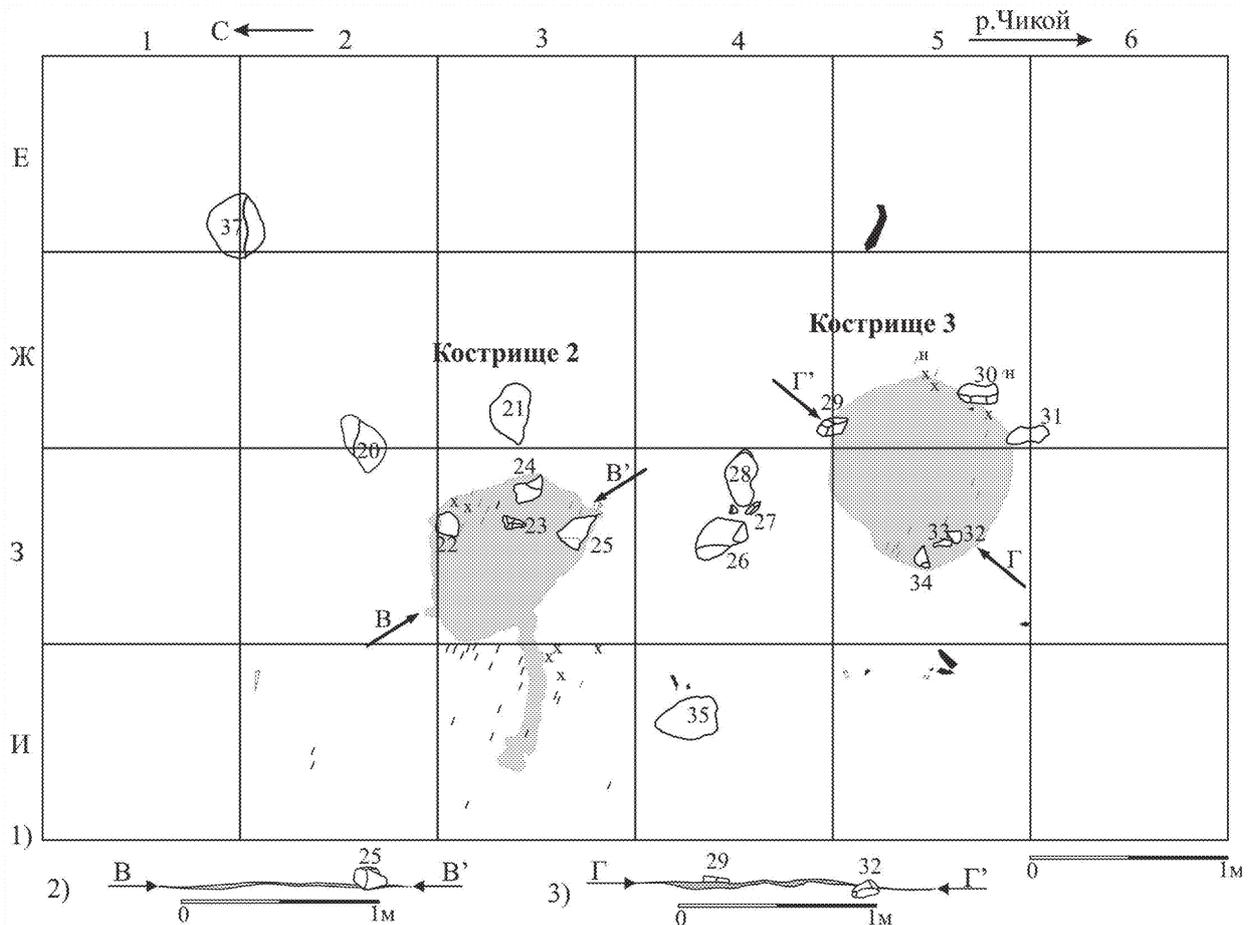

Рис. 5.64. Студёное-2. Фрагмент плана к. г. 4/4. Кострище 2, кострище 3 [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 27373, рис. 49]

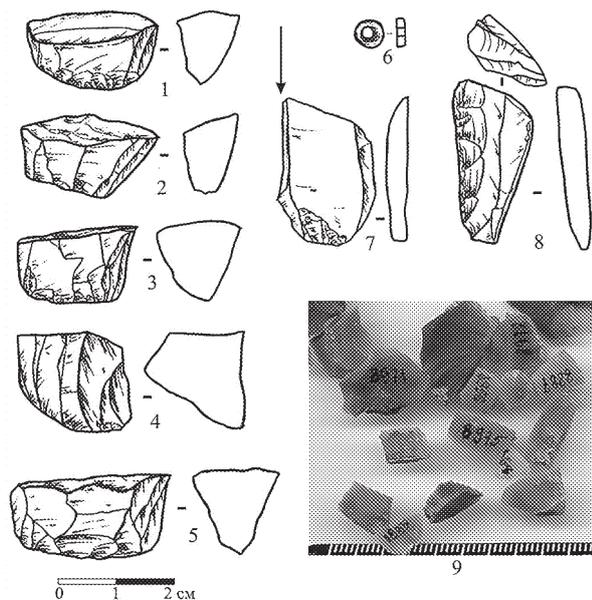
В кв. 5, Ж–З располагались остатки кострища 3, представленные углистым пятном округлой формы диаметром 0,9 м (см. рис. 5.64–1, 3). Заполнение – волнистые перемежающиеся разноцветные пепельно-сажистые и красноватые прослойки, формирующие уплотнённую плёнку мощностью 2–2,5 см. Она прослеживалась и под камнями по контуру пятна.

К расколотой гальке базальта (№ 29) лежащей на плоском широком основании с северо-восточной стороны пятна, апплицировался фрагмент № 27. Излом прошёл по трещине в породе и, скорее всего, носил непреднамеренный характер. Два гранитных валуна (№ 30, 31) длиной 0,2 м распо-

лагались по юго-восточной границе пятна. Ещё три небольших обломка (№ 32–34) – с западной.

Условную границу хозяйственного комплекса с восточной стороны отмечали шесть хорошо окатанных, длиной до 0,3 м гранитных валуна [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 27373, л. 15–21].

Возле кострища 3 были найдены мелкие осколки колотых костей. С юго-восточной найдены два истощенных микронуклеуса из зелёно-коричневой и зелёной яшмы (см. рис. 5.65–3, 4), 3 фрагмента микропластин и 3 чешуйки. С западной стороны – 7 чешуек. В северной стороны в границе пятна были найдены кусочки графита.

Рис. 5.65. Студёное-2. Каменный инвентарь к. г. 4/4: 1–5 – нуклеусы: 1 – кв. 1-К; 2 – кв. 3-Ж; 3–4 – кв. 5-Ж; 5 – кв. 3-К; 6 – бусина кв. 1-К; 7 – резец; 8 – переоформленная в нуклеус рукояточная часть орудия, Кв. 1-К; 9 – фото микродебитажа

В целом коллекция каменного инвентаря к. г. 4/4 характеризуется микроразмерами. В её составе 1025 экз., в том числе продукты дебитаж: 6 торцово-клиновидных нуклеусов различной степени сработанности; отщепы – 302, микропластины и их фрагменты – 153, пластинки – 8, чешуйки – 538, 11 кусочков графита.

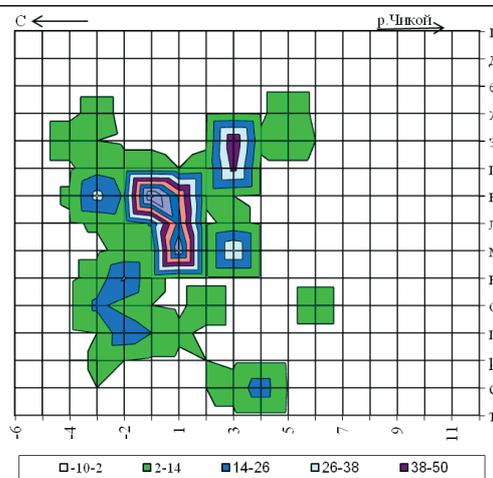
К категории «крупных» были отнесены 17 изделий размерами от 2 см: резец на сколе с микронуклеуса (см. рис. 5.65–7); два скребла; переформленный в микронуклеус фрагмент рукояточной части орудия (см. рис. 5.65–8); два округлых уплощённых галечных отбойника. Шесть сколов оживления и пять микронуклеусов также имели размеры до 2,5 см (см. рис. 5.65–1–5); 90% артефактов выполнено из цветных кремней (яшм), не представленных в современных галечниках в районе урочища.

Среди остеологических материалов порядка 89% мелкие (до 3 см) неопределимые осколки костей. Из оставшихся – 50% обожжённые осколки и фрагменты рёбер животных, которые в основном тяготели

к северной части комплекса. Единичны кости с эпифизами.

Н. Д. Оводовым был определён видовой состав промысловой фауны. В коллекции представлены фрагменты костей и зубов крупных представителей семейства *Bovidae* (*Bos*, *Bison*, *Poephagus*) винторогой антилопы и архара.

Непосредственно в период раскопок к. г. 4/4 единовременность функционирования выделенных комплексов и наличие между ними планиграфических связей остались под вопросом. В ходе камеральной обработки и последующем анализе были выявлены аппликативные и сырьевые связи нуклеусов и микродебитажа, которые позволили сделать вывод об одновременности формирования всех структур. Благодаря привлечению планов-схем присутствия микродебитажа (см. рис. 5.66) и фаунистических остатков были прослежены общие закономерности в планиграфии участка обитания.

Рис. 5.66. Студёное-2. Диаграмма. Распределение каменного инвентаря к. г. 4/4

В первую очередь размещение отдельных структур было подчинено требованию пространства мыса второй надпойменной террасы. Сведение в общий план графической полевой документации показало, что древние поселенцы избрали для своей стоянки площадку вдоль уступа северной оконечности мыса. Размещение комплексов артефактов прорисовало его контур – зоны хозяйственной активности образовали ши-

рокую развёрнутую в южном направлении дугу (см. рис. 5.67).

Анализ планиграфии в целом к. г. 4/4 показал, что древние поселенцы при организации стоянки были более ориентированы в границах урочища на долину р. Студёной, а не береговую зону р. Чикой, как это наблюдалось в других горизонтах памятника.

Со структурами, расположенными вдоль северо-восточной части мыса, была связана деятельность различной степени интенсивности. Количество и состав артефактов позволяют сделать вывод о ситуационном характере осуществляемой здесь деятельности, направленной на обеспечение основных базовых потребностей (отдых, обогрев, приготовление пищи).

У кострища 2 каменный дебитаж и осколки колотых костей тяготели к первому периметру западного и восточного секторов. С учётом расположения камней внешнего периметра это предполагало размещение людей около костра спиной к р. Чикой, с общим вектором транзита территории с юго-востока на северо-запад. У кострища 3 присутствие артефактов тяготело к южной части нулевого периметра – ближней зоне эвакуации, предполагающей ориентацию сидящих людей лицом на северо-запад, с обзором всей стоянки. Интересно, что почти все кусочки графита, обнаруженные в слое, были найдены рядом с камнями между кострищами 2 и 3.

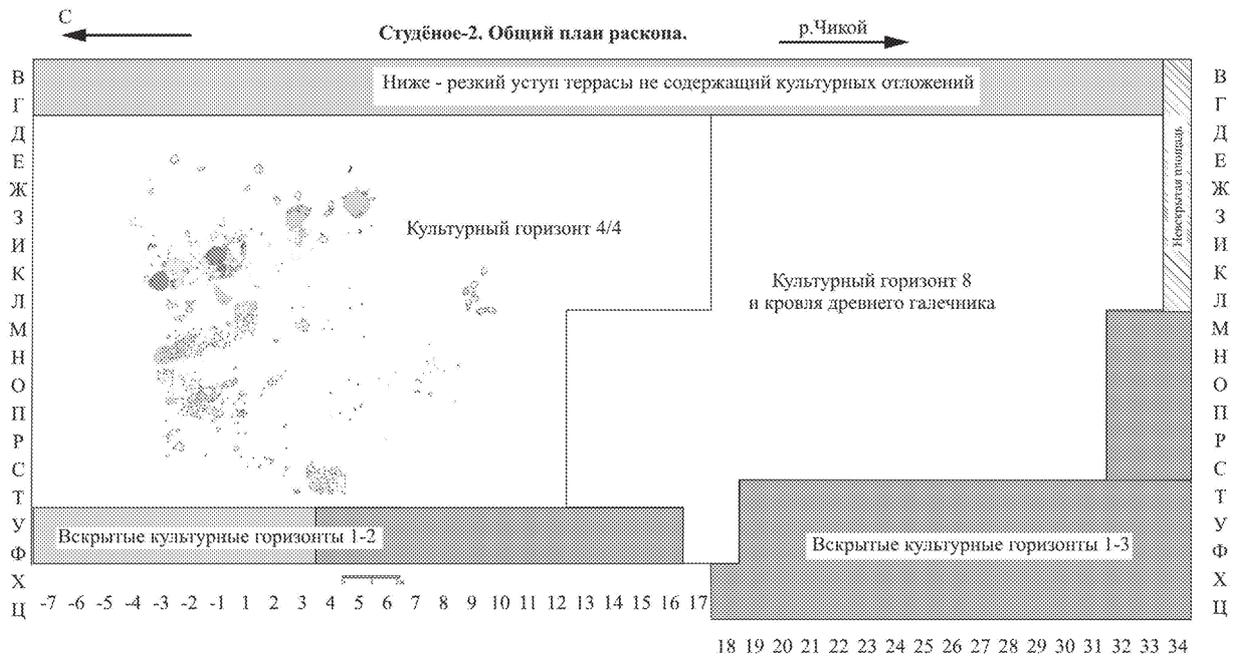

Рис. 5.67. Студёное-2. Схема размещения комплекса к. г. 4/4

Более разнообразные операции выполнялись у очага и кострища 1. Здесь помимо разделки и обработки части охотничьей добычи с использованием скрёбел и резцовых орудий выполнялось расщепление принесённого каменного сырья. В качестве такового выступали микронуклеусы из разноцветных кремневых пород. Их транспортировали в виде готовых изделий и пускали в дело по мере необходимости. Анализ сколов показывает, что на стоянке использовались изделия из яшмы тёмно-коричневого,

красного, тёмно-зелёного (болотного) и зелёно-коричневого цвета, светло-коричневого полупрозрачного опала. Представленное в местных галечниках сырьё отсутствовало.

Рабочее место точок был определён по скоплению микродебитажа у очага в западном секторе первого периметра. Отжим микропластин выполнялся до полного истощения ядрищ, их остаточные формы демонстрировали устойчивость приёмов оформления, позволяющих говорить об индивидуальности мастера. Крайнюю рачи-

тельность в отношении каменного сырья подтверждала вся коллекция артефактов культурного горизонта.

Найденная здесь же единственная в слое бусина, вероятно, была потеряна с одежды. Находка двух фрагментов скорлупы яиц страуса показывает, что данный вид сырья также входил в состав переносимых поделочных материалов.

Второй участок, где выполнялось ситуационное расщепление, был выявлен в кв. 1–Л, М. Следует отметить, что скопление микродебитажа здесь было более рассеянным, основой выступали два микро-нуклеуса из тёмно-коричневой яшмы. Два крупных валуна в кв. «-1», М–Н как бы разграничивали на этом участке зоны деятельности. Ещё одно скопление микродебитажа располагалось в западной части изученной раскопом площади на кв. 4, С–Т.

На участке слоя в кв. «-2»–1, О, П выполнялась деятельность, связанная с обработкой шкур. Угловая выкладка камней могла быть предназначена для их растяжки (форма и площадь ограниченного участка соотносятся со средним размером шкуры представителей семейства *Bovidae*). В пределах дуги поверхность слоя была окрашена охрой. Охра и зола, как известно по этнографическим данным, активно применялись при выделке кож. Здесь же были найдены резец, проколки, и незначительное количество микродебитажа. Лощение шкур проводилось в кв. «-2», Р, где в качестве подложки использовался подтреугольной формы плоский валун.

Как указывалось выше, функциональное назначение выкладки камней в южной части комплекса осталось неясным. Гипотетически можно по аналогии облика конструкции, схожей с представленной в кв. «-1», 1, О–П, предположить её использование при обработке шкур.

Поверхность в центре площадки обитания относилась к бытовой транзитной зоне жителей стоянки с непреднамеренным позиционированием артефактов в виде осколков колотых костей и незначительным количеством изделий из камня. Образовавшийся шлейф находок подтверждал структурную целостность всего комплекса стоянки.

Контекстуальный анализ позволил соотнести материалы к. г. 4/4 с остатками стоянки палеолитических охотников со сложноструктурной организацией участка обитания, обусловленной характером выполняемой деятельности.

Планиграфический анализ не показал наличия структурно закрытых элементов слоя, предполагающих возведение наземных каркасных конструкций, хотя варианты ветровых заслонов могли существовать. Вероятно, основной задачей коллектива в период функционирования стоянки была охота. Сопутствующая деятельность была направлена на обработку и выделку шкур. Потребность в возобновлении орудийного инструментария удовлетворялась исключительно за счёт приносного запаса минерального сырья. При этом расщеплением автономно занимались как минимум два мастера.

Немаловажным представляется и ещё один аспект. В качестве строительного камня использовались слабо окатанные угловатые конкреции гранитов, речные гальки практически отсутствуют. Учитывая общую пространственную ориентацию комплексов на долину р. Студёной, остаётся констатировать факт, что в силу каких-то скрытых от нас обстоятельств береговая зона р. Чикой не была доступна обитателям на момент функционирования стоянки и не оценивалась ими как адаптивно привлекательная.

Определение видового состава показывает, что древним охотникам удалось добыть двух-трёх особей крупных представителей семейства полорогих. К сожалению, состояние костных остатков не позволяет уточнить сезон гибели животных.

Возраст стоянки определяется по геостратиграфическим данным и методами радиоуглеродного датирования. По углю из заполнения кострища 3 была получена AMS, ^{14}C дата 12200 ± 2600 (AA-67843) [Buvit, 2008]. Она имеет большой доверительный интервал, но в целом соответствует хронологическому периоду конца сартанской эпохи, что косвенно указывает на характер природно-климатических обстановок, в условиях которых происходило формирование отложений культурного горизонта.

5.6. Культурный горизонт 3

Культурный горизонт 3 (к. г. 3) связан с основанием 3-го литологического слоя III, с нижней палеопочвенной позднесартанской прослойкой, возраст которой, по геостратиграфическим наблюдениям, в процессе раскопок был отнесён исследователями ко времени кокоревского интерстадиала 12,7–12,0 тыс. л. н. [М. В. Константинов, 1994, с. 88; А. В. Константинов, 2001, с. 42]. Общая площадь вскрытия культурного

горизонта составила 642 м². Древнюю поверхность обитания маркировали рассеянные единичные артефакты (результат непреднамеренного экспонирования) и локализованный комплекс артефактов в кв. 21–26, Н-Т, где были выявлены следы существования в древности наземной одноочажной конструкции отнесенной к типу жилищ (см. рис. 5.68).

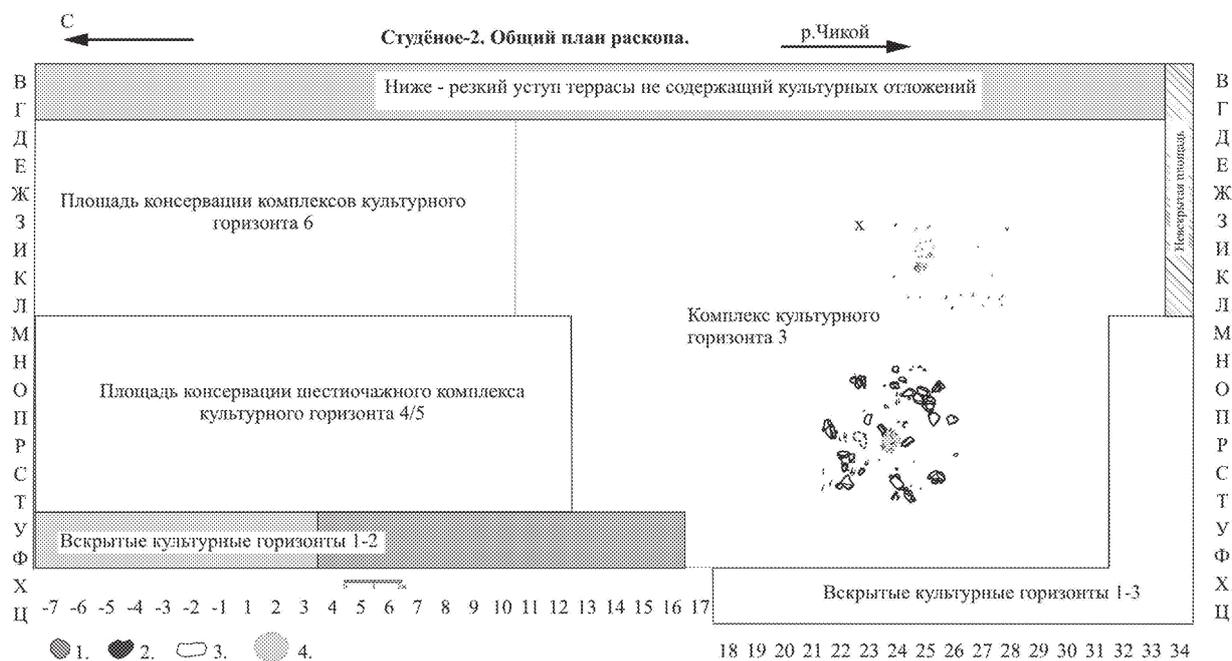

Рис. 5.68. Студёное-2. Схема размещения комплекса к. г. 3

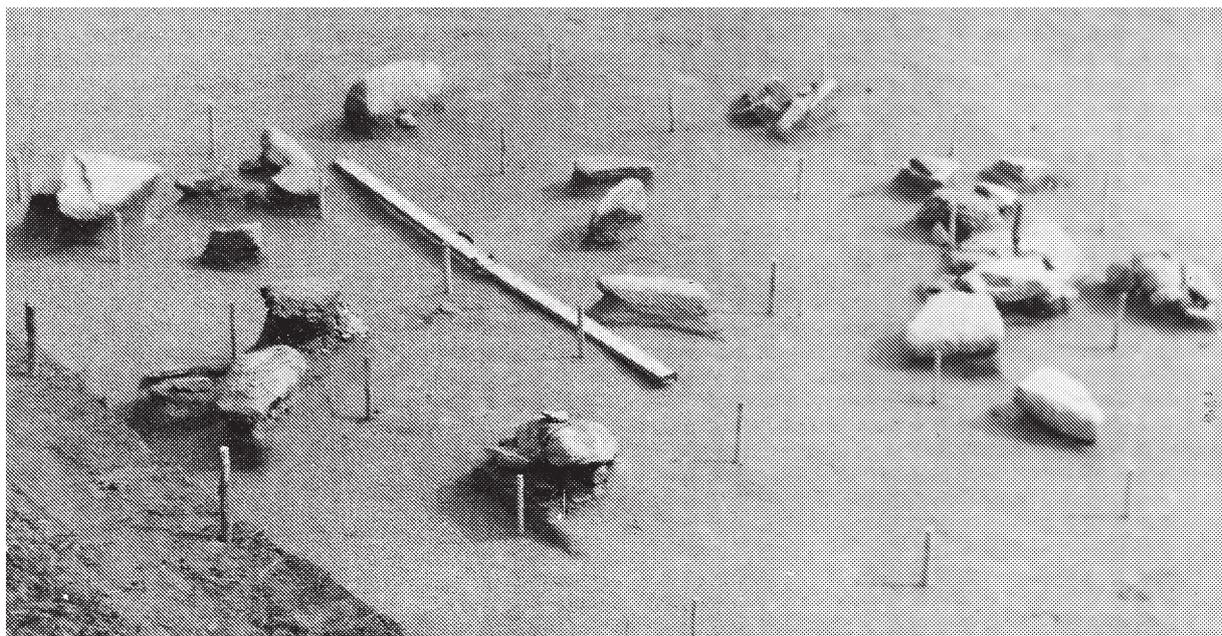
Как указывалось ранее, гипсометрически к. г. 3 занимал наиболее высокую позицию в стратиграфическом разрезе Студёного-2. Он залегал на глубине 1,1–1,2 м от современной поверхности, выше уровня к. г. 4/4 на 1,5–1,7 м. В период формирования культуросодержащих отложений рельеф урочища был близок современному. Выбранная для стоянки площадка занимала преобладающий в высотном отношении ровный участок террасовой поверхности, с которой открывался вид на все урочище Студёное. Изучение данного комплекса проводилось с перерывами в 1989, 1990, 1998 годах [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 14614; ф. 1, р. 1, № 22122].

В качестве структурных элементов, определяющих наличие остатков назем-

ной конструкции, выступали группы камней, отмечающих контур основания, кострищное пятно с золистым заполнением и немногочисленный комплекс артефактов. Всего с жилой площадкой было связано 28 глыб и речных валунов средней степени окатанности, уплощённых, плоских или трёхгранных в сечении, размерами до 0,4×0,3×0,2 м [А. В. Константинов, 2001, с. 40]. Предметный археологический материал тяготеет к внутреннему пространству.

К внешнему периметру обкладки были отнесены 25 камней. Судя по их расположению, основание конструкции имело округлую форму размерами 4,69×4,76 м (площадь ~15,3 кв м) (см. рис. 5.69, 5.70).

Рис. 5.70. Студёное-2. Фото камней структурирующих участок жилой площадки к. г. 3 после изучения культуросодержащих отложений (вид с юго-запада)
[ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 14614, л. 35, рис. 46]

В западном секторе по линии обкладки в кв. 24, С–Т рядом лежали несколько небольших фрагментов валунов и два крупных камня (№ 3, 4), ориентированных длинными осями СВ – ЮЗ. В 1,2 м от них на некотором расстоянии друг от друга находилось ещё шесть камней, в том числе небольшой расколотый валун № 5. Массивный четырёхугольный камень № 6 под углом в 30° налегал на валун № 7. Рядом с камнями № 8–10 были найдены осколки колотых костей и зубов парнокопытных млекопитающих. В 0,8 м от № 10 на границе западного и северного секторов лежала удлиненная подтреугольная в сечении глыба № 11, развёрнутая длинной осью в направлении СВ – ЮЗ.

На границе северного и восточного секторов в кв. 23–О рядом были два обломка гранитов розово-серого цвета (№ 12, 13). В метре от них в восточном секторе второго периметра камни располагались плотной группой. Три находились раздельно близко по отношению друг к другу, в том числе расколотая повдоль плоская речная галька (№ 16). Шесть (№ 17–21, 24) формировали двухрядную полутораметровую дугу. С юго-восточной стороны за ней лежали

ещё два камня № 22, 23 (кв. 25–О), скорее всего, изначально они являлись частью выкладки.

К южному сектору предполагаемой границы комплекса жилища относились условно два валуна – уплощённой формы № 25 (кв. 26–П) и крупный с неровной поверхностью № 1 (кв. 25–С). Они лежали на расстоянии 1,9 м. Основание последнего имело наклон к северу, с западной стороны под ним была плоская оббитая галька (№ 2).

При расчистке к. г. 3 на участке с жилищем отмечался общий уклон до 2° поверхности слоя в сторону реки (см. рис. 5.68–5.69). Его наличие фиксировалось визуально и по нивелировочным данным оснований камней: разница высот составляла до 0,1 м. Промеры внутри комплекса показали выполаживание и микротеррасирование рельефа, возникшее в результате антропогенной деятельности.

В центральной части жилища в кв. 23–24, Р при зачистке пола на уровне основания камней было выявлено бледное, едва заметное пятно неправильно-овальной формы с признаками термического воздействия, обозначившее наличие очага размерами 0,8×0,64 м. В процессе выборки заполнения

была выявлена кострищная яма глубиной 0,09–0,12 м со слабонаклонными стенками и асимметрично-вогнутым дном. Окрашенное золой супесчаное заполнение в средней и нижней части имело более интенсивный окрас с отдельными вкраплениями мелких углей. В заполнении очага найдено 10 отщепов, обломок пластинки, два обломка косточек.

Рядом с кострищем располагались четыре камня, из них два напротив друг друга в 5–7 см от костровой зоны: с юга (кв. 24–Р) длинной осью ориентирован СЗ – ЮВ, с севера (кв. 23, П–Р) – диагонально развёрнут к пятну. В 0,2 м от него на север лежал хорошо окатанный подпрямоугольной формы валун (№ 28). Он был развёрнут аналогично № 26. Эти камни имели плоские ровные поверхности. Рядом с валуном № 26 в ходе расчистки фиксировались остатки четвёртого камня – рассыпавшегося гнейсового валуна, контуры которого угадывались по массе крошек. В первоначальном состоянии два последних камня образовывали пару с северной стороны от очага и находились от него на удалении 0,6–0,7 м.

В отношении данных камней высказывалось предположение, что они первоначально находились в обкладке очага [А. В. Константинов, 2001, с. 41]. В то же время следы термического воздействия на их поверхности не отмечались. Это могло быть обусловлено как кратковременностью нагрева, так и использованием их в иной деятельностной ситуации.

Намеренность принесения валунов при обустройстве хозяйственной приочажной зоны не вызывает сомнения. При этом их назначение могло быть различным – защитные экраны, накопители тепла, подставки при обработке продуктов и прочее. По нашему мнению, их положение указывает на вероятность использования камней для крепления таганов в процессе приготовления пищи либо иной связанной с очагом хозяйственной деятельности.

Совершенно отдельно от анализируемого участка обитания в северной части раскопа на уровне к. г. 3 в кв. «–7, –8», Ж

были выявлены два отдельно лежащих валуна длиной до 0,25 м, установить связь которых с описанным участком обитания не представляется возможным.

Общая коллекция каменного инвентаря к. г. 3 включает 111 экз., в том числе: 75 отщепов (68%); 20 микропластин (18%); 2 оббитых желвака (2%); 6 пластинок (5%). Орудия немногочисленны – 9 экз. (7%), из них в жилище: скребло на крупном отщепе, долотовидное орудие, пластинка с ретушью. Вне жилища найдены округлой формы отщеп из коричнево-зелёной яшмы с эпизодической дорсальной краевой ретушью (кв. 30–Ф); отщеп с фронта долотовидного орудия из яшмы (1,9×1,8 см) (кв. 32–С); обломок орудия (4,8×1,7 см) с рабочей кромкой, оформленной по маргиналу дорсальной ретушью, сырьё – крупнозернистый чёрный андезит (кв. 33–С); два обломка долота (кв. 20–С, 25–У), пластинка с ретушью (кв. 17–С).

Статистический анализ распределения археологического материала в пространстве культурного горизонта выявил участки присутствия артефактов. Первый был приурочен собственно к внутреннему пространству жилища. Второй располагался восточнее, ближе к реке. Здесь находились все микропластины и 48% найденных в слое мелких отщепов (см. табл. 13). Кроме того обозначилась рабочая зона в пяти метрах на юг от жилища в кв. 32–33, Р–С, с компактной коллекцией каменных изделий со следами утилитарного износа.

Состав минерального сырья включал разноцветный кремень (яшмы), белый кварцит, туфоалевролиты, крупнокристаллические андезиты [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 27373, л. 12–13].

Фаунистические остатки (33% от общего количества находок) представлены мелкими неопределимыми осколками, отдельными фрагментами колотых трубчатых костей, обломками челюсти и фрагментами эмали зубов млекопитающих, не информативных для определения видового состава.

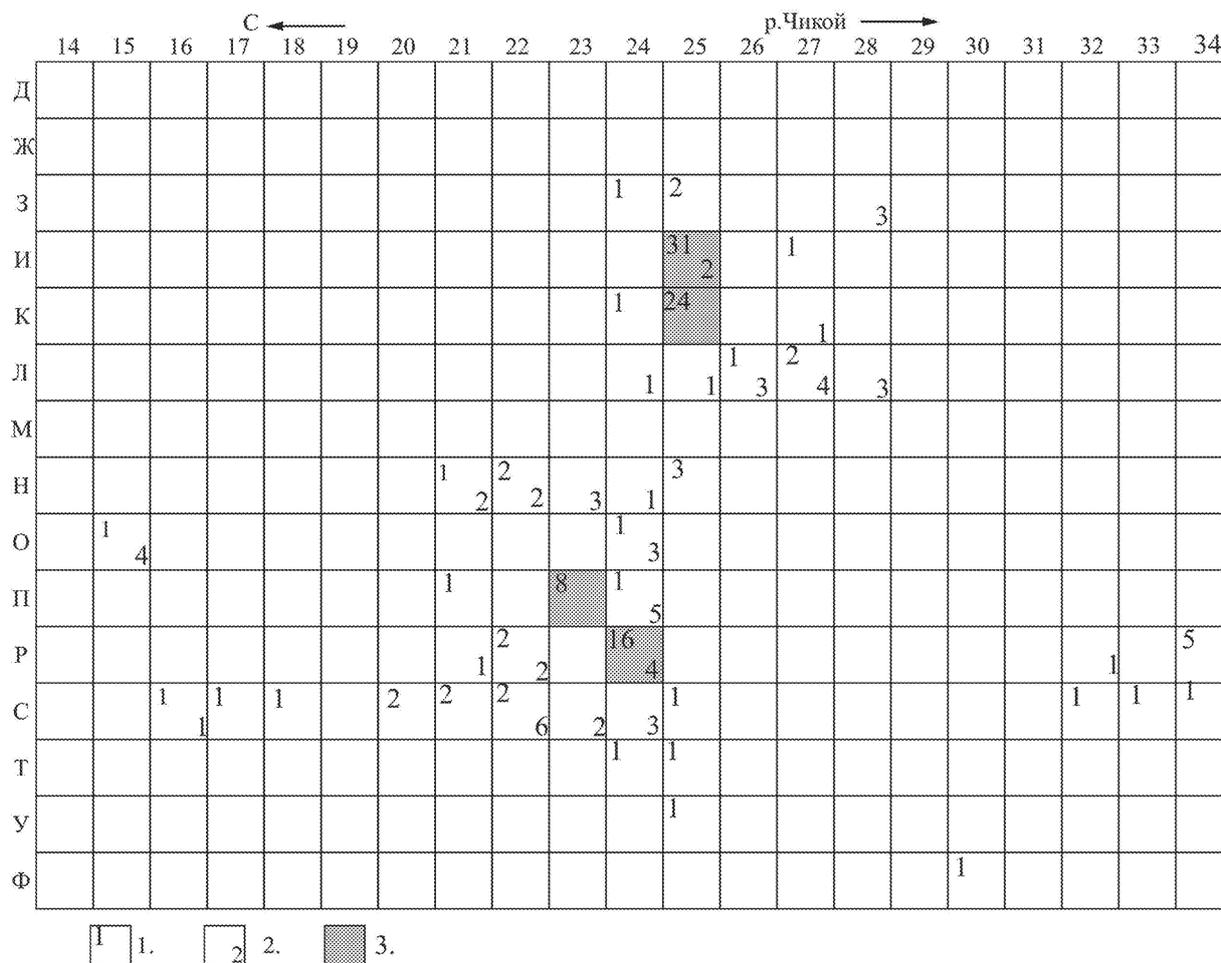
Анализ круговой модели жилища показал тяготение каменных артефактов к ну-

левому периметру и восточному сектору первого периметра, с переходом в северный сектор второго. Зоны скоплений мелких фаунистических остатков тяготели к камням внешней обкладки в восточном и южном

секторах (см. рис. 5.71). По этнографическим данным, подобные скопления мелких осколков костей относят к типичным признакам «утренних трапез» [Binford, 1983, p. 162–163].

Таблица 13

Студёное-2. К. г. 3. Распределение артефактов

Условные обозначения: 1 – количество каменных артефактов; 2 – количество осколков костей; 3 – статистически значимое количество находок [ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 14614; ф. 1, р. 1, № 27373].

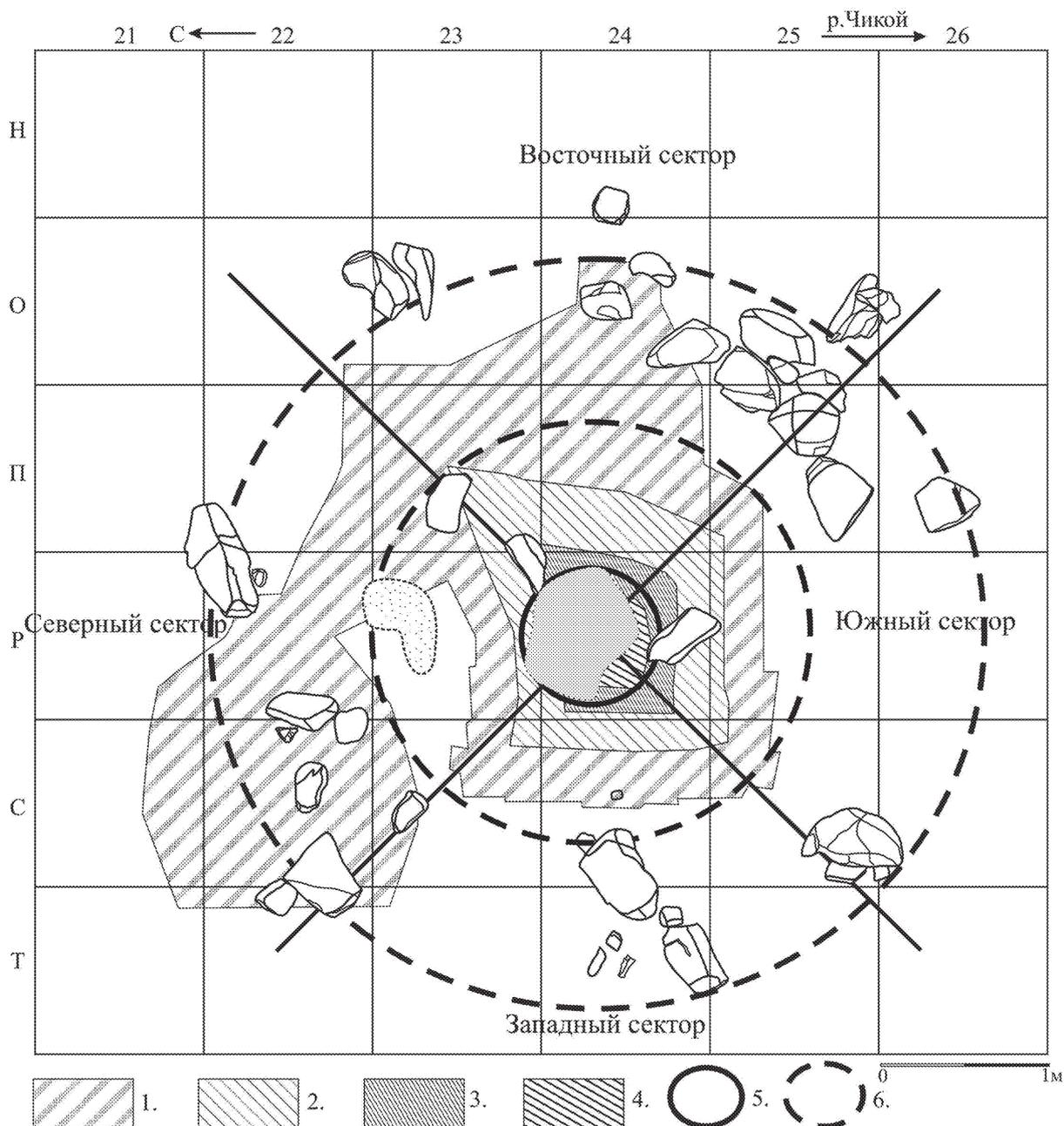
Разрыв линии камней внешней обкладки и шлейф мелких находок, имеющих характер элементарного заполнителя, указывают на западную ориентацию входа. Данное предположение учитывает и природно-экологические факторы, отвечающие условиям адаптивной привлекательности территории. Расположение входа с подветренной от реки стороны защищало внутреннее пространство от холодного воздуха, который чрезвычайно ощутим в урочище при устойчивой розе ветров с северной

и восточной стороны. Данные наблюдения неоднократно подтверждались в ходе полевых исследований при возведении и использовании полевых экспериментальных чумов.

Итогом планиграфического анализа к. г. 3 поселения Студёное-2 стало выделение в контексте горизонта взаимосвязанных структур – одноочажного жилища и двух участков хозяйственной деятельности: с востока по выполнению мелких дебитажных работ, с юга с функциональным ис-

пользованием орудий. Учитывая округлую форму основания, локализацию комплекса артефактов, наземная часть древнего жилища исходя из этнографических аналогий, может быть реконструирована в виде чума

с западным расположением входа, где полог удерживали с двух сторон группы камней. Судя по плотности расположения камней с востока, верхнее покрытие со стороны реки дополнительно укреплялось.

Рис. 5.71. Студёное-2. Круговая модель жилища к. г. 3 с диаграммой присутствия каменного инвентаря.

Условные обозначения: 1 – количество 3 – 8 экз.; 2 – 8–13 экз.; 3 – 13–18 экз.; 4 – 18–23 экз.; 5 – 0-периметр; 6 – контуры периметров удаления от очага

Центральное место в жилище занимал очаг с приочажными камнями, которые могли использовать для крепления таганов. Следуя классическим схемам Л. Бинфорда [1983] и А. Леруа-Гурана [Leroi-Gourhan & Brezillon, 1972], во внутреннем пространстве можно выделить зоны ближней эвакуации (очаг, нулевой периметр), внутренней домашней активности (восточный сектор второго и третьего периметров), места отдыха с северо-восточной и восточной стороны. А также зону периферийной эвакуации, с мелкими фрагментами косточек в «пристеночном» пространстве восточного сектора.

Малочисленность коллекции артефактов, слабо выраженный в микростратиграфии слоя культурный наполнитель внутри и вне комплекса, отсутствие каменной обкладки вокруг очага, использование при строительстве «некачественных» (гнейсы и крупнозернистые граниты) легко разрушающихся горных пород – всё это косвенно указывает на ситуационный характер и кратковременность стоянки. Можно предположить относительно неблагоприятные

климатические условия в период функционирования стоянки, на что указывает характер заполнения очага, имеющий по сравнению с другими аналогичными структурами жилищно-хозяйственных комплексов Студёного значительную мощность.

Палинологические спектры отложений, охватывающих интервал в 0,9 до 1,2 м от поверхности, в средней части которого залегал к. г. 3 Студёного-2, характеризовались отсутствием пыльцевых зёрен и спор. Литологический состав отложений был представлен супесчано-песчаной пачкой с тремя бурыми с цветовыми разностями прослоями со следами гумусации зоны почвообразования, формирование которой проходило в условиях завершающей стадии сартана. По выделенному коллагену из кости из коллекции к. г. 3 была получена AMS¹³C дата 15620+60 Age, RC (Beta-241402) [Buvit et al., 2016, p. 104]. В сравнении с возрастом, устанавливаемым с учётом особенностей стратиграфии памятника, она показала несколько более ранний хронологический интервал.

* * *

Планиграфический анализ культурных горизонтов многослойного поселения Студёное-2, показанный в работе, затрагивал наиболее информативные, с точки зрения реконструкции образа жизни и стратегий адаптации древнего населения Забайкалья, культурные горизонты. За рамками работы остались уровни обитания, включающие отдельные структурные элементы в виде рассеянных комплексов артефактов (к. г. 4/3, 4/6), отдельного очага к. г. 4/2 и хозяйственной площадки к. г. 4/1. Они отмечали собой самостоятельные эпизоды обитания в границах памятника, но на современном этапе исследований выполнить по ним развёрнутый анализ не представляется возможным, что не означает отсутствие таких перспектив в будущем.

Представленный анализ пространственной организации жилищно-хозяйственных комплексов в хронологическом интервале 25–12,8 тыс. л. н. (MIS II) в реконструируе-

мых условиях рельефа и палеоландшафтов урочища Студёного доказывает существование устойчивых традиций обустройства стоянок с возведением лёгких наземных каркасных сооружений. При этом археологические данные позволяют предполагать различные архитектурные варианты, а не только традиционно принимаемое в качестве эталона жилище-чум. Использование принципов контекстуального анализа позволяет более обширно и, по нашему мнению, более объективно выполнять реконструктивные построения как на уровне анализа отдельно выделяемых комплексов, предназначенных для жилой и хозяйственной деятельности, так и в целом стратегии выбора места и условий функционирования древних коллективов.

Технологический анализ каменной индустрии не входил в задачи работы. В общем контексте материалов отметим, что обитатели культурных горизонтов Студёного-2 использовали для своих нужд готовые ору-

дия и принесённые в виде нуклеусов запасы качественного минерального сырья (разноцветных кремней и яшм, вулканического стекла, эффузивов), к запасам которого относились весьма рачительно. О том, что набор изделий был намного разнообразней обнаруженного, свидетельствует наличие в микродебитаже сколов из отличного сырья.

Включение в аналитическую базу данных по микродебитажу и коллекциям неопределимых мелких костных остатков существенно повышает результативность планиграфических построений, создаёт возможности для изучения развития дея-

тельностных ситуаций, осуществляемых в границах жилищно-хозяйственных площадок, направленных не только на обеспечение основных базовых потребностей человеческих коллективов.

Наличие комплекса артефактов неутилитарного назначения художественно-эстетической направленности в определённой степени затрагивает и сферы духовной жизни древних людей. Системный анализ всей совокупности археологических материалов с привлечением этнографических данных в целом позволяет более корректно подходить к вопросам реконструкции.

Заключение

Процесс становления планиграфии в контексте изучения поселений каменного века имеет длительную историю. Он отражает переход от общего осознания явления упорядоченности в распространении культурных остатков к оформлению статуса систем их пространственной организации как исторического источника. Если в последней четверти XIX века визуально выделяемые связи принимались на уровне констатации факта с выбором этнографических параллелей, то к середине XX века их признание начинает базироваться на оценке групп вещественных доказательств.

Открытие остатков палеолитических жилищ, включённых в структуру целых поселений, сопровождалось не только усложнением представлений о жизни сообществ каменного века, но и складыванием новых подходов к их анализу. Расширение области исследований характеризовалось внедрением в археологию методов математических и естественных наук, направленных, в первую очередь, на выявление объективных признаков целевой преобразовательной деятельности, фиксируемой в закономерностях расположения скоплений артефактов. Оформление планиграфического анализа в самостоятельное научное направление становится закономерным этапом развития науки, одной из целей которой выступает «реконструкция облика древних поселений и динамики их заселения» [Васильев и др., 2007, с. 9].

Совершенствование методов планиграфического анализа расширяет область их применения, охватывая различные срезы сопутствующей информации, что повышает уровень реконструктивных построений. Планиграфия становится инструментом анализа не просто отдельных жилищных и хозяйственных структур, но и в целом поселений. Она инициирует изучение культурного слоя и его компонентов, процессов

позиционирования и проявления следов антропогенной деятельности, условий захоронения материалов и последующих постседиментационных изменений, определяющих степень их сохранности. Стремление к максимальной детализации реконструкции условий и способов жизнеобеспечения на уровне отдельных операций находит выражение в развитии теории фаціальности, внедрении системно-деятельностного подхода, изучении пространственно географических и палеоландшафтных характеристик мест обитания. Область приложения планиграфического анализа включает оценку внешних факторов: сезонной приуроченности и хозяйственной специализации, длительности функционирования, численного состава населения.

К концу XX века планиграфические исследования обретают форму многокомпонентного анализа, направленного не просто на изучение форм пространственной организации культурных остатков, но и на реконструкцию поведенческих моделей, что в определённой степени индивидуализирует портрет древних сообществ.

Раскопки последней четверти XX – начала XXI века археологических памятников на территории Забайкалья создали уникальную возможность для изучения особенностей пространственной организации палеолитических поселений, включающих остатки жилищ. Их планиграфический анализ позволил выявить ряд закономерностей, наблюдаемых во внешней и внутренней организации структурных элементов самих комплексов и в целом площадок обитания в контексте культурных горизонтов. Важную роль в этом процессе сыграли раскопки многослойных поселений, в числе которых особое место занимают исследования памятников в урочище Студёном.

Поселение Студёное-2 уникально с точки зрения изучения систем простран-

ственной организации стоянок охотников собирателей эпохи верхнего палеолита. Материалы культурных горизонтов памятника включают простые и сложносоставные комплексы жилищных и хозяйственных структур, специфика которых отражает различные системы адаптации и жизнеобеспечения древних коллективов.

Исследования планиграфии выявили ряд закономерностей. Комплексы одноочажных жилищ, как правило, характеризовались локализованными в пространстве культурных горизонтов скоплениями артефактов с планиграфически выраженными границами, которые фиксировали внешние каменные обкладки, расположенные по контуру округлой формы оснований. Во внутреннем пространстве обязательным элементом был очаг (с каменной обкладкой или без) в структурной взаимосвязи с углесто-золистыми пятнами и скоплениями артефактов. Направления входов в жилища отмечали разрывы в каменных обкладках. Проекция внешних контуров оснований характеризовались спиралевидностью. Очаги во внутреннем пространстве имели смещение в секторы, противостоящие входу.

В планиграфии данной группы жилищ зоны внутренней активности тяготели непосредственно к очагам (нулевым периметрам), к первым и вторым периметрам секторов, расположенных ближе к входу, — при смещении очагов в прилегающий сектор. По традиционной французской модели позднепалеолитического жилища, скопления находок первого периметра жилищ забайкальских поселений соотносились с зоной ближней эвакуации (D — расстояние 1–2 м от центра очага) [Leroi-Gourhan, Brézillion, 1972, p. 256]. Линии камней внешних обкладок охватывали границы третьего, реже четвёртого периметров, степень их удалённости находилась в зависимости от размеров диаметров очагов. Свободные или с редкими находками участки внутри жилищ тяготели к секторам третьего и четвёртого периметров противоположных входу, где предполагалось размещение зон отдыха.

В планиграфии сложносоставных комплексов зоны внутренней активности тяготели к очагам (нулевым периметрам) и зонам входов/выходов либо сторонам комплексов, не имеющим фиксированные следы ограждения. На участках, связанных общей деятельностной ситуацией, очаги располагались относительно друг друга на расстоянии, не превышающем размеры их диаметров. Находки при этом распределялись по следующей схеме: а) между очагами количество каменных артефактов составляло до 10 экз. на квадрат (с преобладающим присутствием в заполнителе слоя мелких осколков костей); б) скопления находок по секторам первого, реже второго периметров, ориентированным в сторону входов, имели векторную направленность по отношению друг к другу; в) специализированные скопления орудий тяготели к «боковым» секторам вторых периметров; г) «чистые» или с редкими находками участки находились в секторах, противоположных входам; д) в зонах отдыха отмечались локализованные скопления и узкие шлейфы мелких осколков костей, аналог остатков «утренних трапез», когда пища принималась «в постели» [Binford, 1983, p. 162–163].

Внутри жилищ на участках, связанных с активной хозяйственной деятельностью, фиксировались изменения в микрорельефе поверхности и в составе элементарного заполнителя культурного слоя. В планиграфии зон производственного значения отмечалось направление правостороннего привходового тяготения, что указывало на доминирование правой руки. Наложение эпизодов обитания и последовательность смены деятельных ситуаций проявлялись по направлениям ремонтных связей, составу минерального сырья дебитаж, микростратиграфическим уровням.

Оценивая в целом палеоэкологическую обстановку урочища Студёного, с которым связаны рассмотренные в монографии комплексы, следует отметить его адаптивную привлекательность для древнего населения. Учитывая основные и второстепенные факторы выбора места, его можно с опре-

делённой долей уверенности относить к территориям стабильного и/или частого посещения. Это подтверждает многослойность выявленных памятников, наличие серии жилищно-хозяйственных комплексов. Удобство места идентично оценивалось людьми с существенным временным разрывом в эпизодах обитания. Продолжительность функционирования поселений могла зависеть от разных факторов, в том числе сезонной принадлежности.

Одной из особенностей культурных горизонтов являлась малая мощность напластований, что может объясняться как краткосрочностью их накопления, так и спецификой ситуации жизнедеятельности. Например, по данным этноархеологии, культурный слой даже при значительной длительности жизни коллективов на весенне-летних стоянках всегда имел небольшую мощность, что было обусловлено общей подвижностью населения, отсутствием в этот период больших охот и в целом массивных укрепленных жилищ [Туров, 1998]. В археологических комплексах маломощность слоя не является безусловным показателем их связи со временем «открытой воды» и непродолжительности обитания.

Планиграфический анализ сложноструктурных культурных горизонтов поселения Студёное-2 позволил значительно детализировать характер жизнедеятельности поселенцев, уточнить последовательность развития деятельностных ситуаций, сопровождавшихся изменением пространственной организации. В конкретной ситуации структура древних стоянок формировалась с учётом изменений рельефа мысовидного участка второй надпойменной террасы р. Чикой, в границах которого выбирались оптимально удобные площадки для размещения хозяйственных зон и жилых сооружений. При этом на разных этапах освоения территории мыса менялись приоритеты направлений. Комплексы к. г. 8, 5, 4/5 были ориентированы вдоль берега р. Чикой, предполагаемые входы в жилища находились с восточной и юго-восточной стороны. В к. г. 6, 4/4 зоны хозяйственной деятельности захватывали

часть восточной бровки террасы, но в их планировке более значимым было северное и северо-западное направление – на долину р. Студёной. Группировка камней внешней обкладки жилища к. г. 3 также предполагала вход с западной стороны.

Анализ коллекций каменных артефактов выявил проблему ресурсообеспечения древних обитателей Студёного кремневым/яшмовым минеральным сырьём (из которого изготовлены почти все типологически выраженные орудия). Присутствие истощённых нуклеусов и максимально сработанных изделий из данных видов сырья указывает на его дефицитность и крайне рачительное отношение к имеющемуся запасу. Коллекции дебиताжа в большинстве случаев демонстрируют неполный цикл расщепления. По заключению д-ра геол.-минерал. наук Г. А. Юргенсона, сырьё могло транспортироваться из бассейна верхнего течения р. Чикой, где представлены его россыпи, что определяло направление миграций древних поселенцев в районы Хэнтэй-Чикойского высокогорья [Юргенсон, 2001].

К особым характеристикам культурных горизонтов относится слабая насыщенность остеологическим материалом. Несмотря на непредставительность этой категории источников, использование баз данных присутствия микроосколков костей позволяет решать вопросы хронологического порядка, реконструировать развитие деятельностных ситуаций и в целом уточнять планировку участков обитания.

Проведённый планиграфический анализ комплексов Студёного-2 показал устойчивые традиции организации древних поселений в границах конкретного урочища в форме компактных береговых лагерей, с приоритетными видами деятельности, связанными с охотой.

Отмеченные закономерности во внутреннем пространстве древних студёновских жилищ имеют аналогии по целому ряду памятников Сибири. Выделяемые структурные элементы (в комплексе или как отдельные составляющие) присущи большинству известных палеолитических местонахожде-

ний. Примеры их выделения представлены в работах, посвящённых стоянкам Черноозёрье II [Ганнинг, Петрин, 1985, с. 6–29]; Кантегир I, слои 4–5; Голубая I, слой 3 [Астахов, 1986]; Кокорево I [Гречкина, 1984; 1986]; серии стоянок Западно-Сибирской равнины [Петрин, 1986]; на Енисее – Майнинской; Уй I и II [Васильев, 1996]; стоянка Новоселово 13 [Лисицын, 1997, с. 37]; Лиственка [Акимова, 1996; 1998]; Сосновый Бор, к. г. 5 [Каменный век Южного Приангарья... , 2001, с. 89–90] и др. На том или ином уровне степень организации пространства отмечалась исследователями всех перечисленных памятников. Схожесть стратегий при обустройстве жилищ проявляется и при анализе круговых моделей. Например, при сравнении одноочажных комплексов Студёного и структур открытых очагов и жилища из нижнего слоя Макарово II [Аксенов, 1970, с. 49–50] наблюдалось полное совпадение направлений ориентации по сторонам света, расположениям входов, локализации зон скопления находок по периметрам и секторам.

Результаты планиграфического анализа материалов культурных горизонтов финаль-

ного палеолита забайкальского поселения Студёное-2 показывают перспективность его применения к археологическому источнику. Использование этнографических данных (включая размерные показатели архитектурных деталей) при реконструкции форм наземных сооружений повышает степень корректности построений, выводя их из области абстрактных предположений.

Исследования пространственной организации палеолитических поселений и жилищно-хозяйственных комплексов в настоящее время приобретают всё более многогранный характер. Конечно, они не решают всех проблем и не дают ответы на все вопросы, но в сочетании с другими исследованиями обеспечивают формирование информационной базы для изучения стратегий хозяйственной адаптации и жизнедеятельности древних коллективов. При этом не следует забывать, что понимание исторических явлений в археологии основывается на остаточных признаках реальных событий и всегда сохраняет элемент субъективности. При этом начальный контекст может быть весьма неожиданным (см. рис.).

© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, 2018

Рисунок. Рога оленей на могиле. Фото Н. П. Сокольниковой, 1912 г. Дальневосточный край. Камчатский округ. Чукотский район. Тунгусы [Фотоархив РЭМ, ф. 3949-7]

Библиографический список

Архивные источники

Архив Российского этнографического музея (Санкт-Петербург)

Отдел этнографии народов Сибири и Дальнего Востока

1. Сборы А. И. Попова, 1908 г.; Н. П. Сокольниковой, 1904–1907 гг. // РЭМ. – Ф. VIII М 671, 1476-1ав; Ф. VIII М 912, 2084-16/1-3.
2. Сборы В. В. Горбачевой, И. А. Карапетовой, 1981 г. // РЭМ. – Ф. VIII М 2192, 10599-30; Ф. VIII М 2177, 10252-70; Ф. VIII М 2178, 10252-71.
3. Сборы М. С. Поповой, 1980 г. // РЭМ. – Ф. VIII М 2172, 10135-44.
4. Сборы Н. П. Сокольниковой, Б. А. Борисова, К. Д. Логиновского, 1904–1907 гг. // РЭМ. – Ф. VIII М 913, 2084.
5. Сборы П. Слепцова, 1905 г. // РЭМ. – Ф. VI-Т-2065, 787-25, 787-24, 787-23.
6. Учётная документация Отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока Российского этнографического музея г. Санкт-Петербурга. – Ф. VI-Т-2850, 1217-1; Ф. VIII М 860, 2011-105-112; Ф. 6. – Оп. 1. – № 162; ГМЭ 2705 НВ, 2715-2717 НВ; Ф. VIII М 2075, 8762-20373-Т; Ф. VIII М 1943, 8762-17887-Т.
7. Фонд А. А. Макарова // РЭМ. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 162; Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 387.
8. Фото Н. П. Сокольниковой, 1912 г. Дальневосточный край. Камчатский округ, Анадырский район. Селения Тумаюк и Пенжино. Коряки // Фотоархив РЭМ. – Ф. 5057.
9. Фото Н. П. Сокольниковой, 1912 г. Дальневосточный край. Камчатский округ. Чукотский район // Фотоархив РЭМ. – Ф. 3949.
10. Фото С. И. Руденко, 1909–1910 гг. Тобольская губерния, Березовский уезд // Фотоархив РЭМ. – Ф. 1706.

Архив Института Археологии РАН (Москва)

11. Аксенов, М. П. Отчёт об археологических исследованиях на многослойном поселении Верхоленская Гора (1963–1965 гг.) / М. П. Аксенов // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – Кн. 5. – № 3041.
12. Васильев, С. А. Отчёт о полевых исследованиях 6-го отряда в 1980 г. / С. А. Васильев // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 7799; Альбом иллюстраций. – № 7799а.
13. Васильев, С. А. Отчёт о полевых исследованиях 5-го отряда в 1981 г. / С. А. Васильев // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 8545, 8545а.
14. Васильев, С. А. Отчёт о полевых исследованиях Майнинского отряда в 1986 г. / С. А. Васильев // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 12430.
15. Васильев, С. А. Отчёт о полевых работах Майнинского палеолитического отряда в 1987 г. / С. А. Васильев // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 12473.
16. Васильев, В. А. Отчёт о полевых исследованиях Майнинского палеолитического отряда в 1988 г. / С. А. Васильев / ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 13014.
17. Васильев, С. А. Отчёт о полевых исследованиях Майнинского палеолитического отряда в 1989 г. / С. А. Васильев // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 14671.
18. Васильев, С. А. Отчёт о полевых исследованиях Майнинской экспедиции в 1991 г. / С. А. Васильев // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 16639.
19. Герасимов, М. М. Отчёт о раскопках Мальтинской стоянки. 1956 г. / М. М. Герасимов // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – Оп. 2. – № 1384.
20. Кириллов, И. И. Научный отчёт о раскопках в Читинской области в 1979 г. / И. И. Кириллов // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 9321.

-
21. Кириллов, И. И. Научный отчёт о раскопках в Читинской области в 1984 г. / И. И. Кириллов // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 11080.
22. Кириллов, И. И. Научный отчёт о раскопках в Читинской области в 1986 г. / И. И. Кириллов // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 12017.
23. Константинов, М. В. Студёное – древнее многослойное поселение в Забайкалье: научный отчёт за 1977 г. / М. В. Константинов / ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 8517.
24. Константинов, М. В. Исследования в юго-западных районах Читинской области: научный отчёт о полевых исследованиях в 1980 г. / М. В. Константинов // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 8188.
25. Константинов, М. В. Исследования в юго-западных районах Читинской области: научный отчёт о полевых исследованиях в 1981 г. / М. В. Константинов // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 8802.
26. Константинов, М. В. Исследования древнего поселения Студёное на Чикое в 1988 г. / М. В. Константинов // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 13334.
27. Константинов, М. В. Раскопки многослойного поселения Студёное-2 на Чикое (Западное Забайкалье): отчёт о полевых исследованиях в 1989 г. / М. В. Константинов // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 14614.
28. Константинов, М. В. Исследование Студёновского археологического комплекса в Забайкалье в 1996 г. / М. В. Константинов // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 19956.
29. Константинов, М. В. Исследование многослойного поселения Студёное-2 в Забайкалье в 1997 г. / М. В. Константинов / ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 23009.
30. Константинов, М. В. Исследование многослойного поселения Студёное-2 в Забайкалье в 1998 г. / М. В. Константинов // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 23009.
31. Константинов, М. В. Исследование многослойного поселения Студёное-2 в Забайкалье в 1999 г. / М. В. Константинов // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 22236.
32. Константинов, М. В. Научный отчёт о полевых исследованиях в Западном Забайкалье в 2000 г. / М. В. Константинов // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 25162.
33. Константинов, М. В. Научный отчёт о полевых исследованиях в Западном Забайкалье в 2001 г. / М. В. Константинов // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 25822.
34. Константинов, М. В. Археологические исследования в Красночикийском и Хилокском районах Читинской области в 2002 г. / М. В. Константинов // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 27373.
35. Константинов, М. В. Археологические исследования в Красночикийском районе Читинской области в 2003 г. / М. В. Константинов // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 33763.
36. Константинов, М. В. Археологические исследования в Красночикийском районе Читинской области в 2004 г. / М. В. Константинов // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 31403.
37. Медведев, Г. И. Ангарский археологический отряд отчёт о полевых исследованиях летом 1965 г. / Г. И. Медведев // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – Кн. 5. – № 3041.
38. Медведев, Г. И. Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре в 1964–1965 гг. / Г. И. Медведев // Отчёты археологических экспедиций за 1963–1965 г. – Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1966. – С. 5–25.
39. Медведев, Г. И. Ангаро-Бельская археологическая экспедиция. Полевые исследования 1970 г. / Г. И. Медведев // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – Оп. 1. – Кн. 9. – № 4608.
40. Медведев, Г. И. Отчёт о полевых исследованиях 1971 года. Ч. 1. Работы Ангарской партии / Г. И. Медведев, Г. Н. Михнюк, И. Л. Лежненко // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 232.7; Ф. 1. – Р. 1. – Оп. 1. – Кн. 9. – № 4609.
41. Окладников, А. П. Отчёт об археологических раскопках ДВАЭ на Дальнем Востоке в 1958 г. / А. П. Окладников // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 1808.

---

42. Окладников, А. П. Научный отчёт о раскопках в Бурятской АССР в 1968 г. / А. П. Окладников // ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 3722.

Основная литература

43. 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: тез. докл. междунар. конф. / отв. ред. С. В. Данилов. – Улан-Удэ, 1996. – Ч. 2. – 134 с.

44. Абрамова, З. А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура / З. А. Абрамова. – Новосибирск: Наука, 1979. – 126 с.

45. Абрамова, З. А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура / З. А. Абрамова. – Новосибирск: Наука, 1979. – 200 с.

46. Абрамова, З. А. Две модели культурной адаптации в конце палеолита / З. А. Абрамова // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита (по материалам Восточной Европы и США): тез. докл. советско-американского симп. (г. Ленинград, июль 1989 г.). – Ленинград: Наука, 1989. – С. 13–15.

47. Абрамова, З. А. Культурный слой как отражение определённой конкретно исторической реальности (на примере Кокорево I) / З. А. Абрамова, Т. Ю. Гречкина // КСИА. – Москва: Наука, 1990. – Вып. 202. – С. 9–12.

48. Абрамова, З. А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново / З. А. Абрамова. – Санкт-Петербург: ИИМК, 1995. – Вып. 1. – 130 с.

49. Абрамова, З. А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново / З. А. Абрамова, Г. В. Григорьева, М. Кристенсен. – Санкт-Петербург: Археологические изыскания, 1997. – Вып. 2. – 160 с.

50. Абрамова, З. А. Музейный комплекс Юдиново / З. А. Абрамова, Г. В. Григорьева, Л. И. Гришин // Развитие культуры в каменном веке: сб. тез. междунар. конф., посвящ. 100-летию Отдела археологии МАЭ. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 1997. – С. 74–76.

51. Абрамова, З. А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново / З. А. Абрамова, Г. В. Григорьева. – Санкт-Петербург: Археологические изыскания, 1997. – Вып. 3. – 148 с.

52. Акимова, Е. В. Палеолит красноярского археологического района: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Е. В. Акимова. – Новосибирск, 1993. – 16 с.

53. Акимова, Е. В. «Многослойная стоянка» – проблемы полевых исследований, интерпретации и критики источников / Е. В. Акимова // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. – Иркутск, 1996. – Ч. 1. – С. 45–47.

54. Акимова, Е. В. Позднепалеолитическое жилище-мастерская в 19-м культурном слое стоянки Лиственка / Е. В. Акимова // Палеогеология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: материалы междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 301–310.

55. Акимова, Е. В. Приёмы первичного расщепления в 19-м культурном слое стоянки Лиственка / Е. В. Акимова, О. А. Горельченкова, Н. А. Поплевченко // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий: материалы междунар. конф. – Красноярск: РИО КГПУ, 2000. – С. 7–9.

56. Акимова, Е. В. Вклад Н. К. Ауэрбаха в изучение палеолита Сибири / Е. В. Акимова // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения учёного и общественного деятеля Н. К. Ауэрбаха (г. Красноярск, 27–30 сент. 2017 г.) / отв. ред. А. С. Вдовин, Н. П. Макаров. – Красноярск, 2017. – С. 23–27.

57. Аксенов, М. П. Многослойный археологический памятник Макарово II / М. П. Аксенов // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во ИрГИ, 1970. – Вып. 1. – С. 91–126.
58. Аксенов, М. П. Комплекс нижнего культурного горизонта стоянки Макарово на Лене / М. П. Аксенов // Сибирь и её соседи в древности. – Новосибирск: Наука, 1970. – С. 43–52.
59. Аксенов, М. П. Аппликативный метод в анализе археологических источников / М. П. Аксенов // Описание и анализ археологических источников. – Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1976. – С. 34–47.
60. Аксенов, М. П. Аппликативный метод / М. П. Аксенов // Археология и этнография Восточной Сибири: тез. докл. – Иркутск: ИГУ им. А. А. Жданова, 1978. – С. 79–82.
61. Аксенов, М. П. Аппликативный метод в анализе археологических источников / М. П. Аксенов // Описание и анализ археологических источников. – Иркутск, 1981. – С. 35–48.
62. Актуальная археология-3. Новые интерпретации археологических данных: тез. междунар. науч. конф. молодых учёных (г. Санкт-Петербург, 25–28 апр., 2016 г.). – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2016. – 379 с.
63. Александрова, М. В. Древнейшие нижнепалеолитические жилища и поселения / М. В. Александрова // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений: тез. докл. на объединённом симп. метод. семинара (г. Ленинград, 23–26 апр. 1973 г.). – Ленинград: Наука, 1974. – С. 9–11.
64. Александрова, М. В. К методике изучения палеолитических поселений (по материалам мустьерской стоянки Сухая Мечетка) / М. В. Александрова // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений: тез. докл. на объединённом симп. метод. семинара (г. Ленинград, 23–26 апр. 1973 г.). – Ленинград: Наука, 1974. – С. 16–18.
65. Александрова, М. В. Некоторые замечания по теории палеолитического культурного слоя / М. В. Александрова // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1990. – Вып. 202. – С. 4–8.
66. Амирханов, Х. А. Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005 / Х. А. Амирханов, Н. Б. Ахметгалеева, А. П. Бужилова; отв. ред. Х. А. Амирханов. – Москва: Палеограф, 2009. – 466 с.
67. Андерсон, Д. Дж. Жилища, места хранения и летние постройки эвенков-ороченов: народная архитектура охотников-собирателей в постсоветских условиях / Д. Дж. Андерсон, М. Нахшина // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГУ, 2006. – Вып. 4. – С. 333–339.
68. Аникович, М. В. Палеолит Костенковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы / М. В. Аникович, В. В. Попов, Н. И. Платонова // Труды Костенковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. – Вып. 1. – 304 с.
69. Аникович, М. В. О методике исследования стоянок с переотложенным культурным слоем (на примере Костёнок 12) / М. В. Аникович // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – Вып. 202. – С. 28–33.
70. Анисюткин, Н. К. Рецензия на книгу R. Desbrosse, J. Kozłowski. Les habitats préhistoriques. Dés Australopithèques aux premiers agriculteurs / Н. К. Анисюткин, С. А. Васильев // Археологические вести. – 1998. – № 5 – С. 319–321.
71. Анри, О. Анализ образцов древесного угля с местонахождения Коврижка III на Витиме (Байкало-Патомское нагорье, Иркутская область) / О. Анри, А. В. Тетенькин // Известия лаборатории древних технологий. – 2014. – № 2. – С. 9–19.

72. Антонова, Ю. Е. Микростратиграфия Юго-Восточного комплекса верхнепалеолитического поселения Подзвонкая / Ю. Е. Антонова // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. П. В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – С. 22–28.
73. Антощенко-Оленев, И. В. Изменения природных обстановок плейстоцена и голоцена Забайкалья / И. В. Антощенко-Оленев // Природная среда и древний человек в позднем антропогене: сб. ст. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. – С. 40–48.
74. Астахов, С. Н. Методика исследования И. Т. Савенковым палеолитической стоянки Афонтова Гора III (Иванихин лог) / С. Н. Астахов // Развитие культуры в каменном веке: сб. тез. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 1997. – С. 77–78.
75. Астахов, С. Н. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске / С. Н. Астахов. – Санкт-Петербург: Европейский Дом, 1999. – 207 с.
76. Ауэрбах, Н. К. Палеолитическая стоянка Афонтова III / Н. К. Ауэрбах // Труды общества изучения Сибири и её производительных сил. – Новосибирск, 1930. – Вып. 7. – 59 с.
77. Ауэрбах, Н. К. Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий её нахождения на стоянке Афонтова Гора II / Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновский // Труды КПИЧП. – 1935. – № 1. – С. 45–114.
78. Базарова, Л. Д. Многослойное поселение Усть-Менза I (геология и культура) / Л. Д. Базарова, Л. В. Семина, А. В. Константинов // Геология кайнозоя Прибайкалья и Забайкалья. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1985. – С. 91–105.
79. Базарова, Л. Д. Палеогеографические реконструкции эпохи обитания первобытного человека в юго-западном Забайкалье (по материалам исследования археологических памятников): автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.04 / Л. Д. Базарова. – Новосибирск, 1985. – 16 с.
80. Базарова, Л. Д. Алтан – многослойный памятник позднего антропогена Забайкалья / Л. Д. Базарова, Л. В. Семина, Ю. П. Сурин // Природная среда и древний человек в позднем антропогене. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. – С. 167–179.
81. Базарова, Л. Д. Древние поселения как природно-исторические памятники / Л. Д. Базарова, М. В. Константинов // Природная среда и древний человек в позднем антропогене. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. – С. 97–108.
82. Базаров, Д.-Д. Б. Четвертичные отложения и основные этапы развития рельефа Селенгинского среднегорья / Д.-Д. Б. Базаров. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. – 158 с.
83. Базаров, Д.-Д. Б. Кайнозой Прибайкалья и Западного Забайкалья / Д.-Д. Б. Базаров. – Новосибирск: Наука, 1986. – 180 с.
84. Белова, В. А. Растительность и климат позднего кайнозоя юга Восточной Сибири / В. А. Белова. – Новосибирск: Наука, 1985. – 158 с.
85. Белоусова, Н. Е. Каменные индустрии начала верхнего палеолита Горного Алтая: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Новосибирск, 2016. – 213 с.
86. Беляева, В. И. Жилище Пушкарей I и возможности его реконструкции / В. И. Беляева // Развитие культуры в каменном веке: тез. докл. на междунар. конф., посвящ. 100-летию отдела археологии МАЭ. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 1997. – С. 67–69.
87. Беляева, В. И. Роль жилого пространства в определении социальной организации человеческих коллективов эпохи верхнего палеолита / В. И. Беляева // Проблемы археологии: сб. науч. ст., посвящ. 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова. Сер. История и культура древних и средневековых обществ. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1998а. – Вып. 4. – С. 68–76.
88. Беляева, В. И. Некоторые принципы организации палеолитического поселения / В. И. Беляева // Поселения, среда, культура, социум: материалы тематической науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 6–9 окт. 1998 г.). – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1998б. – С. 47–49.

-
89. Беляева, В. И. Единицы культурного слоя: теория и практика / В. И. Беляева // Локальные различия в каменном веке: тез. докл. на междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С. Н. Замятина. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 1999. – С. 63–66.
90. Беляева, В. И. Палеолитическая стоянка Пушкари 1 (характеристика культурного слоя) / В. И. Беляева. – Санкт-Петербург, 2002. – 154 с.
91. Бибииков, С. Н. Некоторые аспекты палеолитического моделирования палеолита / С. Н. Бибииков // Советская археология. – 1969. – № 4. – С. 5–23.
92. Бибииков, С. Н. К социальной интерпретации мустьерских поселений / С. Н. Бибииков // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений: тез. докл. на объединённом симп. метод. семинара (г. Ленинград, 23–26 апр. 1973 г.). – Ленинград: Наука, 1974. – С. 14–16.
93. Бобринев, В. П. Древесные растения Читинской области: учеб.-метод. пособие / В. П. Бобринев. – Чита: Читин. обл. тип., 2000. – 195 с.
94. Богораз, В. Г. Материальная культура чукчей: пер. с англ. / В. Г. Богораз. – Москва: Наука, 1991. – С. 262.
95. Бонч-Осмоловский, Г. А. К вопросу об эволюции древне-палеолитических индустрий / Г. А. Бонч-Осмоловский // Человек. – 1928. – № 2–4. – С. 147–186.
96. Бонч-Осмоловский, Г. А. Итоги изучения крымского палеолита / Г. А. Бонч-Осмоловский // Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы: материалы междунар. конф. – Ленинград, 1934. – Вып. 5.
97. Бонч-Осмоловский, Г. А. Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма / Г. А. Бонч-Осмоловский. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1940. – Вып. 1.
98. Борисенко, В. И. Программный комплекс сопровождения археологических баз данных и анализа распределения массового материала в культурном слое поселений / В. И. Борисенко, В. Ю. Бубнов, А. С. Смирнов // Компьютеры в археологии. Опыт компьютерной обработки археологических материалов: материалы конф. (г. Москва, апр. 1993 г.). – Москва: Изд-во ИА РАН, 1996. – 116 с.
99. Борисковский, П. И. К вопросу о стадильности в развитии палеолит / П. И. Борисковский // Известия ГАИМК. – 1932. – Т. XIV, вып. 4. – С. 9–40.
100. Борисковский, П. И. Пушкаревское палеолитическое жилище / П. И. Борисковский // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1940. – Вып. VII. – С. 81–86.
101. Борисковский, П. И. Начальный этап первобытного общества / П. И. Борисковский. – Ленинград: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1950. – 138 с.
102. Борисковский, П. И. Палеолит Украины / П. И. Борисковский // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1953. – № 40. – 464 с.
103. Борисковский, П. И. Палеолитические жилища на территории СССР и этнографические параллели к ним / П. И. Борисковский // Доклады на V Междунар. конгрессе антропологов и этнографов. – Москва: Изд-во АН СССР, 1956. – 32 с.
104. Борисковский, П. И. Древнейшее прошлое человечества / П. И. Борисковский. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1957. – 222 с.
105. Борисковский, П. И. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе / П. И. Борисковский // Советская археология. – № 1. – 1958. – С. 3–19.
106. Бухтоярова, И. М. С. Н. Замятин и открытие первого палеолитического жилища в СССР / И. М. Бухтоярова // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2014. – С. 74–78.
107. Васильев, С. А. Проблемы реконструкции палеолитических стоянок в свете данных этноархеологии (обзор современной зарубежной литературы) / С. А. Васильев // Про-

блемы интерпретации археологических источников: сб. науч. тр. – Орджоникидзе, 1987. – С. 69–74.

108. Васильев, С. А. Особенности исследования сибирских аллювиальных палеолитических стоянок / С. А. Васильев // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1990. – Вып. 2. – С. 62–64.

109. Васильев, С. А. Палеолитические жилища стоянки Уй II на Енисее: опыт планиграфического анализа / С. А. Васильев, Н. Н. Бойко // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. – Красноярск: ИАиЭ, 1992. – С. 31–33.

110. Васильев, С. А. Поздний палеолит верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / С. А. Васильев. – Санкт-Петербург, 1996а. – 40 с.

111. Васильев, С. А. Поздний палеолит верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны) / С. А. Васильев. – Санкт-Петербург, 1996б. – 224 с.

112. Васильев, С. А. Русская дореволюционная археология палеолита / С. А. Васильев // ... На пользу и развитие русской науки: сб. ст. – Чита: ЧГПУ, 1999. – С. 5–28.

113. Васильев, С. А. Фаунистические остатки и реконструкция характера охоты палеолитического человека на Верхнем Енисее: по материалам многослойных стоянок в районе Майнинской ГЭС / С. А. Васильев, А. К. Каспаров, Ю. С. Свеженцев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 26–30.

114. Васильев, С. А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских учёных / С. А. Васильев. – Санкт-Петербург, 2008. – 179 с.

115. Васильев, С. Г. Поселение Толбага (новый этап исследований) / С. Г. Васильев, О. В. Кузнецов, М. Н. Мешерин // Природная среда и древний человек в позднем антропогене: сб. ст. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. – С. 109–121.

116. Васильев, С. Г. Палеолитическое поселение Толбага в свете новых раскопок / С. Г. Васильев, Л. В. Макагон // Проблемы археологии Северной Азии (к 80-летию академика А. П. Окладникова): тез. докл. – Чита, 1988. – С. 104–105.

117. Васильев, С. Г. Остеологические остатки в археологической интерпретации природного материала / С. Г. Васильев // Природные ресурсы Забайкалья и проблемы природопользования: материалы науч. конф. – Чита: ЧИПР СО РАН, 2001. – С. 382–383.

118. Васильев, С. Г. Стоянка Толбага: поселенческая деятельность человека в ранней стадии верхнего палеолита Забайкалья / С. Г. Васильев, Е. П. Рыбин // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 4. – С. 13–34.

119. Величко, А. А. Геологический возраст верхнего палеолита центральный районов Русской равнины / А. А. Величко – Москва: Изд-во АН СССР, 1961. – 296 с.

120. Верещагин, С. Б. Новые результаты исследований позднеплейстоценовых горизонтов поселения Усть-Менза-1 / С. Б. Верещагин // Древние культуры Монгольской и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (г. Иркутск, 3–7 мая, 2011 г.) / под общ. ред. А. В. Харинского. – Иркутск: Изд-во ИрГУ, 2011. – Вып. 2. – С. 30–34.

121. Виноградова, Е. А. Организация производственной деятельности на периферийной области стоянки Каменная Балка II (верхний палеолит) / Е. А. Виноградова, Н. Б. Леонова // Историческая археология: традиция и перспективы: к 80-летию Д. А. Авдусина / под ред. Т. А. Пушкина. – Памятники исторической мысли. – Москва, 1998. – С. 50–66.

122. Виноградова, Е. А. Возможности изучения кремневых верхнепалеолитических материалов с использованием электронной базы данных / Е. А. Виноградова, О. П. Шейпак // Stratum Plus. – 1999. – № 1. – С. 219–223.

123. Виноградова, Е. А. Планировка верхнепалеолитических поселений: древний рельеф и хозяйственно-бытовая структура памятника / Е. А. Виноградова // Донская археология. – 2000. – № 3–4. – С. 34–37.

-
124. Виноградова, Е. А. Характер системы жизнеобеспечения на базовых стоянках каменнобалковской культуры / Е. А. Виноградова // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород, 2011. – Т. 1. – С. 36–37.
125. Виноградова, Е. А. Характерные особенности каменного инвентаря верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II (основной слой) / Е. А. Виноградова // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – С. 36–41.
126. Воеводский, М. В. К методике раскопок открытых палеолитических стоянок / М. В. Воеводский // Доклады и сообщ. исторического факультета МГУ. – Москва, 1948. – Вып. 7. – С. 82–86.
127. Воеводский, М. В. К методике открытых палеолитических стоянок / М. В. Воеводский // Доклады и сообщения МГУ. – Москва: Изд-во МГУ, 1952. – Вып. 7. – С. 82–86.
128. Волков, П. В. Экспериментальные исследования отопительных костров древности / П. В. Волков // Методология и методика археологических реконструкций: сб. науч. тр. / отв. ред. А. П. Деревянко, Ю. П. Холушкин. – Новосибирск: ИАИЭ, 1994. – С. 104–112.
129. Волков, П. В. Экспериментальный археологический полигон «Денисова пещера» / П. В. Волков // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий: материалы междунар. конф. – Красноярск: РИО КГПУ, 2000. – С. 25–28.
130. Волков, П. В. Экспериментальная археология при планиграфических исследованиях: учеб.-метод. пособие / П. В. Волков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 82 с.
131. Гаврилов, К. Н. Новый комплекс верхнепалеолитической стоянки Хотыльёво 2: пространственная структура и стратиграфия культурного слоя / К. Н. Гаврилов, Е. В. Воскресенская // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 2012. – № 227. – С. 71–83.
132. Гаврилов, К. Н. «Жилища» аносовско-мезинского типа: происхождение и интерпретация / К. Н. Гаврилов // Stratum Plus. – 2015. – № 1. – С. 187–204.
133. Гаврилов, К. Н. Верхний палеолит бассейна Десны. Преемственность и вариативность в развитии материальной культуры / К. Н. Гаврилов. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. – 132 с.
134. Гвоздовер, М. Д. О раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1947 г. / М. Д. Гвоздовер // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1950. – Вып. 31. – С. 17–27.
135. Гвоздовер, М. Д. О фациальности в верхнем палеолите / М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьев // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1975. – № 141. – С. 12–16.
136. Гвоздовер, М. Д. Клад кремня из верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II / М. Д. Гвоздовер, Н. Б. Леонова // Проблемы палеолита восточной и центральной Европы: сб. ст. – Ленинград: Наука, 1977. – С. 127–136.
137. Гвоздовер, М. Д. Новое в методике раскопок открытых стоянок верхнего палеолита / М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьев // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1990. – Вып. 202. – С. 21–23.
138. Геология и культура древних поселений Забайкалья / Д.-Д. Б. Базаров [и др.]. – Новосибирск: Наука, 1982. – 162 с.
139. Герасимов, М. М. Мальта – палеолитическая стоянка (предварительные данные): результат работ 1928/1929 гг. / М. М. Герасимов. – Иркутск: Изд. краевого музея, 1931а. – 52 с.

-
140. Герасимов, М. М. Палеолитическая стоянка в Мальте / М. М. Герасимов // Сообщения ГАИМК. – 1931б. – № 11–12. – С. 28–52.
141. Герасимов, М. М. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта / М. М. Герасимов // Известия ГАИМК. – 1935. – Вып. 118. – С. 78–124.
142. Герасимов, М. М. Поздние палеолитические стоянки реки Белой / М. М. Герасимов // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1940. – № 6–7. – С. 122–124.
143. Герасимов, М. М. Обработка кости на палеолитической стоянке в селе Мальта / М. М. Герасимов // Палеолит и неолит СССР: материалы и исследования по археологии СССР. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 65–85.
144. Герасимов, М. М. Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956–1957 гг.) / М. М. Герасимов // Советская этнография. – 1958. – № 3. – С. 28–52.
145. Гиря, Е. Ю. Костёнки, палеолитоведение / Е. Ю. Гиря, А. Ресино-Леон, С. А. Семенов // Археологические вести. – 2002. – № 9. – С. 173–190.
146. Гиря, Е. Ю. О разнообразии морфологических значений изделий с резцовыми сколами. Резцы стоянок Хороказова пункт Тома, Студёное-2 и Костёнки / Е. Ю. Гиря, Х. Кимура, И. И. Разгильдеева // Записки Института материальной культуры РАН. – 2013. – № 8. – С. 53–80.
147. Гиря, Е. Ю. Палеолитическая стоянка Костёнки 1 (верхний слой) как опорный памятник и источниковая база развития экспериментально-трассологической методики в отечественной археологии [Электронный ресурс] / Е. Ю. Гиря // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – 2015а. – С. 60–102. – Режим доступа: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator> (дата обращения: 24.09.2018).
148. Гиря, Е. Ю. Анализ каменных индустрий: морфология, морфография, контекст / Е. Ю. Гиря // Методы изучения каменных артефактов: материалы междунар. конф. – Санкт-Петербург: РФФИ; ИИМК РАН, 2015б. – С. 24–28.
149. Гиря, Е. Ю. Доказательная интерпретация каменных индустрий: морфономия, морфология, контекст / Е. Ю. Гиря // Древний человек и камень: технология, форма, функция. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2017. – С. 34–45.
150. Гладких, М. И. Малые жилища в позднем палеолите Восточной Европы / М. И. Гладких // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений: тез. докл. на объединённом симп. (г. Ленинград, 23–26 апр. 1973 г.). – Ленинград: Наука, 1974. – С. 21–22.
151. Горельченкова, О. А. Каменный инвентарь 19-го культурного слоя стоянки Лиственка / О. А. Горельченкова // Молодая археология и этнология Сибири: материалы регион. конф. Ч. 1. Доклады. – Чита: ЗабГПУ, 1999. – С. 60–62.
152. Городцов, В. А. Руководство для археологических раскопок / В. А. Городцов. – Издание Императорского Московского Археологического Института Имени Императора НИКОЛАЯ II. – Москва, 1914. – 63 с.
153. Городцов, В. А. Археология. Т. 1. Каменный период / В. А. Городцов. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1923. – 397 с.
154. Городцов, В. А. Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. / В. А. Городцов // Труды отделения РАНИОН. – Москва, 1926. – Т. 1. – С. 5–36.
155. Городцов, В. А. Тимоновская палеолитическая стоянка. Результаты археологических раскопок в 1933 г. / В. А. Городцов. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1935. – 35 с.
156. Грехова, Л. В. Планиграфия Тимоновской стоянки / Л. В. Грехова // Наследие В. А. Городцова и проблемы современной археологии // Труды ГИМ. – Москва, 1988. – Вып. 68. – С. 74–85.

-
157. Грехова, Л. В. Опыт реконструкции по архивным данным утраченного плана 1935 г. палеолитической стоянки Елисеевичи / Л. В. Грехова // Российская археология. – 1993. – № 4. – С. 173–182.
158. Грехова, Л. В. Структура культурного слоя стоянки Елисеевичи по материалам раскопок 1970–1980 гг. / Л. В. Грехова // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 2014. – Вып. 235. – С. 188–210.
159. Гречкина, Т. Ю. Реконструкция видов производственной деятельности в позднем палеолите (по данным планиграфии и ремонтажа материалов Кокоревских стоянок): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Т. Ю. Гречкина. – Ленинград, 1984а. – 247 с.
160. Гречкина, Т. Ю. Реконструкция видов производственной деятельности в позднем палеолите (по данным планиграфии и ремонтажа материалов Кокоревских стоянок): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Т. Ю. Гречкина. – Ленинград, 1984б. – 24 с.
161. Григорьев, Г. П. Верхний палеолит / Г. П. Григорьев // Каменный век на территории СССР. – Москва: Наука, 1970. – С. 43–64.
162. Григорьева, Г. В. Распределение костяных изделий на верхнепалеолитическом поселении Юдиново (межжилищная площадь) / Г. В. Григорьева // Записки ИИМК РАН. – Вып. 3. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 80–97.
163. Гричан, Ю. В. Палеолитическое жилище: его геометрия и экология / Ю. В. Гричан // Природа. – 1981. – № 6. – С. 96–102.
164. Гричан, Ю. В. Новые аспекты палеоэкологии в позднепалеолитических памятниках Забайкалья (по материалам поселения Варварина Гора) / Ю. В. Гричан // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 9–16.
165. Грищенко, М. Н. Опыт геологического сопоставления верхнепалеолитических стоянок Авдеево на Сейме и Костёнки 1 (Полякова) на Дону / М. Н. Грищенко // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1951. – Вып. 16. – С. 34–41.
166. Громов, В. И. Автобиография В. И. Громова / В. И. Громов // ... На пользу и развитие русской науки: сб. ст. / М. В. Константинов, А. В. Константинов. – Чита: ЗабГПУ, 1999. – С. 33–51.
167. Грон, О. Что такое поселение охотников собирателей? Этно-археологический и междисциплинарный подход / О. Грон, О. В. Кузнецов // Археология Арктики. – Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. – Вып. 2. – С. 17–25.
168. Елинек, Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека / Я. Елинек. – Прага: Артия, 1982. – 560 с.
169. Ермолова, Н. М. Охотничья деятельность человека / Н. М. Ермолова // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1985. – Вып. 181. – С. 9–12.
170. Ефименко, П. П. Костенковская палеолитическая стоянка / П. П. Ефименко // Ежегодник Русского антропологического Общества. – 1915. – Т. 5. – С. 13–26.
171. Ефименко, П. П. Из исследований в области палеолита СССР за последние годы / П. П. Ефименко // Сообщения ГАИМК. – 1932. – № 9–10. – С. 24–27.
172. Ефименко, П. П. Костёнки-1 / П. П. Ефименко. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958. – 451 с.
173. Желтова, М. Н. Костёнки-4: взаиморасположение объектов в пространстве и времени (анализ культурного слоя) / М. Н. Желтова // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2. – С. 19–27.
174. Желтова, М. Н. Сопоставление жилых комплексов Костёнок-4 на основе данных планиграфического анализа / М. Н. Желтова // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. 1. – С. 68–69.

-
175. Желтова, М. Н. Костёнки-4: опыт реконструкции участка культурного слоя / М. Н. Желтова // Археологические вести. – 2015а. – Вып. 20. – С. 55–68.
176. Желтова, М. Н. Планиграфический анализ жилых комплексов стоянки Костёнки-4: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / М. Н. Желтова. – Санкт-Петербург, 2015б. – 497 с.
177. Жуков, В. М. Климат / В. М. Жуков / под общ. ред. И. П. Герасимова // Предбайкалье и Забайкалье. – Москва: Наука, 1965. – С. 91–127.
178. Журбин, И. В. Компьютерное моделирование культурного слоя археологических памятников / И. В. Журбин // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 2006. – № 220. – С. 186–207.
179. Замятнин, С. Н. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. / С. Н. Замятнин // Сообщения ГАИМК. – Москва; Ленинград, 1929. – С. 209–214.
180. Замятнин, С. Н. Раскопки у с. Гагарина / С. Н. Замятнин // Известия ГАИМК. – 1936. – Вып. 118. – С. 73–77.
181. Замятнин, С. Н. Очерки по палеолиту / С. Н. Замятнин / под ред. М. З. Паничкиной. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961. – 121 с.
182. Иванова, М. А. Жилой комплекс Гмелинской позднепалеолитической стоянки в Костёнках / М. А. Иванова // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1981. – № 165. – С. 37–42.
183. Иванова, М. А. Структура Гмелинского палеолитического поселения (по результатам планиграфического и типологического анализа кремневого инвентаря): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / М. А. Иванова. – Ленинград, 1985. – 17 с.
184. Иванова, М. А. Структура Гмелинского палеолитического поселения (по результатам планиграфического и типологического анализа кремневого инвентаря): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / М. А. Иванова. – Ленинград, 1985. – 172 с.
185. Инешин, Е. М. Введение к системно-деятельному подходу в практике археологических исследований / Е. М. Инешин, А. В. Тетенькин // Методы естественных наук в археологических реконструкциях / отв. ред. А. П. Деревянко, Ю. П. Холушкин. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 1995. – Ч. 1. – С. 5–10.
186. Инешин, Е. М. Некоторые аспекты применения системно-деятельного подхода в планиграфических исследованиях / Е. М. Инешин, А. В. Тетенькин // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: Изд-во Ин-та истории ДВО РАН, 1998. – С. 11–22.
187. Инешин, Е. М. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I / Е. М. Инешин, А. В. Тетенькин. – Новосибирск: Наука, 2010. – 270 с.
188. Инешин, Е. М. Проблема определения археологических связей в бассейне р. Витим (Витимское плоскогорье, Байкало-Патомское нагорье) / Е. М. Инешин, А. В. Тетенькин // Древние культуры Монгольской и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (г. Иркутск, 3–7 мая, 2011 г.) / под общ. ред. А. В. Харинского. – Иркутск: Изд-во ИрГУ, 2011. – Вып. 2. – С. 96–104.
189. Информационные технологии в гуманитарных исследованиях / под ред. Ю. П. Холушкина: сб. тр. – Новосибирск: Изд-во НИИ МИОО НГУ, 1998. – Вып. 1. – 96 с.
190. Информационные технологии в гуманитарных исследованиях / под ред. Ю. П. Холушкина: сб. тр. – Новосибирск: Изд-во НИИ дискретной математики и информатики, 2000. – Вып. 2. – 100 с.
191. История Сибири / гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. – Ленинград: Наука, 1968. – Т. 1. – 454 с.
192. История человеческого жилища с древнейших времён до наших дней. – Москва: Русская мысль, 1901. – 200 с.

193. Итоги исследования Студёновского археологического комплекса (Забайкалье) / М. В. Константинов, А. В. Константинов, Л. В. Екимова, И. И. Разгильдеева // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: материалы Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня рождения М. М. Герасимова. – Иркутск: Оттиск, 2007. – Т. 1. – С. 302–307.
194. Кабо, В. Р. Теоретические проблемы реконструкции первобытности / В. Р. Кабо // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. – Москва: Наука, 1979. – С. 60–108.
195. Каменный век Южного Приангарья. Бельский геоархеологический район / Г. И. Медведев [и др.] // Современные проблемы палеолитоведения Евразии: путеводитель междунар. симп. (г. Иркутск, 1–9 авг. 2001 г.) / отв. ред. Г. И. Медведев. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2001. – Т. 1. – 242 с.
196. Карасев, В. В. Палеолитическое местонахождение Приисковое / В. В. Карасев, В. К. Колосов, В. В. Крушевский // Новые палеолитические памятники Забайкалья (к Всемирному археологическому интер-конгрессу): сб. науч. ст. – Чита: ЧитПИ, 1996. – С. 70–103.
197. Кащенко, Н. Ф. К вопросу об одновременном существовании человека и мамонта / Н. Ф. Кащенко // Труды Археологического съезда в Риге 1896 г. – Москва, 1899. – Т. 1. – С. 64–70.
198. Кащенко, Н. Ф. Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком / Н. Ф. Кащенко // Записки Императорской АН по физико-математическому отделению. – 1901. – Т. XI, № 7. – С. 1–60.
199. Клевезаль, Г. А. Принципы и методы определения возраста млекопитающих / Г. А. Клевезаль. – Москва: Т-во научных изд. КМК, 2007. – 283 с.
200. Кириллов, И. И. Исследования в Читинской области / И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев // Археологические открытия 1970 года. – Москва: Наука, 1971. – С. 186–188.
201. Кириллов, И. И. Исследования в Восточном Забайкалье / И. И. Кириллов, М. В. Константинов // Археологические открытия 1973 г. – Москва: Наука, 1974. – С. 206.
202. Кириллов, И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье: учеб. пособие / И. И. Кириллов. – Иркутск, 1979. – 95 с.
203. Кириллов, И. И. Хозяйственно-бытовые комплексы и некоторые группы артефактов как свидетельства развития духовной культуры и зарождения научных знаний в позднем палеолите (на примере многослойного поселения Сухотино-4) / И. И. Кириллов // Культурно-исторические формы поведения человека. – Чита: Поиск, 2003. – С. 3–11.
204. Кириллов, И. И. Сквозь мглу тысячелетий и веков. Рассказы археолога о забайкальских древностях / И. И. Кириллов. – Чита: ЗабГПУ, 2011. – 140 с.
205. Кириллов, И. И. Избранные труды / сост. О. А. Яремчук [и др.]. – Чита: ЗабГУ, 2017. – 225 с.
206. Клейн, Л. С. Археологическая типология / Л. С. Клейн. – Ленинград: ЛФ ЦЭН-ДИСИ, 1991. – 447 с.
207. Коваленко, В. А. «Атипичные» орудия палеолитического комплекса Варварина Гора в контексте планиграфии / В. А. Коваленко, Д. В. Смычагина // Студент и научно-технический прогресс: археология: материалы 51-й Междунар. науч. студ. конф. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2013. – С. 17–18.
208. Кононенко, О. Н. Пространственное распределение каменных артефактов стоянки Радомысль I и ревизия её места в реконструкциях верхнепалеолитического общества / О. Н. Кононенко // Stratum Plus. – 2018. – № 1. – С. 105–124.

---

209. Константинов, А. В. Палеолитические жилища Чикойско-Мензинской провинции Западного Забайкалья: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / А. В. Константинов. – Санкт-Петербург, 1992. – 206 с.

210. Константинов, А. В. Жилища народов Сибири и Северной Америки (истоки и традиции) / А. В. Константинов // Культурные традиции народов Сибири и Америки: преемственность и экология (горизонты комплексного изучения): сб. материалов. – Чита: ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского, 1995. – С. 89–92.

211. Константинов, А. В. История исследования палеолитических жилищ Сибири / А. В. Константинов // ... На пользу и развитие русской науки. – Чита: ЗабГПУ, 1999а. – С. 85–158.

212. Константинов, А. В. Палеолитические жилища Сибири: итоги и перспективы изучения / А. В. Константинов // Молодая археология и этнология Сибири. Ч. 1. Доклады. – Чита: ЗабГПУ, 1999. – С. 49–52.

213. Константинов, А. В. Древние жилища Забайкалья: палеолит, мезолит / А. В. Константинов. – Новосибирск: Наука, 2001. – 224 с.

214. Константинов, А. В. Реконструкции древнего жилища в форме чума / А. В. Константинов // Древнее Забайкалье: культура и природа: сб. ст. – Чита: ЗабГПУ, 2009. – С. 33–37.

215. Константинов, А. В. Изучение палеолитического жилища на поселении Косая Шивера-2 (Западное Забайкалье) / А. В. Константинов, Е. А. Филатов // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф. / отв. ред. П. В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – Т. 1. – С. 59–66.

216. Константинов, М. В. Палеолит Западного Забайкалья / М. В. Константинов // Палеолит и мезолит юга Сибири: сб. науч. тр. – Иркутск: ИГУ, 1982. – С. 154–173.

217. Константинов, М. В. Палеолитические горизонты поселения Студёное / М. В. Константинов, А. В. Константинов, Л. В. Семина // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 91–104.

218. Константинов, М. В. Древние охотники и рыболовы Забайкалья / М. В. Константинов, Н. Д. Оводов, Г. Л. Карасев // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1985. – Вып. 181. – С. 50–52.

219. Константинов, М. В. Методика исследований многослойных поселений эпохи камня и палеометалла Сибири / М. В. Константинов // Археологические и этнографические исследования Восточной Сибири (итоги и перспективы): тез. докл. к регион. конф. (г. Иркутск, 13–15 окт. 1986 г.). – Иркутск: ИГУ, 1986. – С. 69–71.

220. Константинов, М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии: к Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996) / М. В. Константинов. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН; Чита: ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского, 1994. – 163 с.

221. Константинов, М. В. Палеолитические жилища восточного региона Байкальской Азии / М. В. Константинов // Культурные традиции народов Сибири и Америки: преемственность и экология (горизонты комплексного изучения): сб. материалов. – Чита: ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского, 1995. – С. 92–97.

222. Константинов, М. В. Студёное / М. В. Константинов, А. В. Константинов, Л. В. Екимова, И. И. Разгильдеева // Малая энциклопедия Забайкалья. Сер. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 277–280.

223. Кошелева, Е. А. Использование компьютерных технологий при моделировании системы адаптации «Человек – окружающая среда» / Е. А. Кошелева // Пути эволюционной географии: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти А. А. Величко (г. Москва, 23–25 нояб. 2016 г.). – Москва: Ин-т географии РАН, 2016. – С. 679–682.

224. Кривенко, В. А. Геологическое строение правобережья р. Чикой (в приустьевой части долины руч. Студёного) / В. А. Кривенко // Человек, среда, время: материалы науч. семинаров полевого лагеря «Студёное». – Чита: ЗабГПУ, 2003. – С. 42–47.
225. Кузнецов, О. В. Позднепалеолитические индустрии Западного Забайкалья (технологический, типологический и функциональный анализ): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06 / О. В. Кузнецов. – Санкт-Петербург, 1996а. – 305 с.
226. Кузнецов, О. В. Характер культурно-хозяйственной адаптации позднепалеолитического населения западного Забайкалья / О. В. Кузнецов // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: тез. докл. междунар. конф. – Улан-Удэ, 1996б. – Ч. 2. – С. 34–37.
227. Кузнецов, О. В. Этноархеология охотников и собирателей Забайкалья / О. В. Кузнецов // Человек, среда, время: материалы науч. семинаров полевого лагеря «Студёное». – Чита: ЗабГПУ, 2003. – С. 83–96.
228. Кузнецов, О. В. Этноархеология и поселенческая археология палеолитических охотников и собирателей / О. В. Кузнецов // Этнографо-археологические комплексы. Проблема культуры и социума. – Омск: Наука, 2006. – Т. 9. – С. 9–26.
229. Кулаков, В. С. Чикойская впадина / В. С. Кулаков, С. М. Сеница, М. В. Константинов // Малая энциклопедия Забайкалья: природное наследие / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2009. – С. 637–638.
230. Кунгуров, А. Л. История открытия и изучения палеолита Алтая: учеб. пособие / А. Л. Кунгуров, А. Г. Цыро. – Барнаул: Азбука, 2006. – 144 с.
231. Ларичев, В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии / В. Е. Ларичев. Ч. 1. Азия и проблема родины человека (история идей и исследования). – Новосибирск: Наука, 1969. – 390 с.
232. Ларичев, В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии / В. Е. Ларичев. – Ч. 2. Азия и проблемы локальных культур (исследования и идеи). – Новосибирск: Наука, 1972. – 414 с.
233. Ларичев, В. Е. Большое видится на расстоянии (документы истории открытия и первых лет раскопок Мальты) / В. Е. Ларичев // Вестник Антропологии. – 1998. – № 5. – С. 27–40.
234. Ларичев, В. Е. Системы счисления времени в древнекаменном веке Забайкалья (расшифровка знаковых текстов “Baton descommandement” поселения Студёного-2) / В. Е. Ларичев // Забайкалье в геополитике России: материалы междунар. симп. (г. Чита, 26 авг. – 1 сент. 2003 г.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – С. 33–36.
235. Лбова, Л. В. Брянский палеолитический комплекс (к обоснованию археологического района) / Л. В. Лбова // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. – Красноярск: ИАиЭ, 1992. – С. 162–165.
236. Лбова, Л. В. Проблема сезонности поселений палеолитического человека (местонахождение Каменка, Забайкалье) / Л. В. Лбова, М. Жермонпре // Культурные традиции народов Сибири и Америки: преемственность и экология (горизонты комплексного изучения): сб. материалов. – Чита: ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского, 1995. – С. 86–87.
237. Лбова, Л. В. Особенности планиграфической структуры комплекса А палеолитического местонахождения Каменка / Л. В. Лбова, А. А. Штейникова // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. – Иркутск, 1996. – Ч. 1. – С. 116–118.
238. Лбова, Л. В. Палеолитическое местонахождение Каменка / Л. В. Лбова // Новые памятники Забайкалья (к Всемирному интер-конгрессу, 1996 год): сб. науч. ст. – Чита: ЧГПИ, 1996. – С. 24–47.

---

239. Лбова, Л. В. Палеолитическое поселение Варварина Гора / Л. В. Лбова // Новые памятники Забайкалья (к Всемирному интер-конгрессу, 1996 год): сб. науч. ст. – Чита: ЧГПИ, 1996. – С. 11–23.

240. Лбова, Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья / Л. В. Лбова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.

241. Лбова, Л. В. Палеолит предгорных районов Западного Забайкалья: автореф. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / Л. В. Лбова. – Новосибирск, 2001. – 58 с.

242. Лбова, Л. В. Геоархеологический объект Санный Мыс: условия формирования и обстановки обитания древнего человека в Западном Забайкалье / Л. В. Лбова, В. Л. Коломиец, В. В. Савинова // Вестник НГУ. Сер. История, филология. Вып. 3. Археология и этнография. – 2007. – Т. 6. – С. 80–93.

243. Лбова, Л. В. Специфика планиграфических структур культурного слоя раннего верхнего палеолита комплекса Хотык (Западное Забайкалье) / Л. В. Лбова, Б. А. Базаров // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 89–93.

244. Лбова, Л. В. Признаки символического поведения в культурах начальной стадии верхнего палеолита в Забайкалье / Л. В. Лбова // С. Н. Бибиков и первобытная археология. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2009. – С. 236–239.

245. Лбова, Л. В. Характер поселений и использование каменного сырья в ранней поре верхнего палеолита западного Забайкалья (по материалам стоянок Каменка и Хотык) / Л. В. Лбова, Е. П. Рыбин, А. М. Клементьев // С. Н. Бибиков и первобытная археология. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2009. – С. 240–253.

246. Лев, С. Ю. Кремневые скопления как элемент структуры стоянки Зарайск В / С. Ю. Лев, Д. К. Еськова // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 2012. – Вып. 227. – С. 83–93.

247. Леонова, Е. В. Планиграфический анализ «дюнных» мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Е. В. Леонова. – Москва, 1998. – 171 с.

248. Леонова, Н. Б. Закономерности распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отражение в них специфики палеолитических поселений: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Н. Б. Леонова. – Москва, 1977а. – 170 с.

249. Леонова, Н. Б. Закономерности распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отражение в них специфики палеолитических поселений: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Н. Б. Леонова. – Москва, 1977б. – 20 с.

250. Леонова, Н. Б. Некоторые аспекты исследования кремневого материала на стоянках верхнего палеолита / Н. Б. Леонова // Вопросы антропологии. – Москва: Изд-во МГУ, 1977. – Вып. 54. – С. 167–179.

251. Леонова, Н. Б. Характер скопления камня на кремнедобывающих мастерских / Н. Б. Леонова // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 1980. – № 5. – С. 67–79.

252. Леонова, Н. Б. О методах изучения структуры верхнепалеолитических стоянок / Н. Б. Леонова // Вопросы антропологии. – 1983. – Вып. 71. – С. 104–110.

253. Леонова, Н. Б. Планиграфическое исследование свидетельств утилизации охотничьей добычи на материалах верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II / Н. Б. Леонова // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1985. – Вып. 181. – С. 12–17.

254. Леонова, Н. Б. Возможности планиграфии и микростратиграфии при современных полевых исследованиях / Н. Б. Леонова // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1990. – Вып. 202. – С. 13–17.

-
255. Леонова, Н. Б. Проблемы палеоэкологической характеристики культурных слоёв / Н. Б. Леонова, С. А. Несмеянов // Методы реконструкций в археологии. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 219–246.
256. Леонова, Н. Б. Региональная и локальная палеоэкология каменного века / Н. Б. Леонова, С. А. Несмеянов, И. Е. Матюшкин // Проблемы палеоэкологии древних обществ: сб. ст. – Москва: РОУ, 1993. – С. 5–18.
257. Леонова, Н. Б. Длительность обитания на верхнепалеолитических стоянках / Н. Б. Леонова // Проблемы палеоэкологии древних обществ: сб. ст. – Москва: РОУ, 1993. – С. 74–99.
258. Леонова, Н. Б. Современное палеолитоведение: методы, концепции, подходы: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / Н. Б. Леонова. – Москва, 1994. – 264 с.
259. Леонова, Н. Б. Жилые площадки камнебалковской культуры / Н. Б. Леонова // С. Н. Бибииков и первобытная археология. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2009. – С. 195–201.
260. Леонова, Н. Б. Культурный слой – возможности реконструкции систем природопользования и жизнеобеспечения / Н. Б. Леонова // Археологические источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий археологии каменного века: тез. конф. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. – С. 68–72.
261. Леонова, Н. Б. Специфические скопления культурных остатков на верхнепалеолитической стоянке Каменная Балка 2 / Н. Б. Леонова, Е. А. Виноградова // Проблемы археологии камня. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2014. – С. 88–98.
262. Леонова, Н. Б. Каменнобалковская культура – один из опорных комплексов верхнего палеолита Северного Причерноморья / Н. Б. Леонова // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований: Замятнинский сборник. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2015а. – Вып. 4. – С. 150–161.
263. Липнина, Е. А. Мальтинское местонахождение палеолитических культур: современное состояние изученности и перспективы исследования: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Е. А. Липнина. – Иркутск, 2002. – 230 с.
264. Лисицын, Н. Ф. Поздний палеолит юга Красноярского края и республики Хакасия: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / Н. Ф. Лисицын. – Санкт-Петербург, 1996. – 56 с.
265. Лисицын, Н. Ф. Относительная и абсолютная хронология позднего палеолита юга Средней Сибири / Н. Ф. Лисицын. – Санкт-Петербург: Препринт, 1997. – 119 с.
266. Лисицын, С. Н. Эпоха граветта в Костенках: культурная история и палеоландшафт / С. Н. Лисицын // Пути эволюционной географии: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти А. А. Величко (г. Москва, 23–25 нояб. 2016 г.). – Москва: Ин-т географии РАН, 2016. – С. 687–692.
267. Любин, В. П. Нижний палеолит / В. П. Любин // Каменный век на территории СССР. – Москва: Наука, 1970. – С. 19–43.
268. Любин, В. П. Изучение палеолита в СССР / В. П. Любин // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1981. – Вып. 165. – С. 3–8.
269. Мальтинское палеолитическое местонахождение (по итогам полевых работ 1995 года) / Г. Медведев [и др.]. – Иркутск: Арком, 1996. – 32 с.
270. Марченко, Д. В. Становление и развитие планиграфических исследований в области археологии верхнего палеолита в России / Д. В. Марченко // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – 2017. – Т. 16, № 7. – С. 26–38.

---

271. Массон, В. М. Вопросы социологической интерпретации древних жилищ и поселений / В. М. Массон // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений: тез. докл. на объединённом симп. метод. семинара (г. Ленинград, 23–26 апр. 1973 г.). – Ленинград: Наука, 1974. – С. 5–8.

272. Массон, В. М. Методологическая функция трасологии в системе археологических знаний / В. М. Массон // Современные экспериментально-трасологические и технико-типологические разработки в археологии: Первые Семёновские чтения. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 9–12.

273. Масштабные уровни палеоэкологических построений / Н. Б. Леонова, Е. А. Виноградова, О. А. Воейкова, С. А. Несмеянов // Пути эволюционной географии: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти А. А. Величко (г. Москва, 23–25 нояб. 2016 г.). – Москва: Ин-т географии РАН, 2016. – С. 754–756.

274. Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов / под общ. ред. Ю. В. Бромлея. – Москва: Наука, 1989. – Вып. 3. – С. 224.

275. Матющенко, В. И. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов): учеб. пособие / В. И. Матющенко. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1992. – 136 с.

276. Медведев, Г. И. Палеолит Южного Приангарья: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / Г. И. Медведев. – Иркутск, 1983. – 389 с.

277. Медведев, Г. И. Типизация «культурных отложений» и местонахождений каменного века / Г. И. Медведев, С. А. Несмеянов // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 113–142.

278. Медведев, С. П. Планиграфический анализ кремeneвого инвентаря верхнего культурного слоя стоянки Каменная Балка II / С. П. Медведев // Российская археология. – 2012. – № 2. – С. 60–66.

279. Методы изучения каменных артефактов: материалы междунар. конф. (г. Санкт-Петербург, 16–18 нояб. 2015 г.). – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2015. – 230 с.

280. Мещерин, М. Н. О находках произведений искусства «малых форм» на палеолитическом поселении Студёное-2 / М. Н. Мещерин, И. И. Разгильдеева // История и культура Востока Азии: материалы междунар. науч. конф. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 116–120.

281. Мещерин, М. Н. Экспериментальные данные в изучении жилищных конструкций / М. Н. Мещерин // Известия лаборатории древних технологий: в 2 т. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. – С. 112–116.

282. Микрофациальный анализ – новый комплексный метод анализа культурного слоя / Н. Б. Леонова [и др.] // Археологический альманах. – 2008. – № 19. – С. 87–94.

283. Миньков, Е. В. Охотничье хозяйство населения Северного Причерноморья в эпоху позднего палеолита (опыт реконструкции): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Е. В. Миньков. – Москва, 1991. – 19 с.

284. Миньков, Е. В. Система природопользования в позднем палеолите: метод и достоверность реконструкций (по материалам степной зоны) / Е. В. Миньков // Проблемы палеоэкологии древних обществ: сб. ст. – Москва: РОУ, 1993. – С. 19–59.

285. Многослойный памятник верхнего палеолита Северного Приазовья Каменная Балка II – история изучения и результаты исследований / Н. Б. Леонова, Е. А. Виноградова, С. П. Медведев, Б. Г. Плохенко // Исторические исследования. – 2015б. – № 3. – С. 46–75.

286. Моисеев, В. Г. Планиграфия культурного слоя и методы многослойной статистики / В. Г. Моисеев // Поселения, среда, культура, социум: материалы тематической науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 6–9 окт. 1998 г.). – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1998. – С. 49–51.

287. Москвитин, А. И. О геологических условиях Авдеевской верхнепалеолитической стоянки / А. И. Москвитин // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1950. – Вып. 31. – С. 28–33.
288. Нохрина, Т. И. Опыт построения пространственных моделей культурных горизонтов пещеры Бийка-1 (Горный Алтай) / Т. И. Нохрина, Д. В. Смычагина, Л. В. Лбова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 129–132.
289. Нужный, Д. Ю. Первое жилище межиричского верхнепалеолитического поселения: индустриальная вариабельность содержимого хозяйственных объектов / Д. Ю. Нужный, П. С. Шидловский // Палеолит и мезолит Восточной Европы: сб. ст., посвящ. 60-летию Х. А. Амирханова / отв. ред. К. Н. Гаврилов. – Москва: Ин-т археологии РАН: Таус, 2011. – С. 321–342.
290. Оетеллар, Дж. А. Жилища с покрытием из кожи и этнографические модели охотников и собирателей: на примере Канады и Сибири / Дж. А. Оетеллар // Известия Лаборатории древних технологий. – 2007. – № 1. – С. 63–74.
291. Окладников, А. П. Палеолитические жилища Бурети (по раскопкам 1936–1940 гг.) / А. П. Окладников // Краткие сообщения Института истории и материальной культуры. – 1941. – Вып. 10. – С. 16–31.
292. Окладников, А. П. Раскопки Ошурковской стоянки / А. П. Окладников, Е. А. Хамзина // Материалы и исследования по истории и филологии Центральной Азии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. – Вып. 2. – С. 190–195.
293. Окладников, А. П. Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита / А. П. Окладников // История Сибири. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1968. – Т. 1. – С. 37–93.
294. Окладников, А. П. Палеолитическое поселение в Сухотино (Титовская сопка) / А. П. Окладников, И. И. Кириллов // Известия Института СО АН СССР. Сер. общественных наук. – 1968. – Вып. 2, № 6. – С. 113–114.
295. Окладников, А. П. Многослойное поселение Санний Мыс на реке Уде, в 35 км ниже Хоринска, Бурятской АССР. (Раскопки 1968 года) / А. П. Окладников // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск: ИИФиФ, 1971. – Вып. 2. – С. 7–86.
296. Окладников, А. П. Варварина Гора – новый памятник леваллуазского этапа палеолита за Байкалом / А. П. Окладников // Археологические открытия за 1973 г. – Москва: Наука, 1974. – С. 215–216.
297. Окладников, А. П. История и культура Бурятии / А. П. Окладников. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 458 с.
298. Окладников, А. П. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы / А. П. Окладников, И. И. Кириллов. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.
299. Палеолит Енисея. Лиственка / Е. В. Акимова [и др.]; под общ. ред. А. П. Деревянко. – Красноярск: Универс: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 184 с.
300. Палеолитическое жилище на Санном Мысе: характер и возраст / С. Г. Васильев, Л. Д. Базарова, А. В. Константинов, М. В. Константинов // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 27–36.
301. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье) / Н. Б. Леонова [и др.]. – Москва: Научный мир, 2006. – 360 с.
302. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи / А. А. Величко, Л. В. Грехова, Ю. Н. Грибченко, Е. И. Куренкова. – Москва, 1997. – 191 с.
303. Пидопличко, И. Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонтов на Украине / И. Г. Пидопличко. – Киев: Наукова думка, 1969. – 177 с.

304. Пластеева, Н. А. Крупные млекопитающие Прибайкалья в голоцене / Н. А. Пластеева, А. М. Клементьев // Зоологический журнал. – 2018. – Т. 97, № 5. – С. 599–612.
305. Плохенко, Б. Г. Изучение фаунистических остатков в этноархеологии как пример палеоэкономических реконструкций / Б. Г. Плохенко // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология. – 2014. – № 4. – С. 119–129.
306. Плюснин, Ю. М. Экологические подходы к проблеме археологической реконструкции / Ю. М. Плюснин // Методология и методика археологических реконструкций: сб. науч. тр. / отв. ред. А. П. Деревянко, Ю. П. Холюшкин. – Новосибирск: ИАИЭ, 1994. – С. 34–42.
307. Поликарпович, К. М. Палеолит верхнего Поднепровья / К. М. Поликарпович. – Минск: Наука и техника, 1968. – 204 с.
308. По материалам исследований палеолитической стоянки Пушкари I: Пушкарёвский сборник. – Санкт-Петербург: Образование – Культура, 1997. – Вып. 1. – 96 с.
309. Поплевченко, Н. А. Планиграфическое изучение 19-го культурного слоя стоянки Лиственка / Н. А. Поплевченко, Е. В. Акимова // Молодая археология и этнология Сибири. Ч. 1. Доклады. – Чита: ЗабГПУ, 1999. – С. 80–81.
310. Поселения: среда, культура, социум: материалы тематической науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 6–9 окт. 1998 г.) – Санкт-Петербург: Изд-во СПбУ, 1998. – 216 с.
311. Постнов, А. В. Метод леваллуазского расщепления, реконструкций на основе ремонта артефактов стоянки Усть-Каракол-1 (Горный Алтай) / А. В. Постнов // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – № 3. – С. 16–20.
312. Праслов, Н. Д. Гмелинская стоянка в Костёнках / Н. Д. Праслов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1964. – Вып. 97. – С. 59–63.
313. Праслов, Н. Д. Столетие открытия палеолита в Костёнках / Н. Д. Праслов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1981. – № 165. Каменный век. – С. 9–12.
314. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье) / Л. В. Лбова [и др.]. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 208 с.
315. Проблемы научной экспертизы и практики изучения геологических объектов Байкальской Сибири (методология, методы, рекомендации) / Г. И. Медведев [и др.]. – Красноярск; Иркутск; Улан-Удэ: Арком, 1996. – 53 с.
316. Проблемы использования локальных элементов рельефа на стоянках открытого типа (микрофациальный уровень исследований) / Н. Б. Леонова [и др.] // Вістник Одеського національного університету. Сер. Географічні та геологічні науки. – 2014. – Т. 1, № 1. – С. 79–90.
317. Простакишина, Ю. И. Многослойный памятник эпохи палеолита Забайкалья Сухотино-4 / Ю. И. Простакишина // Проблемы археологии Северной Азии: к 80-летию А. П. Окладникова: тез. докл. (28–30 марта 1988 г.). – Чита, 1988. – С. 111–113.
318. Радиоуглеродное датирование палеолита Сибири и Дальнего Востока России: материалы к каталогу 14С дат (по состоянию на конец 2010 г.) / Я. В. Кузьмин [и др.] // Stratum Plus. – 2011. – № 1. – С. 171–200.
319. Разгильдеева, И. И. Предварительные итоги планиграфического изучения палеолитического жилища Студёное-2 / И. И. Разгильдеева // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1998. – С. 31–33.
320. Разгильдеева, И. И. Реконструкция традиций освоения охотничьих ресурсов древних поселений / И. И. Разгильдеева // Природные ресурсы Забайкалья и проблемы природопользования: материалы науч. конф. – Чита: ЧИПР СО РАН, 2001. – С. 392–395.

321. Разгильдеева, И. И. Планиграфия палеолитических жилищ Студёновского археологического комплекса (Западное Забайкалье): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / И. И. Разгильдеева. – Чита, 2002. – 273 с.: ил.
322. Разгильдеева, И. И. Планиграфия палеолитических жилищ Студёновского археологического комплекса (Западное Забайкалье): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / И. И. Разгильдеева. – Владивосток, 2003. – 28 с.
323. Разгильдеева, И. И. К проблеме выявления структурных элементов кратковременных поселений в условиях аллювиальных отложений / И. И. Разгильдеева // Шестые исторические чтения памяти М. П. Грязнова: материалы Всерос. науч. конф. (г. Омск, нояб. 2004 г.). – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. – С. 75–78.
324. Разгильдеева, И. И. Планиграфия жилищно-хозяйственных структур: метод кругового моделирования / И. И. Разгильдеева // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Москва: ИА РАН, 2008. – Т. 3. – С. 170–174.
325. Разгильдеева, И. И. Новые данные исследований поселения Студёное-1 (к вопросу о возрасте культурных горизонтов) / И. И. Разгильдеева, С. А. Решетова, В. Б. Попов // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Т. 1. Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырьё и приёмы обработки. – Санкт-Петербург: Наука, 2008. – С. 23–36.
326. Разгильдеева, И. И. Палеоклимат и планиграфия древних поселений / И. И. Разгильдеева, С. А. Решетова // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород, 2011. – Т. 1. – С. 81–83.
327. Разгильдеева, И. И. Поселение Студёное-2 (Западное Забайкалье): палеолитический комплекс 6-го культурного горизонта / И. И. Разгильдеева // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Улан-Батор, 5–9 сент. 2012 г.). – Улан-Батор, Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – Т. 1, вып. 3. – С. 102–107.
328. Разгильдеева, И. И. Планиграфия палеолитического комплекса Западного Забайкалья / И. И. Разгильдеева // Археологические вести. – 2013. – Вып. 19. – С. 12–25.
329. Разгильдеева, И. И. Археологические материалы категории «микро»: анализ и интерпретация хозяйственных структур древних поселений / И. И. Разгильдеева // Тверская земля и сопредельные территории в древности: материалы V Тверской археол. конф. / под ред. И. Н. Черных. – Тверь: Триада, 2015. – Т. 1, вып. 10. – С. 46–55.
330. Разгильдеева, И. И. Планиграфия шестиочажного комплекса позднепалеолитического поселения Студёное-2 в Забайкалье / И. И. Разгильдеева // Stratum Plus. – 2016. – № 1. – С. 243–263.
331. Разгильдеева, И. И. Контекстуальный анализ производственно-хозяйственной деятельности древних коллективов по данным кратковременных стоянок / И. И. Разгильдеева, П. В. Мороз // Stratum Plus. – 2017. – № 2. – С. 17–42.
332. Растительность Центрального Забайкалья в позднеледниковье и голоцене / С. А. Решетова [и др.] // География и природные ресурсы. – 2013. – Т. 34, № 2. – С. 110–117.
333. Решетова, С. А. Предварительные результаты палинологических исследований культурных слоёв многослойного поселения Студёное-2 в Западном Забайкалье / С. А. Решетова, М. В. Константинов, И. И. Разгильдеева // Палинология: теория и практика: XI Всерос. палинолог. конф. (г. Москва, 27 сент. – 1 окт. 2005 г.) – Москва: Арес, 2005. – С. 217–218.
334. Решетова, С. А. Реконструкция растительности и климат Забайкалья в позднеледниковье и голоцене (по палинологическим данным): дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.25 / С. А. Решетова. – Чита, 2016. – 160 с.
335. Рогачев, А. Н. Многослойные стоянки Костёнковско-Борщёвского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине / А. Н. Ро-

---

гачев // Палеолит и неолит: материалы и исследования по археологии. – 1957. – № 59. – С. 9–134.

336. Рогачев, А. Н. Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине / А. Н. Рогачев // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1962. – № 92. – С. 17.

337. Рогачев, А. Н. Палеолитические жилища и поселения в Восточной Европе / А. Н. Рогачев. – Москва: Наука, 1964. – 12 с.

338. Рогачев, А. Н. Палеолитические жилища и поселения / А. Н. Рогачев // Материалы и исследования по археологии. – 1970. – № 166. – С. 64–77.

339. Руководство по изучению палеоэкологии культурных слоёв древних поселений (полевые исследования: схема описания и отбор образцов) / С. А. Сычева [и др.]. – Москва, 1998. – 59 с.

340. Руководство по изучению палеоэкологии культурных слоёв древних поселений (лабораторные исследования) / под ред. Н. Б. Леоновой, С. А. Сычева. – Москва, 2000. – 88 с.

341. Селезнёв, А. Б. Верхнепалеолитические памятники бассейна р. Оки (вопросы организации жилого пространства и накопления культурного слоя) / А. Б. Селезнёв // Палеолит и мезолит Восточной Европы: сб. ст., посвящ. 60-летию Х. А. Амирханова / отв. ред. К. Н. Гаврилов. – Москва: Ин-т археологии РАН: Таус, 2011. – С. 280–309.

342. Сергеев, С. М. Позднепалеолитическая стоянка в окрестностях г. Бийска Алтайского края / С. М. Сергеев // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Сер. 47. Отдел геологии. – 1939. – Т. XVII. – С. 90–91.

343. Сергин, В. Я. Палеолитические жилища европейской части СССР: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / В. Я. Сергин. – Москва, 1973. – 187 с.

344. Сергин, В. Я. Палеолитические жилища европейской части СССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / В. Я. Сергин. – Москва, 1974. – 27 с.

345. Сергин, В. Я. О первом жилищно-хозяйственном комплексе Елисеевичей / В. Я. Сергин // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1975. – Вып. 141. – С. 58–62.

346. Сергин, В. Я. Раскопки на Гонцовском палеолитическом поселении / В. Я. Сергин // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1981. – Вып. 165. – С. 43–50.

347. Сергин, В. Я. Классификация палеолитических поселений с жилищами на территории СССР / В. Я. Сергин // Советская археология. – 1988. – № 3. – С. 5–20.

348. Сергин, В. Я. О сезонах обитания на палеолитических поселениях / В. Я. Сергин // Проблемы палеолита Восточной Европы. – 1992. – № 206. – С. 48–52.

349. Сергин, В. Я. Палеолитические поселения европейской части СССР (памятники с жилым обустройством): автореф. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / В. Я. Сергин. – Москва, 1992. – 52 с.

350. Сергин, В. Я. Палеолитические жилища поселения Мальта: раскопки 1928–1932 гг. / В. Я. Сергин // Российская археология. – Москва: Ин-т археологии РАН, 1996. – № 2. – С. 143–155.

351. Сергин, В. Я. Жилища на памятниках восточного граветта Русской равнины / В. Я. Сергин // Восточный граветт: тез. докл. междунар. colloquium. – Москва, 1997. – С. 151–176.

352. Сергин, В. Я. Сопоставление жилищ поселений среднеднепровского типа по костным остаткам / В. Я. Сергин // Палеолит и мезолит Восточной Европы: сб. ст., посвящ. 60-летию Х. А. Амирханова / отв. ред. К. Н. Гаврилов. – Москва: Ин-т археологии РАН: Таус, 2011. – С. 310–320.

---

353. Сергин, В. Я. О многослойности позднепалеолитических поселений среднеднепровского типа / В. Я. Сергин // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 2012. – Вып. 227. – С. 124–135.

354. Сергин, В. Я. Некоторые детали устройства жилища Костёнок-2 / В. Я. Сергин // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 2016. – Вып. 243. – С. 7–15.

355. Серых, Д. В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX века / Д. В. Серых. – Казань: Отечество, 2014. – 188 с.

356. Симоненко, А. А. Функционально-планиграфический анализ материалов комплекса № 2 первого слоя стоянки Третий мыс / А. А. Симоненко, О. И. Александрова // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 2014. – Вып. 235. – С. 211–229.

357. Сеницын, А. А. Граветт Костёнок в контексте граветта Восточной Европы / А. А. Сеницын // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы): сб. науч. ст. – Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2013. – С. 4–32.

358. Соффер, О. А. Экономика верхнего палеолита: продолжительность заселения стоянки на Русской равнине / О. А. Соффер // Российская археология. – 1993. – № 3. – С. 5–17.

359. Столяр, А. Д. Происхождение изобразительного искусства / А. Д. Столяр. – Москва: Искусство, 1985. – 300 с.

360. Стоянка Хотылёво 2 – пункт В: новые данные о возрасте и пространственной организации культурного слоя / К. Н. Гаврилов, Е. В. Воскресенская, Е. Дука, Е. Н. Машенко // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 2014. – Вып. 235. – С. 130–153.

361. Студёновский археологический комплекс / М. В. Константинов, А. В. Константинов, Л. В. Екимова, И. И. Разгильдеева // Человек. Среда. Время: материалы науч. семинаров полевого лагеря «Студёное». – Чита: ЗабГГПУ, 2003. – С. 8–20.

362. Тарасов, Л. М. Новые сведения о жилище в Гагарине / Л. М. Тарасов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1973. – Вып. 137. – С. 63–69.

363. Тарасов, Л. М. Об изучении палеолитических жилищ / Л. М. Тарасов // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений: тез. докл. на объединённом симп. метод. семинара (г. Ленинград, 23–26 апр. 1973 г.). – Ленинград: Наука, 1974. – С. 19–21.

364. Тарасов, Л. М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы / Л. М. Тарасов. – Ленинград: Наука, 1979. – 166 с.

365. Тарасов, Л. М. О палеолитическом жилище / Л. М. Тарасов // Локальные различия в каменном веке: тез. докл. на междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С. Н. Замятина. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 1999. – С. 115–118.

366. Ташак, В. И. Усть-Кяхта-17 – многослойное поселение на реке Селенге / В. И. Ташак // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1993. – С. 47–63.

367. Ташак, В. И. Палеолитическое поселение Подзвонкая / В. И. Ташак // Новые памятники Забайкалья (к Всемирному интер-конгрессу, 1996 год): сб. науч. ст. – Чита: ЧитПИ, 1996. – С. 48–69.

368. Ташак, В. И. Планиграфические исследования на поселении Подзвонкая / В. И. Ташак, А. А. Никитин // Молодая археология и этнология Сибири. Ч. 1. Доклады. – Чита: ЗабГПУ, 1999. – С. 87–89.

369. Ташак, В. И. Локальная организация пространства как отражение мировоззрения человека в финале верхнего палеолита Забайкалья / В. И. Ташак, Ю. Е. Антонова // “Номо Eurasicus” у врат искусства. – Санкт-Петербург: Астерион, 2009. – С. 383–392.
370. Ташак, В. И. Очаг как объект культовой деятельности в позднем палеолите Забайкалья (по археологическим данным) / В. И. Ташак // *Stratum Plus*. – 2011. – № 1. – С. 303–318.
371. Ташак, В. И. К вопросу о добыче огня и его культуре в палеолите Западного Забайкалья / В. И. Ташак, Ю. А. Антонова // *Вестник НГУ. Сер. История, филология*. – 2012. – Т. 11, вып. 7. Археология и этнография. – С. 56–67.
372. Ташак, В. И. Стратиграфия и планиграфия палеолитического местонахождения Барун-Алан-1 / В. И. Ташак // *Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения: сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского*. – Томск: ТГУ, 2013. – Вып. 3. – С. 311–326.
373. Ташак, В. И. Очаги в структуре 3-го культурного горизонта Восточного комплекса Подзвонкой / В. И. Ташак // *Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры*. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – Вып. 3. – С. 142–158.
374. Ташак, В. И. Модель поведения населения эпохи палеолита Западного Забайкалья при выборе мест стоянок (по материалам Подзвонкой) / В. И. Ташак, Ю. Е. Антонова // *Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: материалы IX Всерос. совещания по изучению четвертичного периода (г. Иркутск, 15–20 сент. 2015 г.)*. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2015. – С. 455–457.
375. Ташак, В. И. Восточный комплекс палеолитического поселения Подзвонкая в Западном Забайкалье / В. И. Ташак. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2016. – 185 с.
376. Тетенькин, А. В. Многослойный памятник Коврижка III на Нижнем Витиме / А. В. Тетенькин // *Stratum Plus*. – 2016. – № 1. – С. 265–314.
377. Тетенькин, А. В. Результаты исследований многослойного геoarхеологического местонахождения Коврижка IV на Нижнем Витиме в 2014–2015 гг. / А. В. Тетенькин // *Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф.* / отв. ред. П. В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – Т. 1. – С. 94–98.
378. Тетенькин, А. В. Коврижка IV: позднепалеолитический комплекс 6-го культурного горизонта / А. В. Тетенькин, А. Анри, А. М. Клементьев // *Археологические вести*. – 2017. – Вып. 23. – С. 33–55.
379. Туров, В. П. Эвенки: экологическое сознание этноса в традициях охотничье – оленеводческого хозяйства / В. П. Туров // *Народы Сибири: права и возможности* / под ред. А. П. Деревянко. – Новосибирск, 1997. – С. 129–147.
380. Файнберг, Л. А. О возможных этнографических аналогах первобытного общества охотников и собирателей / Л. А. Файнберг // *Советская этнография*. – 1974. – № 5. – С. 42–51.
381. Федоров-Давыдов, Г. А. Статистические методы в археологии: учеб. пособие для вузов по специальности «История» / Г. А. Федоров-Давыдов. – Москва: Высш. шк., 1987. – 216 с.
382. Федюнин, И. В. Каменный инвентарь первого культурного слоя стоянки Костёнки-11 в свете новых исследований и некоторые проблемы верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района / И. В. Федюнин // *Археологические вести*. – 2018. – Вып. 23. – С. 19–32.

383. Филатов, Е. А. Сухотинский геoarхеологический комплекс: научный путеводитель по палеолитическим памятникам Сухотинского геoarхеологического комплекса / Е. А. Филатов. – Чита: ЗабГУ, 2016а. – 44 с.
384. Хамакава, М. Опыт функционально-планиграфического анализа микродебитажа (на материалах верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II) / М. Хамакава, О. И. Александрова // Российская археология. – 2011. – № 3. – С. 5–13.
385. Хамакава, М. Возможности применения комплексного исследования микродебитажа на верхнепалеолитической стоянке Каменная Балка II / М. Хамакава // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2012. – № 4. – С. 91–102.
386. Хензыхенова, Ф. И. Новые данные по фауне мелких млекопитающих со стоянки Студёное-2 / Ф. И. Хензыхенова, А. В. Константинов, И. И. Разгильдеева // Молодая археология и этнология Сибири: материалы регион. конф. – Чита: ЗабГПУ, 1999. – Ч. 1. – С. 91.
387. Хлобыстин, А. П. Жилище и его экологическая и социальная обособленность / А. П. Хлобыстин // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений: тез. докл. на объединённом симп. метод. семинара (г. Ленинград, 23–26 апр. 1973 г.). – Ленинград: Наука, 1974. – С. 21–25.
388. Хлопачев, Г. А. Юдиновская верхнепалеолитическая стоянка и её значение для изучения поздней поры верхнего палеолита бассейна р. Десны / Г. А. Хлопачев // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2015. – Вып. 4. – С. 128–149.
389. Холушкин, Ю. П. Системная модель пространственного поведения человека в палеолите / Ю. П. Холушкин // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. – Новосибирск, 1992. – С. 65–67.
390. Хонджон, Ли. Позднепалеолитические комплексы юга Российского Дальнего Востока и сопредельных территорий (на основе материалов археологических памятников Селемджи): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / Хонджон Ли. – Новосибирск, 1995. – 39 с.
391. Цейтлин, С. М. Палеолитическое поселение Приисковое / С. М. Цейтлин, А. В. Константинов, А. Г. Одоев // Природная среда и древний человек в позднем антропогене: сб. ст. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. – С. 141–149.
392. Цейтлин, С. М. Геология палеолита Северной Азии: автореф. дис. ... д-ра геол.-минерал. наук: 04.00.09 / С. М. Цейтлин. – Москва, 1979. – 31 с.
393. Человек, среда, время: материалы науч. семинаров полевого лагеря «Студёное». – Чита: ЗабГПУ, 2003. – 197 с.
394. Черенщиков, О. Ю. Классификация жилищ нижнего комплекса поселения Сухотино IV в Восточном Забайкалье / О. Ю. Черенщиков // 275 лет сибирской археологии: материалы конф. – Красноярск, 1997. – С. 27–28.
395. Черенщиков, О. Ю. Нижний комплекс многослойного поселения Сухотино IV и его место в верхнем палеолите Северной Азии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / О. Ю. Черенщиков. – Чита, 1998. – 215 с. – С. 130–143.
396. Черныш, А. П. Эталонная многослойная стоянка Молодова V. Археология / А. П. Черныш // Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда. – Москва: Наука, 1987. – С. 7–94.
397. Четырёхязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита / С. А. Васильев [и др.]. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2007. – 264 с. – (Сер. Archaeologica Petropolitana, XX).
398. Чубур, А. А. Деснянский палеолит: проблемы истории исследований, историографии и источниковедения / А. А. Чубур. – Москва: РГСУ, 2005. – 116 с.

399. Шовкопляс, И. Г. Жилища Мезинской стоянки / И. Г. Шовкопляс // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1956. – Вып. 6. – С. 3–12.
400. Шовкопляс, И. Г. Мезенская стоянка на Десне. К истории Среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / И. Г. Шовкопляс. – Киев, 1964а. – 520 с.
401. Шовкопляс, И. Г. Мезенская стоянка на Десне. К истории Среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / И. Г. Шовкопляс. – Киев, 1964б. – 37 с.
402. Шовкопляс, И. Г. Мезенская стоянка. К истории Среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху / И. Г. Шовкопляс. – Киев: Наукова думка, 1965. – 327 с.
403. Шовкопляс, И. Г. Хозяйственно-бытовой комплекс позднего палеолита. Его состав и назначение / И. Г. Шовкопляс // Бюллетень КИЧП. – 1977. – № 47. – С. 115–120.
404. Энциклопедия социологии [Электронный ресурс] / сост. А. Антинази. – Режим доступа: <http://www.sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm> (дата обращения: 13.08.2018).
405. Юргенсон, Г. А. Забайкалье – крупная провинция ювелирного сырья России / Г. А. Юргенсон // Природные ресурсы Забайкалья и проблемы природопользования: материалы науч. конф. – Чита: ЧИПР СО РАН, 2001. – С. 54–56.
406. Abramova, Z.A. L'art paléolithique d'Europe orientale et de Sibérie / Z. A. Abramova. – Grenoble: Editions Jérôme Millon. – 1995. – 365 p.
407. Binford, L. R. Dimensional analysis of behavior and site structure: learning from an Eskimo hunting stand / L. R. Binford // *American Antiquity*. – 1978. – Vol. 43, no. 3. – Pp. 330–361.
408. Binford, L. R. In pursuit of the Past. Decoding the Archaeological Record / L. R. Binford. – London; New York: Thames & Hudson, 1983. – 256 p.
409. Buvit, I. The Geoarchaeology and archaeology of Stud'onoye, an upper palaeolithic site in Siberia / I. Buvit // Submitted to the Office of Graduate Studies. – Texas: University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts, 2000. – May. – 110 p.
410. Buvit, I. Geoarcheological Investigations in the Southwestern Transbaikal Region, Russia / I. Buvit // A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of Philosophy. – Washington: Washington State University Department of Anthropology, 2008. – May. – 235 p.
411. The geoarchaeology and archaeology of Studyonoye, an Upper Palaeolithic site in Siberia / I. Buvit, M. R. Waters, M. V. Konstantinov, A. V. Konstantinov // *Geoarchaeology: An International Journal*. – 2003. – Vol. 18, is. 6. – Pp. 649–673.
412. Studenoe 2: an update / I. Buvit, K. Terry, A. V. Konstantinov, M. V. Konstantinov // *Current Research in the Pleistocene*. – 2004. – Vol. 21. – Pp. 1–3.
413. Radiocarbon dates, microblades and Late Pleistocene human Migrations in the Transbaikal, Russia and the Paleo-Sakhalin-Hokkaido-Kuril Peninsula / I. Buvit [et al.] // *Quaternary International*. – 2016. – Vol. 425. – Pp. 100–119.
414. Desbrosse, R. Les habitats préhistoriques. Des Australopithèques aux premiers agriculteurs / R. Desbrosse, J. Kozłowski. – Cracovie; Paris: Ed. du CTHC: Université Jagellon, 1994. – 132 p.
415. Studenoe-2 and the origins of microblade technologies in the Transbaikal, Siberia / T. Goebel [et al.] // *Antiquity*. September. – 2000. – Vol. 74. – Pp. 567–575.
416. Reindeer Hunters and Herders: Settlement and Environmental Impact / O. Gron, I. M. Holm-Olsen, H. Tommervik, O. Kuznesov // *Kulturminnefors-kningens mangfol*. – 1999. – August. – Pp. 20–26.

-
417. Kuzmin, Y. V. Chronology of the Upper-Paleolithic Site Studenoe-2 (Transbaikal, Siberia): Case Study of the Multi-Hearth Dwelling in Horizon 4/5 / Y. V. Kuzmin, J. A. Timoty, I. I. Razgildeeva // *Archaeology-Eurasia*. – 2004. – Vol. 21. – Pp. 6–7.
418. Kuznetsov, O. V. Ethnoarchaeology of Evenki Reindeer Hunters in Siberia: an Application to Late Paleolithic Settlements and Habitation Structures Analysis / O. V. Kuznetsov // *Ethnoarchaeology: Current Research and Field Methods: Conference Proceedings (Rome, 13th-14th May, 2010)*. – Rome, 2013. – Pp. 146–152.
419. L'Art des Objets au Paleolithique. Tome 2: Les voies de la recherche. Foix – le Mas d'Asil // *Actes des colloques de la Direction du Patrimoine*. – 1987. – 283 p.
420. Leonova, N. B. Spatial Analysis of Faunal Remains from Kamennaya Balka II / N. B. Leonova, E. V. Min'kov // *Journal of anthropological archaeology*. – 1988. – Vol. 7. – Pp. 203–230.
421. Leroi-Gourhan, A. Pincevent. Camperement magdalenien de chasseurs de rennes / A. Leroi-Gourhan. – Paris: Ministere de la culture, 1984.
422. Leroi-Gourhan, A. Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse Ethnographique d'un Habitat Magdalenien (La section 36) / A. Leroi-Gourhan, M. Brezillon // *Gallia Préhistoire: Vlle Suppl.à*. – Paris: Ed. CNRS, 1972. – 331 p.
423. Leroi-Gourhan, A. L'habitation magdalénienne N1 de Pincevent pres Montoreau / A. Leroi-Gourhan, M. Brezillon // *Gallia Préhistoire*. – 1966. – Vol. 9. – Pp. 263–385.
424. Maszyska, C. A Magdalenian Site in Southern Poland / C. Maszyska // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz (Jahrgang, 1993)*. – Mainz, 1995. – Vol. 1. – Pp. 115–205.
425. O'Connell, J. F. Patterns in the Distribution Site Structure and Assemblage Composition of Hadza Kill-Butchering Sites / J. F. 'Connell, K. Hawkes, N. G. Blurton-Jones // *Journal of Archaeological Science*. – 1992. – No. 19. – Pp. 319–345.
426. Olive, M. Les tailleurs de silex magdaléniens d 'Etiolles: vers l'identification d'une organisation sociale complexe? / M. Olive, N. Pigeot // *La Pierre Préhistorique Actes du seminaire du Laboratoire de Recherche des Musées de France*. – 1990. – 13–14 Decembre. – Pp. 173–185.
427. Patterson, T. C. *Archaeology: The Historical Development of Civilizations Second Edition* / T. C. Patterson. – New Jersey: Prentice-Hall, 1993. – 400 p.
428. Pigeot, N. Magdaléniens d'Etiolles / N. Pigeot // *Gallia Préhistoire: XXVe Suppe à*. – Paris: Ed. CNRS, 1987. – 168 p.
429. Rerfner, C. *Archaeology. Theories Methods and Practice* / C. Rerfner, P. Bohn // *Thames & Hudson Ins.*, 500 F: flh Avenue. – 3-d Edition. – New York, 2000. – 600 p.
430. Soffer, O. The Upper Paleolithic of the Central Russian plain / O. Soffer // *Academic press*. – Orlando etc.: Acad. press, 1985. – Vol. XXIV. – 539 p.
431. Stapert, D. The ring and sector method: Intrasite spatial analysis of Stone Age sites, with special reference to Pincevent / D. Stapert // *Palaeohistoria*. – 1989. – Vol. 31. – Pp. 1–57.
432. Stuiver, M. Extended 14C database and revised CALIB radiocarbon calibration program / M. Stuiver, P. J. Reimer // *Radiocarbon*. – 1993. – Vol. 35. – Pp. 215–230.
433. Vasil'ev, S. A. The Siberian mosaic: Upper Palaeolithic adaptations and change before the Last Glacial Maximum / S. A. Vasil'ev // *Hunters of the Golden Age. The mid upper palaeolithic of Eurasia 30,000–20,000 BR*. – Leiden: University of Leiden, 2000. – Pp. 173–195.
434. Whallon, R. E. Jr. Spatial analysis of occupation floors. I. Application of dimensional analysis of variance / R. E. Jr. Whallon // *American Antiquity*. – 1973. – Vol. 38. – Pp. 266–277.

Список сокращений

АН СССР	Академия наук СССР
БНЦ СО РАН	Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
ДВО РАН	Дальневосточное отделение РАН
ЗабГПУ	Забайкальский государственный педагогический университет
ЗабГУ	Забайкальский государственный университет
ИА РАН	Института археологии РАН
ИАЭТ СО РАН	Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГУ	Иркутский государственный университет
ИИМК РАН	Институт истории и материальной культуры РАН
ИрГТУ	Иркутский государственный технический университет
канд. геол.-минерал. наук	Кандидат геолого-минералогических наук
ЛОИА	Ленинградское отделение института археологии
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ	Новосибирский государственный университет
РАН	Российская академия наук
РАЭСК	Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция
РЭМ	Российский этнографический музей
СО РАН	Сибирское отделение РАН
ст. науч. сотрудник	Старший научный сотрудник
ЧГПИ	Читинский государственный педагогический институт

Научное издание

Разгильдеева Ирина Иннокентьевна

Планиграфический анализ жилищно- хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья

Фото на обложке Максима Федосеева

Редактор О. Ю. Гапченко
Вёрстка С. Я. Непомнящих

Подписано в печать 29.12.2018.
Формат 60×84^{1/16}.
Печать цифровая. Гарнитура Times New Roman.
Уч.-изд. л. 19,2. Усл. печ. л. 24,2.
Тираж 500 экз. (1-й з-д – 1–60 экз.). Заказ № 18243.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30